

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Герасимов Александр Михайлович

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Разгильдиев Бяшир Тагирович

Саратов – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
РАЗДЕЛ 1. УГОЛОВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ: ОТРАСЛЕВАЯ ПРИРОДА И СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ.....	32
Глава 1. Уголовное правонарушение и его отраслевая природа	32
§ 1. Понятие уголовного правонарушения и механизм удержания правоисполнителя от его совершения.....	32
§ 2. Общественная опасность и ее отражение в природе деяний, предусмотренных отраслью уголовного права	60
§ 3. Основание уголовно-правового запрета и его соотношение с общественной опасностью деяния.....	101
§ 4. Методологические основания разграничения уголовного и административного правонарушений	119
Глава 2. Элементы уголовного правонарушения	149
§ 1. Понятие элементов уголовного правонарушения и их виды	149
§ 2. Сущность и параметры объекта уголовно-правовой охраны.....	169
§ 3. Субъект уголовного правонарушения.....	196
§ 4. Состав уголовного правонарушения	213
РАЗДЕЛ 2. ВИДЫ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ.....	227
Глава 1. Преступление: социально-правовая природа, сущностные признаки и категории	227
§ 1. Социально-правовая природа преступления и ее отражение в содержании уголовного законодательства.....	227
§ 2. Понятие преступления: теоретическая модель оптимизации.....	244
§ 3. Категории преступлений и их установление.....	269
Глава 2. Уголовный проступок и его юридические последствия	294
§ 1. Понятие уголовного проступка и механизм его установления	294
§ 2. Юридические последствия уголовного проступка.....	332
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	353
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	373

ПРИЛОЖЕНИЯ	417
Приложение 1. Результаты электронного анкетирования представителей научного сообщества по вопросам уголовного правонарушения и уголовного проступка.....	417
Приложение 2. Результаты электронного анкетирования судей и работников аппарата суда по вопросам уголовного проступка	424

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Атмосфера престижа уголовно-правовой науки обеспечивается ее способностью отвечать нравственным требованиям общества, реагируя на новые явления и вызовы современности. Находясь на периферии насущных проблем уголовно-правовой охраны социально значимых интересов и предупреждения преступлений, научная мысль методично генерирует теоретические модели их решения. В качестве одного из фундаментальных исследовательских направлений, за последние годы достигшего пика своей актуальности, следует признать теорию уголовного правонарушения, обосновывающую диалектическую связь преступления и уголовного проступка на уровне родового по отношению к ним понятия. Объективная предпосылка тому наблюдается в активно позиционируемой идее по модернизации действующего российского уголовного законодательства в направлении разработки понятия уголовного проступка как разновидности уголовно-правового деликта. Лейтмотивом послужила наметившаяся тенденция либерализации охранительной отрасли, обусловленная реализацией внушительного количества законодательных инициатив по декриминализации ряда уголовно наказуемых деяний, снижению нижнего порога санкций отдельных уголовно-правовых норм, установлению новых оснований освобождения от уголовной ответственности. Глубоко проникнувшись идеями уголовно-правовых послаблений, особую настойчивость в анализируемом ключе проявляет Пленум Верховного Суда РФ, за последние годы дважды ставивший перед федеральным законодателем вопрос о закреплении понятия уголовного проступка¹.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/24308/> (дата обращения: 30.11.2017); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 17.04.2021).

В настоящее время сформулированные им предложения находятся в состоянии законопроекта¹.

Позиция ведущего органа судебной власти не только дала мощный импульс критическому осмыслению введенной в оборот дефиниции, но и сделала гораздо реалистичнее саму идею включения уголовного проступка в содержание уголовного законодательства. Между тем нельзя констатировать, что теория уголовного правонарушения в целом и уголовного проступка в частности окончательно сформирована и готова обеспечить повсеместное сопровождение обозначенной инициативы. До уровня уголовно-правовой доктрины только предстоит довести исследовательские концепции, касающиеся сущностных признаков уголовного проступка, его общей природы с преступлением, юридических и социальных последствий совершения. Исключительно важно придать системный вид уголовному правонарушению, претендующему на роль родового по отношению к преступлению и уголовному проступку понятия.

На основании сложившегося авторитета Пленум Верховного Суда РФ владеет ситуацией, побуждая представителей уголовно-правовой науки оценивать предлагаемую им модель уголовного проступка и его соотношения с преступлением в качестве отправного концепта. Дефицита информации относительно содержания и последствий учинения разрабатываемого вида уголовного правонарушения в науке уголовного права на сегодняшний день нет. В то же время тональность абсолютного большинства научных точек зрения по анализируемой проблематике приблизительно совпадает с позицией центрального органа судебной власти. Сложившаяся картина могла бы быть вполне приемлемой, если бы по целому ряду аспектов не вызывала острое желание по-дискутировать.

Трендом современной теории уголовного проступка выступает его отождествление с преступлением. Однако сложно утверждать, что такого рода подход

¹ Законопроект № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 10.06.2021).

развивает уголовное право. Уголовный проступок, рассматриваемый в качестве некоего суррогата преступления, обладает массой уязвимых мест, часть из которых приобретает критическое значение для фундаментальных начал отрасли уголовного законодательства. Ключевая проблема обусловлена тем, что реализация обсуждаемого проекта предполагает выведение определенного количества предусмотренных уголовным законом деяний из-под угрозы уголовного наказания. Складывается парадоксальная ситуация, когда уголовный проступок преступным посягательством признается, но таким свойством преступления, как угроза наказания, не наделяется.

Формула «преступление всегда грозит наказанием» в уголовном законодательстве, практике его применения и уголовно-правовой теории достигла уровня аксиомы. Сделав из нее исключение, государство рискует создать иллюзию безнаказанности определенных поведенческих актов. Выражаясь рельефно, идти с открытым забралом здесь нельзя. Осуществляя неперсонифицированное удержание правоисполнителей от совершения общественно опасных посягательств, нерационально высвечивать круг деяний, заведомо исключаящих последствие в виде уголовного наказания. В сознании граждан укоренится убеждение, что некоторые из числа предусмотренных уголовным законом поступков перестали носить криминальный характер и влечь уголовную ответственность.

Аргументируя состоятельность отождествления уголовного проступка с преступлением, отдельные исследователи апеллируют к соответствующим наработкам нормотворческих практик иностранных государств. Вне всяких сомнений, зарубежные идеи моделирования уголовного проступка вызывают интерес, но их преимущественную часть нельзя положить в папку обмена опытом. Сквозь призму отечественной правовой материи содержание уголовного проступка в законодательстве других стран представляет собой аналог одной из категорий преступлений, преимущественно компенсирующий отсутствие понятия административного деликта.

Инертный характер приобрело интерпретационное поле, направленное на обоснование материальной специфики преступления и уголовного проступка.

В доктрине уголовного права ее характеристика традиционно ограничивается формулировками, так или иначе связанными с пониманием общественной опасности деяния. Единодушно признавая преступление общественно опасным посягательством, сущность уголовного проступка исследователи склонны оценивать посредством категорий «невысокой», «небольшой», «слабо выраженной», «минимальной» общественной опасности. Однако преподносимый как вид преступления уголовный проступок не может обладать иными параметрами общественной опасности, выходящими за границы понимания общественной опасности преступления в целом. Уголовно-правовая наука не располагает методиками, позволяющими провести четкую грань между категориями общественной опасности и небольшой общественной опасности. В какой бы степени общественная опасность не рассматривалась, она остается показателем вреда, угрожающего сложившемуся в обществе материальному порядку. Всякая теоретическая попытка наделить уголовный проступок свойством уменьшенной общественной опасности заканчивается его определением, мало чем отличающимся от сущности одной из категорий преступлений.

На волне либерализации отрасли уголовного законодательства в качестве юридических последствий уголовного проступка широко позиционируется освобождение от уголовной ответственности. Однако связь уголовного проступка с институтом освобождения от уголовной ответственности концептуально не отработана. Пленум Верховного Суда РФ и представители научного сообщества тактично уходят от прямого ответа на вопрос об основании освобождения от уголовной ответственности лица, учинившего уголовный проступок, который по духу культивируемой идеи приобретает значение преступления. Методологические нестыковки здесь очевидны. Если уголовный проступок отождествляется с преступлением, то виновное лицо в течение определенного времени с момента вынесения решения по делу признается носителем общественной опасности. Его освобождение от уголовной ответственности противоречит здравому смыслу. Выдвинув прямо противоположную гипотезу, согласно которой учинитель вреда угрозы охраняемым объектам не представляет, приходится делать еще более про-

тиворечивое заключение относительно существования преступлений, общественной опасностью не характеризующихся.

Все изложенное свидетельствует о том, что теорию уголовного правонарушения, нацеленную на обоснование единой природы преступления и уголовного проступка, необходимо переставить на новые рельсы. Взяв в более четкий фокус их материальную составляющую, вполне можно получить ответы на принципиальные вопросы обсуждаемой темы. На первом этапе чрезвычайно важно признать, что уголовный проступок не тождественен преступлению. В материальных аспектах он не достигает уровня общественной опасности. Сама семантика категории проступка равнозначна термину «оступиться». Сделав шаг в направлении преступления, человек не должен автоматически наделяться статусом преступника, свидетельствующим о его угрозе для окружающих. Одновременно нужно подчеркнуть, что природа уголовного проступка напрямую обусловлена сущностью общественной опасности. Их связь методологически правильно оценивать не по схеме «уголовный проступок есть общественно опасное деяние», а в направлении исключения из уголовного проступка сущностных характеристик общественной опасности.

Работая в заданном русле, следует ориентироваться на объективную потребность укрепления статуса правоприменителя в установлении уголовного проступка. Содержание обозначенного вида уголовного правонарушения вправе претендовать на роль эффективного средства персонифицированного удержания лица от совершения деяний, предусмотренных уголовным законом. Реализация обосновываемой теории предполагает формирование юридических условий, позволяющих признавать уголовными проступками акты поведения, вопрос об общественной опасности которых на правоприменительном уровне ставится, но при определенных обстоятельствах содеянного и личностных характеристиках виновного решается отрицательно. При этом квалификация действия или бездействия в качестве уголовного проступка не должна затмевать единого социального предназначения отрасли уголовного законодательства, заключающегося в удержании человека от совершения общественно опасного посягательства. Оступив-

шееся лицо должно четко понимать, что стояло на грани преступления. Оценка учиненного им деяния в качестве уголовного проступка является вторым и, вероятнее всего, последним шансом оставить биографию без криминального отпечатка. Таким образом, сущность положений об уголовном проступке, дополнив приборную доску правоприменителя, приобретет значение нового результативного инструмента предупреждения преступлений.

Теория уголовного правонарушения высвечивает ряд фоновых исследовательских направлений, нуждающихся в разработке на уровне уголовно-правовой теории. Так, идея наращивания потенциала правоприменителя в определении общественной опасности содеянного предопределяет наполнение материальным содержанием категории «внутреннее убеждение суда». Повышенное внимание к основаниям освобождения от уголовной ответственности после совершения запрещенного уголовным законом деяния актуализирует вопросы уголовно-правового обеспечения идеи презумпции невиновности. Научный интерес вызывают уголовно-правовые сценарии, когда оценка вредоносного поступка по прямому указанию закона не заканчивается установлением признаков уголовного правонарушения. Обнаруживаются и другие смежные проблемы частного порядка, которые требуют как минимум своей постановки.

Совокупность представленных аспектов определяет актуальность темы настоящего исследования и его основные направления.

Степень теоретической разработанности темы исследования. Серьезный задел в становлении учения о правонарушении сделан представителями общей теории права. Одним из первых развернутое определение правонарушения сформулировал И.С. Самощенко. В дальнейшем близкие дефиниции были представлены в работах Н.С. Малеина, Ю.А. Денисова, П.К. Блажко, Р.Х. Макуева и других теоретиков.

Универсальное понятие правонарушения адаптировано ко многим отраслям российского законодательства, однако в уголовном праве оно не приобрело значение самостоятельного феномена. Ученые-криминалисты, упоминающие в своих

работах об уголовном правонарушении (П.П. Пусторослев, М.П. Клейменов, А.Н. Соловьев), склонны отождествлять его содержание с преступлением.

Развиваемая настоящим исследованием теория уголовного правонарушения преимущественным образом основывается на учениях о нравственных началах уголовного права, методе уголовно-правового воздействия, преступлении и его общественной опасности, составе преступления, а также известных теоретических моделях уголовного проступка. Так, обоснованию нравственности в содержании уголовного законодательства и предъявляемых правоисполнителю конкретных уголовно-правовых требований способствовали известные работы И. Канта, А. Шопенгауэра, Э. Фромма, В.С. Нерсисянца и других популяризаторов философской мысли.

Оригинальные идеи относительно метода обеспечения задач, стоящих перед отраслью уголовного права, представлены в исследованиях Б.Т. Разгильдиева, В.В. Мальцева, Н.В. Генрих и А.В. Альференко. Их анализ позволил обосновать природу уголовного права, его социальную результативность, механизм уголовно-правового воздействия на правоисполнителя, алгоритм соотношения преступления и уголовного проступка на уровне родового по отношению к ним понятия уголовного правонарушения.

Сущность преступления, имеющиеся резервы оптимизации его признаков и свойств обоснованы в исследованиях Н.Д. Дурманова, Н.Г. Кадникова, М.И. Ковалева, А.П. Козлова, А.В. Наумова, В.С. Прохорова, Ю.Е. Пудовочкина, А.Н. Соловьева и других специалистов. Социальная природа преступления оказалась в поле научного внимания Е.А. Львовой и А.О. Курбанова. Понятие и сущностные характеристики общественной опасности преступления обстоятельно раскрываются Б.В. Волженкиным, Ю.А. Демидовым, Т.В. Кленовой, Н.И. Коржанским, Ю.И. Ляпуновым, А.И. Марцевым, Ю.Е. Пермяковым, Б.Т. Разгильдиевым, И.А. Солодковым, Ф.Н. Сотсковым, П.А. Фефеловым, В.Д. Филимоновым.

Состав преступления и содержание его конструктивных элементов становились объектом исследований Е.В. Благова, Я.М. Брайнина, В.В. Векленко,

В.Н. Винокурова, В.К. Глистина, И.Я. Гонтаря, П.С. Дагеля, А.В. Иванчина, В.П. Коняхина, Л.Л. Кругликова, В.Н. Кудрявцева, Г.В. Назаренко, Б.С. Никифорова, Г.П. Новоселова, В.Г. Павлова, А.И. Рарога, Э.Л. Сидоренко, А.Н. Трайнина, Т.В. Церетели, А.В. Шеслера и других ученых.

Моделирование уголовного проступка в своих работах осуществляли Р.М. Акутаев, А.Г. Блинов, Б.Я. Гаврилов, Н.Ф. Кузнецова, Н.А. Лопашенко, В.П. Махоткин, Е.В. Рогова, В.Ф. Цепелев. Заслуга названных и ряда других исследователей заключается в том, что они решали важные задачи по дефинированию уголовного проступка, определению его материальной составляющей, юридических последствий совершения.

Накопленный багаж научных позиций, затрагивающих содержание преступления и уголовного проступка, образует солидную платформу теории уголовного правонарушения. Вместе с тем, несмотря на плодотворную работу научного сообщества, отечественная уголовно-правовая доктрина не располагает результатами монографических исследований, специально ориентированных на обоснование и развитие обозначенной теории. Своего разрешения ожидают фундаментальные вопросы, касающиеся понятия уголовного правонарушения, его природы, конструктивных элементов, последствий совершения, соотношения с иными правовыми деликтами. Добившись ощутимых успехов в заданном направлении, наука обеспечит понимание социальной потребности, сущности и перспектив совершенствования каждой разновидности уголовного правонарушения в механизме решения уголовно-правовых задач. Все изложенное свидетельствует об изрядном исследовательском потенциале заявленной тематики.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационной работы является построение теоретической модели уголовного правонарушения в качестве родового понятия по отношению к преступлению (удержание от которого правоисполнителя характеризует социальное предназначение отрасли уголовного законодательства) и уголовному проступку (приобретающему значение инструмента, «работающего» на обозначенное уголовно-правовое удержание).

Успешное достижение поставленной цели предполагает необходимость решения ряда исследовательских задач:

- сформулировать дефиницию уголовного правонарушения и обосновать механизм удержания правоисполнителя от его совершения;
- дифференцировать значение преступления и уголовного проступка на уровне их родового понятия;
- определить понятие общественной опасности и показать ее природообразующее значение для деяний, предусмотренных отраслью уголовного права;
- охарактеризовать роль законодателя и правоприменителя в оценке существенных характеристик общественной опасности;
- выявить основание уголовно-правового запрета на базе традиционной теории криминализации и обосновываемого определения общественной опасности преступления;
- установить методологические основания разграничения уголовного и административного правонарушений;
- соотнести категории вредоносности правонарушения и общественной опасности преступления;
- оценить значение феноменов, придающих нормам об уголовных и административных правонарушениях взаимообусловленное правовое значение;
- обосновать конструктивные элементы уголовного правонарушения;
- раскрыть содержание объекта, субъекта и состава уголовного правонарушения;
- определить виды уголовного правонарушения и уголовно-правовые деяния, разновидностями уголовного правонарушения не являющиеся;
- высветить социально-правовую природу преступления и ее значение в содержании уголовного законодательства;
- оптимизировать понятие преступления в духе развиваемой теории уголовного правонарушения;
- отразить основание, критерии и значение дифференциации преступлений в зависимости от уровня их общественной опасности;

- смоделировать понятие уголовного проступка и обосновать его материальную и формальную составляющие;
- установить юридические последствия совершения уголовного проступка;
- представить проект соответствующих нововведений в содержании уголовного законодательства.

Объектом исследования выступает комплекс отношений в сфере *нормотворчества* (в части существующего подхода к моделированию преступления и находящегося в состоянии разработки проекта уголовного проступка), *правоприменения* (в части оценки преступности деяния и его общественной опасности) и *уголовно-правовой доктрины* (в части обоснования сущности преступления и позиционируемых концептов уголовного проступка), которые в своей совокупности служат основанием построения института уголовного правонарушения.

Предмет исследования образуют применимые к объекту исследования нормы и положения Конституции РФ, международно-правовых актов, ранее действовавшего и современного отечественного уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального права и целого ряда регулятивных отраслей законодательства, иных юридически значимых документов, уголовного права отдельных зарубежных стран, материалы судебной практики, результаты проведенных социологических исследований, теоретические работы по анализируемым вопросам.

Методология и методика исследования. Выбор методологического аппарата исследования обусловлен его целью и задачами. Основу методологии диссертации образует диалектический метод, позволивший отразить единую природу и одновременно материальную противоположность преступления и уголовного проступка как двух разновидностей уголовного правонарушения. Наряду с универсальным инструментом познания в качестве частнонаучных методов использовались догматический (формально-юридический) анализ, дискурс-анализ, моделирование, ситуационный анализ (case study), конкретные социологические методы (анкетирование и опросы). Метод догматического (формально-юридического) анализа нормативных правовых актов предоставил возможность

описать, классифицировать, интерпретировать и соотнести между собой юридические понятия и явления, наполняющие конкретным содержанием категориальный аппарат теории уголовного правонарушения. Названный метод обеспечил системность исследования и выстраивание его внутренней структуры. Метод дискурс-анализа использован для оценки аргументов, касающихся направлений оптимизации содержания уголовного законодательства, практики его применения, уголовно-правовых учений в рассматриваемой сфере. Метод моделирования позволил исследовать свойства уголовного проступка на основе известного понятия преступления, находящегося в непосредственной связи с обосновываемой дефиницией. Метод ситуационного анализа (case study) был востребован в ходе разбора юридических ситуаций, связанных с правоприменительной оценкой общественной опасности квалифицируемых деяний и правовыми последствиями их совершения. Конкретные социологические методы (анкетирование и опросы) задействовались в ходе изучения позиций представителей уголовно-правовой теории и правоприменительной практики по актуальным проблемам уголовного правонарушения, а также прогнозирования перспектив практической реализации разрабатываемых рекомендаций.

Теоретическая основа исследования сформирована трудами ученых в сфере общей теории права (С.С. Алексеева, В.Н. Дмитрука, Г.С. Котляревского, А.В. Малько, Р.Т. Мухаева, Б.Л. Назарова, В.М. Сырых), административного права (А.П. Алехина, Д.Н. Бахраха, А.А. Кармолицкого, А.В. Кирина, Ю.М. Козлова, Б.В. Россинского, Ю.П. Соловья, Ю.Н. Старилова, С.А. Старостина), уголовного права (Х.Д. Аликперова, М.В. Бавсуна, А.Г. Безверхова, Л.С. Белогриц-Котляревского, А.И. Бойко, Г.В. Вериной, А.В. Галаховой, Ю.В. Грачевой, А.В. Грошева, В.А. Елеонского, И.Э. Звечаровского, Г.А. Злобина, А.Н. Игнатова, О.С. Капинус, М.А. Кауфмана, С.Г. Келиной, А.Г. Кибальника, Е.В. Кобзевой, А.И. Коробеева, А.Н. Красикова, Н.М. Кропачева, Н.Е. Крыловой, Л.В. Лобановой, В.П. Малкова, С.А. Маркунцова, З.А. Незнамовой, И.С. Ноя, К.В. Ображиева, П.П. Осипова, Н.И. Пикурова, А.А. Пионтковского, И.А. Подройкиной, Л.М. Прокументова, Л.А. Прохорова, М.Л. Прохоровой, П.П. Пусторослева, Р.А. Сабитова,

А.В. Серебренниковой, Н.Ю. Скрипченко, В.Г. Смирнова, В.Д. Спасовича, Н.С. Таганцева, И.А. Тарханова, А.И. Трахова, П.С. Тоболкина, И.А. Фаргиева, О.Ф. Шишова, В.Е. Эминова).

Нормативную базу диссертации составили Конституция РФ, международно-правовые документы, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, федеральные законы, регулирующие различные области социальных отношений, источники ранее действовавшего уголовного законодательства советского периода (Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик 1924 г., Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.), уголовное законодательство отдельных зарубежных стран (США, ФРГ, Франции, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики).

Эмпирическая база исследования включает:

– результаты обобщения и анализа постановлений и определений Конституционного Суда РФ по вопросам равенства граждан перед уголовным законом, уголовно-правового обеспечения презумпции невиновности, реализации положений об обратной силе уголовного закона, совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности, феномена публичного правонарушения, юридических последствий судимости;

– результаты исследования актуальных позиций Пленума Верховного Суда РФ, отраженных в соответствующих постановлениях, касающихся моделирования уголовного проступка, установления характера и степени общественной опасности содеянного, изменения категории преступления, назначения уголовного наказания, основания и порядка освобождения от уголовной ответственности, статуса потерпевшего;

– результаты изучения приговоров, определений и постановлений по конкретным правоприменительным проблемам установления общественной опасности деяния, признаков малозначительности содеянного, освобождения от уголовной ответственности и реабилитации лиц, вынесенных Судебной колле-

гией по уголовным делам Верховного Суда РФ, Шестым кассационным судом общей юрисдикции РФ, Восьмым кассационным судом общей юрисдикции РФ, а также судами Республики Татарстан, Алтайского края, Брянской, Иркутской, Калининградской, Саратовской, Ульяновской, Челябинской областей;

– результаты проведенных диссертантом в 2021–2022 гг. социологических опросов представителей научного сообщества и правоприменительной практики. По вопросам уголовного правонарушения и уголовного проступка было проведено электронное анкетирование 107 ученых, представляющих различные отрасли знаний, а также 72 судей и работников аппарата суда;

– эмпирические данные, содержащиеся в работах ученых, исследовавших различные аспекты заявленной тематики.

Научная новизна исследования обусловлена обозначенными исследовательскими параметрами. Исходя из поставленных перед работой цели и вытекающих из нее задач, объекта и предмета исследования, методологического аппарата, разработана теоретическая модель уголовного правонарушения как родового понятия по отношению к преступлению и уголовному проступку. Она ориентирована на совершенствование существующего механизма обеспечения социальной результативности уголовного законодательства по удержанию правоисполнителя от совершения преступления без необходимости реформирования фундаментальных начал уголовного права, образованных его предметом, методом, задачами и принципами. В связке двух разновидностей уголовного правонарушения отраслевое наполнение понятий преступления и уголовного проступка позиционируется как неравнозначное. Содержание преступления предстает в качестве общественно опасного посягательства, ради предотвращения которого сформирована и реализуется вся охранительная отрасль. Уголовному проступку отводится роль инструмента, «работающего» на удержание человека от совершения преступных деяний в рамках персонифицированных уголовно-правовых отношений предупредительного характера.

Алгоритм установления уголовного проступка как самостоятельного вида уголовного правонарушения не препятствует обнаружению в нем общей природы

с преступлением. Согласно развиваемой теории, правоприменитель вправе констатировать уголовный проступок не как таковой, а только методом исключения сущностных характеристик общественной опасности в поведении правоисполнителя, формально содержащем признаки состава преступления. В ходе оценки содеянного уголовный проступок как бы «высвобождается» от материальных свойств преступления, обусловленных его общественной опасностью. Обосновываемый концепт ориентирован на завершение уголовно-правовой картины, отражающей диалектическую связь общественно опасного поведения (преступления) и деяния с признаком малозначительности (уголовного проступка). Одновременно он стимулирует понимание непосредственной связи категории малозначительности с институтом освобождения от уголовной ответственности по формуле причины и следствия.

Разработанные на основе представленной модели уголовного правонарушения положения отвечают критерию научной новизны. Наиболее значимые из них выносятся на публичную защиту.

Положения, направленные на развитие теории уголовного правонарушения

1. *Уголовное правонарушение* – это совершенное деяние, формально содержащее признаки состава преступления, общественная опасность которого установлена (преступление) либо не выявлена судом исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного лица (уголовный проступок).

2. Природа уголовного правонарушения предопределена общественной опасностью деяния. Она является единственной категорией, взяв за основу которую возможно провести четкое разграничение уголовных и иных правонарушений. Общественную опасность методологически правильно рассматривать исключительно в качестве признака преступления, образующего первую разновидность уголовного правонарушения. Уголовный проступок как второй вид уголовного правонарушения целесообразно не наделять свойством общественной опасности, а определять посредством ее исключения на уровне правоприменения. Все его признаки должны быть производными от соответствующих признаков пре-

ступного посягательства. При таких условиях уголовный проступок и преступление не будут соотноситься как часть и целое одного и того же явления. Они приобретут роль взаимообусловленных компонентов единой системы уголовных правонарушений.

3. Отраслевая специфика и одновременно самостоятельность преступления и уголовного проступка как двух разновидностей уголовного правонарушения обусловлены пониманием социальной результативности уголовного законодательства, обеспечиваемой уголовно-правовым методом. *Метод уголовного права* предполагает формирование на уровне сознания и воли человека неприемлемости удовлетворения своих интересов посредством совершения преступления, стимулируемое угрозой наказания и иными уголовно-правовыми инструментами. Он подтверждает, что в связке двух разновидностей уголовного правонарушения отраслевое содержание преступления и уголовного проступка становится неравнозначным. Понятие преступления охватывает группу общественно опасных деяний, ради предотвращения которых сформирована и реализуется вся отрасль уголовного законодательства. Уголовный проступок на природообразующее отраслевое значение для уголовного закона претендовать не может. Удержание человека от уголовного проступка, рассматриваемого в качестве субсидиарного вида уголовного правонарушения, социальный результат уголовного законодательства не определяет. Уголовному проступку целесообразно отвести роль одного из инструментов, «работающих» на удержание правоисполнителя от совершения преступления.

4. *Общественная опасность* – это вред охраняемому уголовным законом объекту, угрожающий сложившемуся в обществе материальному порядку, характер которого определен законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы, предусматривающей признаки конкретного преступного деяния, а его степень установлена судом исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного лица.

5. Характер общественной опасности, отражаемый типовыми признаками деяния определенного вида, фиксируется в диспозиции уголовно-правовой нормы

законодателем. Степень общественной опасности, будучи вариативной в определенном временном интервале, выявляется судом исходя из обстоятельств содеянного, последующего поведения и личности виновного. На уровне правоприменения характер общественной опасности только констатируется, а ее степень требует установления.

Общественная опасность, хотя и относится к разряду оценочных уголовно-правовых категорий, свободна от влияния «субъективизма», допускающего произвольную и необоснованную интерпретацию содеянного. Принимая решение о наличии или отсутствии в поведении лица общественной опасности, судья в рамках своего профессионального статуса руководствуется исключительно внутренним убеждением, основанным на законе и совести. Гарантией тому служит уголовно-процессуальный принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ).

6. Источником и носителем угрозы для материального порядка выступает человек, нарушивший уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления. Юридическим фактом, служащим основанием возникновения общественной опасности, следует считать преступление, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. При этом исходящая от преступника угроза для общества ограничена во времени. По логике уголовного закона, преступник выступает потенциальным источником нового вреда объекту уголовно-правовой охраны в тот период, когда находится в статусе судимого.

7. Общественная опасность преступления и вредоносность административного правонарушения разграничиваются по ряду оснований. Во-первых, общественная опасность как совокупный вред от преступного посягательства представляет угрозу фактическим интересам личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. «Сумма вреда» от административного правонарушения, формально затрудняя правовое регулирование социальных отношений, не создает опасности для материального порядка. Во-вторых, общественная опасность преступления имеет не только источник, но и конкретного носителя (человека,

пренебрегшего уголовно-правовой обязанностью). Вредоносность административного деликта обладает только источником (физическое или юридическое лицо, допустившее правонарушение). В-третьих, общественная опасность характеризуется определенными временными пределами. Вредность административного проступка протяженностью во времени не определяется (однако действующее законодательство об административных правонарушениях основывается на противоположной позиции).

8. Феномены административной преюдиции и единой публично-правовой ответственности, придающие нормам об уголовных и административных правонарушениях взаимообусловленное правовое значение, противоречат отраслевой природе уголовного и административно-деликтного законодательства.

9. На уровне уголовного правонарушения состав преступления и преступление соотносятся как часть и целое. Состав преступления предполагает закрепленную в уголовном законе типовую модель криминообразующих признаков, отражающую характер общественной опасности содеянного. Юридически значимые признаки преступления, остающиеся вне его состава, характеризуют степень общественной опасности учиненного действия или бездействия. Сочетание состава преступления с обстоятельствами учиненного деяния и личностью виновного образует либо преступление, обладающее конкретными характером и степенью общественной опасности, либо уголовный проступок, лишенный степени общественной опасности и, как следствие, общественной опасности в целом.

10. Состав преступного деяния ограничивается объективной и субъективной стороной соответствующего посягательства, оставляя за своими рамками объект и субъект преступления. В уголовном праве органическая взаимосвязь и взаимообусловленность категорий объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны соответствующего деяния выражается на уровне преступления, а не состава преступления. На этом основании объект и субъект преступления (динамичные элементы), а также состав преступления (статичный элемент) следует признать самостоятельными элементами преступления.

11. Элементы уголовного правонарушения представляют собой структурные компоненты, свойственные преступлению и уголовному проступку. К ним относятся объект, субъект и состав уголовного правонарушения.

12. Объект уголовного правонарушения характеризует направленность деяния, запрещенного уголовным законом. *Объект уголовно-правовой охраны (объект преступления)* – это правоотношение, возникшее по поводу удовлетворения фактических интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества, которое претерпевает общественно опасное воздействие. *Объект уголовного проступка* обретает вид правоотношений, которые на момент уголовно-правовой оценки запрещенного деяния сохранили (по объективным причинам) или восстановили (вследствие последующего созидательного поведения виновного лица) возможность существовать и развиваться.

Юридические параметры охраняемого уголовным законом отношения устанавливаются регулятивной отраслью права. Непосредственно уголовному законодательству по своей природе не свойственно регулировать нуждающиеся в охране отношения.

13. *Субъектом уголовного правонарушения* выступает лицо, обладающее формальными признаками правоисполнителя, характеристика личности и линия поведения которого дают возможность суду оценить его опасность для общества. В рамках двух разновидностей уголовного правонарушения субъект преступления и субъект уголовного проступка находят отличия в материальных аспектах при установлении степени общественной опасности содеянного.

13.1. *Субъектом преступления* признается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, согласно вступившему в законную силу обвинительному приговору суда нарушившее уголовно-правовую обязанность и представляющее угрозу материальному порядку вследствие причинения вреда интересам физического или юридического лица, признанного потерпевшим.

13.2. *Субъектом уголовного проступка* следует считать вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, согласно вступившему в законную силу постановлению суда об освобождении от уголовной ответствен-

ности не нарушившее уголовно-правовую обязанность и не представляющее угрозу материальному порядку вследствие несущественности причиненного ущерба или заглаживания учиненного вреда интересам физического или юридического лица, признанного пострадавшим.

14. Состав двух видов уголовного правонарушения номинально тождественен понятию состава преступления. Вне своей материальной сущности типовые признаки преступления формально совпадают с аналогичными признаками уголовного проступка. Данное обстоятельство не только не предопределяет, но и полностью нивелирует необходимость официальной замены словосочетания «состав преступления» фразой «состав уголовного правонарушения». Выраженный в законе акцент на категории состава преступления способствует пониманию того, что речь идет о типовой модели такого поведения, удержание от которого является миссией отрасли уголовного права.

15. *Преступлением* признается общественно опасное поведение лица, обязанного воздерживаться от него под угрозой уголовного наказания, содержащее признаки предусмотренного уголовным законом состава преступления, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда и влекущее уголовную ответственность.

В качестве конструктивных признаков преступления выступают:

а) общественно опасное поведение, предполагающее систему поступков учинителя вреда, имеющих уголовно-правовое значение для оценки содеянного. Компонентами преступного поведения следует считать само деяние, формально содержащее признаки состава преступления (характер общественной опасности), а также иную деятельность лица, относящуюся к обстоятельствам совершения соответствующего деяния и характеризующую его личность (степень общественной опасности);

б) наличие в общественно опасном поведении признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством. Предлагаемый признак снимает целый пласт вопросов по поводу природы диалектической связи состава преступления и преступления. Она образована по формуле «часть и целое». Со-

став преступления предстает лишь в качестве формальной основы преступления, характеризующегося не только типовой законодательной оболочкой, но и конкретной материальной сущностью;

в) обязанность воздерживаться от преступления под угрозой уголовного наказания. Данный признак уточняет уголовно-правовой статус правоисполнителя, основанный на императивном методе уголовного права. Одновременно он показывает механизм уголовно-правовой охраны социально-значимых объектов и предупреждения преступлений. Задача уголовно-правовой охраны, определяющая функциональное предназначение всей отрасли уголовного законодательства, обеспечивается удержанием человека от совершения преступления под угрозой уголовного наказания. Выполнение задачи по предупреждению преступлений достигается посредством реализации такого рода угрозы в отношении лиц, нарушивших свою уголовно-правовую обязанность;

г) уголовная ответственность, выражающаяся в применении принудительного ресурса уголовного права к лицу, нарушившему уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления. Уголовная ответственность является неотъемлемым следствием признания лица опасным для общества и нуждающимся в применении к нему наказания и иных мер уголовно-правового характера;

д) установление преступления вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Названный признак раскрывает материальные аспекты гарантированной Конституцией РФ презумпции невиновности в содержании уголовного законодательства.

Предлагаемое определение преступления существенно отличается от официально закрепленного ч. 1 ст. 14 УК РФ понятия, однако развивает его в материально-отраслевом духе уголовного законодательства. Оно уточняет сущностные свойства и механизм установления преступного посягательства, разрешает проблему соотношения преступления и состава преступления, позволяет провести четкую грань между преступлением и уголовным проступком.

16. *Категории преступлений* представляют собой формально обособленные группы составов преступлений, вопрос о принадлежности к которым конкретных общественно опасных деяний решается судом исходя из обстоятельств содеянного и с учетом личности виновного лица. Алгоритм определения категории конкретного преступления предполагает два действия. По заданному критерию, позволяющему дифференцировать составы преступлений исходя из характера отражаемой ими общественной опасности, констатируется предварительная принадлежность совершенного деяния к той или иной категории. С учетом выявленной степени общественной опасности содеянного принимается решение о подтверждении предварительно установленной категории преступления или ее изменении на менее тяжкую.

17. *Уголовным проступком* признается деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо состава преступления, относящегося к категории небольшой или средней тяжести, но признанное судом в силу малозначительности не представляющим общественной опасности. По своей природе уголовный проступок обусловлен пониманием общественной опасности деяния, но не отражает ее сущностные характеристики; материальное начало уголовного проступка вытекает из содержания малозначительности, устанавливаемого методом исключения в содеянном общественной опасности; уголовный проступок не является разновидностью преступления, а представляет собой самостоятельное уголовное правонарушение.

18. Механизм установления уголовного проступка предполагает формальную констатацию в деянии признаков состава преступления (характера общественной опасности) и дальнейшее исключение степени общественной опасности содеянного. В наиболее развернутом виде представленный механизм раскрывают признаки уголовного проступка.

Первый признак уголовного проступка связан с его обусловленностью категорией общественной опасности. Уголовным проступком признается деяние, подпадающее под признаки конкретного состава преступления, общественная опасность которого при определенных обстоятельствах может быть поставлена под

сомнение и исключена на уровне правоприменения. Речь идет о деяниях, относящихся к категориям преступлений небольшой и средней тяжести. Что касается тяжких и особо тяжких преступлений, то им свойственен характер общественной опасности, который при любом правовом сценарии доминирует над ее степенью. Снижение степени общественной опасности преступлений указанных категорий не может стать основанием для исключения на правоприменительном уровне их общественной опасности в целом.

Второй признак уголовного проступка обусловлен двумя ситуациями, когда правоприменитель вправе исключить в оцениваемом деянии общественную опасность: «объективная малозначительность» и «субъективная малозначительность». В ситуации «объективной малозначительности» исключение в квалифицируемом действии или акте бездействия степени общественной опасности обусловлено несущественностью причиненного вреда и не связывается с конкретным поведением правоисполнителя. «Субъективная малозначительность» предполагает утрату лицом своей общественной опасности вследствие последующего позитивного поведения, мотивированного желанием загладить учиненный вред.

Третьим признаком уголовного проступка признается возможность его установления только судом. Названный признак отвечает наблюдаемой тенденции по повышению роли независимого правоприменителя в определении общественной опасности оцениваемого деяния. Характерной иллюстрацией к сказанному является предоставленная судам возможность изменять категорию преступления на менее тяжкую.

19. Единственным справедливым последствием уголовного проступка следует признать освобождение лица от уголовной ответственности, сопровождаемое обязанностью суда разъяснить ему социально-правовое значение совершенного деяния. В социальном аспекте рекомендуется концентрировать внимание на направленности содеянного против объекта, играющего существенную роль в жизнедеятельности конкретного человека, всего общества или целого государства. Что касается правового аспекта уголовного проступка, суд должен пояснять его принадлежность к разновидности уголовного правонарушения, формально со-

держашего признаки состава преступления, но не влекущего наказания и иных мер уголовно-правового характера только вследствие своей малозначительности.

20. Обосновываемая модель уголовного проступка органичным образом связывает причину (малозначительность деяния) и следствие (освобождение от уголовной ответственности). Одновременно она повышает научно-практическое значение формул «преступление всегда влечет уголовную ответственность», а «уголовный проступок всегда освобождает от уголовной ответственности».

Положения, обеспечивающие реализацию теории уголовного правонарушения в содержании уголовного законодательства

1. Исходя из сущности представленной теории уголовного правонарушения, рекомендуется изменить наименование главы 3 УК РФ, скорректировать представленное в статье 14 УК РФ понятие преступления, а также дополнить содержание уголовного закона статьей 14¹, определяющей понятие уголовного проступка:

«Глава 3. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК

Статья 14. Понятие преступления

Преступлением признается общественно опасное поведение лица, обязанного воздерживаться от него под угрозой уголовного наказания, содержащее признаки предусмотренного настоящим Кодексом состава преступления, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда и влекущее уголовную ответственность.

Статья 14¹. Понятие уголовного проступка

1. Уголовным проступком признается деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо состава преступления небольшой или средней тяжести, но признанное судом в силу малозначительности не представляющим общественной опасности. При установлении малозначительности деяния учитываются обстоятельства его совершения, личность и поведение виновного.

2. Уголовный проступок влечет освобождение лица от уголовной ответственности на условиях, предусмотренных статьями 74¹, 75 и 76 настоящего Кодекса, с разъяснением ему социально-правового значения совершенного деяния».

2. Содержание главы 11 УК РФ необходимо дополнить статьей 74¹, устанавливающей последствия уголовного проступка, малозначительность которого имеет объективную природу, а также скорректировать положения статей 75 и 76 УК РФ. Одновременно указанную структурную составляющую уголовного закона следует освободить от положений части второй статьи 75, статей 76¹, 76² и 78 как не отвечающих природе института освобождения от уголовной ответственности.

Примерная редакция главы 11 УК РФ может выглядеть следующим образом:

«Глава 11. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Статья 74¹. Освобождение от уголовной ответственности в связи с несущественностью причиненного вреда

Лицо, совершившее деяние, формально относящееся к категории преступлений небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если судом будет установлено, что оно не причинило существенного вреда охраняемому уголовным законом объекту.

Статья 75. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием

Лицо, совершившее деяние, формально относящееся к категории преступлений небольшой или средней тяжести, судом может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого деяния, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный вред.

Статья 76. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим

Лицо, совершившее деяние, формально относящееся к категории преступлений небольшой или средней тяжести, судом может быть освобождено от уго-

ловной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред».

Теоретическая значимость диссертационной работы. Сформулированные в работе научные положения, выводы и рекомендации развивают теорию уголовного правонарушения. Последняя вносит ясность в понимание единой природы преступления и уголовного проступка, уточняет их конструктивные признаки, механизм установления, социальные и правовые последствия совершения. Одновременно она существенно обогащает категориальный аппарат уголовного права, вводя в оборот понятия уголовного правонарушения, его элементов, объективной и субъективной малозначительности, уголовно-правовых деяний, уголовными правонарушениями не являющихся, а также обстоятельств, не допускающих уголовную ответственность. Теория формирует материальные основания диалектической связи уголовного правонарушения с уголовно-правовыми институтами уголовной ответственности и освобождения от нее. На уровне межотраслевого взаимодействия совокупность обосновываемых в работе идей придает системный вид методологии разграничения уголовного правонарушения и иных юридических деликтов.

Содержащиеся в работе гипотезы и заключения стимулируют исследовательский интерес к дальнейшей разработке обозначенных проблем уголовного правонарушения и представленных проектов их решения.

Практическая значимость исследования. Реализация позиционируемой теории уголовного правонарушения, исключая потребность в реконструкции фундаментальных основ уголовного права, отвечает социальному запросу на осмысленную либерализацию отрасли уголовного законодательства. Разработанные в ее рамках рекомендации ориентированы на совершенствование уголовного закона в духе наблюдаемых тенденций уголовно-правовой политики государства по оценке деяний, общественная опасность которых может быть поставлена под обоснованное сомнение. Внедрение в уголовно-правовую материю предлагаемых нововведений существенным образом повысит роль суда в оценке общественной опасности содеянного и индивидуализации ответственности.

Преимущественную часть полученных результатов исследования уместно использовать в учебных материалах курса уголовного права и смежных дисциплин, предназначенных для подготовки юристов по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Основные выводы и положения работы обнародованы на научно-практических мероприятиях различного уровня: Международной научно-практической конференции «Уголовно-правовое воздействие: проблемы понимания и реализации» (Саратов, 29–30 сентября 2014 г.); Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений) «Право, наука, образование: традиции и перспективы» (Саратов, 29–30 сентября 2016 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций» (Чебоксары, 15 апреля 2016 г.); II Всероссийской научно-практической конференции «Противодействие преступлениям и преступности: проблемы межотраслевого взаимодействия» (Саратов, 29–30 июня 2017 г.); III Всероссийской научно-практической конференции (III Саратовские уголовно-правовые чтения) «Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности» (Саратов, 29–30 марта 2018 г.); IV Всероссийской научно-практической конференции (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) «Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности» (Саратов, 30 сентября 2019 г.); XVII Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, 23–24 января 2020 г.); Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием «Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу» (Саратов, 16 октября 2020 г.); Всероссийском научно-практическом семинаре «Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях, связанных

с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» (Москва, 28 октября 2020 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках I Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летнему юбилею Саратовской государственной юридической академии «Уголовный закон в эпоху искусственного интеллекта и цифровизации» (Саратов, 9 июня 2021 г.); NRES 2021: II Международном научно-практическом форуме по природным ресурсам, окружающей среде и устойчивому развитию (Барнаул, 29–30 апреля 2021 г.).

В 2020 г. диссертантом осуществлялась подготовка заключения на проект постановления Пленума Верховного Суда РФ «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”».

Отдельные положения, разработанные в русле теории уголовного правонарушения, получили развитие в рамках проекта «Угрозы безопасности человечества в сфере исследования генома живых организмов и уголовно-правовая модель их предупреждения», реализованного в 2019–2021 гг. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

Результаты исследования нашли отражение в изданных диссертантом монографиях: «Уголовное правонарушение и его элементы» (М., 2020 г.) и «Теория уголовного правонарушения» (М., 2022 г.).

По теме диссертационного исследования опубликовано более 40 статей, из них: 19 – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук; 2 – в научном издании, индексируемом в международной базе данных Scopus. Общий объем публикаций по теме диссертационного исследования – около 50 а.л.

Степень достоверности результатов исследования. Объективность исследования обеспечена методологической обоснованностью сформулированных положений, выводов и рекомендаций; точностью выбранных методик; логичностью и последовательностью выработанной структуры диссертационной работы; широким спектром проанализированных позиций ученых по исследуемой тематике; предметным изучением судебной практики по вопросам общественной опасности и малозначительности деяния; доктринальным уровнем и стилем изложения материала; оперированием известными законодательными и правоприменительными категориями; непротиворечивостью изложенных суждений.

Структура диссертации обусловлена целью и вытекающими из нее задачами проводимого исследования. Работа включает введение, два раздела, объединяющих четыре главы и тринадцать параграфов, заключение, список использованной литературы и источников, приложения.

РАЗДЕЛ 1. УГОЛОВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ:

ОТРАСЛЕВАЯ ПРИРОДА И СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Глава 1. Уголовное правонарушение и его отраслевая природа

§ 1. Понятие уголовного правонарушения

и механизм удержания правоисполнителя от его совершения

Понятие уголовного правонарушения не знакомо российскому уголовному законодательству. В отечественном правовом пространстве достаточно прочно укоренилось убеждение, что уголовное право дает оценку исключительно преступному посягательству. До определенного исторического этапа оно полностью отвечало духу уголовного закона и идеям фундаментальных уголовно-правовых учений. Между тем современные тенденции либерализации отрасли охранительного права диктуют совершенно новые требования к юридической характеристике уголовно-правовых деяний, преступная сущность которых выражена не явно. В правовой и научный оборот активно вводится категория уголовного проступка, позиционируемая как альтернатива целому ряду преступлений, преимущественно относящихся к категориям преступлений небольшой и средней тяжести. Знаковым событием в этом отношении можно признать обнародованную осенью 2017 г. инициативу Пленума Верховного Суда РФ о включении в российский уголовный закон понятия уголовного проступка¹. В 2020 г. авторитетный судебный орган скорректировал свою позицию по анализируемой проблеме и вынес на повестку федерального законодателя новый проект уголовного проступка и его юридических последствий².

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/24308/> (дата обращения: 30.11.2017).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 17.04.2021).

Получив дополнительный импульс, уголовно-правовая теория обогатилась многочисленными работами, обосновывающими содержание уголовного проступка и его отраслевую связь с преступлением, тем более что в глобальных масштабах предлагаемое нововведение не является инновационным. Практический опыт моделирования уголовного проступка имеется. Его содержание известно уголовному законодательству и правовой теории многих зарубежных государств, включая США (Misdemeanor)¹, ФРГ (Vergehen)², Францию (Le délit)³ и другие. В недавнем прошлом категория уголовного проступка стала частью уголовного закона Республики Казахстан, первой из стран-участниц СНГ принявшей столь важное уголовно-правовое решение⁴. Впоследствии еще более значительный шаг сделала представительная власть Кыргызской Республики, разработав и приняв в 2017 г. самостоятельный Кодекс о проступках⁵. В 2021 г. он утратил силу в связи с принятием нового Уголовного кодекса⁶.

Перспектива официального закрепления понятия уголовного проступка в российском уголовном законе актуализирует фундаментальную проблему его общей юридической природы с преступлением. В своей совокупности преступление и уголовный проступок образуют качественно новый институт уголовного права, который на уровне теории логично признать уголовным правонарушением. По такому пути пошел законодатель Республики Казахстан, поименовав раздел второй своего уголовного закона «Уголовные правонарушения». По мнению В.П. Коняхина и М.С. Жука, в перспективе система уголовных проступков может образовать целую подотрасль отечественного уголовного права⁷.

¹ См.: United States Code. Title 18. Crimes and Criminal Procedure. USA: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2018. 808 p.

² См.: StGB. Bundesrepublik-Deutschland: Independently published, 2020. 340 p.

³ См.: Code penal. La France: Dalloz, 2020. 3034 p.

⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. от 21 января 2019 г. № 217-VI) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 13 (2662), ст. 83; Казахстанская правда. 2019. № 14 (28891).

⁵ Кодекс Кыргызской Республики о проступках от 1 февраля 2017 г. № 18 // Эркин Тоо. 2017. № 17–18.

⁶ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 // Эркин Тоо. 2021. № 122–123.

⁷ Коняхин В.П., Жук М.С. Право уголовных проступков как подотрасль российского уголовного права: прогностический анализ // Российский следователь. 2012. № 23. С. 6–8.

В то же время на сегодняшний день нельзя констатировать, что тематика уголовного правонарушения доведена до уровня доктрины. Своего разрешения ожидают важные исследовательские задачи, связанные с понятием и признаками уголовного правонарушения, общей сущностью преступления и уголовного проступка, определением видов уголовно-правового поведения, не являющихся уголовно противоправными.

Методология научного осмысления уголовного правонарушения должна исходить из ключевого посыла о том, что перед отраслью уголовного права стоят конкретные задачи по охране социально значимых интересов от преступных посягательств и предупреждению преступлений. Для их осуществления уголовный закон устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера, грозящие за совершение поступков криминального значения. Обозначенные положения ст. 2 УК РФ обуславливают социальное назначение, нравственно-правовые идеи реализации и систему уголовного законодательства, структуру и содержание отдельных норм и целых институтов уголовного права. Становится очевидным, что уголовно-правовая отрасль сформировалась и продолжает развиваться исключительно с целью удержания человека от совершения деяний, официально признаваемых преступными. Уголовный проступок в уголовно-правовых задачах и их обеспечительных средствах не фигурирует. При этом в социально-юридической среде затруднительно найти весомые основания для кардинального переосмысления задач, принципов уголовного права, основания уголовной ответственности, инструментов уголовно-правового принуждения. Все изложенное актуализирует не только определение самой дефиниции уголовного правонарушения, отражающей единую природу преступления и уголовного проступка, но и обоснование механизма удержания правоисполнителя от его совершения.

Категория уголовного правонарушения практически не используется в уголовно-правовой науке. Существует мнение, что одним из первых ее ввел в оборот

и исследовал П.П. Пусторослев. На страницах своей монографии ученый ассоциировал уголовное правонарушение исключительно с преступлением¹. Однако и современные исследователи, упоминая в своих работах об уголовном правонарушении, склонны отождествлять его содержание с преступлением². Сложившаяся картина свидетельствует о том, что только на базе уголовно-правовой доктрины сформулировать определение понятия уголовного правонарушения достаточно проблематично. Возникает объективная потребность в обращении к общей теории права, раскрывающей сущность правонарушения как такового без привязки к отдельной отрасли законодательства. Взяв за основу универсальную дефиницию правонарушения, теоретически возможно высветить специфику его уголовно-правовой разновидности.

Сущности правонарушения посвятили свои работы многие теоретики, значительная часть которых представляла советскую юридическую науку. Еще в середине прошлого века И.С. Самощенко сформулировал следующее определение правонарушений: «виновные противоправные деяния участников общественных отношений»³. Аналогичную дефиницию изложили Г.С. Котляревский и Б.Л. Назаров⁴.

Близкие по смыслу определения правонарушения обосновываются исследователями, работающими в российских правовых реалиях. По мнению В.М. Сырых, «правонарушение представляет собой виновное противоправное деяние деликтоспособного лица»⁵. Р.Х. Макуев уточняет, что «правонарушение – это виновное противоправное действие или бездействие деликтоспособного лица, причинившего вред обществу, государству или отдельным лицам, влекущее юриди-

¹ См.: Пусторослев П.П. Анализ понятия о преступлении. М., 1892.

² См.: Клейменов М.П. Административное и уголовное правонарушение: проступок и преступление // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 172–177; Подройкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2017. С. 47; Соловьев А.Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 8.

³ Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 18.

⁴ См.: Котляревский Г.С., Назаров Б.Л. Проблемы общей теории права: учеб. пособие по спецкурсу. М., 1973. Вып. 1. С. 40.

⁵ Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. М., 1998. С. 315.

ческую ответственность»¹. Практически тех же взглядов придерживаются многие авторы, обнаружившие несколько внешних признаков, свойственных преступлениям, гражданско-правовым деликтам, административным и дисциплинарным проступкам, а также иным правовым нарушениям².

Первый признак характеризует источник правонарушения, которым является человек. Правонарушение не может быть совершено силами природы, животными, механизмами и иными предметами. Далекой истории известны случаи, когда при определенных обстоятельствах вещи и животные привлекались к юридической ответственности. Однако уже долгое время отечественная правовая система не признает их субъектами правонарушений. И.С. Самощенко оговаривается относительно того, что правонарушения могут совершаться не только отдельными индивидами, но и организациями³. По замыслу автора, их не обязательно включать в число источников общего понятия правонарушения, поскольку дисциплинарные проступки и преступления доступны исключительно физическим лицам.

Ко второму признаку правонарушения отнесено деяние человека, которое способно приобретать форму действия или бездействия. Деяние, квалифицируемое в качестве правонарушения, должно находиться под контролем сознания и воли деликтоспособного лица. В данном контексте Н.С. Малеин разъясняет, что «не может признаваться деянием в юридическом смысле, а значит, и правонарушением “поведение” в состоянии невменяемости, недееспособности и во всех других случаях произвольной “моторной” активности, не контролируемых сознанием и волей человека»⁴.

¹ Макуев Р.Х. Правонарушения и юридическая ответственность: учеб. пособие. Орел, 1998. С. 29.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 173; Дмитрук В.Н. Теория государства и права: учеб. пособие. Минск, 1999. С. 125; Кожевников С.Н. Правовое поведение и правонарушение: сущность и содержание. учеб.-метод. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Н. Новгород, 2002. С. 37; Маштаков И.В. Сравнительно-правовая характеристика правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005; Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / под ред. М.Н. Марченко. М., 2001. Т. 2. С. 580.

³ См.: Самощенко И.С. Указ. соч. С. 9.

⁴ Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 8.

Вне правовой оценки остаются не нашедшие внешнего выражения идеи, мотивы, взгляды и образ мыслей людей, а также социально-биологические состояния и качества личности. В противном случае возникает риск создания основы для применения закона по аналогии, прямого санкционирования произвола и беззакония. Такого рода прецеденты в отечественной истории имели место. В частности, печально известная ст. 22 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик, утвержденных Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г., допускала привлечение к ответственности лиц, признаваемых социально опасными, исходя из их связи с преступной средой или наличия в биографии фактов криминального характера¹. На пике репрессий тридцатых годов прошлого века указанная норма широко использовалась для расправы с гражданами, негодными по политическим соображениям². Спустя десятилетия, укоренившиеся демократические принципы права предполагают, что человек несет ответственность за свои действия или акты бездействия, приобретшие конкретную объективную форму.

Третий признак правонарушения связывается с неправомерностью деяния. Сущностные свойства термина «неправомерность» позволяют провести четкую грань между правонарушением и правомерными поступками людей, а также правонарушением и аморальным поведением. При этом между категориями правонарушения и неправомерности представителями общей теории права знак равенства не ставится. Отличительной особенностью правонарушения традиционно признается виновность, которая во многих случаях может быть не свойственна неправомерному деянию.

Четвертый признак правонарушения отражает виновность учиненного поступка. Неправомерное деяние участника социального отношения совершается с определенных психических позиций, характеризующих формы и виды вины. Правонарушитель либо знает, что его действия с реальной возможностью или неизбежностью вызовут ущемление интересов иных физических или юридических

¹ См.: СЗ СССР. 1924. № 24, ст. 205; 1937. № 66, ст. 297.

² См.: Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 12–14.

лиц, либо может и должен знать последствия пренебрежения своими правовыми обязанностями.

К пятому признаку правонарушения относится вред личности, обществу или государству. Характер и размер вреда, являющегося негативным результатом совершения запрещенного законом деяния, обусловлен отраслевой природой правонарушения. Проиллюстрировать сказанное можно на примере гражданско-процессуального нарушения. В понятие вреда как признака правонарушения, допущенного субъектом гражданско-процессуальных отношений, А.В. Юдин вкладывает организационные, идеологические, личные и экономические последствия¹. Организационные последствия выражаются в напрасном расходовании процессуальных ресурсов на рассмотрение неосновательных исков и жалоб. Идеологические последствия связываются с утратой авторитета судебной системы. Личные последствия состоят в моральных переживаниях участников судопроизводства. Экономические последствия предполагают материальные затраты, которые понесены государством, юридическими и физическими лицами в результате недобросовестного поведения участников возникшего спора.

Шестым и одновременно заключительным признаком правонарушения называется юридическая ответственность, предусмотренная за совершение неправомерного деяния. В зависимости от отраслевой принадлежности правонарушения, юридическая ответственность может быть уголовной, административной, гражданской, дисциплинарной. Спектр юридических средств, оказывающих непосредственное воздействие на правонарушителя, достаточно широк. За несоблюдение гражданско-правовых обязательств практикуется применение штрафных санкций. Нарушитель трудовой дисциплины рискует понести меру дисциплинарной ответственности. Преступление находится под угрозой уголовного наказания.

Разделяя мнение о том, что сформулированное определение правонарушения является обобщенным выражением эмпирических данных о признаках отраслевых деликтов, Ю.А. Денисов в то же время усмотрел в его содержании опреде-

¹ См.: Юдин А.В. Гражданское процессуальное правонарушение и ответственность. СПб., 2009. С. 221–223.

ленный недостаток. По мнению автора, полностью абстрагировавшись от отраслевой специфики, можно отразить исключительно формальное понятие правонарушений. Следующая ступень познания «раскрывает общее, определяющее природу данных явлений, т.е. раскрывает сущность исследуемого... Сущность правонарушений состоит в том, что это форма проявления деликтности, причинно обусловленной существованием классово антагонистического общества или его пережитками, противоречиями между личностью и обществом, выраженной в общественно опасном, произвольном, индивидуалистском поведении, отклоняющемся от господствующих норм социального порядка»¹. Заявленный тезис полностью разделял Н.С. Малеин, который характеризовал правонарушение как «сознательный, волевой акт общественно опасного противоправного поведения»². Отчасти с ними соглашался П.К. Блажко, который проявлял некоторую толерантность в данном вопросе. Относительно общественной опасности правонарушений автор писал: «Думается, что это утверждение в известной мере соответствует действительности, поскольку раз и навсегда данной формулы решения рассматриваемого вопроса не может быть выработано. Однако, на наш взгляд, это не исключает возможности установления некоторых общих закономерностей, так или иначе влияющих на характер социальной опасности правонарушений»³. Здесь стоит заметить, что разработчикам советской теории государства и права было свойственно наделять все правонарушения эпитетами «общественно опасные», «социально вредоносные», «угрожающие советскому строю», «антисоветские» в большей части по идейным соображениям.

Оставив в стороне идеологические нюансы, необходимо констатировать, что представленная концепция нашла сторонников в современной теории государства и права. Некоторые ученые продолжают настаивать на общественной опасности всех без исключения правонарушений. На взгляд А.В. Малько, «правонарушение – это виновное, противоправное, общественно опасное деяние лица,

¹ Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Л., 1983. С. 20, 68.

² Малеин Н.С. Указ. соч. С. 11.

³ Блажко П.К. Совокупность правонарушений по советскому праву (понятие и юридическое значение). Казань, 1988. С. 8.

причиняющее вред интересам общества, государства и личности»¹. С ним солидарен Р.Т. Мухаев, по мнению которого «правонарушение – это общественно опасное (посягающее на интересы личности, общества и государства), противоправное (нарушающее норму права), виновное деяние (действие или бездействие), совершенное лицом, достигшим установленного законом возраста, и влекущее юридическую ответственность, применение к нему мер общественного либо государственного принуждения»².

С изложенными суждениями согласиться трудно. По их логике, универсальное определение правонарушения обязательно должно наделяться материальной стороной, отражающей суть общественно опасного воздействия на социальный порядок. Методологически такой подход не только противоречит смыслу закона, но и размывает грань между уголовным правом и другими отраслями законодательства. Категория общественной опасности свойственна исключительно понятию преступления, сформулированному в уголовном законе. Иные правонарушения признаком общественной опасности законодателем официально не наделяются, что имеет вполне логичное объяснение. Гражданско-правовые деликты, административные и дисциплинарные проступки остаются за рамками сложившегося в обществе материального порядка, структурные компоненты которого образуют самостоятельные предметы юридического регулирования и одновременно объекты уголовно-правовой охраны. На уровне сознания и воли лица, допускающего правонарушения некриминального значения, отсутствует какое-либо желание причинить вред охраняемым законом отношениям. Внутренняя сущность подобных деяний заключается в нарушении порядка не материального, а правового (формального).

Резюмируя все изложенное относительно толкования правонарушения в общей теории права, необходимо констатировать главное. Его определение устанавливалось методом обобщения единых признаков деяний, запрещенных различными отраслями законодательства. В связи с этим сложно признать объектив-

¹ Малько А.В. Теория государства и права. М., 2000. С. 240.

² Мухаев Р.Т. Теория государства и права: учебник. М., 2001. С. 421.

ность следующего утверждения Е.В. Грызуновой: «Отраслевые определения правонарушений воспроизводят по сути дела признаки правонарушения, отмеченные в общей теории права»¹. Совершенно очевидно, что в действительности ситуация развивалась по прямо противоположному сценарию.

Универсальная дефиниция правонарушения, пополняя терминологический аппарат юриспруденции, представляет интерес на уровнях науки и учебной дисциплины теории государства и права. Вместе с тем отраслевая ценность понятия правонарушения в законодательстве, правоприменительной практике и юридической доктрине весьма скромная. Особенно отчетливо сказанное проявляется на фоне возникшей потребности современного уголовного права в разработке понятия уголовного правонарушения. Взяв за основу продемонстрированные и коротко проанализированные признаки правонарушения, можно получить только такую дефиницию уголовного правонарушения, которая практически ничем не будет отличаться от сущности преступного посягательства. В итоге напрашивается сомнительный вывод о том, что по своему содержанию понятия преступления и уголовного проступка достигают степени смешения.

Именно такая логика просматривается в понимании уголовного правонарушения казахстанским законодателем. В ст. 10 УК Республики Казахстан «Понятия преступления и уголовного проступка» закрепляются следующие положения:

«1. Уголовные правонарушения в зависимости от степени общественной опасности и наказуемости подразделяются на преступления и уголовные проступки.

2. Преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ограничения свободы, лишения свободы или смертной казни.

3. Уголовным проступком признается совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности,

¹ Грызунова Е.В. Правонарушение и юридическая ответственность в их соотношении: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 16.

причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства.

4. Не является уголовным правонарушением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности»¹.

Выявив общие признаки, свойственные преступлению и уголовному проступку, представители казахстанской науки уголовного права сформулировали понятие уголовного правонарушения. «Уголовное правонарушение – совершенное виновно и характеризующееся различной степенью общественной опасности деяние (действие или бездействие), запрещенное уголовным законом под угрозой применения мер уголовной ответственности»².

Исходя из содержания казахстанского уголовного законодательства, уголовные правонарушения образуют преступления и уголовные проступки. Их общими признаками подразумеваются виновность и запрещенность уголовным законом. В качестве двух критериев отнесения соответствующего деяния к конкретному виду уголовного правонарушения заявлены степень общественной опасности и наказуемость. Отличительной особенностью преступления выступает общественная опасность содеянного, степень которой не уточняется. За совершение преступления предусматриваются шесть альтернативных наказаний.

Несколько иначе описывается специфика второго вида уголовного правонарушения. Согласно уголовному закону Республики Казахстан, уголовным проступком признается деяние, не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. от 21 января 2019 г. № 217-VI) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 13 (2662), ст. 83; Казахстанская правда. 2019. № 14 (28891).

² Уголовное право Республики Казахстан: Общая часть: учебник / отв. ред.: И.И. Рогов, К.Ж. Балтабаев. Алматы, 2016. С. 46.

личности, организации, обществу или государству, наказываемое одним из пяти уголовных наказаний.

Углубившись в представленное понимание разновидностей уголовного правонарушения, обнаруживаем существенную проблему. На определенном историческом этапе часть преступлений небольшой тяжести и административных деликтов казахстанскими нормотворцами просто была объявлена уголовными проступками, «не представляющими большой общественной опасности». В разряд уголовных проступков было переведено более ста составов преступлений небольшой тяжести и более пятидесяти составов административных правонарушений¹. Вместе с тем невозможно найти ответ на вопрос об основании и объективных показателях снижения общественной опасности целого ряда преступлений и одновременного приобретения свойства «небольшой общественной опасности» деяниями, имеющими административно-деликтную природу. В уголовно-правовой теории отсутствует методология, позволяющая провести четкое разграничение категорий «общественная опасность» и «небольшая общественная опасность». Не дает ответа на поставленный вопрос и оборот «причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству», введенный казахстанским законодателем с целью разъяснения содержания небольшой общественной опасности. Используемые в дефиниции уголовного проступка термины «небольшой» и «незначительный» носят оценочный характер и по своему смыслу далеки от конкретики. Вывод о том, что то или иное деяние не представляет большой общественной опасности можно сделать исключительно на основе санкций норм Особенной части УК Республики Казахстан. В качестве уголовного проступка оценивается уголовное правонарушение, наказываемое штрафом, исправительными работами, привлечением к общественным работам, арестом, выдворением за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства. Однако подобное умозаключение меняет местами искомую причину в виде небольшой общественной опасности уголовного проступка и следствие,

¹ См.: Итоги деятельности Мажилиса Парламента Республики Казахстан пятого созыва в третьей сессии за период со 2 сентября 2013 г. по 25 июня 2014 г. Астана, 2014. С. 24.

отражающееся в количестве и характере наказаний, образующих санкцию соответствующей нормы уголовного закона.

Налицо терминологическая игра, которая не вносит ясности в понимание сущности и практической ценности уголовного правонарушения. Использование опыта казахстанского законодателя приводит к тому, что определенная группа уголовных правонарушений формально приобретает дополнительное наименование. При этом по своим конструктивным признакам уголовный проступок невозможно разграничить с преступлением. Как и преступное посягательство, уголовный проступок характеризуется виновностью, общественной опасностью, запрещенностью уголовным законом и угрозой наказания. На основании этого сложно судить о практическом значении разделения понятий преступления и уголовного проступка, соотносящихся как целое и часть одного и того же явления. Возникают серьезные сомнения относительно того, что реализация представленной модели института уголовного правонарушения в состоянии отразиться на эффективности решения задач, стоящих перед отраслью уголовного законодательства.

Между тем сама идея обнаружения специфики уголовного проступка и в целом уголовного правонарушения в их взаимосвязи с общественной опасностью преступления представляется правильной. Общественная опасность является единственной категорией, взяв за основу которую возможно провести четкое разграничение уголовных и иных правонарушений. При такой постановке проблемы чрезвычайно важно показать органическую связь уголовного проступка с общественной опасностью, рассматриваемой исключительно в качестве признака преступления. Методологически правильным будет не отождествлять уголовный проступок с общественно опасным деянием, а соотносить с ним. Уголовный проступок должен обрести признаки, производные от материальной сущности преступного посягательства.

Для того чтобы представить отраслевую специфику и одновременно самостоятельность категории уголовного проступка, требуется установить ее практическое значение в охране социально значимых интересов от преступных посягательств и предупреждении преступлений. Поставленная теоретическая задача пе-

реводит тему уголовного правонарушения на другой уровень, характеризующий метод реализации уголовного права. Согласимся с тем, что «метод уголовного права во многом обусловлен спецификой уголовно-правовых отношений, составляющих его предмет. В то же время он ориентирован на решение задач, стоящих перед уголовным правом»¹. Само семантическое истолкование термина «метод» как способа действовать, поступать каким-нибудь образом, некоего приема² позволяет высветить функцию каждого элемента системы уголовного законодательства, на роль одного из которых претендует понятие уголовного проступка.

В уголовно-правовой науке определение метода уголовного права относится к разряду фундаментальных вопросов, не нашедших единого разрешения среди ученых-криминалистов. Известные позиции относительно содержания уголовно-правового метода во многом пересекаются, что исключает потребность анализа каждой из них. Остановимся на результатах только некоторых исследований, специально посвященных методу уголовного законодательства.

В.В. Мальцев полагает, что «метод уголовного права – это система приемов, способов, средств, используемых при исследовании социальных явлений, обуславливающих содержание уголовного законодательства, конструирование и применение уголовно-правовых норм; это также и система уголовно-правовых отношений (регулятивных и охранительных, отношений ответственности), которые посредством многоаспектного воздействия на поведение граждан обеспечивают охрану базисных общественных отношений (предмета уголовно-правовой охраны)»³. То есть в представленном определении автор делит анализируемую категорию на части, исходя из широкого словарного понимания термина «метод».

Не останавливаясь на вопросе содержания методологии уголовно-правовой науки и нормотворческих инструментов формирования норм и положений уголовного закона, сконцентрируемся на авторском видении метода уголовного права в отраслевом значении. Метод уголовного законодательства В.В. Мальцев

¹ Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Коняхина. М., 2016. С. 10.

² См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 352.

³ Мальцев В.В. Предмет и метод уголовного права // Правоведение. 2004. № 4. С. 80–81.

определяет в качестве системы «уголовно-правовых отношений (регулятивных и охранительных, отношений ответственности), которые посредством многоаспектного воздействия на поведение граждан обеспечивают охрану базисных общественных отношений (предмета уголовно-правовой охраны)»¹.

В предлагаемой интерпретации метода уголовного закона на первое место поставлена система уголовно-правовых связей, состоящая из регулятивных, охранительных отношений и отношений ответственности. Однако столь широкое толкование уголовно-правового метода провоцирует ряд внутренних противоречий. Основная неточность В.В. Мальцева заключается в фактическом отождествлении предмета и метода уголовного права. Совокупность регулятивных, охранительных отношений и отношений ответственности автором закладывается в содержание обеих категорий.

Выделенные разновидности уголовно-правовых отношений во многом затрудняют понимание единого функционального назначения уголовного закона. Так, регулятивные отношения В.В. Мальцевым обосновываются в качестве конкретных социальных связей государства с правоисполнителем по поводу объектов, охраняемых уголовным правом. Отношения охранительного характера, касающиеся мер возможной уголовной ответственности, согласно авторскому замыслу, возникают при нарушении правоисполнителем регулятивных отношений. В свою очередь отношения ответственности должны порождаться после совершения лицом преступления, нарушающего регулятивные и охранительные отношения².

Сформировавшаяся картина не вполне объективно отражает направление и пределы реализации уголовного права. По смыслу межотраслевого взаимодействия, возлагая на правоисполнителя обязанность по воздержанию от совершения преступления, уголовное законодательство не вмешивается в процесс регулирования социальных связей. В силу своего предназначения нормы и положения уголовного права призваны обеспечивать сохранность тех отношений, которые уже

¹ Там же.

² См.: Мальцев В.В. Предмет и метод уголовного права // Правоведение. 2004. № 4. С. 75, 76.

получили необходимую урегулированность на уровне позитивных отраслей законодательства. В связи с этим уголовно-правовые отношения не могут одновременно обладать регулятивным и охранительным характером.

Еще более противоречивым выглядит вывод о том, что уголовно-правовые отношения охватывают так называемые отношения ответственности, «которые совместно с регулятивными и охранительными отношениями посредством многоаспектного воздействия на поведение граждан обеспечивают охрану базисных общественных отношений (предмета уголовно-правовой охраны)»¹. По логике В.В. Мальцева, отношение ответственности возникает в случае совершения преступления, разрушающего охраняемые уголовным правом социальные связи. Достаточно сложно смоделировать ситуацию, когда отношение ответственности может обеспечить охрану уже несуществующего отношения.

Изложенные обстоятельства не способствуют однозначному пониманию метода уголовного права. Вместе с тем теории уголовного права известна совершенно иная точка зрения относительно метода уголовного законодательства, представленная Н.В. Генрих. В своем исследовании она пришла к выводу, что под уголовно-правовым методом «следует понимать обусловленную предметом и целями уголовного права уникальную, не повторяющуюся в иных отраслях права, комбинацию общеправовых приемов и способов регулирования, которая включает в себя государственные дозволения, обязывания и запреты, возлагаемые в нормах уголовного права на участников уголовно-правового отношения, и отражает существующий на данном этапе развития общества преимущественный тип и режим уголовного-правового регулирования»². Сформулированная дефиниция нагружена целым рядом содержательных признаков, требующих развернутого комментария.

Совершенно справедливо утверждение о том, что метод уголовного права обусловлен целью и предметом уголовного законодательства. В своей совокупности именно цель и предмет уголовного права отражают социально значимый ре-

¹ Там же. С. 80–81.

² Генрих Н.В. Теоретические предпосылки исследования методов уголовного права // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 4. С. 153–154.

зультат реализации норм уголовного закона и направление уголовно-правового воздействия. Заданные параметры позволяют определиться с объемом уголовно-правовых инструментов, необходимых для успешного функционирования всей отрасли уголовного права.

Высокое теоретическое и практическое значение имеет тезис об уникальности приемов и способов, которыми оперирует уголовное законодательство. Уголовно-правовой метод выступает одним из ключевых оснований, позволяющих провести границу между отраслью охранительного законодательства и регулятивными отраслями права. Перспективность научного осмысления и обоснования уникальности метода уголовного права вполне очевидна. Законодатель поставил перед уголовным правом конкретные задачи по охране социально значимых интересов от преступных посягательств и предупреждению преступлений, решение которых методами иных отраслей права объективно невозможно. Прибегая к услугам уголовного закона, высшая представительная власть тем самым констатирует неспособность устранения возникшей социальной угрозы ресурсами регулятивных отраслей права. В связи с этим уголовное право просто обязано располагать собственным отраслевым инструментарием.

Суть метода уголовного права Н.В. Генрих находит в комбинации юридических приемов и способов регулирования, включающей дозволения, обязывания и запреты, возлагаемые нормами уголовного закона на участников уголовно-правового отношения. Несложно заметить, что в основу сформулированного положения автором заложено толкование категории правового метода как приемов и способов регулирования общественных отношений, применительно к уголовному закону выражающихся в некой комбинации дозволений, обязываний и запретов.

В ходе анализа данного авторского заключения вновь актуализируется вопрос об уникальности метода уголовного права. Обращает на себя внимание тот факт, что метод уголовного права ассоциируется с процессом регулирования уголовно-правовых отношений. Категория регулирования в данном случае может употребляться в различных значениях. Если рассуждать о регулировании уголовно-правовых отношений на уровне нормотворчества, то подразумевается законо-

дательный процесс принятия, изменения и дополнения обязанностей и прав, вытекающих из уголовного законодательства. Однако в работе Н.В. Генрих речь идет именно о методе реализации, а не формирования уголовного закона.

Перевод рассматриваемого аспекта в функциональную плоскость означает признание за уголовным законодательством регулятивной функции. Согласиться с таким умозаключением нельзя, поскольку уголовному законодательству регулятивная функция не свойственна. Как уже было отмечено ранее, реализация уголовного закона осуществляется посредством охраны тех отношений, которые уже урегулированы другими отраслями права.

Ситуация кардинально не меняется, если автором имелось в виду регулирование непосредственного поведения правоисполнителя как участника уголовно-правового отношения. Возлагая на вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, определенный объем обязанностей и прав, уголовное законодательство, вне всяких сомнений, корректирует его поступки. Но такого рода фактическое регулирование поведения человека осуществляется в рамках охранительных отношений путем сдерживающего воздействия на сознание и волю правоисполнителя. В процесс правового регулирования социальных отношений уголовное право при этом не вмешивается. Уголовно-правовое воздействие на личность оказывается с целью дополнительного стимулирования поведения, регламентированного другой отраслью права. Поэтому уголовное право наделено исключительно охранительной функцией, что нивелирует значение категории «регулирование» применительно к уголовно-правовым отношениям.

Не вполне отчетливо в позиции Н.В. Генрих прослеживается содержание тех дозволений, обязываний и запретов, которые возлагаются на участников уголовно-правовых отношений. Автор усматривает своеобразие метода уголовного права в «уникальной, не повторяющейся в иных отраслях права, комбинации общеправовых приемов и способов регулирования». В то же время суть и специфика обосновываемой уголовно-правовой комбинации общеправовых приемов и способов регулирования в определении метода уголовного права не отражаются. Вопрос об уникальности метода уголовного права остается открытым.

Принципиально другой позиции по содержанию уголовно-правового метода придерживается Б.Т. Разгильдиев. Обосновывая единую императивную сущность метода уголовного права и обеспечение им исключительно охранительной функции, он приходит к выводу, что «это вытекающая из уголовного законодательства совокупность обязанностей и прав, составляющих содержание уголовно-правовых статусов правоисполнителя и правоприменителя, посредством которых реализуется функция уголовного законодательства»¹. Оригинальность сформулированного определения очевидна. Характеризуя метод уголовного права, Б.Т. Разгильдиев делает акцент на системе приемов оперирования уголовно-правовыми средствами. Такой взгляд на метод уголовного права способствует восприятию уголовного законодательства как единой и завершенной отрасли права. Однако некоторые аспекты в позиции автора все же требуют уточнения.

В основу метода уголовного законодательства автор закладывает уголовно-правовой статус субъектов уголовно-правовых отношений, реализация которого обеспечивает охранительную функцию уголовного права. Подобная формулировка не вполне удачна, поскольку под ее влиянием может сложиться впечатление о тождестве метода уголовного права и уголовно-правового статуса. Решая поставленную теоретическую задачу, логичнее переложить акцент с содержания уголовно-правового статуса на процесс обеспечения им функции уголовного законодательства. Устанавливая уголовно-правовые обязанности и права, законодатель оказывает воздействие на сознание и волю правоисполнителя с целью его удержания от совершения преступления, используя все имеющиеся в уголовном законодательстве инструменты. В этом заложена квинтэссенция уголовно-правового метода.

Стоит подчеркнуть, что уголовно-правовым статусом уголовное законодательство наделяет исключительно личность. Вряд ли можно согласиться с А.В. Альференко в том, что «основными адресатами уголовно-правовых норм являют-

¹ Разгильдиев Б.Т. Метод в уголовном праве и его содержание // Конституция Российской Федерации – правовая основа развития современной российской государственности: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Конституции Российской Федерации (в рамках VI Саратовских правовых чтений, Саратов, 19–20 сентября 2013 г.). Саратов, 2014. С. 285.

ся правоприменители (суд, должностные лица правоохранительных органов), а не потенциальные или реальные преступники»¹. Обязанности правоприменителя по проверке информации о совершенном преступлении и привлечению виновного к уголовной ответственности полностью укладываются в рамки уголовно-процессуальных отношений, возникающих между представителями правоохранительных органов, судебной системы и лицом, совершившим вредоносное деяние. Именно УПК РФ регламентирует процедуру уголовного преследования и устанавливает механизм защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Все это ставит под серьезное сомнение существование уголовно-правового статуса правоприменителя.

Анализ позиций ученых относительно содержания метода уголовного права позволяет тезисно констатировать ряд существенных аспектов: метод уголовного права отражает механизм воздействия на предмет уголовно-правовых норм и положений; предметом уголовно-правового воздействия выступают сознание и воля личности; уголовно-правовое воздействие на личность оказывается в рамках единой охранительной функции уголовного права; уголовно-правовое воздействие преследует цель удержания человека от совершения преступления; уголовно-правовое воздействие на личность оказывается всей совокупностью уголовно-правовых инструментов. Изложенное позволяет определить метод уголовного права как формирование на уровне сознания и воли человека неприемлемости удовлетворения своих интересов посредством совершения преступления, обеспечиваемое угрозой наказания и иными уголовно-правовыми инструментами².

Метод уголовного права подтверждает, что природа охранительной отрасли глубоко увязана с понятием преступления, материальная сторона которого проявляется в разрушении социально значимых отношений. Все без исключения нормы и положения уголовного закона ориентированы на недопущение деяний, угрожающих правам и свободам человека и гражданина, собственности, общественному

¹ Альференко А.В. Метод регулирования в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 10.

² См. подробнее: Герасимов А.М. Метод уголовно-правового воздействия на личность // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2017. № 6. С. 132–135.

порядку и общественной безопасности, окружающей среде, конституционному строю Российской Федерации, миру и безопасности человечества. Результат, ожидаемый от функционирования уголовного законодательства, отражает идеальную модель материального порядка современного общества, свободного от общественно опасных посягательств.

Сформулированные положения принципиально важны для обоснования уголовного правонарушения. В связке двух его разновидностей отраслевое значение преступления и уголовного проступка становится неравнозначным. Понятие преступления охватывает группу общественно опасных деяний, ради предотвращения которых сформирована и реализуется вся отрасль уголовного законодательства. В свою очередь уголовный проступок едва ли вправе претендовать на природообразующее отраслевое значение для уголовного закона. Его содержание хотя и логично считать производным от сущностных характеристик общественной опасности преступления, но разновидностью преступного посягательства оно ограничиваться не должно. В противном случае практическая роль понятия уголовного проступка как второго вида уголовного правонарушения нивелируется и приобретает форму юридической фикции.

Таким образом, отсутствует какой-либо смысл пытаться переформатировать метод уголовного права с целью выстраивания новой теоретической модели удержания правоисполнителя от совершения преступления и одновременно уголовного проступка. Категория «удержание» в уголовно-правовых отношениях органически связана исключительно с преступным посягательством. Удержание человека от уголовного проступка, рассматриваемого в качестве субсидиарного вида уголовного правонарушения, социальный результат уголовного законодательства не определяет. «Социальная результативность УК РФ – это уголовно-правовое удержание человека от совершения общественно опасных посягательств путем решения отраслью права в течение определенного времени и на определенной территории задач УК РФ, обуславливающее возникновение и содержание

уголовного законодательства»¹. В связи с этим уголовному проступку целесообразно отвести роль только одного из инструментов, «работающих» на удержание правоисполнителя от совершения преступления.

Выявляя непосредственную функцию уголовного проступка в механизме уголовного права, необходимо обратиться к характеру воздействия на сознание и волю правоисполнителя, обусловленному содержанием уголовно-правовых задач. Первой из таковых задач выступает охрана интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. Ее суть заключается в разъяснении каждому вменяемому человеку, достигшему возраста уголовной ответственности, возможных неблагоприятных последствий совершения преступления. В ч. 1 ст. 14 УК РФ специально подчеркивается, что преступление находится под угрозой наказания. Угроза наказания служит единственным средством неперсонифицированного принуждения граждан к выполнению обязанности по воздержанию от совершения преступления. Иные предусмотренные уголовным законом инструменты в обеспечении охраны социально значимых объектов имеют номинальное значение. Поскольку речь идет о воздействии неконкретизированном, носящем информационно-превентивный характер, законодателю нецелесообразно акцентировать внимание на всех альтернативных юридических последствиях преступного посягательства. Будучи самой строгой мерой уголовно-правового характера, наказание способно развить в сознании каждого потенциального преступника максимальную неприемлемость совершения преступления для удовлетворения собственных интересов. Криминально настроенный субъект как можно более отчетливо должен понимать высокую вероятность назначения наказания за учинение любого из деяний, предусмотренных Особенной частью уголовного закона. Остальные уголовно-правовые последствия преступления угрозой наказания отменяются. Успешное решение задачи уголовно-правовой охраны предполагает, что склонное к общественно опасному поведению лицо до судебного решения не вправе за совершение преступления гарантированно рассчитывать на условное

¹ Разгильдиев Б.Т. Социальная результативность уголовного законодательства России и ее виды // Право. Законодательство. Личность. 2014. № 2 (19). С. 119.

осуждение, освобождение от уголовной ответственности и наказания или иные меры уголовно-правового характера.

Алгоритм реализации охранительной задачи уголовного права имеет немаловажное значение для определения функциональной роли второго вида уголовного правонарушения. На этапе неконкретизированного удержания правоисполнителей от совершения преступлений нерационально высвечивать круг и признаки деяний, которые однозначно судом будут оцениваться как уголовные проступки. Проведя четкую грань между преступлением и уголовным проступком, законодатель рискует вызвать эффект «преждевременного амнистирования». Сама семантика категории проступка традиционно ассоциируется с несущественным деликтом, заслуживающим прощения. В массовом сознании могут сложиться убеждения, что часть предусмотренных уголовным законом деяний перестала носить криминальный характер, наказываться и влечь судимость.

Представители государственной власти и научной общественности нередко апеллируют к тому, что закрепление понятия уголовного проступка свидетельствует о либерализации уголовного законодательства, востребованной современными условиями социальной жизни. Вне всяких сомнений, процесс уголовно-правовой либерализации выступает явлением позитивным. Либерализация уголовного права свойственна любому демократическому государству, добивающемуся планомерных успехов в противодействии преступности. Возрастающая готовность граждан следовать уголовно-правовым обязанностям, свидетельствуя о нравственном оздоровлении общества, вполне закономерно снижает потребность в ресурсах уголовного принуждения. Однако процесс уголовно-правовой либерализации должен укладываться в строго определенные рамки, заданные задачами отрасли уголовного права. Конституционный Суд Российской Федерации на этот счет подчеркнул, что если предусмотренные уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей, законодатель обязан привести уголовно-правовые

предписания в соответствие с новыми требованиями¹. Реализуемая публичной властью уголовно-правовая политика не может снижать гарантии безопасности человека, общества, государства, мирового порядка и стимулировать общественно опасные посягательства. Одним из фундаментальных условий эффективного функционирования уголовного права выступает постулат о том, что все предусмотренные Особенной частью уголовного закона деяния изначально рассматриваются как потенциально преступные и находящиеся под угрозой наказания. Исходя из этого утверждения, задача охраны интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных деяний криминально ориентированных лиц обеспечивается исключительно угрозой наказания.

Иначе обстоит дело с предупреждением преступлений, олицетворяющим вторую задачу уголовного законодательства. В отличие от уголовно-правовой охраны предупреждение преступлений носит персонифицированный характер. Его адресатом является человек, пренебрегший обязанностью по воздержанию от совершения деяний, описанных уголовным законом. Учиненный им вредоносный поступок позволяет констатировать, что угрозы наказания в уголовно-правовых отношениях оказалось недостаточно. С целью удержания недобросовестного правоисполнителя от совершения преступления в будущем требуется реальное применение инструментов, предусмотренных уголовным законом.

В арсенал уголовного права включается развернутый перечень средств, оказывающих предупредительное воздействие на сознание и волю физического лица. Речь идет не только об иных мерах уголовно-правового характера. Следует согласиться с В.П. Коняхиным и В.В. Полтавец в том, что «более внимательное изучение положений УК РФ позволяет установить также и целый ряд иных не менее

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона “О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации”, Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 18, ст. 2058.

значимых институтов, содержание которых отражает меры государственного реагирования на факт совершения преступления. В качестве таковых выступают: условное осуждение, освобождение от уголовной ответственности и наказания, принудительные меры воспитательного воздействия и судимость»¹. Персонифицированное удержание человека от совершения преступления осуществляется уголовно-правовыми инструментами, которые в своей совокупности отражают достигнутый уровень дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

На роль одного из эффективных инструментов персонифицированного уголовно-правового удержания лица от совершения преступления вправе претендовать содержание уголовного проступка. Реализация задуманного требует формирования юридических условий, позволяющих признавать уголовными проступками деяния, вопрос об общественной опасности которых на правоприменительном уровне ставится, но при определенных обстоятельствах решается отрицательно. В рамках такого концепта уголовный проступок приобретает вид квазипреступления. При этом квалификация содеянного в качестве уголовного проступка не может затмевать единого социального значения отрасли уголовного законодательства, заключающегося в удержании человека от совершения общественно опасного посягательства. Оступившееся лицо должно четко понимать, что стояло на грани преступления. Оценка учиненного им деяния в качестве уголовного проступка является вторым и, вероятнее всего, последним шансом оставить биографию без криминального отпечатка.

Обобщая все изложенное относительно уголовного правонарушения, можно сформулировать его следующие определение. Уголовное правонарушение – это совершенное деяние, формально содержащее признаки состава преступления, общественная опасность которого установлена (преступление) либо не выявлена судом исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного лица (уголов-

¹ Коняхин В.П., Полтавец В.В. Система мер уголовно-правового характера: концептуальные основы построения // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. № 9. С. 41.

ный проступок)¹. Оно играет роль родового по отношению к преступлению и уголовному проступку понятия. С таким заключением согласно подавляющее большинство ученых, представляющих уголовно-правовую доктрину и другие отрасли юридической науки (57 % из общего числа опрошенных нами респондентов).

Уголовное правонарушение обладает двумя главными признаками. Первым его признаком выступает совершенное деяние, формально содержащее признаки состава преступления. На конкретности соответствующего деяния акцент сделан не случайно. В уголовном законодательстве представлены исключительно общие модели преступлений (оконченных и неоконченных). Однако ч. 2 ст. 14 УК РФ прямо говорит о том, что «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Прочитанное законодательное положение становится отправным моментом для разграничения преступления и уголовного проступка.

Теоретический задел для развития идеи относительно малозначительности уголовного проступка имеется. Во второй половине прошлого столетия советскими криминалистами был разработан проект кодекса уголовных проступков, который определял анализируемый феномен как «деяние, по степени своей общественной опасности не являющееся преступлением, но нарушающее социалистический правопорядок, охраняемые законом интересы государства и общества, а также права и интересы отдельных граждан»². В представленной дефиниции исключительно важное значение имеют три аспекта: уголовный проступок не отождествляется с преступлением; его сущность определяется посредством исключения степени и, как следствие, всей общественной опасности учиненного деяния; он нарушает правовой порядок, но по причине своей малозначительности не затрагивает фактических интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества.

¹ См. подробнее: Герасимов А.М. Уголовное правонарушение и механизм удержания правоисполнителя от его совершения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 189–198.

² Кодекс уголовных проступков. Проект. М., 1973. С. 6.

На основании изложенного второй существенный признак уголовного правонарушения образует общественная опасность, установленная либо не подтвержденная судом при квалификации деяния, предусмотренного Особенной частью уголовного законодательства. На правоприменительном уровне возможны два варианта решения, касающиеся общественной опасности содеянного. Если общественная опасность учиненного действия или бездействия подтверждается, то констатируется преступление. В ситуации, когда с учетом обстоятельств содеянного и личности виновного лица общественная опасность не устанавливается, деяние должно оцениваться как уголовный проступок.

Подводя итоги рассмотрения понятия уголовного правонарушения и механизма удержания правоисполнителя от его совершения, следует сформулировать ряд значимых выводов.

1. Уголовное правонарушение – это совершенное деяние, формально содержащее признаки состава преступления, общественная опасность которого установлена (преступление) либо не выявлена судом исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного лица (уголовный проступок).

Природа уголовного правонарушения обусловлена общественной опасностью деяния. Она является единственной категорией, взяв за основу которую возможно провести четкое разграничение уголовных и иных правонарушений. Общественную опасность методологически правильно рассматривать исключительно в качестве признака преступления, образующего первую разновидность уголовного правонарушения. Уголовный проступок как второй вид уголовного правонарушения целесообразно не наделять свойством общественной опасности, а определять посредством ее исключения на уровне правоприменения. Все его признаки должны быть производными от соответствующих признаков преступного посягательства. При таких условиях уголовный проступок и преступление не будут соотноситься как часть и целое одного и того же явления. Они приобретут роль взаимообусловленных компонентов единой системы уголовных правонарушений.

2. Метод уголовного права предполагает формирование на уровне сознания и воли человека неприемлемости удовлетворения своих интересов посредством совершения преступления, обеспечиваемое угрозой наказания и иными уголовно-правовыми инструментами. Уголовно-правовой метод подтверждает, что в связке двух разновидностей уголовного правонарушения отраслевое значение преступления и уголовного проступка становится неравнозначным. Понятие преступления охватывает группу общественно опасных деяний, ради предотвращения которых сформирована и реализуется вся отрасль уголовного законодательства. Уголовный проступок на природообразующее отраслевое значение для уголовного закона претендовать не может. Удержание человека от уголовного проступка, рассматриваемого в качестве субсидиарного вида уголовного правонарушения, социальный результат уголовного законодательства не определяет. Уголовному проступку целесообразно отвести роль одного из инструментов, «работающих» на удержание правоисполнителя от совершения преступления.

3. Механизм удержания правоисполнителя от совершения преступления обусловлен содержанием уголовно-правовых задач. Охрана социально значимых интересов от преступных посягательств как первая задача уголовного права обеспечивается исключительно угрозой наказания. Эффективность уголовно-правовой охраны обусловлена тем, что криминально ориентированное лицо до судебного решения не вправе гарантированно рассчитывать на возможность избежать наказания за совершение деяния, предусмотренного уголовным законом. Алгоритм реализации охранительной задачи уголовного права имеет принципиальное значение для определения функциональной роли уголовного проступка. На этапе неконкретизированного удержания правоисполнителей от совершения преступлений нерационально высвечивать круг и признаки деяний, которые однозначно судом будут оцениваться как уголовные проступки. Проведя четкую грань между преступлением и уголовным проступком, законодатель рискует вызвать эффект «преждевременного амнистирования».

Предупреждение преступлений как вторая задача уголовного права состоит в персонифицированном воздействии на сознание и волю человека, пренебрегше-

го обязанностью воздерживаться от совершения преступления. В арсенал уголовного права включается развернутый перечень инструментов предупредительного значения. На роль одного из них вправе претендовать содержание уголовного проступка. Реализация предлагаемой идеи требует формирования юридических условий, позволяющих признавать уголовными проступками деяния, вопрос об общественной опасности которых на правоприменительном уровне ставится, но при определенных обстоятельствах решается отрицательно. Квалификация деяния в качестве уголовного проступка не влияет на единое социальное назначение отрасли уголовного законодательства, заключающееся в удержании человека от совершения общественно опасного посягательства.

В своей совокупности сформулированные положения, выводы и рекомендации образуют теоретический задел для определения сущностных характеристик общественной опасности деяния, понятия уголовного проступка, а также отграничения уголовного правонарушения от иных уголовно-правовых деяний и юридических деликтов.

§ 2. Общественная опасность и ее отражение в природе деяний, предусмотренных отраслью уголовного права

В отрасли уголовного права категория общественной опасности получила широкое практическое применение. Законодатель заложил общественную опасность в качестве признака преступления, основания деления преступных деяний на виды, предмета субъективного восприятия в институте вины, характеристики личности виновного при назначении наказания. Несмотря на столь весомую уголовно-правовую роль, общественная опасность не обрела официального определения. Закономерно возникает предположение, что вопрос о ее дефиниции решен исследовательским путем. Уголовно-правовая доктрина за длительное время обогатилась огромным количеством работ, прямым или опосредованным образом затрагивающих содержание обозначенной категории. В то же время наличие разнообразных концепций общественной опасности скорее актуализирует, нежели снимает рассматриваемую проблему. В науке нельзя констатировать существова-

ния единого системного подхода к определению понятия общественной опасности, значения ее сущностных характеристик для формирования и реализации ключевых уголовно-правовых институтов. Изложенные обстоятельства свидетельствуют о высоком исследовательском потенциале заявленной тематики.

В наиболее известной теории общественной опасности, которую по праву можно считать классической, анализируемая категория относится к материальной составляющей преступления. В свое время М.И. Ковалев целенаправленно подчеркивал: «Материальный подход к определению понятия преступления основывается на том, что сущность преступления устанавливается не законом, а, наоборот, привносится в него законодателем как результат верной оценки экономических отношений, которые обуславливают и все остальные отношения»¹.

Представленный тезис хорошо известен уголовно-правовой науке и основывается на идее разделения формальных и материальных признаков преступления. А.В. Наумов уточняет, что «этот признак преступления заключается в способности предусмотренного уголовным законом деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам)»². В дополнение к представленной научной мысли о содержании материальной стороны преступления Н.Г. Иванов пишет: «Формальный признак заключается в том, что преступным может быть лишь такое деяние, которое запрещено уголовным законом. Не может считаться преступлением деяние, пусть даже объективно общественно опасное, однако не включенное в УК в виде соответствующей нормы... Материальный аспект преступления состоит в том, что деяние официально объявляется опасным для общества»³. Таким образом, сторонники указанной теории ассоциируют общественную опасность с вредоносностью деяния, способной существовать объективно и независимо от законодательной позиции.

Теоретическая модель общественной опасности как единственного материального признака преступления обнаруживает положительные места и противопо-

¹ Ковалев М.И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации. Свердловск, 1977. С. 4.

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2000. С. 126.

³ Иванов Н.Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник для вузов. М., 2003. С. 100.

речивые аспекты. Сложно усомниться в том, что общественная опасность исходит из вредоносности соответствующего деяния. Всякое преступное посягательство разрушает одно из правоотношений, обеспечивающих существование и развитие значимых интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. Вместе с тем согласно уголовно-правовой теории, строго разделяющей формальные и материальные признаки преступления, общественная опасность способна иметь место независимо от воли законодателя. Возникает справедливый вопрос о целесообразности ее нахождения в ряду признаков преступления. Общественная опасность, обосновываемая исследователями вне содержания преступления, нисколько не нуждается в каком-либо подтверждении на уровне уголовного закона. В канве анализируемой теории вредоносные деяния одного рода еще до момента их криминализации способны достичь определенного уровня характера и степени общественной опасности. Исходя из этого, закрепление общественной опасности в качестве сущностного признака преступления рискует потерять всякий смысл.

Необходимую ясность в разрешение обнаруженной проблемы внес О.Ф. Шишов. Он справедливо указал на то, что сущность определения преступления состоит в диалектической связи общественной опасности и противоправности¹. Конкретизируя данную мысль, Б.Т. Разгильдиев констатировал, что «все признаки преступления, которыми оперирует закон при определении понятия преступления, в том числе и общественная опасность, являются формальными, потому что только их совокупность образует законодательную модель преступления. В той же мере все они являются материальными, поскольку каждый из них отражает “свой” внутренний аспект преступления»².

В развитие предоставленного тезиса подчеркнем, что содержание преступления образуют такие признаки, которые имеют взаимообусловленный характер. Не является исключением в этом категория общественной опасности. Ее сущностные свойства и характеристики высвечиваются исключительно под углом ее

¹ См.: Шишов О.Ф. Преступление и административный проступок. М., 1967. С. 7.

² Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2008. Т. 2. С. 57.

органической связи с иными признаками преступления. Преступление общественно опасно только потому, что совершается виновно и запрещено уголовным законом под угрозой наказания. Тесная связь общественной опасности с иными криминообразующими признаками свидетельствует о системности понятия преступления. В отрыве друг от друга признаки преступления теряют свое социальное и юридическое значение. На основании всего изложенного можно заключить, что общественная опасность не может существовать автономно вне иных конструктивных признаков преступного деяния.

Популярность теории, категорично разделяющей признаки преступления на формальные и материальные, во многом объясняется желанием исследователей уравнивать значение общественной опасности с вредоносностью деяния. На этот счет Ю.Е. Пермяков справедливо отмечает, что общественная опасность деяния учеными часто воспринимается односторонне. В уголовно-правовой доктрине сложилось устойчивое понимание общественной опасности в качестве вреда от совершаемого преступления. Со временем оно приобрело характер единственно возможного взгляда на содержание анализируемой категории¹. Научная позиция, отождествляющая содержание категорий общественной опасности и вредоносности, заручилась поддержкой многих ученых².

Один из известных разработчиков классической теории общественной опасности Н.Ф. Кузнецова утверждала, что данная дискуссия преимущественно носит терминологический характер. Вся суть вопроса предполагает необходимость признания минимальной степени общественной опасности в административном, дисциплинарном и гражданском правонарушениях. В соответствии с авторскими умозаключениями грань между преступлением и другими правонарушениями не является раз и навсегда данной, а продвигается в ту или иную сторону в зависимости от конкретных условий места и времени³. Практически такого

¹ См.: Пермяков Ю.Е. Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 1.

² См.: Благоев Е.В. Уголовный закон и преступление: лекции. М., 2011; Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989; Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л., 1984.

³ См.: Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. СПб., 2003. С. 97.

же мнения придерживаются известные представители науки административного права¹.

А.А. Гогин вообще считает целесообразным «отказаться от формулировки «общественная опасность», заменив ее определением «социальная вредоносность деяния», под которой понимается психологический, моральный, физический или материальный ущерб (потери), причиняемые правонарушением охраняемым и защищаемым законом благам и интересам физических и юридических лиц, общества и государства»².

Согласиться с предложенными подходами к соотношению категорий вредоносности и общественной опасности категорически нельзя. Суть проблемы состоит совсем не в терминологической игре. В понятии преступления законодатель не случайно воспользовался семантическим значением категории общественной опасности. Если бы смысл общественной опасности исчерпывался сутью вредоносности, то преступление сложно было бы отграничить от иных правонарушений. Никто не станет отрицать вредоносность преступного посягательства на охраняемый объект. Не вызывает возражений и тот факт, что вред интересам личности, общества, государства, мира и безопасности человечества вполне может причиняться нарушением международного, гражданского, административного законодательства, допущением дисциплинарного проступка. Однако при совершении преступления вред приобретает принципиально другие качественно-количественные характеристики, позволяющие констатировать его трансформацию именно в общественную опасность совершенного деяния. В уголовно-правовых аспектах она является свойством строго определенной вредоносности, которая не ограничивается конкретными объективно выраженными последствиями. Конституционный Суд РФ специально подчеркнул, что «преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная обще-

¹ См.: Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учебник. М., 2003. С. 259; Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. М., 2005. С. 528; Козлов Ю.М. Административное право: учебник. М., 1999. С. 87.

² Гогин А.А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2011. С. 9.

ственная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, в силу малозначительности не может считаться таковым»¹. По уголовно-правовой логике, общественная опасность отражает «сумму» вреда от преступного посягательства, характеризующуюся всеми криминообразующими признаками деяния, обстоятельствами его совершения и личностью виновного.

Никакое иное правонарушение, за исключением преступления, признаком общественной опасности официально не наделяется. Законодательная позиция вполне обоснована, поскольку в противном случае уголовное право могло лишиться своей отраслевой самостоятельности. На уровне межотраслевого взаимодействия исключительно категория общественной опасности обеспечивает установление четкой грани между преступлением и иным правонарушением. Другие признаки преступления таким свойством не обладают. Категории виновности, запрещенности законом, угрозы наказания или иной ответственности определяют содержание большинства известных правонарушений.

Отраслевая уникальность категории общественной опасности подтверждается дефиницией преступления. Каждый признак преступления в известной мере обусловлен сущностью общественной опасности. Так, признак виновности в уголовном законе определяется с позиции осознания (неосознания) общественной опасности своих действий (бездействия), предвидения (непредвидения) возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий и соответствующего волевого к ним отношения. Признак «запрещенность уголовным законом» означает официальное объявление соответствующего деяния как общественно опасного посредством описания его криминообразующих признаков в УК РФ. Заключительный признак преступления подчеркивает, что только обществен-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности”» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 16.07.2019).

но опасное деяние находится под угрозой уголовного наказания. Исходя из изложенного, несмотря на формально-материальную сущность всех без исключения признаков преступления, свою уголовно-правовую «материальность» виновность, запрещенность законом и угроза наказания приобретают при условии констатации в соответствующем деянии свойств общественной опасности.

На уровне правоприменения сама постановка вопроса об оценке содеянного с позиции уголовного законодательства предполагает необходимость установления в учиненном действии (бездействии) общественной опасности. Процесс квалификации деяния, причиняющего вред охраняемым интересам, завершается одним из юридически значимых заключений, напрямую связанных с категорией общественной опасности. Наиболее распространенным итогом уголовно-правовой квалификации является положительное решение вопроса об общественной опасности деяния, означающее выявление признаков соответствующего преступления. Позитивное поведение виновного и определенные объективные факторы в дальнейшем могут свидетельствовать о нивелировании степени общественной опасности деяния, что является основанием для освобождения лица от уголовной ответственности или наказания. Когда устанавливаются признаки «некачественного» субъекта преступления (невменяемость, недостижение возраста уголовной ответственности, отставание в развитии, не связанное с психическим расстройством) или невиновное причинение вреда, вопрос о признании соответствующего деяния общественно опасным решается отрицательно. В значительно более редких случаях совершенное действие (бездействие) признается хотя формально и содержащим признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющим общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ). При наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, социально-правовое значение совершенного поступка оценивается исходя из его прямого противопоставления общественно опасному посягательству.

Таким образом, общественная опасность выступает единственным существенным признаком преступления, определяющим природу всей отрасли уголовного права. Полученный вывод основывается на трех важных аспектах. Во-

первых, признак общественной опасности присущ исключительно преступлению и не дублируется в других отраслях права при характеристике правонарушений. Во-вторых, общественная опасность обуславливает содержание всех признаков преступления, наделяя их свойством «материальности». В-третьих, уголовное право дает оценку только таким деяниям, которые являются общественно опасными, вызывают сомнения с позиции общественной опасности или противостоят общественно опасным посягательствам на охраняемые объекты.

Сформулированный вывод имеет чрезвычайно важное значение, но формирует весьма абстрактное представление относительно понятия общественной опасности. Ситуация во многом осложняется отсутствием официального определения общественной опасности. В то же время позицию законодателя можно объяснить тем, что обязательство по разрешению проблемы дефинирования общественной опасности возложила на себя наука уголовного права. В специальной литературе представлено достаточно много разнообразных суждений, затрагивающих содержание анализируемой категории. Взгляды исследователей нередко пересекаются, что исключает потребность в оценке каждой из известных интерпретаций общественной опасности и ее признаков. На основании этого целесообразно остановиться на выборочных результатах специальных исследований, позволяющих сформировать теоретическую конструкцию общественной опасности.

В уголовно-правовой доктрине достаточную известность приобрела точка зрения, согласно которой общественная опасность представляет собой объективную категорию, отражающую потенциальную или реальную вредоносность деяния. Один из ее авторитетных сторонников В.Н. Кудрявцев в свое время писал, что «общественная опасность – это объективное свойство действий определенного рода, причиняющих с достаточно высокой степенью вероятности существенный ущерб интересам нашего общества. Она существует в реальной действительности независимо от воли и сознания судей или законодателя, и задача состоит в том, чтобы правильно установить наличие, характер и степень этой опасности и принять меры для борьбы с подобными деяниями»¹. Другими словами, содержа-

¹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 99.

ние общественной опасности автор усматривает в возможности причинения объективно выраженного существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. В дополнение к сказанному В.Н. Кудрявцев уточняет, что «если вред уже наступил, то правильнее было бы говорить не об опасности совершенного действия, а о его общественной вредности, о тяжести преступления»¹.

Разделяя суть представленных суждений, А.П. Козлов характеризует общественную опасность как «угрозу возникновения вреда или создание вреда существующим общественным отношениям»². Сам автор называет сформулированную дефиницию достаточно «упрощенной», но подчеркивающей объективный характер общественной опасности.

Акцентированное внимание исследователей на семантике термина «опасность» переводит суть рассматриваемой проблемы в плоскость хронологии решения уголовно-правовых задач. Когда идет речь о потенциальной вредоносности деяния, имеется в виду уголовно-правовая охрана социально значимых отношений от возможных общественно опасных посягательств неконкретизированных правоисполнителей. Дальнейшие рассуждения относительно ущерба от реально совершенного деяния, разрушающего охраняемые общественные отношения, подразумевают реализацию задачи предупреждения конкретного лица, проигнорировавшего уголовно-правовую обязанность, от последующих общественно опасных деяний.

Сделанные оговорки интересны уголовно-правовой теории, однако принципиально не влияют на представленное понимание общественной опасности в качестве объективной категории, выражающей конкретную форму вредоносного поведения человека. Концепция основывается на главном тезисе о том, что содержание общественной опасности остается вне субъективных признаков преступного деяния. П.П. Осипов по этому поводу подчеркивает: «Дело в том, что общественная опасность – это объективное свойство преступления, не зависящее от его субъективной стороны. Поэтому общественно опасное деяние и преступле-

¹ Там же.

² Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 709.

ние – понятия нетождественные не только по нормативному признаку, но и по внутреннему содержанию. Общественно опасное деяние может быть совершено невменяемым (ст. 11 УК РСФСР), преступление же – это всегда виновное общественно опасное деяние»¹.

Представленные аргументы позволяют сделать весьма дискуссионное предположение о том, что общественная опасность преступления никак не зависит от формы и вида вины, мотива и цели совершенного деяния, возраста, вменяемости и личностных характеристик причинителя вреда. Определенные сомнения относительно справедливости сформулированного умозаключения высказывали даже сторонники концепции, позиционирующей объективную природу общественной опасности. Примером тому является Т.В. Церетели, писавшая: «Действия, которые объективно привели к совершенно одинаковым результатам, могут рассматриваться как объективно опасные или, наоборот, объективно полезные в зависимости от цели, для осуществления которой они предпринимались»². Ученым констатируется прямая обусловленность общественной опасности деяния его целью, выступающей субъективным признаком преступления.

Необходимо признать правоту П.А. Фефелова в том, что «субъективная сторона (вина) является важнейшим структурным элементом общественной опасности преступного деяния»³. Вина и другие признаки субъективной стороны преступления характеризуют общественную опасность деяния посредством демонстрации уровня готовности человека к посягательствам на охраняемые уголовным законом объекты. «Те качества, которые привели виновного субъекта к совершению преступления и которыми он характеризуется как личность сегодня, обосновывают существование реальной возможности совершения им нового преступления»⁴. Так, минимальная готовность причинения вреда свойственна человеку, со-

¹ Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 122.

² Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 196.

³ Фефелов П.А. Общественная опасность преступного деяния // Советское государство и право. 1977. № 5. С. 136.

⁴ Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1964. С. 11.

вершившему преступление по небрежности. В случае небрежного поведения лицо не только не допускает возможности наступления неблагоприятных последствий своего деяния, но даже не предвидит таковую. Преступная небрежность свидетельствует о недобросовестном отношении лица к правовым обязанностям, игнорирование которых при определенных обстоятельствах становится причиной наступления вредоносных последствий. Важно подчеркнуть, что открытой угрозы для личности, общества, государства, мира и безопасности человечества лицо, действующее по небрежности, не представляет.

Ситуация кардинально меняется при совершении преступления с прямым умыслом, предполагающим осознание опасности своего деяния и желание наступления вредоносных последствий. Уровень готовности посягать на охраняемые объекты у лица, учиняющего вред с прямым умыслом, доходит практически до максимального значения. «Общественная опасность деяния повышается далее тем больше, чем больше оно выражает отрицательное отношение виновного к ценностям общества»¹. Своего наивысшего предела исходящая от преступника угроза достигает в том случае, когда вредоносное умышленное деяние отягощается низменными мотивами и целями преступного посягательства.

Таким образом, наряду с объективными признаками преступления его субъективные признаки выступают важным структурным компонентом категории общественной опасности. Аналогичного мнения придерживаются многие исследователи, считающие общественную опасность отражением всего преступного деяния в целом².

Полученный вывод имеет немаловажное значение для практической реализации уголовно-правового принципа законности. Толкование общественной опасности сквозь призму всех признаков преступления купирует риск применения уголовного закона по аналогии. «В уголовно-правовом смысле общественная

¹ Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 70.

² См.: Ковалев М.И. Указ. соч. С. 4; Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 56.

опасность всегда противоправна»¹. В то же время не всякое действие или бездействие, формально охватываемое признаками уголовно-правового деяния, представляет общественную опасность. Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Законодательная позиция такова, что наличие общественной опасности в совершенном деянии необходимо обосновывать в каждом конкретном случае. Общественная опасность не является конкретизированным признаком преступления, поскольку зависит от многих объективных и субъективных обстоятельств совершенного посягательства на охраняемый уголовным законом объект.

Совокупность представленных суждений не позволяет согласиться с П.С. Дагелем в том, что «общественную опасность могут представлять и невиновно совершенные деяния – совершенные невменяемыми, малолетними, лицами, действовавшими в ситуации случая»². Деяния, оцениваемые уголовным законом как непреступные, методологически неправильно наделять свойствами общественной опасности. В противном случае они практически ничем не будут отличаться от преступления. Однако весьма распространенную в науке точку зрения об общественной опасности поступков, совершаемых «некачественными» субъектами преступления или при отсутствии вины, стимулирует сам законодатель. По смыслу отдельных уголовно-правовых норм и положений усматривается двойственный подход нормотворцев к природе и интерпретации общественной опасности. Когда в уголовном законодательстве формулируются фундаментальные дефиниции или описываются узловые правила, общественная опасность жестко увязывается с преступностью деяния. Подтверждением тому служат понятие преступления (ст. 14 УК РФ), категории преступлений (ст. 15 УК РФ), общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ), положения о назначении более мягкого наказания, чем

¹ Комплексное изучение системы воздействия на преступность: методологические и теоретические основы / отв. ред. П.П. Осипов. Л., 1978. С. 91.

² Дагель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве // Ученые записки ДВГУ. Владивосток, 1968. Вып. 21. Ч. 1. С. 61.

предусмотрено за данное преступление, и при рецидиве преступлений (ст. 64, 68 УК РФ), основания применения условного осуждения (ст. 73 УК РФ) и другие нормы и положения уголовного законодательства. Ситуация принципиально меняется при законодательной оценке вредоносных посягательств невменяемых, малолетних, невиновных лиц, обнаруживающей стремление законодателя связать общественную опасность с деяниями, преступлениями не признающимися. Например, ст. 21 УК РФ оперирует следующей фразой: «...лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия)». Напрашивается сомнительный вывод, что учиненное невменяемым лицом деяние законодатель полагает общественно опасным. Признать его справедливость означает нивелировать большинство обосновываемых субъективных характеристик общественной опасности.

По существу аналогичная картина просматривается в уголовно-правовом институте вины. Одна его сторона, характеризующая формы и виды вины, высвечивает всю глубину взаимообусловленности виновности и общественной опасности. Согласно логике ст. 25 и 26 УК РФ, разновидности вины, свойственные преступному поведению, определяются интеллектуально-волевым отношением правоисполнителя к общественной опасности учиняемого действия (бездействия) и наступающих последствий. Вполне закономерно наблюдается и выраженная обратная связь общественной опасности содеянного с виной. Субъективное восприятие общественной опасности совершаемого поступка включает осмысление и оценку лицом своего отношения к избранной линии криминального поведения. Масштаб вреда от допущенного деяния, отраженный сознанием и скорректированный волей человека, напрямую зависит от продемонстрированной в конкретном поступке психической готовности к преступному посягательству, юридическими формами выражения которой выступают умысел и неосторожность. В соответствии с выстроенной логической цепочкой, общественная опасность и вина как признаки преступления обособленно друг от друга существовать не в состоянии. Отсутствие психического отношения к общественной опасности деяния, об-

ретающего соответствующую форму вины, исключает наличие в таком деянии самой общественной опасности. В свою очередь деяние, остающееся вне сущностных границ общественной опасности, не может с позиции уголовного права характеризоваться как виновное. Все изложенное подтверждает обосновываемый тезис о системности признаков преступления.

Между тем логика представленных суждений нарушается при анализе другой стороны института вины. В аспектах общественной опасности положения о виновности деяния серьезным образом диссонируют с уголовно-правовой моделью невиновного причинения вреда. Законодатель прямо допускает, что невиновное деяние абсолютно так же, как и виновное, представляет общественную опасность. Согласиться с подобным заключением нельзя. Как обоснованно отмечает Ю.А. Демидов, «случайное причинение вреда не включено в общественные отношения, которые, собственно, и состоят из сознательных действий общественных индивидов. Оно не соотносится с общественными отношениями, так как не выражает ни положительного, ни отрицательного отношения к ним, а поэтому не может быть ни общественно опасным, ни общественно полезным»¹. Суть высказанных суждений разделяет Г.П. Новоселов, по справедливому замечанию которого, «при невиновном причинении вреда речь должна идти не о том, посягает или не посягает лицо на общественные отношения, причиняет им вред или не причиняет, но именно о том, имеется ли в данном случае отношение индивида к людям, носит ли оно общественный характер. При такой постановке вопроса необходимость в отрицательном его решении более чем очевидна»². Поэтому буквальное толкование ст. 28 УК РФ, описывающей три варианта невиновного причинения вреда, явно не способствует восприятию общественной опасности в качестве неотъемлемого признака преступления.

Предстающая как некая вольность законодателя официальная трактовка общественной опасности поступков, преступлениями не являющихся, может иметь лишь одно логическое объяснение. В соответствующих уголовно-правовых

¹ Демидов Ю.А. Указ. соч. С. 69.

² Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 99–100.

нормах и положениях подразумевается всего лишь возможная общественная опасность деяния, вопрос о которой юридически ставится, но решается отрицательно. Для правоприменительной практики такого рода правовая ситуация вполне естественная. Каждый прецедент, вызывающий сомнения относительно соблюдения правоисполнителем своей уголовно-правовой обязанности по воздержанию от совершения преступления, находится под контролем правоприменителя. Если в ходе квалификации предположительно общественно опасного деяния устанавливается «некачественный» субъект преступления, признаки невиновного причинения вреда или его малозначительность, то общественная опасность деяния и, как следствие, преступление не констатируются. В подобных случаях потенциальная общественная опасность деяния не становится реальной. Резонно возникает гипотеза, что в определенных нормах и положениях законодатель употребляет категорию общественной опасности только для того, чтобы подчеркнуть уголовно-правовую природу деяний, вопрос о юридическом значении которых решается на основании уголовного закона.

Изложенная мысль находит некоторую аргументацию в содержании уголовного законодательства. В частности, если на момент совершения деяния лицом, страдающим психическим расстройством, законодатель связывает такого рода поступок с категорией общественной опасности (ст. 21 УК РФ), то при описании юридических последствий наделения причинителя вреда статусом невменяемого ситуация принимает другой оборот. В ст. 98 УК РФ одной из целей принудительных мер медицинского характера, применяемых к невменяемым лицам, называется «предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса». Категория общественной опасности в процитированной части текста уголовного закона не фигурирует. Как показывает нормотворческая практика, подобная формулировка используется преимущественно в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть, что общественная опасность совершенного деяния отсутствует. Конкретной иллюстрацией к данному тезису служит уголовно-правовое положение о малозначительности, которое характеризует деяние как формально содержащее признаки действия (бездей-

ствия), предусмотренного уголовным законом, но не представляющее общественной опасности.

Таким образом, можно сделать заключение относительно двусмысленного употребления в уголовном законе категории общественной опасности. Совершенному поступку, оценка которого с позиции уголовного закона только предстоит, свойственна потенциальная общественная опасность, которая нуждается в подтверждении или опровержении на правоприменительном уровне. Если вопрос об общественной опасности деяния решается положительно, она обретает свойство одного из признаков преступления. Не подтверждается общественная опасность содеянного в том случае, когда устанавливаются признаки «некачественного» субъекта преступления, невиновного причинения вреда или его малозначительности. Важно резюмировать, что уже сама постановка вопроса об общественной опасности деяния, независимо от итогов правоприменительной оценки, подчеркивает его уголовно-правовую природу.

Формируя теоретическую модель общественной опасности, нельзя оставить без внимания еще один важный аспект, касающийся ее структуры. В уголовном законе категория общественной опасности употребляется не только применительно к деянию, но и при характеристике личности виновного. Так, ст. 75 УК РФ одним из условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием требует, чтобы соответствующее лицо «перестало быть общественно опасным». Аналогичное выражение используется в ст. 80¹ УК РФ и примечании к ст. 134 УК РФ. В то же время в ст. 6 и 60 УК РФ общественная опасность деяния и личность виновного текстуально разводятся. Законодатель употребляет формулировку «характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного». Сложившаяся ситуация порождает массу различных теоретических предположений, наиболее существенные из которых уже обозначены и обсуждены в уголовно-правовой литературе.

В советской науке уголовного права некоторые ученые были склонны разделять общественную опасность деяния и общественную опасность личности ви-

новного. Ю.А. Демидов на этот счет писал: «Общественная опасность преступления складывается из общественной опасности деяния (действия или бездействия), общественной опасности последствий этого деяния и общественной опасности личности виновного... Общественная опасность личности виновного может оказывать большое влияние на характер и степень общественной опасности преступления, но первая не может “вытеснить” последнюю, встать на ее место»¹. Близкую по смыслу идею о самостоятельном значении общественной опасности личности виновного развивали Б.В. Волженкин² и В.Д. Филимонов³.

Совершенно очевидно, что представленная структура общественной опасности жизнеспособна исключительно на уровне теории и не отражает реального положения вещей. Характеризуя общественную опасность личности виновного, исследователи вынуждены прямо или косвенно обращаться к признакам преступного деяния. Напротив, оценка общественной опасности деяния не обходится без упоминания личности преступника. Подобный симбиоз обозначенных уголовно-правовых категорий вполне закономерен, поскольку «общественная опасность совершенного преступления является одним из основных критериев, свидетельствующих о величине общественной опасности личности»⁴.

Контекст изложенной мысли позволяет констатировать отсутствие какого-либо внутреннего противоречия в упомянутой выше законодательной формулировке «характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного». На первый взгляд, законодатель формально отделяет обстоятельства совершения преступления и личность виновного от характера и степени общественной опасности. Однако по существу все обозначенные категории находятся в органической связи. Если разобраться досконально, то предполагаемые «обстоятельства» уголовным законом жестко увязываются с преступлением, о чем свидетельствует оборот «обстоятельствам его совершения».

¹ Демидов Ю.А. Указ. соч. С. 68.

² Волженкин Б.В. Указ. соч.

³ Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970.

⁴ Мицкевич А.Ф. Принцип соответствия наказания общественной опасности преступления в советском уголовном праве: понятие, обоснование, законодательное закрепление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1985. С. 16.

Смело можно выдвинуть тезис о том, что обстоятельства совершения преступления оказывают влияние на определение общественной опасности как признака преступления. Практически то же самое касается словосочетания «личность виновного». Оперировав в анализируемой формулировке категорией виновности, законодатель тем самым подчеркивает тесную связь личности с преступлением и его общественной опасностью. В связи с этим нами разделяется логика суждений Б.Т. Разгильдиева относительно того, что «характер и степень общественной опасности деяния отражают преступление, включающее в себя и личность виновного»¹.

Переориентируясь на понятийный аппарат уголовного права, важно подчеркнуть, что оперирование категориями «общественная опасность деяния» и «общественная опасность лица, совершившего преступление» вполне допустимо. В уголовно-правовой сфере они позволяют расставить необходимые акценты, но правильному восприятию внутренней сущности и структурных компонентов общественной опасности при этом не препятствуют. Так, рассуждения относительно общественной опасности деяния сконцентрированы вокруг конкретного юридического факта, подтверждающего ее возникновение. Смещение внимания в сторону соответствующего субъекта осуществляется для того, чтобы подчеркнуть источник и носитель общественной опасности.

Разобравшись со структурой общественной опасности, логично обратиться к определению ее понятия и сущностных характеристик. В контексте обосновываемых идей вызывают интерес несколько определений общественной опасности, представленных в уголовно-правовой доктрине. Так, Ф.Н. Сотсков «предлагает считать ее внутренним свойством деяния, выраженным в объективной способности деятельности человека причинить или создать угрозу причинения вреда, которое находит свою юридическую оценку в запрете совершения деяния под угро-

¹ Разгильдиев Б.Т. Общественная опасность преступлений и ее структура // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений, 29–30 сентября 2016 г.). Саратов, 2016. С. 240.

зой наказания»¹. То есть содержание общественной опасности деяния автор усматривает в способности человека причинить или создать угрозу причинения вреда. Оригинальность данного подхода заключается в том, что акцент делается только на таком вреде, который исходит от лица, нарушающего уголовно-правовую обязанность воздерживаться от совершения преступления. Вместе с тем нельзя констатировать, что обозначенная дефиниция в полной мере высвечивает суть самого вреда, закладываемого в понимание общественной опасности.

В заданном русле содержательно более развернутое понятие общественной опасности формулирует Б.Т. Разгильдиев. По его мнению, общественная опасность представляет собой «вред, учиненный лицом, обязанным воздерживаться от его причинения, отражающий его готовность учинения нового вреда охраняемым уголовным законом объектам»². Подобной позиции относительно понимания общественной опасности придерживаются последователи учений Б.Т. Разгильдиева, среди которых И.А. Солодков³ и В.Е. Бондаренко⁴.

Концепция Б.Т. Разгильдиева основывается на центральной идее о том, что содержание общественной опасности образует органическая совокупность объективных и субъективных факторов. К числу объективных факторов относится сам факт причинения вреда охраняемому объекту. Субъективные факторы предполагают исходящую от учинителя вреда неконкретизированную угрозу причинения ущерба другому объекту, охраняемому уголовным законом.

Стержень сформулированной концепции представляется основательным. Сама семантика словосочетания «общественная опасность» предполагает не только определенный вред охраняемому объекту, но и некую угрозу для общества, исходящую от причинителя вреда. Данный аспект исключительно важен, поскольку «вред» как таковой заведомо лишен конкретной социальной окраски. В зависимо-

¹ Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10.

² Разгильдиев Б.Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 216.

³ См.: Солодков И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 7.

⁴ См.: Бондаренко В.Е. Основание уголовно-правовой охраны и ее прекращение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 11.

сти от ситуации он характеризует уголовно-правовое деяние не только в отрицательном свете. Вредоносные действия и акты бездействия с позиции уголовного закона могут приобретать значение социально нейтрального и даже общественно полезного поведения. Например, согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ «объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается». Законодатель прямо указывает на то, что невиновно совершенное деяние, хотя и вредоносно, но не общественно опасно. В противном случае уголовная ответственность за него вряд ли бы исключалась. Еще более показательным примером данному утверждению служит содержание главы 8 УК РФ. Формулировка каждого обстоятельства, исключающего преступность деяния, начинается фразой «не является преступлением причинение вреда». Совершенно понятно, что в условиях необходимой обороны, задержания преступника, крайней необходимости, физического или психического принуждения, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения подразумевается вред во благо. Будучи объективно востребованным для сохранения личности, общества, государства, мира и безопасности человечества, он получает социально положительную оценку.

Ситуация в корне меняется, когда вред обращен против охраняемого объекта. Его учинитель становится источником угрозы для окружающих, но ее понимание требует предельной ясности. По логике Б.Т. Разгильдиева, общественная опасность свойственна поведению человека, который на уровне сознания и воли демонстрирует готовность к совершению нового преступления. «Готовность – это психико-волевое состояние лица как необходимое условие причинения вреда неконкретизированному объекту посредством совершения нового неконкретизированного преступления»¹. При этом автор настаивает, что готовность к совершению преступления свойственна только деяниям умышленным. «Применительно к деяниям неосторожным общественная опасность представлена лишь объективным фактором – причиненным вредом объекту. Фактор субъективный – удо-

¹ Разгильдиев Б.Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 217.

влетворенность этим вредом – отсутствует. Такая ситуация не формирует готовности лица к причинению нового вреда»¹.

Сформулированное заключение не только не соответствует позиции законодателя относительно виновности деяния, но и содержит внутреннее противоречие. Если в анализируемой дефиниции общественной опасности посредством мысленного эксперимента попытаться отделить категорию «вред» от категории «готовность учинения нового вреда», то обособленно друг от друга ни одну из них охарактеризовать невозможно. Обнаруживается явный логический порок. Общественная опасность совершенного деяния жестко увязывается с общественной опасностью нового потенциального преступления. По смыслу выстраиваемых суждений, преступление общественно опасно только потому, что формирует угрозу совершения нового преступления. Получаемый вывод напоминает замкнутый круг и потому не отражает материальный аспект преступления.

Выявленное методологическое противоречие в определении вреда, собственного общественной опасности, устранить несложно. Не меняя сути концепции общественной опасности как некой угрозы для общества, исходящей от причинителя вреда, категорию вреда необходимо напрямую связать с вероятностью наступления определенных материальных последствий. Если представить общество в широком смысле – как некое системное образование, то элементами такой системы выступают интересы, известные уголовному праву в качестве центральных элементов объектов охраны. К числу интересов, обеспечиваемых уголовным законом, ст. 2 УК РФ относит права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую среду, конституционный строй Российской Федерации, мир и безопасность человечества. Обозначенный перечень едва ли является исчерпывающим, но формирует вполне отчетливое представление относительно неотъемлемых материальных составляющих общества в целом. Существование и развитие социально значимых объектов образуют материальный порядок, механизм сохранности которого от негативного воздействия преступлений заложен в задачах уголовного права. Здесь

¹ Там же. С. 221–222.

будет уместным оговориться, что категорию «материальный порядок» ввел в научный оборот Б.Т. Разгильдиев. Относительно содержания материального порядка в уголовно-правовых отношениях ученый поясняет: «Его центральным элементом выступает человек, другие элементы порядка обеспечивают его благополучие. Преступление, причиняя вред названным элементам материального порядка, объективно нарушает (непосредственно или опосредованно) благополучие человека. Вред, причиняемый материальному порядку, есть вред материальный, он всегда существенный. При этом чем выше ценность перечисленных элементов, тем больше значимость причиненного преступлением вреда. Изложенное дает основание полагать, что общественная опасность деяния вытекает из его вредности материальному порядку»¹.

Характеризуя общественную опасность с позиции негативного воздействия на материальный порядок, так или иначе приходится оперировать термином «вред». Может сложиться впечатление, что применительно к преступлению было бы логичнее говорить об общественной вредности. Однако какие-либо внутренние противоречия в вышеизложенных суждениях отсутствуют. В формулировке преступления законодатель не случайно воспользовался именно словосочетанием «общественная опасность», а не «общественная вредность». Категория опасности подчеркивает, что отдельное преступление объективно не в состоянии полностью уничтожить сложившийся в обществе материальный порядок. Если бы преступление его разрушало, то общество как некое системное образование просто перестало бы существовать. Преступное посягательство способно лишь существенно подорвать основы устоявшегося материального порядка путем причинения вреда правам и свободам конкретной личности, охраняемым законом интересам общества, государства или мирового сообщества. В связи с этим семантика общественной опасности достаточно точно высвечивает специфику социальных последствий совершения преступления.

Понимание общественной опасности в качестве вреда, угрожающего сложившемуся в обществе материальному порядку, имеет огромное практическое

¹ Там же. С. 215.

значение для проведения четкой грани между преступлением и иными правонарушениями. Со всей очевидностью можно констатировать, что административные, дисциплинарные, гражданские и другие известные правонарушения реальную угрозу материальному порядку не представляют. Их можно считать вредными, но никак не общественно опасными. В этом ключе прав Н.И. Коржанский, который отмечает: «Опасными для определенной системы являются такие изменения в ее обычном, естественном функционировании, которые нарушают условия ее существования, создают реальную угрозу существованию. Вредными же можно считать и такие изменения (или в большей части лишь их угрозу), которые не нарушают условий существования системы, а создают лишь временные локальные для него (существования) помехи. Таким образом, общественно опасные нарушения могут привести к разрушению и гибели системы. Вредные нарушения такими последствиями не угрожают... Основное социальное свойство преступления заключается в изменении или разрушении общественных отношений, которые (изменения) и являются преступными последствиями в виде физического, морального или имущественного общественно опасного вреда»¹.

Определившись с материальной сущностью общественной опасности, нетрудно установить ее источник, носитель, основание возникновения и длительность существования. В соответствии с логикой российского уголовного закона источником и одновременно носителем опасности для материального порядка может быть только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, которое проигнорировало обязанность воздерживаться от совершения преступления. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодатель прямо связывает признаки правоисполнителя с его субъективной возможностью осознавать общественную опасность содеянного. «Некачественный» субъект преступления, лишенный способности понимать социальное значение собственного деяния, источником и носителем опасности для материального порядка не рассматривается.

¹ Коржанский Н.И. Очерки теории уголовного права. Волгоград, 1992. С. 45.

Юридическим фактом, служащим основанием возникновения общественной опасности, следует считать преступление, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Сомнения в достижении учиненного лицом деяния уровня общественной опасности судом подтверждаются не всегда. Если вопрос о преступности деяния ставится, но в дальнейшем по определенным причинам решается отрицательно, то общественная опасность учиненного деяния не констатируется.

Исходящая от преступника угроза для общества безгранична. Удовлетворив свой криминальный мотив и получив практический опыт совершения преступления, лицо представляет опасность для окружающих только определенное время. По замыслу законодателя, преступник выступает потенциальным источником нового существенного вреда объекту уголовно-правовой охраны в тот период, когда находится в статусе судимого. Согласно ст. 86 УК РФ лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Погашение или снятие судимости аннулирует все связанные с ней уголовно-правовые последствия. На основании данных законодательных положений можно прийти к логичному заключению о том, что после погашения или снятия судимости формально лицо не представляет опасности для сложившегося в обществе материального порядка.

В классическом понимании судимость погашается по истечении испытательного срока либо определенного времени после отбытия или исполнения наказания. Досрочное снятие судимости возможно в судебном порядке на основании безупречного поведения осужденного и возмещения причиненного преступлением вреда. Однако могут быть нюансы, связанные с освобождением виновного от уголовного наказания, когда оно не отбывается или не исполняется даже частично. Если лицо освобождается от наказания, то юридически оно считается несудимым. В таком случае возникает проблема с определением временных пределов существования угрозы материальному порядку, исходящей от учинителя вреда. С одной стороны, освобождение от уголовного наказания не является формой

оправдания виновного. Совершенное вредоносное деяние, констатированное судом в предусмотренном законом порядке, сохраняет свою социально отрицательную сущность. С другой стороны, освобождение от наказания уже на этапе постановления приговора основывается на установлении судом чрезвычайно невысокой или вообще нулевой степени общественной опасности содеянного, свидетельствующей об отсутствии дальнейшей угрозы материальному порядку со стороны учинителя вреда.

Напрашивается вывод о том, что освобожденное от наказания лицо вообще не находилось в статусе судимого. Заключение достаточно спорное. В соответствии с ч. 1 ст. 86 УК РФ, «лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым...». Положение закона подчеркивает, что категории «осуждение» и «судимость» органически взаимосвязаны и взаимообусловлены. По существу они соотносятся как процесс и его закономерный итог. Если осуждение приобретает форму отрицательной оценки совершенного поступка судом от имени государства, то судимость предполагает результат такого рода оценки. Юридически судимость возникает одновременно с фактом осуждения лица за совершенное преступление, подтвержденным вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. При этом не имеет принципиального значения временной интервал, в рамках которого виновное лицо находилось в статусе судимого. Представителей уголовно-правовой науки и правоприменительной практики не должно смущать положение ч. 2 ст. 86 УК РФ, согласно которому «лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым». В ситуациях, когда лицо признается виновным в совершении преступления, но подлежит освобождению от наказания на указанных в уголовном законе основаниях, оно также считается осужденным (соответственно, судимым) на момент вступления обвинительного приговора в законную силу. Рассматривая данную процедуру предельно дискретно, изначально лицо признается виновным в совершении преступления и только после этого освобождается от наказания. Здесь речь не идет о некоей реабилитации лица. Просто судимость не имеет протяженности во времени. Констатация виновности в преступлении (осуждение) и освобождение от наказания взаимодействуют по формуле

«причина и возможное следствие». Принятое судом решение об освобождении виновного лица от наказания сам факт его осуждения (признания судимым) несколько не устраняет.

Таким образом, при реализации положений об освобождении от уголовного наказания, исключающих его реальное отбывание или исполнение, время существования общественной опасности ограничивается моментом официального признания лица виновным в совершении преступления. В подобном случае лицо приобретает и практически одновременно утрачивает статус судимого. Смысл его появления состоит в том, чтобы подчеркнуть осуждение лица со стороны государства. При этом судимость, не протяженная во времени, утрачивает последующее уголовно-правовое значение. Исключается возможность учета снятой или погашенной судимости не только в ходе установления признаков множественности преступлений, но даже при характеристике личности виновного лица. На данное обстоятельство обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ, который в своем Постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» специально подчеркнул: «Суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей»¹.

Общественная опасность не относится к разряду абстрактных социально-правовых явлений. Уголовный закон задает вполне конкретные параметры измерения общественной опасности, в качестве которых выступают ее характер и степень. Что особенно важно, законодатель оперирует категориями характера и степени общественной опасности в уголовно-правовых положениях, носящих фундаментальный характер. Они используются в принципах уголовного права, категориях преступлений, условиях уголовной ответственности, обстоятельствах, исключающих преступность деяния, институтах наказания, назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания. Однако каких-либо разъяснений относительно содержания характера и степени общественной опас-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

ности в уголовном законе не дается. Определяя их понятие и механизм установления, можно полагаться исключительно на доктрину уголовного права и правоприменительную практику.

В уголовно-правовой науке широкую популярность приобрела концепция, согласно которой «характер общественной опасности составляет ее качество, степень же заключает в себе количество опасности преступления для общества»¹. При определении характера общественной опасности авторы данной теории исходят из того, что она «определяется всеми признаками преступления – и объективной, и субъективной сторонами, и объектом, и субъектом. Однако определяется она этими признаками не в равной мере как по всем преступлениям в целом, так и по отдельным составам. Ведущими и определяющими для общественной опасности всей совокупности преступлений являются объективные признаки деяния, а среди них – объект и последствие преступления»². То есть характер общественной опасности преступления жестко увязывается с объектом посягательства и оказанным на него объективно выраженным воздействием.

Тезис о том, что характер общественной опасности преступления главным образом определяет охраняемый объект, претерпевающий негативные изменения вследствие совершения преступления, требует серьезного уточнения. Объект преступления позволяет судить о направленности причиненного вреда, однако «всякое качество общественной опасности определяется всеми элементами ее структуры в большей или меньшей степени»³. Логика представленной мысли разделяется Пленумом Верховного Суда РФ, который в п. 1 своего постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъясняет: «Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности пре-

¹ Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 3: Понятие преступления. С. 54.

² Там же. С. 54.

³ Соловьев А.Н. Указ. соч. С. 136.

ступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред»¹.

На основании изложенного можно утверждать, что характер общественной опасности деяния отражается всеми объективными и субъективными признаками, предусмотренными уголовным законом в диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы. Например, характер общественной опасности простого убийства заключается в умышленном причинении смерти другому человеку. Характер общественной опасности грабежа, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, состоит в открытом хищении чужого имущества, совершенного с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Рассуждая о характере общественной опасности деяния, следует учитывать нюансы, связанные с признаками квалифицированных и привилегированных разновидностей преступных деяний, множественности преступлений, неоконченных преступных посягательств, а также преступлений, совершаемых в соучастии. В частности, характер общественной опасности приготовления к преступлению и покушения на преступление устанавливается исходя из содержания ч. 1 и 3 ст. 30 УК РФ и диспозиции соответствующего состава преступления, предусмотренного Особенной частью уголовного закона, тогда как характер общественной опасности деяний организатора, подстрекателя и пособника определяется статьей уголовного закона, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на ст. 33 УК РФ, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления.

Трудно согласиться с А.П. Козловым в том, что характер общественной опасности конкретного деяния, помимо типичных признаков преступления, характеризуется индивидуальными признаками, которые «не отражаются на квалификации, но обязательно учитываются при построении санкции и при назначении наказания»². Оставляя без внимания весьма спорный вопрос о том, каким образом

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

² Козлов А.П. Указ. соч. С. 724.

индивидуальные признаки преступления в состоянии повлиять на построение уголовно-правовых санкций, сконцентрируемся на главном аспекте анализируемой проблемы. Объективные и субъективные признаки содеянного, остающиеся вне диспозиции уголовно-правовой нормы, никакого значения для определения характера общественной опасности иметь не должны. В противном случае возникает угроза толкования и дальнейшего применения уголовного закона по аналогии.

Определение характера общественной опасности преступления выступает прерогативой Государственной Думы РФ. Стоит подчеркнуть, что законодатель именно определяет, а не констатирует характер общественной опасности соответствующих деяний. Сложно признать правоту А.И. Марцева в том, что общественная опасность существует вне желания или нежелания законодателя ее признавать¹. Более убедителен в этом отношении А.О. Курбанов, по мнению которого общественная опасность «является сугубо оценочной категорией, с помощью которой законодатель решает и устанавливает, какие деяния опасны для общества с позиций интересов определенной социальной группы»².

Нельзя упускать из виду обратную сторону проводимой государством уголовно-правовой политики. По справедливому замечанию Ю.Е. Пудовочкина, оценки законодателя границ преступного и непроступного не свободны от субъективизма и возможных ошибок³. Однако искоренить подобное явление из нормотворческой деятельности весьма проблематично.

Будучи властью представительной, Государственная Дума РФ от имени российского общества и в рамках делегированных ей полномочий самостоятельно решает вопрос о том, какие деяния на сегодняшний день представляют угрозу материальному порядку в пределах юрисдикции государства. Прибегая к инструментам криминализации и декриминализации, публичная власть тем самым реа-

¹ См.: Марцев А.И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Правоведение. 2001. № 4. С. 149.

² Курбанов А.О. Социально-правовая сущность преступления и категории преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 16.

³ См.: Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: научно-практическое пособие. М., 2019. С. 10.

гирует на социальный запрос в части качества охраны значимых интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. Стечение обстоятельств, сложившихся в определенной сфере деятельности в конкретный период времени, отражающих такого рода запрос, В.Ф. Цепелев подробно раскрывает посредством категории «конъюнктура»¹.

Устанавливая границы конкретной уголовно-правовой обязанности правоисполнителя, законодатель решает задачу официального закрепления характера общественной опасности действия (бездействия), свойственного всем деяниям такого рода. Современные методики установления уголовно-правового запрета предполагают обоснование таких криминообразующих признаков деяния, которые не только позволяют избежать излишней казуистичности уголовного закона, но и одновременно исключают возможность привлечения к ответственности лиц, общественно опасных деяний не совершавших. Техника дефинирования уголовно-правовых норм ни в коем случае не может вступать в конфликт с интересами законности.

Разумная лаконичность диспозиций норм уголовного закона имеет под собой социальную и юридическую основы. С позиции социальной уголовно-правовые обязанности, изложенные в максимально допустимой краткой форме, предельно понятны правоисполнителям. Каждый среднестатистический человек может без труда вычленить из своего поведения общественно опасное деяние, суть которого на уровне сознания и воли воспринимается однозначно. Но юридической предпосылкой описания признаков преступлений в обобщенном виде служат категории преступлений. Законодатель разделил все умышленные и неосторожные деяния на преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие, тем самым ограничив юридическую оценку общественной опасности учиненного вреда только четырьмя уровнями. Все это объясняет лаконичность диспозиций норм уголовного закона, призванных отразить усредненный (типовой) характер общественной опасности соответствующих деяний.

¹ См.: Цепелев В.Ф. Конъюнктура в контексте оснований криминализации деяний и ее отражение в российском уголовном законе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12 (52). С. 18–22.

Формально типовой характер общественной опасности преступлений учитывается при построении уголовно-правовых санкций. Все санкции уголовного закона являются относительно определенными и обладают достаточными границами для того, чтобы дать объективную оценку любому общественно опасному деянию одного рода. Особую роль играет верхний предел уголовно-правовой санкции, позволяющий сделать предварительный вывод о принадлежности соответствующего посягательства к той или иной категории преступлений.

Другой сущностной характеристикой общественной опасности служит ее степень. Согласно традиционным воззрениям, «степень общественной опасности – это количественная сторона материального признака преступления... Степень общественной опасности преступления зависит, как видно из ранее приведенного обобщения квалифицирующих признаков преступлений по УК РФ, главным образом от степени опасности ущерба, его величины... По степени общественной опасности преступления подразделяются законодателем на простые, с отягчающими и со смягчающими обстоятельствами. Это, так сказать, типизированная степень общественной опасности. Ее определяет сам законодатель, указывая на квалифицирующие либо привилегированные признаки преступления»¹.

Минимум по трем основаниям представленная трактовка степени общественной опасности является уязвимой. Первое из них заключается в том, что анализируемая концепция не способствует четкому разделению характера и степени общественной опасности преступления. Ее авторы стремятся охарактеризовать одну часть конструктивных признаков состава преступления в качестве отражения характера общественной опасности, другую часть – отнести к степени общественной опасности совершенного деяния. Методологически подобная идея не согласуется с ранее полученным выводом о том, что криминообразующие признаки преступления определяют исключительно характер общественной опасности содеянного.

Вторая причина, побуждающая дать критическую оценку традиционной концепции степени общественной опасности, обнаруживается при попытке обос-

¹ Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 3: Понятие преступления. С. 59.

новать самостоятельное значение исследуемого признака преступления. Гипотетическое предположение о том, что характер и степень общественной опасности в полном объеме конкретизируются законодателем, приводит к полному отождествлению ее содержания с таким признаком преступления, как «запрещенность уголовным законом». Общественная опасность опускается до уровня формального символа преступного деяния без конкретных параметров и практической ценности.

Третье основание для сомнения в обоснованности рассматриваемой теории можно усмотреть на уровне субъекта, устанавливающего степень общественной опасности преступления. Известное утверждение о том, что характер и степень общественной опасности деяния зафиксированы законодателем применительно к каждому преступлению, достаточно устарело и уже не отвечает духу развития уголовного законодательства. Начиная с 2011 г. в качестве субъекта, имеющего непосредственное отношение к установлению степени общественной опасности деяния, официально объявлен суд. Согласно ч. 6 ст. 15 УК РФ, с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию. Получается, если характер общественной опасности деяния фиксируется законодателем, то степень общественной опасности деяния, исходя из конкретных обстоятельств произошедшего, устанавливается судом.

Сделанное заключение опровергает приведенное выше утверждение авторов анализируемой теории, согласно которому «качество» причиняемого преступлением вреда определяется исключительно характером его общественной опасности. По такой логике, «количество» причиненного вреда, выраженное степенью общественной опасности преступления, не может изменять его качество. Однако современная нормотворческая и правоприменительная практика опровергают сформулированную гипотезу. Реализуя свое право на изменение категории преступления на одну позицию, суд тем самым подтверждает, что совершенное

деяние переходит на качественно более низкий уровень общественной опасности, как раз в зависимости от «количества» причиненного вреда. Что немаловажно, изложенное полностью согласуется с законом перехода количественных изменений в качественные, обоснованным в диалектике Гегеля, материалистической диалектике и ряде близких философских учений. Таким образом, оценка существенных характеристик общественной опасности по формулам «характер – качество» и «степень – количество» в полной мере не согласуется с логикой уголовного закона и практикой его применения.

К разряду признаков, определяющих степень общественной опасности преступления, относятся конкретные обстоятельства содеянного и характеристики личности виновного, которые не влияют на уголовно-правовую квалификацию. В известной мере данную позицию разделяет Пленум Верховного Суда РФ. В п. 1 его постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» отмечается, что «степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (ст. 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления»¹.

Устанавливая степень общественной опасности содеянного, правоприменитель самостоятельно определяет значение соответствующих обстоятельств и личностных характеристик, находящихся за пределами криминообразующих признаков состава преступления. Так, по делу о незаконном хранении без цели сбыта наркотического средства в значительном размере суд учел в качестве снижающе-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

го степень общественной опасности то обстоятельство, что виновный «загладил вред, причиненный преступлением, путем добровольного безвозмездного труда на общественно полезных работах в управляющей компании»¹. По другому делу о применении насилия в отношении представителя власти суд в ходе установления степени общественной опасности содеянного посчитал несущественным факт принесения извинений сотруднику полиции со стороны виновного. Он отметил, что «само по себе принесение извинений сотруднику полиции не может устранить наступившие последствия и снизить степень общественной опасности совершенного преступления»². При этом в каждом отдельном случае соответствующие обстоятельства могут оцениваться по-разному. Например, относительно заглаживания причиненного вреда Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ подчеркнула: «Действия, направленные на заглаживание такого вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковыми во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния»³.

Развиваемая идея свидетельствует о том, что степень общественной опасности учиненного поступка не статична и может варьироваться в относительно широком временном интервале. После совершения преступного деяния степень общественной опасности изменяется, исходя из поведения виновного лица, определяющего явные изменения его личности. Первоначально складывается впечатление, что сделанный вывод противоречит положению о времени совершения преступления. В соответствии с ч. 2 ст. 9 УК РФ, временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного деяния. Буква уголовного закона провоцирует возникновение иллюзии о необходимости установления об-

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 января 2022 г. по делу № 1-78-УДп21-48-К3. // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2022).

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 ноября 2021 г. по делу № 1-УДП21-15-К3. // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2022).

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 ноября 2021 г. по делу № 3-УДП21-23-К3. // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2022).

щественной опасности преступления исключительно на момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом. Однако здесь уместно напомнить содержание ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, согласно которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Вполне предсказуемо данный аргумент может столкнуться с критикой со стороны исследователей, связывающих реализацию идеи презумпции невиновности исключительно с уголовно-процессуальными отношениями. Между тем стоит признать убедительность суждений В.П. Коняхина, согласно которым на уголовное право в «большой или меньшей мере непосредственно влияют многие конституционные нормы, носящие, как известно, универсальный характер и распространяющиеся на все либо многие отрасли права»¹.

Расширительное толкование презумпции невиновности позволяет сформулировать несложный вывод о том, что до вступления приговора суда в законную силу признаки преступления, включая общественную опасность, юридически констатированы быть не могут. Получается, если характер общественной опасности деяния со временем не меняется, то ее степень может корректироваться с момента совершения вредоносного поступка и до вступления приговора суда в законную силу. Временная вариативность степени общественной опасности преступления позволяет суду рассмотреть возможность об освобождении лица от уголовной ответственности или наказания, применить условное осуждение, учесть при назначении наказания всю совокупность выявленных смягчающих и отягчающих обстоятельств, личность учинителя вреда, а также принять иные юридически значимые решения.

Конкретным подтверждением объективности изложенных суждений может послужить содержание ст. 64 УК РФ. Согласно ее ч. 1, суд вправе назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, при наличии ис-

¹ Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 81.

ключительных обстоятельств, «существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления». При этом исключительные обстоятельства связываются с поведением виновного не только во время, но и после совершения преступления. В обозначенной норме законодатель целенаправленно подчеркивает вариативность степени общественной опасности и необходимость ее обоснования судом при назначении уголовного наказания.

Схожую картину можно наблюдать в содержании и практике применения нормы, закрепленной в ст. 80¹ УК РФ «Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки». На ее основании лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, освобождается судом от наказания, если вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными. Утрата общественной опасности лица или совершенного им деяния свидетельствует об отсутствии общественной опасности как таковой.

Детальная характеристика степени общественной опасности преступления позволяет высветить возможность оптимизации ряда формулировок, используемых в уголовном законе. Обратившись к ч. 1 ст. 6, ч. 3 ст. 60, ч. 2 ст. 73 УК РФ, нельзя не заметить обособление категорий «степень общественной опасности», «обстоятельства совершения преступления» и «личность виновного». Может сложиться ложное ощущение, что они содержательно не взаимообусловлены и имеют самостоятельное значение в уголовной правe. В действительности степень общественной опасности и есть не что иное, как обстоятельства совершения преступления в сочетании с характеристикой личности виновного. Здесь будет справедливым заметить, что федеральный законодатель не столь принципиален по анализируемому вопросу и отчасти демонстрирует согласие с развиваемым тезисом. Например, ст. 96 УК РФ оперирует фразой «с учетом характера совершенного деяния и личности». Обозначенный фрагмент соответствующего уголовно-правового положения недвусмысленно наводит на мысль, что степень общественной опасности преступления отражается в личности учинителя вреда.

Несмотря на сделанную оговорку, интересы правоисполнителя и правоприменителя объединяет потребность в унифицированном толковании уголовного закона. Чтобы снять лишние вопросы относительно понимания сущностных характеристик общественной опасности, целесообразно внести некоторые коррективы в категориальный аппарат уголовного права. В необходимых случаях предпочтительно использовать формулировку приблизительно следующего содержания: «характер общественной опасности и ее степень, выражающаяся в обстоятельствах совершенного преступления и личности виновного». По своему смыслу она гораздо более точно воспроизводит сущность степени общественной опасности.

Все изложенное относительно содержания общественной опасности и ее сущностных характеристик позволяет сделать вывод о том, что общественная опасность – это вред охраняемому уголовным законом объекту, угрожающий сложившемуся в обществе материальному порядку, характер которого определен законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы, предусматривающей признаки конкретного преступного деяния, а его степень установлена судом исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного лица. Сформулированное определение обладает рядом преимуществ, которые можно изложить в виде следующих тезисов:

во-первых, оно достаточно точно отражает семантику словосочетания «общественная опасность». Категория «общественная» означает направленность преступления против общества в целом. В свою очередь, термин «опасность» подчеркивает, что вред от преступления создает угрозу сложившемуся в обществе материальному порядку;

во-вторых, данное определение высвечивает материальную сущность преступления, но не делит его признаки на формальные и материальные. Общественная опасность обуславливает содержание всех признаков преступления, наделяя их свойством «материальности»;

в-третьих, в обосновываемую концепцию общественной опасности вписываются как умышленные, так и неосторожные деяния. Наряду с другими объек-

тивными и субъективными признаками состава преступления, формы и виды вины учитываются при определении характера и степени общественной опасности;

в-четвертых, полученная дефиниция определяет структуру общественной опасности. В целом она образована криминообразующими признаками преступления, иными значимыми обстоятельствами его совершения и личностью виновного;

в-пятых, в представленном определении общественной опасности заложен алгоритм установления ее сущностных характеристик. Характер общественной опасности фиксируется в диспозиции уголовно-правовой нормы законодателем. Степень общественной опасности обнаруживается судом исходя из обстоятельств содеянного, последующего поведения и личности виновного лица. Поэтому на уровне правоприменения характер общественной опасности лишь констатируется, а ее степень требует выявления;

в-шестых, разработанное понятие общественной опасности соответствует современным тенденциям развития уголовного законодательства и практики его применения. Оно может послужить основой для дальнейшего развития теории общественной опасности, а также решения частных вопросов, касающихся взаимосвязи и взаимообусловленности признаков преступления, обоснования природы вредоносных поступков, свойствами общественной опасности не обладающих, отграничения преступления от иного правонарушения, механизма установления малозначительности деяния, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности¹.

В целом, общественная опасность как признак преступления хотя и относится к разряду оценочных уголовно-правовых категорий, свободна от влияния «субъективизма», допускающего произвольную и необоснованную интерпретацию содеянного. Принимая решение о наличии или отсутствии в поведении лица общественной опасности, судья в рамках своего профессионального статуса руководствуется исключительно внутренним убеждением, основанным на законе и со-

¹ См. подробнее: Герасимов А.М. Общественная опасность преступления: понятие, структура, сущностные характеристики // Мир юридической науки. 2018. № 8. С. 45–56.

вести. Подобный алгоритм выявления обозначенного признака преступления гарантируется уголовно-процессуальным принципом свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Согласно разъяснениям Конституционного Суда РФ, «статья 17 УПК Российской Федерации, предписывая суду осуществлять оценку доказательств по внутреннему убеждению, не содержит каких-либо положений, допускающих возможность их произвольной оценки. Напротив, в данной статье в качестве принципа оценки доказательств закрепляется адресованное судье, присяжным заседателям, прокурору, следователю и дознавателю требование не только исходить из своего внутреннего убеждения и совести, но и основываться на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие произвольных, необоснованных решений»¹. Аналогичный тезис высший орган конституционного контроля позиционировал неоднократно².

Сложившаяся судебная практика подтверждает, что любая вольность со стороны правоприменителя в части интерпретации общественной опасности содеянного пресекается на уровне вышестоящих инстанций. Примером тому послужит прецедент, когда Октябрьский районный суд г. Новосибирска при определении размера наказания учел мнение потерпевшего, настаивавшего на назначении виновному наиболее строгого наказания. Давая оценку сложившейся ситуации,

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 мая 2017 г. № 1014-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киселева Андрея Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом “а” части третьей статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями первой и второй статьи 7, статьями 14, 17 и 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2022).

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 г. № 1627-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Костарева Дениса Федоровича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2022); Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2017 г. № 560-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дреева Романа Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8, 14 и части первой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 29, 73 - 75, 85 - 88 и 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 13 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 года № 522» // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2022).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ разъяснила: «Само по себе мнение потерпевшего, без ссылок на характер и степень общественной опасности преступления, личность подсудимого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и влияние наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи, не может являться основанием для определения конкретного вида и размера наказания, если только такое мнение не признано судом смягчающим наказание в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ. Иное означало бы, как и в данном деле, усиление меры ответственности виновного лица на основании одного лишь мнения представителя стороны обвинения, которое не основано на определенных в законе критериях и в силу этого является по существу произвольным»¹.

По другому делу, когда правоприменитель необоснованно усмотрел признаки малозначительности в злоупотреблении должностными полномочиями, Коллегия подчеркнула: «Квалификация содеянного как малозначительного может иметь место только применительно к обстоятельствам конкретного совершенного лицом деяния. Возможность или невозможность расценивать деяние в качестве малозначительного не может быть установлена абстрактно, исходя только из сформулированного в уголовном законе конструкции состава преступления, за совершение которого установлена ответственность»².

По результатам исследования общественной опасности и ее значения для отрасли уголовного права был обоснован целый комплекс выводов, наиболее значимые из которых можно представить в виде тезисов.

1. Общественная опасность – это вред охраняемому уголовным законом объекту, угрожающий сложившемуся в обществе материальному порядку, характер которого определен законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы, предусматривающей признаки конкретного преступного деяния, а его степень

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. по делу № 67-УД21-24 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2027650 (дата обращения: 15.04.2022).

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 июня 2021 г. по делу № 3-УДП21-16-К3. // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2022).

установлена судом исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного лица.

2. Источником и носителем угрозы для материального порядка выступает человек, нарушивший уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления. Юридическим фактом, служащим основанием возникновения общественной опасности, следует считать преступление, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. При этом исходящая от преступника угроза для общества ограничена во времени. По логике уголовного закона, преступник выступает потенциальным источником нового вреда объекту уголовно-правовой охраны в тот период, когда находится в статусе судимого.

3. Характер общественной опасности, отражаемый типовыми признаками деяния определенного вида, фиксируется в диспозиции уголовно-правовой нормы законодателем. Степень общественной опасности, будучи вариативной в определенном временном интервале, устанавливается судом исходя из обстоятельств содеянного, последующего поведения и личности виновного. На уровне правоприменения характер общественной опасности только констатируется, а ее степень требует установления. В целом общественную опасность как признак преступления можно отнести к разряду оценочных уголовно-правовых категорий.

4. Общественная опасность выступает единственным сущностным признаком преступления, определяющим природу всей отрасли уголовного права. Полученный вывод основывается на трех важных аспектах. Во-первых, признак общественной опасности присущ исключительно преступлению и не дублируется в других отраслях права при характеристике правонарушений. Во-вторых, общественная опасность обуславливает содержание всех признаков преступления, наделяя их свойством «материальности». В-третьих, уголовное право дает оценку только таким деяниям, которые являются общественно опасными, вызывают сомнения с позиции общественной опасности или противостоят общественно опасным посягательствам на охраняемые объекты.

5. В уголовном законе категория общественной опасности употребляется в двух значениях. Совершенному поступку, оценка которого с позиции уголовного закона только предстоит, свойственна потенциальная общественная опасность, которая нуждается в подтверждении или опровержении на правоприменительном уровне. Если вопрос об общественной опасности деяния решается положительно, она обретает свойство одного из признаков преступления. Не подтверждается общественная опасность содеянного в том случае, когда устанавливаются признаки «некачественного» субъекта преступления, невиновного причинения вреда или его малозначительности. Сама постановка вопроса об общественной опасности деяния, независимо от итогов правоприменительной оценки, подчеркивает его уголовно-правовую природу.

§ 3. Основание уголовно-правового запрета и его соотношение с общественной опасностью деяния

Пристальное внимание федерального законодателя к объему уголовно-правовых обязанностей правоисполнителя с высокой степенью постоянства отражается на количестве и криминообразующих признаках деяний, образующих перечень преступных посягательств. Социально-экономические, политические, духовные преобразования и научно-технические достижения, результаты которых могут быть обращены против интересов личности, общества и государства, требуют постоянного контроля публичной власти за границами допустимого поведения субъектов уголовно-правовых отношений. Нормотворцы обозначили выраженную тенденцию точечного реагирования на их опасные формы проявления, способные ослабить механизм уголовно-правовой охраны. Наблюдаемая картина отразилась на соответствующей сфере уголовно-правовой науки. Оценивая и обосновывая предпосылки новых составов преступлений, исследователи нередко не проявляют особого интереса к общему учению об основании и условиях формирования нормы уголовно-правового поведения. Следует признать правоту Э.Л. Сидоренко, по мнению которой, «проблема целесообразности отдельных правовых запретов в настоящее время стала настолько обсуждаемой, что за частными

вопросами уголовной превенции нередко утрачивается понимание целесообразности как исходного начала криминализации»¹. Более категоричен в своих высказываниях А.И. Трахов, считающий, что «по сей день продолжается негодная практика внесения большого количества корректировок в УК РФ без необходимой криминологической и правовой экспертизы, с нарушением принципа системности при конструировании норм уголовного права»².

Уверенно можно утверждать, что на методологическом уровне теория признания деяний преступными сегодня находится в стадии стагнации. Практически все монографические работы, прямым или опосредованным образом затрагивающие обозначенный инструмент уголовно-правовой политики государства, ориентируются на широко известное учение, разработанное советскими учеными несколько десятилетий назад. Обосновываемые в настоящем исследовании идеи относительно природы уголовного права и материальной сущности преступления позволяют высказать некоторые соображения относительно того, что позиционируемые традиционной доктриной основания и условия криминализации не являются аксиоматичными и обладают изрядным количеством уязвимых мест. Сказанное актуализирует дальнейшее научное осмысление феномена криминализации как инструмента государства по решению задач уголовного законодательства.

В уголовно-правовой науке криминализация определяется как «процесс, так и результат признания определенных видов деяний преступными и уголовно наказуемыми. Процесс криминализации состоит в выявлении целей, оснований и возможностей установления уголовной ответственности за те или иные деяния и издании уголовных законов, закрепляющих это решение. Результат криминализации – совокупность норм уголовного права, содержащих перечень преступлений

¹ Сидоренко Э.Л. К вопросу о целесообразности криминализации обещания и предложения взятки // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 40.

² Трахов А.И. Динамизм и стабильность УК РФ 1996 г.: соотношение, перспективы сближения и влияние на правоприменительную практику // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (28–29 июня 2021 г.) / отв. ред. В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2021. С. 326.

и предусмотренных за них наказаний, а также оснований и условий привлечения виновных к уголовной ответственности и освобождения от нее»¹.

Наиболее популярная и по существу доминирующая теория криминализации выстраивается вокруг главной мысли о том, что единственным основанием возведения деяния в разряд преступного признается достижение им уровня общественной опасности. Еще в середине прошлого столетия известный ученый-криминалист П.С. Дагель указал на три условия криминализации деяния: наличие общественной опасности деяния, определяемой исходящим от него вредом (важнейший фактор); относительная распространенность общественно опасных деяний; невозможность противодействия общественно опасным деяниям менее радикальными мерами, в частности принудительными ресурсами административного, дисциплинарного или общественного характера².

Обозначенная теория заручилась широкой поддержкой у представителей уголовно-правовой науки, работавших в период действия советского уголовного законодательства (УК РСФСР 1960 г.)³. Многие криминалисты, осуществлявшие и продолжающие осуществлять исследовательскую деятельность уже в российских правовых реалиях, сохранили преемственность идеи об общественной опасности деяния как единственном детерминанте криминализации⁴. В современной

¹ Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. ред.: В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М., 1982. С. 17.

² Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 68-69.

³ См.: Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 72; Коробеев А.И. Советская уголовная политика. Владивосток, 1987. С. 69-88; Фефелов П.А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 101-104.

⁴ См.: Авдалян М.Э. Основание криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 8; Густова Э.В. Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 224; Епифанова Е.В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М., 2012. С. 57; Зуй И.И. Криминализация деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 21; Зыков Д.А., Шеслер А.В. Понятие, основания и принципы криминализации и декриминализации деяний // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 1. С. 85-86; Игнатов А.Н. Криминализация и декриминализация в уголовном праве России // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сб. науч. тр. под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2008. С. 109-111; Клейменов И.М. Кри-

доктрине уголовного права криминализация продолжает рассматриваться как «социальный процесс, складывающийся из совокупности законодательных решений, устанавливающих уголовную противоправность конкретных общественно опасных деяний»¹. Соответственно, декриминализация понимается как «процесс, началом которого является признание преступления утратившим общественную опасность или вывод о сужении границ общественной опасности криминализованного деяния, а результатом – исключение из Уголовного кодекса состава преступления или внесение изменений, связанных с сужением основания уголовной ответственности, в существующий состав преступления»².

Предлагаемое традиционной теорией основание уголовно-правового запрета исходит из четкого разделения материальных и формальных признаков преступления. Ее авторы и сторонники полагают, что только после установления общественной опасности деяния законодатель признает его преступным. Однако показанный алгоритм криминализации сталкивается с серьезной проблемой уже на одном из первых этапов своей реализации, когда возникает потребность в кри-

минализация общественных отношений // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 3 (36). С. 200; Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Декриминализация (социально-правовой аспект) // Lex russica (Русский закон). 2005. № 2. С. 326; Кузнецов А.П. Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 16; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 102; Мальцагов И.Д. Криминализация деяний в законодательстве Российской Федерации (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 19–20; Нечаев А.Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. С. 11; Огородникова Н.В. Криминализация и декриминализация в посткодификационный период (краткий обзор новелл в УК РФ 1996 г.) // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 1 (24). С. 101; Прокументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 4 (14). С. 89; Разгильдиев Б.Т., Тарыпкин А.В. «Момент истины» уголовного законодательства Российской Федерации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. (28–29 января 2016 г.). М., 2016. С. 22; Рудикова Н.В. Криминализация общественных отношений (теоретико-правовой аспект) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. IV междунар. науч.-практ. конф. (27–28 мая 2004 г.). М., 2007. С. 75; Сотсков Ф.Н. Указ. соч. С. 18; Халитов Р.К. Общественная опасность как основание криминализации деяния (в контексте криминализации деяний, обусловленных административной преюдицией) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 271–275.

¹ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2018. С. 20.

² Радошнова Н.В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 9.

териях определения общественной опасности оцениваемого действия или бездействия. Приверженцы обозначенной теории откровенно признают, что «установить универсальный критерий, по которому можно было бы определить достаточную для криминализации степень общественной опасности, практически невозможно»¹.

Наиболее известные доводы относительно возникшей общественной опасности деяния в большинстве случаев теоретиками сводятся к не вполне внятным аргументам, касающимся некоего вреда, угрожающего объекту охраны. Для юридического антуража вред, предположительно отражающий общественную опасность деяния, принято наделять эпитетами «существенный», «значительный», «серьезный», «большой» и т.п., оценочный характер которых также не вносит никакой конкретики в понимание основания криминализации. В частности, по мнению О.С. Капинус, «высокая (криминальная) степень общественной опасности» деяния как основание его криминализации «определяется масштабом распространности соответствующих деяний, значимостью охраняемых законом ценностей, на которые посягают их совершающие, существенностью причиняемого ими вреда»². Что конкретно подразумевает автор под категориями «масштаб распространности деяний», «значимость охраняемых ценностей», «существенность причиненного вреда», остается загадкой.

Справедливо утверждение Н.Г. Иванова относительно того, что «все исследовательские утверждения по поводу общественной опасности как характеристики преступления ограничиваются лишь констатацией данного факта с некоторыми попытками преодоления схоластических этюдов... Более того, в литературе предлагается считать общественную опасность исключительно оценочным свойством преступления, не имеющим конкретных критериев, определителей, позво-

¹ Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 18.

² Капинус О. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса // *Общественные науки и современность*. 2018. № 4. С. 37–46. URL: <http://ras.jes.su/ons/s086904990000367-5-1> (дата обращения: 26.03.2019).

ляющих отличать опасность различных асоциальных поступков и дающих возможность объявить деяние преступным»¹.

Углубившись в содержание традиционной теории, обосновывающей предпосылки признания деяния преступлением, можно констатировать небезынтересный факт. Даже у ее разработчиков всегда возникали определенные сомнения относительно значения общественной опасности для криминализации. К числу таких ученых относятся Г.А. Злобин и С.Г. Келина, допустившие следующие высказывания: «Общие соображения об общественной опасности как “материальном признаке” преступного деяния здесь мало помогут не только в силу их недостаточной определенности, но и потому, что общественная опасность – необходимая, но отнюдь не единственная (и уж во всяком случае недостаточная) предпосылка криминализации»².

Еще более решителен в своих суждениях И.М. Гальперин, отметивший, что «в литературе по уголовному праву роль общественной опасности деяния для решения вопроса об отнесении его к числу преступных подчас гипертрофируется и рассматривается вне связи с другими социальными и юридическими моментами, влияющими на издание уголовного закона»³. В процессе принятия решения о необходимости установления уголовной ответственности за соответствующее деяние автор предлагает сконцентрироваться на других предпосылках и факторах, среди которых: распространенность и типичность деяний; динамика совершения деяний с учетом их причин и условий; определение причиняемого такими деяниями материального и морального ущерба; степень эффективности борьбы с ними юридическими и иными средствами; установление наиболее характерных и опасных объективных и субъективных признаков деяний; возможность правового определения признаков деяния; установление общих личностных признаков субъектов деяний; общественное мнение различных социальных групп; определение

¹ Иванов Н.Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М., 2016. С. 37.

² Злобин Г.А., Келина С.Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 106.

³ Основные направления борьбы с преступностью / под ред. И.М. Гальперина, В.И. Курляндского. М., 1975. С. 54–55.

возможностей системы уголовной юстиции в борьбе с определенными деяниями¹. Если сформулированные предпосылки криминализации деяния сопоставлять с его общественной опасностью, то они соотносятся как причина и следствие. Категория общественной опасности не может быть поставлена в один ряд с явлениями и процессами социальной жизни, побуждающими законодателя к объявлению того или иного деяния разновидностью преступления.

Некоторым исследователям подобный подход представляется категорически неприемлемым. По мнению Л.В. Головки, сегодня «критерием криминализации стало абсолютно произвольное решение об объявлении того или иного деяния “общественно опасным” (причем часто без малейшей озабоченности размером наказания) и выдаче ему формального “пропуска” в закрытое пространство УК, а критерием декриминализации – столь же произвольное решение об исключении деяния из УК РФ»². Однако сложившаяся в области криминализации ситуацию едва ли будет уместно оценивать в терминах, характеризующих некий произвол. Следует иметь в виду, что общественная опасность деяний, особенно относящихся к категориям преступлений небольшой или средней тяжести, не всегда потрясает своим антисоциальным значением. Часто сложно провести грань между общественно опасным и просто вредоносным действием или актом бездействия. В таких случаях, когда злонамеренность оцениваемого поступка выражена неотчетливо, законодателю приходится принимать волевые решения относительно его признания (непризнания) в качестве опасного для интересов личности, общества, государства или мирового сообщества в целом.

Известные сложности в определении общественной опасности как материально выраженной вредоносности деяния на методологическом уровне объяснимы с позиции природы понятий, используемых отраслью уголовного законодательства. Категориальный аппарат уголовного права наполнен дефинициями, которые по своим источникам и сущностным признакам условно можно разделить на две группы. Первую из них образуют понятия, разъясняемые в содержании

¹ См.: Там же. С. 53.

² Головка Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 79.

других отраслей права. К таковым относятся категории регулятивного законодательства, термины уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Совершенно очевидно, что содержание общественной опасности к данной группе непосредственного отношения не имеет.

Вторая дефинитивная группа образована сугубо уголовно-правовыми категориями, напрямую обуславливающими природу и отраслевую самостоятельность уголовного законодательства. Одно из центральных мест в заданной группе занимает общественная опасность как неотъемлемый признак преступления. Вне уголовно-правовой материи рассуждать о наличии общественной опасности в соответствующем деянии возможно только с большой долей условности. В практике общественной жизни она лишена конкретной формы выражения. В.Е. Жеребкин по этому поводу пишет: «Общественная опасность является таким понятием, которое не имеет заранее установленных признаков. Признавая те или иные деяния элементами множества “общественно опасные деяния”, законодатель ни на какое четко и точно определяемое понятие не опирается. Для законодателя не существует строго обозначенных признаков общественной опасности»¹.

Высказывание ученого подвергает критике П.С. Тоболкин, считая его «не способствующим повышению авторитета юридической науки»². Однако сделанное замечание едва ли можно считать уместным. От утверждения В.Е. Жеребкина юридическая наука не только не проигрывает, но и получает дополнительный аргумент в пользу концепции, допускающей существование общественной опасности исключительно в облике неотъемлемого формально-материального признака преступного деяния. Все известные теоретические попытки исследователей вытеснить категорию общественной опасности за рамки понятия преступления являются искусственными и заведомо обреченными на неудачу. Вне отрасли уголовного права общественная опасность, рассматриваемая исследователями в качестве некоего абстрактного материального детерминанта криминализации, лишается своей уголовно-правовой природы и конкретных параметров.

¹ Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 44.

² Тоболкин П.С. Указ. соч. С. 57.

Иную и весьма оригинальную точку зрения относительно основания принятия нового уголовно-правового запрета высказал А.В. Грошев. Он полагает, что в числе оснований криминализации особое место занимает общественное правосознание, которое «познавая общественную опасность определенных деяний и требуя установления их уголовной наказуемости, выступает социально-психологическим основанием уголовно-правового запрета»¹.

Суждения А.В. Грошева хотя и представляют определенный интерес для уголовно-правовой науки, при этом отражают тупиковое направление в установлении основания криминализации. Практика показывает, что общественность далеко не всегда готова однозначно и адекватно реагировать на неблагоприятные изменения повседневной действительности. Формируемые в социальной среде настроения и оценки нередко имеют ярко выраженную эмоциональную окраску. Особенно явно радикальное отношение граждан выражается к резонансным конфликтным ситуациям, связанным с риском ущемления прав и свобод личности, законных интересов отдельных социальных групп и общества в целом. В массовом сознании довлеет стереотип относительно необходимости тотальной криминализации деяний, способных хотя бы минимально навредить отношениям с участием обычного человека. Совершенно очевидно, что в подобных случаях представительная власть должна не ориентироваться на крайности общественного сознания, а самостоятельно формировать его русло путем реализации нравственной уголовно-правовой политики государства.

Определяясь с основанием уголовно-правового запрета, методологически правильно исходить из понимания конкретных параметров социального отношения, которое для своего нормального существования, функционирования и развития нуждается в обеспечительной услуге отрасли уголовного права. Само по себе уголовное законодательство не задает юридических границ объекта уголовно-правовой охраны. Вследствие отраслевой специфики ему не свойственно вмешиваться в процесс регулирования интересов личности, общества и государства,

¹ Грошев А.В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 5.

охраняемых от преступных посягательств. Справедливо утверждение В.Г. Смирнова относительно того, что «если все иные отрасли советского права создаются в целях организации определенного порядка каких-либо отношений, который затем в этих же целях и обеспечивается соответственными методами правового воздействия, то уголовное законодательство, напротив, создается в целях охраны, обеспечения нормального процесса социалистических общественных отношений и в этих же целях устанавливает порядок организации отношений, возникающих вследствие совершения особо тяжких правонарушений – преступлений»¹.

Сделанный посыл относительно механизма взятия под охрану соответствующих объектов и их правовых границ представляется основательным. По этому поводу Б.Т. Разгильдиев уточняет, что «регулятивные отрасли права опосредованно испытывают для нормального своего функционирования потребность в уголовном праве. И уголовное право удовлетворяет эту потребность посредством взятия под свою охрану некоторых частей предмета регулирования соответствующих отраслей права. Отсюда следует сделать вывод, что объектами уголовно-правовой охраны выступают те или иные части предмета, который в целом непосредственно регулируется соответствующей отраслью права»². По логике сформулированной мысли, объектом уголовно-правовой охраны становятся отношения, урегулированные позитивными отраслями законодательства (правоотношения), находящиеся под угрозой негативного воздействия.

Аналогичного мнения придерживается В.Е. Бондаренко, которая, будучи последовательницей учения Б.Т. Разгильдиева, признает в качестве основания уголовно-правовой охраны «наличие урегулированных позитивными отраслями права общественных отношений, терпящих ущерб от общественно опасных посягательств»³. Однако в подобной интерпретации основания взятия под уголовно-правовую охрану того или иного объекта нами принципиально не разделяется тезис о том, что уязвимые правоотношения испытывают негативное воздействие со

¹ Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права: предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1965. С. 8.

² Уголовное право России. Курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. Т. 1. Кн. 1. С. 314.

³ Бондаренко В.Е. Указ. соч. С. 10.

стороны общественно опасных деяний. Следуя логике уголовного закона, общественно опасным деяние становится исключительно после его официального признания преступным. Законодатель от имени и в интересах общества самостоятельно решает вопрос о том, какие именно деяния на сегодня представляют угрозу материальному порядку. Следует согласиться с В.Ф. Цепелевым в том, что «конкретное содержание уголовной политики определяется обстоятельствами того периода, который переживает государство... Избранная государством уголовно-политическая позиция закрепляется в уголовном праве, облеченная в форму уголовного закона»¹.

Изложенное позволяет сделать вывод, что основанием уголовно-правового запрета выступает выявленная угроза причинения вреда правоотношениям, отражающим часть сложившегося в обществе материального порядка, устранение которой возможно посредством официального объявления соответствующего деяния преступным².

Решая вопрос о взятии под уголовно-правовую охрану нового объекта, отражающего часть предмета регулирования позитивной отрасли права, законодатель должен учитывать следующие важные условия:

1. Регулятивный потенциал в устранении проблемы, затрагивающей сложившийся в обществе материальный порядок, должен быть полностью исчерпан. В противном случае невозможно конкретизировать границы нуждающегося в охране объекта и обозначить криминообразующие признаки угрожающих ему деяний. Уголовное право не может предвосхищать появление общественно опасных форм поведения правоисполнителя в тех сферах, регулирование которых только предстоит или находится в активной фазе. Подобные законодательные эксперименты могут серьезным образом затормозить развитие социально полезных связей. Например, сегодня только формируется национальное законодательство, направленное на регулирование отношений по секвенированию и редактирова-

¹ Цепелев В.Ф. Уголовно-политическая обусловленность уголовного законодательства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 125.

² См. подробнее: Герасимов А.М. Криминализация как инструмент политики государства в условиях инновационных преобразований // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. № 2. С. 105–113.

нию генома человека. Открытыми остаются фундаментальные юридические вопросы, касающиеся направлений и пределов геномных исследований в репродуктивных целях, допустимых методов терапевтического воздействия на заболевания наследственной природы, обоснованности рисков при манипуляциях с ДНК, находящейся в клетках людей. Несмотря на достаточно поверхностную правовую упорядоченность инновационной медицины и биотехнологий, некоторыми представителями научной общественности уже достаточно давно высказаны идеи о необходимости криминализации целого ряда деяний, касающихся проведения геномных исследований. Еще в 2006 г. Н.Е. Крылова предложила включить в уголовное законодательство нормы, запрещающие клонирование человека, ввоз или вывоз клонированных эмбрионов человека, вмешательство в генотип человека, не связанное с лечением, дискриминацию человека по генетическим признакам¹.

Высоко оценивая теоретическое значение сделанных рекомендаций, даже сегодня, спустя более десяти лет, нельзя считать своевременным и целесообразным установление жестких ограничений в научно-исследовательской среде, юридические параметры которой только предстоит определить. Конкретные последствия такого рода законодательных нововведений в инновационной медицине обосновал А.Г. Блинов. В своем исследовании он подчеркивает, что «поспешное возведение соответствующего действия (бездействия) в разряд преступления не способствует четкому определению границ того объекта, который испытывает потребность в уголовно-правовой охране. Похожую ситуацию можно наблюдать в практике нормотворцев стран, принявших решение криминализировать клонирование человека и иные манипуляции с генетическим материалом (Бельгия, Казахстан, Франция). Разработанные ими уголовно-правовые нормы внятно не отражают перечень и формы деяний, признаваемых общественно опасными. Модели новых составов преступлений представлены чрезмерно абстрактно. Они не позволяют решить задачу по конкретизации сущностных признаков поступков, от совершения которых обязаны воздерживаться правоисполнители. Основываясь на

¹ Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 11–15.

их содержания, трудно провести грань между разрешенными и запрещенными видами новаторской деятельности в области медицинской генетики»¹.

2. Содержание разрабатываемой нормы уголовного закона должно соответствовать требованиям нравственности. Основываясь на идее о том, что нравственность предполагает удовлетворение интересов человека без ущемления интересов иных лиц, новая модель уголовно-правового поведения должна отвечать двум требованиям. Первое из них обусловлено социальной ориентированностью уголовного права. Действующие и вновь принимаемые нормы уголовного закона должны «работать» на интересы человека, а не против них. В уголовно-правовых отношениях данное требование обеспечивается удержанием криминально неустойчивых лиц от совершения преступлений, каждое из которых прямо или косвенно представляет угрозу благополучию и безопасности личности.

Подавляющее большинство норм уголовного законодательства отвечает нравственному предписанию, обязывая физических лиц воздерживаться от поведения, которое мотивировано желанием обеспечить собственные потребности за счет ограничения прав и свобод иных граждан или охраняемых законом интересов общества и государства. Однако существуют конкретные примеры того, когда принудительный ресурс уголовного права используется в ущерб нравственным приоритетам. В качестве характерного примера тому выступает содержание примечания к ст. 291 УК РФ, согласно которому лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно сообщило о данном факте органу, имеющему право возбудить уголовное дело. На первый взгляд, закрепляя данную норму, законодатель преследовал позитивную цель, связанную с повышением раскрываемости высоколатентных преступлений. В то же время Т.Г. Даурова справедливо задается вопросами: «Оправдывает ли даже такая цель безнравственность средств ее достижения? И не смущает ли законодателя близость поощряемых им действий с уголовно-наказуемой провокацией взятки (ст. 304

¹ Блинов А.Г. Правовая среда проведения геномных исследований и перспективы ее оптимизации в России // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 4 (57). С. 142–143.

УК)?»¹. Предметные ответы на поставленные вопросы формулирует Б.Т. Разгильдиев, давая следующую нравственную оценку указанному примечанию: «Освобождая лицо, давшее взятку, от уголовной ответственности на основании названного признака, государство тем самым порождает зло... В этой ситуации лицо, заведомо зная, что дача взятки запрещена уголовным законом, что она нарушает одно из обязательных требований, предъявляемых к должностному лицу, – быть неподкупным, что его деяние (дача взятки) развращает должностное лицо, тем не менее дает ее... То есть лицо, дающее взятку, совершает фактически два преступления: склоняет должностное лицо к получению взятки – первое преступление. Второе – дает должностному лицу взятку. И несмотря на это обстоятельство, оно освобождается от уголовной ответственности, если информирует о ней (взятке правоохранительный орган)»². Складывается парадоксальная ситуация, когда с целью противодействия одному преступлению законодатель предусматривает средство уголовно-правового стимулирования двух других преступных деяний. Как следствие, страдает сложившийся в обществе материальный порядок, ядро которого составляют права, свободы и законные интересы человека.

Второе требование нравственности, обращенное к содержанию уголовного законодательства, касается пределов воздействия на сознание и волю правоисполнителя. Норма уголовного права не должна ограничивать свободу человека, обусловленную его естественными правами и приобретенным статусом. Между тем, как показывает нормотворческая практика, законодатель может допускать отступления от данного требования. Ярким примером тому выступает принятое уголовно-правовое решение по межотраслевой проблеме повышения пенсионного возраста, которая приобрела широкий общественный резонанс. Разработанный правовой механизм обеспечения трудовых отношений дополнен нормой, обязывающей работодателя под угрозой наказания не рассматривать предпенсионный

¹ Даурова Т.Г. Нравственное состояние уголовного права как критерий его эффективности // Эффективность уголовного законодательства Российской Федерации и обеспечение задач, стоящих перед ним: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (25–26 марта 2004 г.): в 2 ч. Саратов, 2004. Ч. 1. С. 29.

² Уголовное право России. Курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. Т. 1. Кн. 1. С. 302.

возраст человека в качестве мотива, имеющего определяющее значение при приеме на работу или увольнении (ст. 144¹ УК РФ). Обозначенное нововведение позиционировано как проявление заботы о материальных интересах представителей старшего поколения, которые только через несколько лет смогут претендовать на получение пенсии по старости. Вместе с тем в регулировании и охране отношений с участием работника предпенсионного возраста законодатель явно демонстрирует двойные стандарты. С одной стороны, государственные и общественные деятели в средствах массовой информации широко пропагандируют возможности современного работника предпенсионного возраста выполнять профессиональные функции на стабильно высоком уровне. Повышение пенсионного возраста представлено в качестве объективно необходимого условия продолжения трудовой деятельности лиц, физиологически способных и желающих выполнять необходимые трудовые функции. С другой стороны, установлением уголовной ответственности за отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лиц предпенсионного возраста парламентарии признают, что после достижения определенного количества лет граждане перестают оцениваться работодателями как эффективные работники. Иного объяснения для появления новой уголовно-правовой обязанности работодателя найти сложно. Если сделанное предположение ложное, то утрачивается смысл принятия нормы уголовного закона, которая сейчас закреплена в ст. 144¹ УК РФ.

Завуалированная логика принятых законодательных нововведений, внесших существенные коррективы в механизм регулирования и охраны трудовых отношений, вполне объяснима. С возрастом профессиональные навыки и умения работника естественным образом утрачиваются. Человек все чаще ощущает физиологические изменения своего организма, требующие больше времени на отдых и восстановление способностей к трудовой деятельности. Даже некоторые исключения, обусловленные спецификой трудовой функции или индивидуальными особенностями здоровья работника, принципиально не влияют на среднестатистические показатели результативности труда лиц старшего возраста.

Отчетливо сознавая ограниченные возможности работника предпенсионного возраста, работодатель предпочитает воспользоваться услугами более молодого специалиста. Принимая соответствующие решения, он не стремится ущемить чьи-либо интересы. Им движет естественное желание поддержать высокую эффективность труда. Трудовое законодательство не признает проявлением дискриминации случаи, когда работодатель вынужден учитывать деловые качества работника, включая способности физического лица по состоянию здоровья выполнять определенную трудовую функцию (ст. 3, 10 ТК РФ). До недавнего времени особых проблем с такого рода ситуациями не было, поскольку лица анализируемой возрастной группы могли полагаться на пенсию. Однако с повышением пенсионного возраста образовалась прослойка людей, которая стала социально уязвимой. Будучи слабо востребованными среди работодателей, многие представители старшего поколения российских граждан лишились права получать пенсию по достижении 60 и 55 лет (соответственно мужчины и женщины).

С целью нивелирования возникшей социальной напряженности законодатель прибегнул к ресурсам уголовного закона, фактически принудив работодателя к использованию труда людей старших возрастных групп. Принятые нововведения в сфере трудовых отношений можно расценить в качестве не чего иного, как стремления публичной власти снять с себя и переложить на работодателя финансовые обязательства по удовлетворению интересов граждан, имеющих в силу возраста конституционное право на социальное обеспечение. Одновременно можно констатировать необоснованное ограничение свободы работодателя, принуждаемого инструментами уголовного права к поведению, которое не обусловлено его личными и профессиональными интересами, а также правовым статусом. В связи с этим сущность нормы ст. 144¹ УК РФ, будучи ориентированной на решение социальной проблемы государственного значения за счет ущемления прав и свобод работодателя, противоречит нравственным приоритетам.

3. Разрабатываемая федеральным законодателем норма уголовно-правового поведения должна отвечать материально-идеологическим началам охранительной отрасли, заложенным в ее принципах. Следует согласиться с выводом И.В. Кор-

шикова о том, что принципы уголовного права представляют собой «обусловленные закономерностями и потребностями общественного развития требования общества к государству, облеченные в форму закона, по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в процессе принятия уголовных законов и их реализации в рамках задач уголовного законодательства»¹.

В законодательной политике государства уголовно-правовые принципы играют роль маркеров соблюдения прав и свобод человека как участника охранительных отношений. Если разрабатываемая норма уголовного закона начинает вступать в противоречие с конкретным принципом уголовного права, то возникает реальная угроза законности, равенству граждан перед законом, субъективному вменению, справедливости или гуманизму. Возникшая уголовно-правовая коллизия всегда решается в пользу соответствующего принципа уголовного законодательства.

Контроль за проводимой уголовно-правовой политикой государства уполномочен осуществлять Конституционный Суд РФ. Обладая особым статусом, судебный орган конституционного контроля вправе принимать юридически значимые решения, касающиеся согласованности содержания норм уголовного законодательства с правами и свободами человека, а также допустимыми пределами их ограничения. Высказанные позиции Конституционного Суда РФ по проблемам криминализации как основного инструмента уголовной политики публичной власти сумел обосновать и систематизировать Ю.Е. Пудовочкин².

Практике конституционного судопроизводства известны случаи, когда законодатель отступал от смысла идей, заложенных в принципах уголовного права. Один из известных прецедентов получил оценку в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда». Согласно нему, п. 2 примеча-

¹ Коршиков И.В. Принцип гуманизма в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 6.

² См.: Пудовочкин Ю.Е. Основания, принципы и правила криминализации общественно опасных деяний в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. 2008. № 5 (25). С. 76–84.

ний к ст. 264 УК РФ признан не соответствующим принципу равенства граждан перед законом. По заключению Конституционного Суда РФ, он ставит лицо, которое вследствие управления транспортным средством в состоянии опьянения причинило по неосторожности тяжкие последствия и скрылось с места дорожно-транспортного происшествия, в преимущественное положение по сравнению с иными лицами, указанными в данном пункте¹.

На уровне уголовно-правовой теории также обнаруживаются законодательные просчеты, связанные с реализацией требований уголовно-правовых принципов. В частности, по мнению И.В. Ботвина, «примером нарушения равенства граждан перед законом может послужить и то, что в действующем законе продолжает существовать норма, согласно которой ответственность усиливается за преступления, совершенные сотрудником органа внутренних дел (п. «о» ч. 2 ст. 63 УК РФ)»².

Резюмируя все изложенное относительно криминализации как инструмента политики государства по решению задач уголовного законодательства, формулируем несколько значимых выводов.

1. Традиционная теория криминализации, разработчики и активные сторонники которой основанием возведения деяния в разряд преступного признают достижение им уровня общественной опасности, обнаруживает существенный недостаток. Методологически она не в состоянии обосновать параметры категории общественной опасности, рассматриваемой вне уголовно-правовой материи. В определении конкретных объективных граней общественно опасного деяния ключевую роль играет законодательная воля. Сказанное служит дополнительным аргументом в пользу того, что общественная опасность может существовать только в качестве неотъемлемого признака преступления.

2. Основанием уголовно-правового запрета выступает выявленная угроза причинения вреда правоотношениям, отражающим часть сложившегося в обще-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 19, ст. 2812.

² Ботвин И.В. Учет принципов уголовного права при оценке преступного деяния // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. Омск, 2020. С. 75.

стве материального порядка, устранение которой возможно посредством официального объявления соответствующего деяния преступным.

3. Прибегая к инструменту криминализации, федеральный законодатель сталкивается с рядом условий. Первое условие предполагает, что регулятивный потенциал в решении проблемы, затрагивающей сложившийся материальный порядок, полностью исчерпан. Второе условие связано с нравственными требованиями, предъявляемыми к новой модели уголовно-правового поведения, согласно которым она должна: исходить из приоритета интересов человека и его безопасности; не ограничивать свободу личности, обусловленную его естественными правами и приобретенным статусом. Третье условие вытекает из необходимости соблюдения материально-идеологических начал отрасли уголовного законодательства, заложенных в ее принципах.

Предлагаемые основание и условия признания деяния в качестве преступного могут послужить основой для дальнейшего развития теории криминализации, а также решения иных важных вопросов, касающихся понятия общественной опасности деяния, материальной сущности преступления, природы вредоносных поступков, не обладающих свойствами общественной опасности.

§ 4. Методологические основания

разграничения уголовного и административного правонарушений

В духе обозначившихся тенденций правовой жизни все больше исследователей, занимающихся вопросами юридической оценки отклоняющегося от нормы поведения правоисполнителя, находят области соприкосновения уголовного и административного правонарушений. Заметно возросла популярность концепций их единой деликтной сущности, общих свойств, смежных составов. Учеными обнаруживается сходство в терминологических аппаратах отраслей уголовного и административно-деликтного законодательства¹. Объектом научных дискуссий

¹ Нами разделяется позиция исследователей, обосновывающих отраслевую самостоятельность «административно-деликтного права» (См.: Шергин А.П. Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 53, 59; Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. С. 170).

нередко становится общественной опасностью деяний, оцениваемых по уголовному закону и законодательству об административных правонарушениях. Особую остроту ситуации придает неоднозначное отношение научного сообщества к институту административной преюдиции, не так давно дополнившему содержание действующего уголовного закона. По рельефному замечанию А.А. Агеева, существующие между уголовным правом и законодательством об административных правонарушениях «точки напряжения» стимулируют возникновение таких феноменов, как «недопреступления», субсидиарные деликты, юридические правонарушения с уголовно-правовым подтекстом¹. В своей совокупности они отражают составляющие единой межотраслевой проблемы, решение которой предполагает обоснование методологии разграничения уголовного и административного правонарушений.

Поставленная научная задача напрямую связана с достижениями и разработками теории дифференциации юридической ответственности. Как отмечают Л.Л. Кругликов и А.В. Василевский, дифференциация ответственности представляет собой «осуществляемое законодателем разделение последней, дозировку с учетом определенного рода обстоятельств, целью которой является создание для правоприменителя желаемого режима при определении меры (вида и размера) ответственности за совершенное правонарушение»². Ее значение заключается в выстраивании платформы для выявления конкретных приемов и средств размежевания юридической ответственности, позволяющих законодателю поддерживать необходимое межотраслевое взаимодействие. Однако в большей степени теория дифференциации ответственности затрагивает конкретную методику, нежели методологию разграничения правонарушений. Содержание последней предполагает развитие учения об основаниях отнесения социально нежелательного деяния к ведению соответствующей отрасли законодательства.

¹ См.: Агеев А.А. О совершенствовании уголовного и гражданского права, судьбе законодательства об административных правонарушениях и взаимоотношении их между собой и с другими отраслями права России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 24–25.

² Кругликов Л.Л., Василевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 62.

Для того чтобы обеспечить заявленный уровень исследования требуется обосновать уникальную природу уголовного и административного правонарушений. Следует полагать, она обусловлена содержанием категорий, определяющих отраслевую самостоятельность охранительного и административно-деликтного законодательств. К таковым принято относить предмет, метод, задачи отрасли права.

Вопрос о предмете уголовного права обстоятельно рассмотрел основатель научной школы «Задачи уголовного законодательства и уголовно-правовой механизм их обеспечения» Б.Т. Разгильдиев. Он пришел к логичному заключению о том, что в качестве такового выступает «человек, посредством воздействия на которого уголовное право как отрасль удерживает его от совершения преступления»¹. Согласно авторской концепции, каждая норма уголовного законодательства призвана разъяснить вменяемому физическому лицу, достигшему возраста уголовной ответственности, суть обязанности по воздержанию от совершения преступления. Поставленная цель достигается императивным методом, находящим непосредственное отражение в угрозе наказанием, применении иных мер уголовно-правового характера, возможности претерпеть ущерб от поведения других лиц в рамках обстоятельств, исключаяющих преступность деяния. При этом перед отраслью уголовного права стоят две задачи. Уголовно-правовое стимулирование правоисполнителя к созидательному поведению, свободному от криминальной мотивации, обеспечивает задачу по охране интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. В отношении лица, нарушившего свою уголовно-правовую обязанность, решается задача предупреждения новых преступлений.

Обратившись к аналогичным аспектам отрасли административно-деликтного права, обнаруживаем несколько иную картину. Предмет законодательства об административных правонарушениях, как отмечает известный ученый-административист Ю.Н. Стариков, образуют отношения, «которые возника-

¹ Разгильдиев Б.Т. Предмет уголовного права // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: матер. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. А.Н. Красикова (25–26 апреля 2002 г.). Саратов, 2002. С. 23.

ют в процессе применения мер административного принуждения уполномоченными органами и должностными лицами к субъектам, нарушающим обязательные для всех правила поведения»¹. При этом отрасль оперирует императивным методом, основывающимся на мерах административной ответственности. В ходе своей практической реализации законодательство об административных правонарушениях решает задачи по защите личности, общества и государства от административных правонарушений, а также по их предупреждению (ст. 1.2 КоАП РФ).

Показанные природообразующие компоненты отраслей уголовного и административно-деликтного законодательства свидетельствуют об их формальном сходстве. Они воздействуют на определенный круг субъектов, используют императивный метод, решают схожие задачи по противодействию правонарушениям. На основании этого в науке резюмируется, что нормы уголовного и административно-деликтного законодательства по своей юридической природе являются охранительными². Вместе с тем выражены и сущностные отличия исследуемых отраслей права, требующие своего подробного пояснения.

Первоначально внимание стоит сосредоточить на том обстоятельстве, что уголовный закон ориентирован исключительно на сознание и волю вменяемого физического лица, достигшего возраста уголовной ответственности. Принципиальность высвеченной особенности предмета охранительного законодательства очевидна. Источником и носителем исходящей от преступного посягательства опасности может быть только человек, способный по своему развитию и состоянию здоровья познать социальное значение учиненного деяния. Речь идет о субъективном восприятии правоисполнителем материальной стороны преступления, суть которой отражает категория общественной опасности. Психическое отноше-

¹ Общее административное право: учебник / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2007. С. 53.

² См.: Большова И.А. Соотношение норм уголовного и административного законодательства: методологический анализ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 4 (81). С. 108–118; Кауфман М.А. Преступления и административные правонарушения: проблемы соотношения и квалификации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 110; Копченко И.Е. Разграничение норм административного и уголовного законодательства в процессе юридической квалификации неправомерных действий // Теория и практика общественного развития. 2016. № 5. С. 83.

ние лица к общественной опасности своего поступка обуславливает ядро уголовно-правовой идеи виновности, находящей свою конкретизацию в форме умысла или неосторожности. Так, в соответствии со ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным умышленно, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния, предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления, либо не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. Аналогичным путем на основе психического отношения лица к общественно опасному деянию и возможным общественно опасным последствиям формируются интеллектуальный и волевой моменты неосторожной формы вины (ст. 26 УК РФ). Таким образом, конкретные форма и вид вины в уголовном праве демонстрируют уровень готовности человека к посягательствам на права и свободы личности, законные интересы отдельных социальных групп, государства и всего человечества, выступающие органическими частями сложившегося в обществе материального порядка.

Иначе обстоит дело с отраслью административно-деликтного права, оказывающей воздействие не только на физических, но и на юридических лиц. Административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность (ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ). Явно выраженный акцент на формальном содержании административного правонарушения позволяет заключить, что административно-деликтное право не предъявляет к качествам правоисполнителя требований, напрямую связанных со способностью человека осознавать социальное значение своего поведения.

Сделанное предположение подтверждается содержанием административно-правового института вины. Так, согласно ч. 1 ст. 2.2 КоАП РФ, «административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично». С помощью

аналогичных категорий формулируется понятие неосторожности (ч. 2 ст. 2.2 КоАП РФ). То есть интеллектуальный и волевой моменты вины в законодательстве об административных правонарушениях зиждутся на смысловой нагрузке понятий «сознание противоправности» и «вредные последствия».

Осознание противоправности содеянного предполагает, что физическое лицо понимает факт нарушения нормы или правила поведения в сложившейся ситуации. В отношении юридических лиц ч. 2 ст. 2.2 КоАП РФ содержит соответствующую оговорку: «Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению». Тем самым законодатель намеренно сосредоточивает внимание на формальном характере административного правонарушения. В большинстве случаев оно вообще не влечет никаких сколько-нибудь значимых социальных последствий. Например, водитель транспортного средства, допускающий превышение установленного ограничения скорости, формально нарушает п. 10 ПДД РФ. Однако совершенное им административное правонарушение сложившийся в обществе материальный порядок не затрагивает. Виновное в административном правонарушении лицо отчетливо понимает, что игнорирование тех или иных предписаний не приведет к разрушению отношений, обеспечивающих интересы личности, общества или государства.

Сложно признать правоту Н.А. Букша, настаивающей на тождестве понятий «осознание противоправности» и «осознание общественной опасности»¹. В официальных дефинициях административного правонарушения и форм вины категория общественной опасности даже не упоминается. Можно лишь предположить, что мысль об аналогии обозначенных феноменов навивает и стимулирует указание законодателя на вредные последствия административного правонарушения. В

¹ См.: Букша Н.Ю. Субъективная сторона административного правонарушения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 70–72. URL: <https://rucont.ru/efd/560904> (дата обращения: 30.04.2019).

тех случаях, когда состав административного правонарушения охватывает наступление вредных последствий, необходимо установить психическое отношение к ним физического лица. Вместе с тем наличие вредных последствий правонарушения едва ли является показателем общественной опасности содеянного.

Желание отдельных исследователей уравнивать общественную опасность с вредоносностью деяния во многом объясняется тем, что «эти категории достаточно редко подвергаются содержательному наполнению»¹. В границах доктрины административно-деликтного права такое положение вещей носит вполне закономерный характер. Более емкое понятие общественной опасности не свойственно административному правонарушению. По этой причине ученые-административисты склонны избегать необходимости выявлять сущностные отличия общественной опасности преступления и вредности административного правонарушения. Однако юридическая наука не только в состоянии, но и обязана обосновывать методологические основания разграничения правовых категорий общественной опасности и вредности. В противном случае едва ли будет уместно говорить о том, что решение проблемы соотношения преступления с административным правонарушением доведено до уровня доктрины.

Разграничить содержание общественной опасности преступления и вредности административного правонарушения возможно по ряду оснований, которые логично представить в виде нескольких тезисов.

1. Категория «вред» в дефинициях общественной опасности преступления и вредности административного проступка подразумевает совершенно разный смысл. В уголовно-правовых аспектах вредоносность далеко не всегда отражает сущность общественной опасности. Общественная опасность является свойством строго определенной вредоносности. Будучи конструктивным и неотъемлемым признаком преступления, она характеризует вред охраняемому уголовным законом объекту, угрожающий сложившемуся в обществе материальному порядку. Вред от общественно опасного посягательства отражается всей совокупностью

¹ Кобзева Е.В. О содержании и соотношении понятий «общественная опасность» и «общественная вредность» деяний в общей теории права // Евразийский юридический журнал. 2018. № 12 (127). С. 107.

объективных и субъективных признаков деяния, находящегося под угрозой уголовного наказания. Например, вред от преступлений, предусмотренных ст. 126, 127, 127¹ УК РФ, определяющий усредненный характер их общественной опасности, «заключается в незаконном ограничении человека в его физической свободе, в том числе в свободе передвижения и выбора места своего нахождения»¹. Конкретные обстоятельства совершения преступления и личность виновного могут существенным образом сказываться на степени общественной опасности содеянного. Однако характер вреда от похищения человека, незаконного лишения свободы и торговли людьми всегда будет определяться самим посягательством на свободу личности, образованным соответствующими объективными и субъективными признаками.

Наличие общественной опасности не предполагает обязательного вреда в виде наступления каких-либо объективно выраженных последствий учиненного деяния. Преступления с формальным составом, приготовления к тяжким или особо тяжким преступлениям, покушения на преступления по смыслу уголовного закона также характеризуются общественной опасностью.

В свою очередь административно-деликтное законодательство не закладывает категорию вредоносности непосредственно в понятие административного правонарушения (ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ). Термин «вред» официально используется только в качестве характеристики последствия как одного из признаков объективной стороны состава административного правонарушения. В частности, ст. 7.27 КоАП РФ предусматривает ответственность за мелкое хищение, предполагающее последствие в виде ущерба собственнику или иному законному владельцу имущества от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей. При этом немаловажно отметить, что вредные последствия включаются в объективную сторону далеко не всех составов административных деликтов. Составы преимущественного большинства административных проступков сконструированы как формальные и вообще не предполагают наступления какого-либо реального вреда.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

Рассуждая об административном правонарушении как нежелательном явлении в более широком смысле, многие ученые пытаются истолковывать его вредоносную сущность применительно ко всему деянию. Здесь обнаруживаются две точки зрения. Согласно первой из них, достаточно ясно представленной О.С. Захаровой, «административные правонарушения, как и преступления, являются общественно опасными, различаясь лишь по степени общественной опасности, поскольку оба этих вида правонарушений часто имеют общий объект посягательства»¹. Относительно наличия некоторой степени общественной опасности административных правонарушений с ней солидарны и другие исследователи².

Логика представленных суждений приблизительно следующая. Преступления и административные правонарушения имеют идентичные объекты, негативное воздействие на которые уже само по себе свидетельствует об общественной опасности учиненного деяния. Однако здесь не учитывается одно важное обстоятельство. Общественная опасность преступления определяется не столько ценностью объекта посягательства, сколько совокупностью всех объективных и субъективных признаков деяния, оказывающих на него негативное воздействие. Проиллюстрируем данное утверждение на примере. Простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и неотягощенное квалифицирующими обстоятельствами причинение смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 109 УК РФ) имеют идентичный объект, охватываемый отношениями, непосредственно связанными с обеспечением жизни человека.

¹ Общее административное право: учебник / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2007. С. 531.

² См.: Арутюнов А.А. К вопросу о соотношении уголовного и административного права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 33–34; Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком смысле» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1 (6). С. 38; Клейменов М.П. Административное и уголовное правонарушение: проступок и преступление // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 173; Константинов П.Ю., Соловьева А.К., Стуканов А.П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений // Правоведение. 2005. № 3. С. 64; Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной и административной политики // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 173; Майоров В.И. Об общественной опасности административных правонарушений в области дорожного движения // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 13 (368). Вып. 42. С. 45; Рогова Е.В. Межотраслевая дифференциация ответственности // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: сб. Всерос. науч.-практ. конф. (27 апреля 2018 г.) / гл. ред. П.А. Капустюк, отв. ред. Р.А. Забавко. Иркутск, 2018. С. 5.

В то же время, исходя из предусмотренных за них санкций, первое деяние выступает особо тяжким преступлением, тогда как второе относится к категории преступлений небольшой тяжести. Приведенный пример наглядно подтверждает тезис о том, что общественная опасность содеянного представляет собой некую сумму причиненного вреда объекту охраны.

Совокупный вред от преступного посягательства достигает таких масштабов, что возникает угроза материальному порядку. Его центральным элементом выступает человек. Не случайно ч. 1 ст. 7 УК РФ «Принцип гуманизма» провозглашает, что уголовное законодательство обеспечивает безопасность человека. Другие элементы материального порядка, образованные интересами общества, государств и всего мира, способствуют благополучию человека. Угрозы обществу, государству и миру в целом так или иначе затрагивают интересы личности.

Что касается «суммы вреда» личности, обществу и государству от административного правонарушения, то она качественно отличается от совокупного вреда, свидетельствующего об общественной опасности содеянного. По существу, вредоносность административно-правового деликта ограничивается формальным нарушением нормы или правила поведения в сложившейся ситуации. При этом речь идет не только о предписаниях, установленных федеральным законодателем. Основанием для привлечения лица к административной ответственности может быть нарушение норм и правил поведения, принятых на уровне соответствующего региона. Поэтому законодательство об административных правонарушениях не является унифицированным для всех субъектов Российской Федерации. Оно включает КоАП РФ и принимаемые в соответствии с ним законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (ч. 1 ст. 1.1 КоАП РФ). Деяния, признаваемые противоправными в одном регионе, вполне могут быть правомерными в других. По данному аспекту административный проступок существенно отличается от общественно опасного деяния, исключаящего какую-либо региональную специфику. Закономерно следует вывод о том, что административное правонарушение интересов общества не затрагивает и потому не носит социально опасного характера. В противном случае административно-

деликтное право, по аналогии с уголовным законодательством, логично было бы облечь в форму кодифицированного свода федеральных законов, принятых парламентариями от имени и в интересах всех граждан Российской Федерации.

На основании изложенного можно признать состоятельность второй позиции по анализируемому вопросу, согласно которой противоправность административного проступка и есть отражение его вредоносности. «Вредность административных правонарушений выражается в нарушении административного правопорядка в определенной, установленной административным законом сфере»¹. При этом в отрасли административно-деликтного права вредоносность деяния не дифференцируется. В отличие от преступлений административные правонарушения лишены категориального деления, что еще раз подтверждает отсутствие в них сколько-нибудь значимого свойства опасности.

2. Общественная опасность имеет не только источник, но и конкретного носителя. В качестве источника и одновременно носителя общественной опасности выступает человек, нарушивший уголовно-правовую обязанность воздерживаться от совершения преступления. Удовлетворив криминальный мотив и получив практический опыт преступного посягательства, виновное лицо определенное время представляет угрозу для сложившегося в обществе материального порядка. Общественная опасность становится социальной частью лица, причинившего вред охраняемым уголовным законом объектам.

Что же касается вреда от административного проступка, то он имеет только источник. Совершив административное правонарушение, физическое или юридическое лицо не рассматривается в качестве носителя опасности причинения вреда интересам личности, общества, государства, мира и безопасности человечества.

3. Общественная опасность характеризуется определенными временными пределами. Она возникает в момент констатации судом преступного деяния и существует вплоть до погашения или снятия с виновного лица судимости. В свою очередь, обратившись к вредности административного правонарушения, необхо-

¹ Разгильдиев Б.Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 223.

димо признать ее эпизодический характер. Вредность административного проступка протяженностью во времени определяться не должна¹.

В контексте анализируемых аспектов исключительно важно отметить, что действующее законодательство об административных правонарушениях оперирует понятием «срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию». Согласно ст. 4.6 КоАП РФ, «лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления». Содержание данного положения в известной мере напоминает институт судимости. Т.Р. Мещерякова на этот счет отмечает, что «срок административной наказанности оценивает риск продолжения противоправного поведения и повышенную опасность совершения правонарушения после привлечения к ответственности (недостижение цели частной превенции)»². С ней солидарна Н.А. Морозова, по мнению которой «длительность срока административной наказанности может дифференцироваться в зависимости от вида, срока и размера взыскания, как это сделано в уголовном праве. Как и в уголовном праве, может быть предусмотрен механизм досрочного прекращения статуса административной наказанности»³.

В административно-деликтной среде срок, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (срок административной наказанности), юридически играет роль квалифицирующего признака или отягчающего наказание обстоятельства. КоАП РФ устанавливает повышенную ответственность за совершения новых аналогичных или однородных правонарушений. В более глобальных масштабах практическое значение срока административной наказанности прояв-

¹ См. подробнее: Герасимов А.М. Методологические основания разграничения преступления и административного правонарушения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1. С. 5–11.

² Мещерякова Т.Р. Классификация сроков в законодательстве об административной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 109.

³ Морозова Н.А. Состояние административной наказанности // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 9 (178). С. 53.

ляется в том случае, когда возникает потребность в установлении признаков преступления, состав которого сконструирован с использованием механизма преюдиции. Между тем правовая аналогия срока административной наказанности и судимости имеет явно выраженные отрицательные последствия для отраслевой самостоятельности уголовного и административно-деликтного права законодательства, обеспечения справедливости и индивидуализации юридической ответственности.

В уголовном праве институт судимости выступает показателем того, что виновное лицо определенное время представляет опасность для сложившегося материального порядка. Проигнорировав уголовно-правовую обязанность, гражданин тем самым демонстрирует склонность к удовлетворению своих личных потребностей путем причинения вреда личности, обществу или государству. На данном этапе уголовно-правовых отношений актуализируется задача уголовного закона, предполагающая предупреждение новых преступлений. С целью удержания недобросовестного правоисполнителя от повторного общественно опасного посягательства требуется реальное использование принудительных средств, предусмотренных уголовным законом. Конкретный уголовно-правовой инструмент применяется к опасному лицу в тот период, когда оно считается судимым. После того как правоисполнитель утрачивает статус судимого, по логике уголовного закона он становится безопасным для окружающих. В ч. 6 ст. 86 УК РФ подчеркивается, что погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные уголовным законом, связанные с судимостью. Здесь необходимо оговориться относительно одного важного юридического нюанса. Иные бессрочные последствия судимости, преимущественно связанные с возможностями трудоустройства, имеют не уголовно-правовое, а специальное профилактическое значение. Соответствующие нормативные запреты по работе в правоохранительных органах, образовательных и воспитательных организациях основываются на идее исключения благоприятных условий формирования повторной преступной мотивации лиц, уже имеющих в своей биографии факт осуждения. Снятая или погашенная судимость характеризует личность человека толь-

ко с позиции гипотетической опасности, не требующей уголовно-правового вмешательства. В связи с этим юридическим подтверждением исходящей от учителя вреда реальной угрозы материальному порядку является судимость, сохраняющая уголовно-правовое значение.

Переориентируясь на задачи административно-деликтного права, необходимо констатировать важное обстоятельство. Отрасль обеспечивает удержание правоисполнителя от деяний, оказывающих отрицательное воздействие не на сущностные аспекты социально значимых связей, а на их правовую оболочку. Вредоносность административного правонарушения ограничивается тем, что определенный отрезок времени виновное лицо затрудняет правовое регулирование отношений с участием человека, социальных групп или государства. Для их фактических интересов субъект, допустивший административный деликт, никакой опасности не представляет.

Отсюда становится очевидным, что нематериальный характер административного правонарушения исключает потребность административно-деликтного права в аналогах судимости и других последствиях, образующих арсенал метода уголовного права. Будучи нарушением формальным, административный проступок должен влечь столь же формальные юридические последствия. Закономерным результатом совершения административно-правового деликта выступает мера ответственности, не характеризующая правонарушителя как опасного субъекта. Изложенное касается сущности административного наказания и последствий привлечения лица к административной ответственности.

Большинство административных наказаний отвечают заявленному требованию. Единственным наказанием, которое не вписывается в формальную природу административно-деликтного права, выступает арест. По справедливому замечанию Б.Т. Разгильдиева, «названный вид наказания, по существу, является изоляцией от общества. Необходимость в ней возникает лишь в случаях совершения

общественно опасных деяний»¹. На несоответствие административного ареста концепции административно-деликтного права обращает внимание и А.В. Кирин².

В развитие данной мысли подчеркнем, что даже при совершении преступления назначение наказания, связанного с изоляцией от общества, обосновано только в тех случаях, когда свободное нахождение виновного в обществе представляет реальную и иногда даже физическую угрозу окружающим. Предупреждение нового посягательства в таком случае требует хотя и временного, но строгого надзора за поведением опасного преступника.

Наблюдаемую сегодня тенденцию, когда административно-деликтным нормам придается определенное уголовно-правовое значение, принято считать естественной. Заимствование уголовно-правовых идей всегда было свойственно законодательству об административных правонарушениях, исторически сформировавшемуся в качестве самостоятельной отрасли значительно позже уголовного права. В науке даже выдвинута теория уголовно-правовой природы административных правонарушений³. Однако ее развитие едва ли будет иметь положительное значение для разграничения преступления и административного проступка. Правовые реалии свидетельствуют о появлении феноменов, которые размывают отраслевую грань между уголовным и административно-деликтным законодательством. На нормотворческом уровне имеется в виду так называемая административная преюдиция, закладываемая в основу ряда составов преступлений. На уровне правоприменения Конституционным Судом РФ продвигается идея единой публично-правовой ответственности, якобы выступающей связующим звеном между уголовным законом и законодательством об административных правонарушениях.

¹ Разгильдиев Б.Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 223.

² Кирин А.В. Административно-деликтное право: теория и законодательные основы. М., 2012.

³ См.: Мелешко Н.П. Уголовно-правовая природа административных правонарушений: проблемы совершенствования уголовного законодательства России // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова (27–28 мая 2004 г.). М., 2005. С. 362–369.

Административная преюдиция в доктрине уголовного права традиционно определяется как «придание уголовно-правовой нормой факту законного и обоснованного применения административного взыскания за проступок значения необходимого предварительного условия признания совершенного после этого такого же или аналогичного по объективной стороне деяния преступлением»¹. Другие определения административной преюдиции мало чем отличаются от процитированного. Как справедливо отмечают М.Л. Прохорова, Е.Б. Лупарев и М.Г. Горенко, «все они содержат указание на неоднократное (повторное) совершение административных проступков. Последние, разумеется, должны быть тождественными или, по крайней мере, однородными по своему содержанию, обладать сходными объективными и субъективными признаками. За предшествующее (или предшествующие) правонарушения лицо должно быть привлечено к административной ответственности, на него должно быть наложено административное наказание»².

Исторически административная преюдиция хорошо известна уголовному закону и не образует нового правового явления. В частности, УК РСФСР 1960 г. предусматривал более двух десятков преступлений, состав которых включал элемент административной преюдициальности. В их число входили нарушение законодательства Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях, необеспечение маркировки марками установленных образцов при производстве подакцизных товаров, обман потребителей, нарушение правил торговли, нарушение государственной дисциплины цен, занятие запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности, уклонение от подачи декларации о доходах и другие деяния³.

Административная преюдиция основывается на идее повышающейся опасности виновного лица при вторичном совершении противоправного деяния. Как еще в советский период утверждал И.О. Грунтов, «факт совершения нового ана-

¹ Мустафаев Ч.Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. С. 7.

² Прохорова М.Л., Лупарев Е.Б., Горенко М.Г. Административная преюдиция в уголовном праве: pro et contra // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 12 (77). С. 41.

³ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

логичного правонарушения после применения к лицу административного взыскания является свидетельством того, что последнее в данном конкретном случае было не эффективным. При этих условиях вряд ли возможно исправлять и перевоспитывать методом, не давшим результата»¹.

Теория накопления опасного состояния лица, допустившего аналогичное повторное правонарушение, находит своих сторонников и сегодня. Так, А.Г. Безверхов задается вопросом: «Что связывает административную преюдицию и предупреждение правонарушений, что является их, так сказать, узелком? Это – личность правонарушителя. В праве есть конструкции, в которых особое место занимает именно личность преступника или иного нарушителя. В соответствующих юридических конструкциях прошлое негативное поведение деятеля учитывается в качестве обстоятельства, усиливающего уголовную ответственность»². Подобной точки зрения придерживаются и другие авторы³.

Комментируя сформулированные положения, уместно еще раз напомнить, что формальный характер административного деликта не предполагает возникновения угрозы для общества со стороны правонарушителя. Независимо от количества допущенных административных проступков, правоисполнитель не демонстрирует желания посягать на фактические интересы личности, общества, государства, мира и всего человечества, образующие материальный порядок. Ситуация непосредственного контакта с лицом, учинившим ряд административных правонарушений, никакого дискомфорта и беспокойства за свои интересы у дру-

¹ Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1985. С. 15–16.

² Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2011. № 2 (10). С. 40.

³ См.: Иванчин А.В. О целесообразности построения составов преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 101; Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 249; Нечаев А.Д., Янина И.Ю. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы (де)криминализации деяний и их малозначительности // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 39; Урда М.Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное предпринимательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 19; Юнусов А.А., Серкова Т.В. Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 280.

гих субъектов возникших социальных связей не вызывает. Единственным юридическим фактом, свидетельствующим о небезопасности конкретного человека, может выступать исключительно совершенное им общественно опасное посягательство, подтвержденное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда.

Между тем значительный круг ученых возлагает большие надежды на институт административной преюдиции в деле противодействия преступлениям. По мнению В.П. Малкова, «использование административной и дисциплинарной преюдиции, а также соответствующих форм повторности является своего рода средством сдерживания расширения уголовно-правового принуждения и противодействия преступности... При использовании же во время криминализации соответствующего правонарушения административной или дисциплинарной преюдиции либо повторности деяния возможность уголовно-правового принуждения откладывается; под воздействием менее острых средств принуждения правонарушитель может пересмотреть свое поведение, не допустить впредь такого же правонарушения»¹. С ним солидарны М.В. Бавсун, И.Г. Бавсун, И.А. Тихон, которые убеждены в том, что «административная преюдиция при ее грамотном использовании может стать эффективным средством противодействия преступности»².

Надо полагать, представленные тезисы заключают серьезное внутреннее противоречие. Перед административно-деликтным правом поставлены конкретные задачи, которые не охватывают противодействие преступлениям. Даже в тех случаях, когда административно-правовым нормам условно придается уголовно-правовой характер посредством использования инструмента преюдициальности, они не утрачивают своей правовой природы, обусловленной предметом, методом, принципами законодательства об административных правонарушениях. Так, ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ направлена на удержание продавца от розничной продажи несовершеннолетнему алкогольной продукции. Законодатель не ограничивает

¹ Малков В.П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 61.

² Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 7.

действие данной нормы в отношении конкретного правоисполнителя количеством совершенных продаж алкоголя несовершеннолетнему. В каждом случае она обеспечивает административно-правовую задачу по защите интересов лиц в возрасте до восемнадцати лет от противоправных действий субъектов, занимающихся реализацией алкогольной продукции. На основании этого сложно понять логику построения нормы ст. 151¹ УК РФ, предусматривающей ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно. Прав М.И. Ковалев в том, что повторность проступка не в состоянии превратить его в качественно новое явление, требующее перехода от административно-правового к уголовно-правовому реагированию. В противном случае это противоречило бы принципу построения правовой системы, предполагающему разграничение правонарушений по предмету действия соответствующих отраслей, а не по признакам субъектов правонарушений¹. Сегодня с приведенными суждениями полностью солидарны А.А. Коробеев и А.И. Ширшов, по мнению которых «количество и качество общественной опасности в повторно совершаемых проступках не достигает того уровня, который позволяет признавать их преступными и уголовно наказуемыми деяниями. Такой проступок можно “сделать” преступлением только искусственно»².

Активные сторонники административной преюдиции настаивают на том, что исследуемый правовой институт полностью соответствует идее межотраслевого взаимодействия. З.А. Незнамова по этому поводу пишет: «Название и содержание преступлений с административной преюдицией свидетельствуют об их межотраслевой юридической природе. С одной стороны, это преступления, которые являются предметом регулирования уголовного закона; с другой стороны, основанием криминализации деяния, признания его преступлением выступает факт привлечения лица к административной ответственности в прошлом. Межотраслевой характер преступлений данной разновидности предполагает согласован-

¹ См.: Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 11, 12.

² Коробеев А.И., Ширшов А.И. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 70.

ность норм уголовного и административно-деликтного права, иначе неизбежно возникают межотраслевые коллизии»¹. С ней соглашается В.Н. Курченко, отмечая: «Внедрение в уголовный закон составов с административной преюдицией делает более гибким в рассматриваемой сфере переход от административной к уголовной ответственности (перекидывает мостик между ними), что в полной мере отвечает правилам межотраслевой дифференциации ответственности»².

По логике авторов, преюдициальный формат межотраслевого взаимодействия развивает отрасли уголовного и административно-деликтного права. Известный специалист в этой области Н.И. Пикуров уточняет, что в случае с административной преюдицией «происходит такое взаимодействие уголовно-правового и административно-правового методов регулирования общественных отношений, которое приводит к появлению новых свойств, не присущих каждому из них в отдельности»³.

С выводом Н.И. Пикурова можно было бы согласиться в том случае, если бы новое отношение, появившееся в результате взаимодействия рассматриваемых отраслей, соответствовало правовой природе административно-деликтного и уголовного законодательства. Однако продукт административной преюдициальности заявленному критерию не отвечает. Названные отрасли, обеспечивая собственные задачи, воздействуя на свой предмет и оперируя оригинальными методами, исключают оценку одних и тех же деяний. Обозначенные моменты делают нелогичным перемещение состава правонарушения из одной отрасли в другую. Правонарушение, будучи по своей первоначальной природе административно-правовым, ни при каких обстоятельствах не в состоянии приобрести качества преступления. Даже став частью уголовного закона, административное правонарушение продолжает сохранять свою исходную отраслевую сущность и находиться вне уголовно-правовой природы. Как справедливо отмечает Н.А. Лопашенко, уголовное

¹ Незнамова З.А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 6. С. 21.

² Курченко В.Н. Парадигма административной преюдиции в уголовном праве // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2. С. 19.

³ Пикуров Н.И. Указ. соч. С. 175–176.

законодательство в подобной ситуации демонстрирует «акцессорность по отношению к законодательству административному. Эта акцессорность совсем уж расходится с тем, что административное и уголовное право – это право разных отраслей, хотя и входящих в единую систему российского права»¹. В связи с этим наблюдаемая тенденция, когда совокупность административных правонарушений образует состав преступления, по логике изложенных суждений одновременно противоречит отраслям уголовного и административно-деликтного законодательства.

Еще один аргумент в пользу административной преюдиции некоторыми исследователями связывается с ее потенциалом в решении проблемы правового нигилизма. А.И. Бойко на этот счет указывает, что «административная преюдиция – как буферное средство для буферной же зоны, как щадящий способ перехода от одной формы юридической ответственности к другой, да еще и при условии предварительного знакомства виновного с уголовной противоправностью своего потенциального криминального поступка...»². Однако необходимо согласиться с тем, что «складывается парадоксальная ситуация, когда посредством административной ответственности за одно деяние человеку якобы растолковывается общественная опасность повторного деяния. Презюмируется, что без административно-правового предупреждения правоисполнитель не способен понять характер опасности определенного деяния и поэтому не демонстрирует готовности совершить его в качестве именно общественно опасного. В связи с этим административная преюдиция, заведомо рассматривая правоисполнителя как человека, не способного осознать общественную опасность деяний без привлечения его к административной ответственности, не отражает реального положения дел»³. Совершенно очевидно, что уголовный закон не связывает осознание общественной

¹ Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 64–65.

² Бойко А.И. Есть и иное мнение // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 60.

³ Герасимова Е.А. Проблемы использования института административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6 (101). С. 181.

опасности деяния с юридической грамотностью правоисполнителя. Каждое вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, вполне отчетливо понимает сущность причиняемого преступлением материального вреда интересам личности, общества, государства, мира или безопасности человечества.

В заключительной части исследования административной преюдиции отметим, что она испытывает большие сложности с реализацией уголовно-правового принципа справедливости. По смыслу ч. 2 ст. 6 УК РФ, запрещено давать повторную оценку одному и тому же деянию. Следует признать убедительность А.Г. Кибальника в том, что “уже «наказанному» (в административно-правовом смысле) субъекту уголовное наказание грозит “во второй раз” и параллельно ранее применяемому взысканию»¹.

Вторым феноменом, нивелирующим отраслевую грань между уголовным и административно-деликтным законодательством, следует признать идею единой публично-правовой ответственности, развиваемую Конституционным Судом РФ, в духе взаимообусловленности преступления и административного проступка. В своем постановлении от 14 июня 2018 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности” и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности” в связи с жалобами граждан А.И. Залаятудинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Чередыняк» Конституционный Суд РФ признал, что имеющие место «синхронные изменения законо-

¹ Кибальник А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 124.

дательной оценки тождественных деяний означают преемственность правового регулирования публично-правовой ответственности»¹. Ситуацию, когда декриминализованное деяние на законодательном уровне одновременно приобретает характер административного деликта, орган конституционного контроля расценивает в качестве некоего перманентного публичного правонарушения. Переход от уголовной ответственности к административной позиционируется процессом смягчения публично-правовой ответственности, направленным на улучшение правового положения правонарушителя.

Приведенные доводы ориентированы на обоснование правомерности привлечения к административной ответственности лица за декриминализованное деяние, совершенное до принятия соответствующей нормы административно-деликтного права. Поводом к этому послужили казусы, связанные с частичной декриминализацией и переводом в разряд административного правонарушения побоев в июле 2016 г. В частности, в мае 2016 г. гражданину И. двумя лицами были нанесены побои. Поскольку экспертное заключение о степени причинения вреда здоровью И. было готово в конце августа, а выдано только в ноябре, он не имел возможности ранее обратиться с заявлением о возбуждении уголовного дела. В апреле 2017 г. постановлением уполномоченного должностного лица в связи с декриминализацией содеянного и со ссылкой на ч. 1 ст. 10 УК РФ пострадавшему было отказано в возбуждении уголовного дела по ст. 116 УК РФ. Определениями участкового уполномоченного отдела полиции в августе 2017 г. ему также было отказано в возбуждении двух дел об административных правонарушениях по ст. 6.1.1 КоАП РФ, поскольку на момент совершения побоев в отношении И. данной нормы административно деликтного права еще не существовало. Согласно ч. 1 ст. 1.7 КоАП РФ, лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит ответственности на основании закона, действовавшего во время совершения административного правонарушения. Районный суд подтвердил законность и обоснованность вынесенных по делу постановлений. Приблизительно похожие ситуации, произошедшие с некоторыми другими гражданами, стали осно-

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 26, ст. 3932.

ванием для обращения в Конституционный Суд РФ с просьбой восстановить справедливость и найти возможность привлечь безнаказанных лиц к юридической ответственности.

Орган конституционного контроля высказал весьма оригинальную позицию по обозначившейся проблеме. Он апеллирует к содержанию ст. 54 Конституции РФ, согласно которой, если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон. В категории «правонарушение» Конституционный Суд РФ находит некое самостоятельное правовое явление, связывающее сущностные признаки декриминализованного посягательства и вновь закрепленного административного проступка на уровне одного деяния. Отмечается фундаментальная роль «общих принципов юридической ответственности», имеющих универсальное значение и по своей сути относящихся к основам конституционного правопорядка. Одним из таких принципов называется наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения, исключения из которого обязательно должны быть предусмотрены непосредственно в законе. На основании этого Конституционный Суд РФ утверждает, что «отмена уголовной ответственности за то или иное деяние и одновременно введение за него административной ответственности не могут рассматриваться в отрыве друг от друга»¹. В конечном итоге признается правомерным привлечение к административной ответственности лица за деяние, синхронно утратившее уголовно-правовую и приобретшее административно-деликтную противоправность, даже если событие публичного правонарушения имело место до вступления соответствующей нормы об административном правонарушении в законную силу.

Представленная позиция выступает сомнительным с точки зрения своей обоснованности решением образовавшегося законодательного пробела. Восполняя упущение представительной власти, Конституционный Суд РФ ущемляет интересы правоисполнителя. Создается лишь иллюзия того, что предлагаемый механизм квалификации деяния, претерпевшего отраслевую переоценку, улучшает правовое положение лица вследствие «ослабления меры ответственности в кон-

¹ Там же.

тексте общеправового регулирования». В действительности сложившаяся правовая коллизия, исходя из нормативных положений о действии закона во времени, вообще должна исключать возможность привлечения лица к юридической ответственности. В определенный момент декриминализованное деяние просто перестает быть преступлением, а синхронно введенная в силу норма об административном правонарушении не имеет обратной силы. При этом изменение правовой природы деяния никакого «буферного» публичного правонарушения не порождает. Отечественная система права не известна отрасль, которая давала бы ему оценку. Сама по себе категория публичного правонарушения без материально-отраслевой привязки имеет значение исключительно на уровне теории. Даже при некотором внешнем сходстве так называемых смежных преступлений и административных правонарушений они обладают своими сущностными признаками, обусловленными отраслевой спецификой уголовного и административно-деликтного права. Оценка учиненного деяния невозможно производить, исходя одновременно из содержания двух самостоятельных отраслей законодательства, имеющих свои собственные задачи, методы и принципы реализации. Сам Конституционный Суд РФ в вышеупомянутом постановлении на этот счет признает, что «положения статьи 54 Конституции Российской Федерации, устанавливающие принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* и правила действия закона во времени, конкретизируются в отраслевом законодательстве»¹.

Таким образом, идея единой публично-правовой ответственности, основанная на ситуации декриминализации деяния при одновременном введении за него административной ответственности, противоречит отраслевой самостоятельности уголовного и административно-деликтного права. Деяние, сменившее уголовно-правовой характер противоправности на административно-деликтный, требует оценки исключительно по нормам и положениям законодательства об административных правонарушениях, которое исключает применение обратной силы закона, устанавливающего ответственность (ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ).

¹ Там же.

Анализируя соотношение уголовного и административно-деликтного права, некоторые исследователи обращают внимание на терминологические и иные технические аспекты проблемы. Так, достаточное количество работ посвящено смежным (коррелирующим, пограничным) составам правонарушений. А.В. Галахова отметила десять из девятнадцати глав Особенной части УК РФ, описывающих преступные деяния, которые предстают в качестве неких аналогов административных проступков. По ее мнению, «в УК и КоАП немало смежных норм, в которых критерии отграничения названы без достаточной степени определенности»¹. В качестве иллюстрации к сказанному она ссылается на содержание норм ст. 140 УК РФ и ст. 5.39 КоАП РФ. В ее работе констатируется, что криминальный отказ в предоставлении гражданину информации предусматривает обязательные последствия в виде вреда правам и законным интересам граждан. «Тем не менее, – резюмирует А.В. Галахова, – и при совершении корреспондирующего проступка (ст. 5.39 КоАП) также нарушаются права, хотя об этом и не сказано в законе»².

Вместе с тем последняя оговорка, собственно, является опровержением авторской гипотезы об определенном тождестве деяний, оцениваемых по ст. 140 УК РФ и ст. 5.39 КоАП РФ. Законодатель намеренно не указывает в соответствующем составе административного правонарушения на материальные последствия в виде вреда правам и законным интересам граждан. Тем самым подчеркивается, что совокупный вред от охватываемого ст. 5.39 КоАП РФ деяния подразумевает нарушение исключительно правового порядка предоставления гражданину, в том числе адвокату, в связи с поступившим от него адвокатским запросом, и (или) организации информации, предоставление которой предусмотрено федеральными законами. Сколько-нибудь ощутимого материального вреда интересам указанных субъектов при этом не причиняется. Другое дело – вред от преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, предполагающий явно выраженное ущемление прав

¹ Галахова А.В. О юридической технике и судебном толковании смежных преступлений и административных правонарушений // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. у-та им. М.В. Ломоносова (27–28 мая 2004 г.). М., 2005. С. 123.

² Там же.

и законных интересов граждан. Именно в обозначенных последствиях проявляется уголовно-правовая природа преступного отказа в предоставлении гражданину информации.

По мнению А.М. Николаева, «иногда признаки того или иного преступления указаны в КоАП РФ, а признаки административного правонарушения – в УК РФ»¹. В качестве примера автор приводит норму ст. 7.27 КоАП РФ, которая определяет признаки мелкого хищения, ссылаясь на соответствующие статьи уголовного закона.

Сделанный вывод нельзя признать состоятельным. Признаки мелкого хищения определяются в административно-деликтном праве. Ссылка же на уголовно-правовые нормы в ст. 7.27 КоАП РФ необходима только для того, чтобы внести предельную ясность в границу между хищениями, оцениваемыми по законодательству об административных правонарушениях и уголовному праву. Не случайно в составе административно-правового хищения используется оборот «при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных...». Прибегая к подобной формулировке, законодатель освобождает понятие мелкого хищения от уголовно-правовых признаков.

В.Ф. Иванов усматривает «вторжение» административного права на уголовно-правовую территорию в использовании законодательством об административных нарушениях категории наказания. Он задается вопросами: «...во-первых, чем был плох термин “административные взыскания”, до той поры применявшийся в административном законодательстве? И главное – зачем нужно было использовать “чужую”, не свойственную административному праву, терминологию, придавая при этом совершенно ненужную полисемичность понятию наказания?»².

¹ Николаев А.М. Криминализация общественно опасных деяний, граничащих со сферой административных правонарушений: основания и направления совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 3–4.

² Иванов В.Ф. О соотношении уголовного и административного права // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. III Всерос. науч.-практ. конф. (29–30 марта 2018 г.). Саратов, 2018. С. 352.

Отвечая на поставленные вопросы, изначально стоит заострить внимание на точности обозначенной терминологии. В уголовном законе действительно используется понятие «наказание», тогда как в КоАП РФ законодатель оперирует категорией «административное наказание», а не «наказание». Сделанное замечание само по себе проводит определенную грань между указанными явлениями. Однако по существу это не самое главное. На уровне законов даются конкретные дефиниции уголовного и административного наказаний, имеющие сущностные различия. В уголовном праве наказание определяется как мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Оно применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица (ч. 1 ст. 43 УК РФ). Что касается административного наказания, то его суть заключается в установленной государством мере ответственности за совершение административного правонарушения (ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ). Поэтому официальное использование термина «административное наказание» сложно признать нарушением отраслевой самостоятельности уголовного законодательства.

Нередко исследователи усматривают существенную проблему в разрезе сопоставления сроков и размеров уголовных и административных наказаний, формально имеющих некоторые общие черты. Речь идет о размерах штрафа как уголовного наказания и размерах административного штрафа, сроках лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и сроках административной дисквалификации. Относительно данных наказаний М.М. Лапунин констатирует, что «в одном случае совпадают нижние пределы карательного уголовно-правового и административно-правового воздействия, а в других случаях верхний предел длительности административной санкции выше, чем нижний предел уголовно-правовой санкции. В результате не исключено за совершение административного правонарушения назначение наказания более строгого, чем предусмотренное УК РФ за общественно опасное деяние»¹.

¹ Лапунин М.М. Нетранзитивность ответственности в праве и ее минимизация // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 3 (128). С. 202.

Подобные сопоставления на первый взгляд выглядят эффектно, однако не имеют под собой методологических оснований. Испытывая принадлежность к двум самостоятельным отраслям отечественной системы права, уголовные и административные наказания отражают содержательно разные правовые явления, которые не могут оцениваться только в количественных показателях. Они имеют собственные цели, основания применения, субъектов воздействия, сущностные свойства, юридические последствия. На основании этого проблема соотношения конкретных сроков и размеров уголовных и административных наказаний сколько-нибудь значимого предмета для научных дискуссий не обнаруживает.

Подводя общие итоги исследования методологии разграничения уголовного и административного правонарушений, необходимо сформулировать наиболее значимые выводы.

1. Межотраслевое взаимодействие уголовного права и законодательства об административных правонарушениях, обосновываемое доктриной и обеспечиваемое нормотворческой практикой, предполагает не смешение сущностных признаков преступления и административного проступка, а проведение между ними четкой границы. Уникальная правовая природа уголовного и административного правонарушений обусловлена самостоятельными предметами, методами, задачами и принципами отраслей уголовного и административно-деликтного права. Уголовный закон нацелен на удержание человека от деяний, представляющих угрозу для сложившегося в обществе материального порядка (общественно опасных деяний). Законодательство об административных правонарушениях призвано предотвратить формальные правонарушения физических и юридических лиц, которые напрямую не затрагивают фактических интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества (нарушения правопорядка).

2. Вредоносность преступления и административного правонарушения можно разграничить по ряду оснований. Во-первых, совокупный вред от преступного посягательства представляет угрозу фактическим интересам личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. «Сумма вреда» от административного правонарушения, формально затрудняя правовое регулирование

социальных отношений, не создает опасности для материального порядка. Во-вторых, общественная опасность преступления имеет не только источник, но и конкретного носителя (человека, пренебрегшего уголовно-правовой обязанностью). Вредоносность административного деликта обладает только источником (физическое или юридическое лицо, допустившее правонарушение). В-третьих, общественная опасность характеризуется определенными временными пределами. Вредность административного проступка протяженностью во времени определяться не должна.

3. Нематериальный характер административного правонарушения исключает потребность административно-деликтного права в юридических последствиях, аналогичных инструментам уголовного права (срок, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, административное наказание в виде ареста). Будучи нарушением формальным, административный проступок должен влечь столь же формальные юридические последствия. Закономерным результатом совершения административно-правового деликта выступает мера ответственности, не характеризующая правонарушителя как опасного субъекта.

4. Феномены административной преюдиции и единой публично-правовой ответственности, придающие нормам об уголовных и административных правонарушениях взаимообусловленное правовое значение, противоречат отраслевой природе уголовного и административно-деликтного законодательства.

Глава 2. Элементы уголовного правонарушения

§ 1. Понятие элементов уголовного правонарушения и их виды

Исследование феномена уголовного правонарушения нельзя считать полным без уяснения его структуры. Будучи образованием системным, уголовное правонарушение подразумевает совокупность элементов, каждый из которых претендует на роль самостоятельного предмета критического осмысления. В юридической теории структурные компоненты правонарушения принято строго ограничивать рамками смысловой нагрузки термина «состав». Не случайно преступление как основная разновидность уголовно-правового деликта и состав преступления ученым сообществом традиционно относятся к разряду смежных и взаимосвязанных юридических дефиниций. Вместе с тем законодатель не стремится к их отождествлению. Наряду с распространенным термином «преступление» некоторые уголовно-правовые нормы и положения целенаправленно оперируют понятием состава преступления (ст. 8, ч. 1 ст. 29, ч. 3 ст. 31, примечание к ст. 126 УК РФ и др.). Особую значимость приобретает то обстоятельство, что содержащее признаки состава преступления деяние официально признается единственным основанием уголовной ответственности.

Огромный массив точек соприкосновения категорий преступления и состава преступления нашел свое отражение в рамках фундаментальных уголовно-правовых учений. Однако современная правовая действительность ставит новые задачи перед наукой уголовного права. Обсуждаемая на самом высоком государственном уровне перспектива официального закрепления понятия уголовного проступка, позиционируемого в качестве аналога преступного посягательства, вполне закономерно выводит анализируемую тематику на более обширную площадку уголовного правонарушения. Актуализировались вопросы, касающиеся взаимообусловленности признаков и структурных составляющих преступления и уголовного проступка, специфики в механизмах их установления. В связи с этим модель решения поставленных вопросов позволит существенным образом развить теорию структурных элементов уголовного правонарушения.

Исследование элементов уголовного правонарушения будет логичным выстраивать в ключе законодательных и научных наработок, непосредственно связанных с содержанием состава преступления. Среди них изначально обращает на себя внимание очень важный момент. Определившись с понятием преступления, законодатель не посчитал необходимым сформулировать понятие состава преступления и конкретизировать его составляющие. Образовавшийся пробел длительное время восполняет уголовно-правовая доктрина. При этом относительно понятия и структурных элементов состава преступления в научных кругах сложились достаточно стойкие убеждения. Так, один из разработчиков советской теории состава преступления А.Н. Трайнин в середине прошлого века охарактеризовал его сущность как совокупность объективных и субъективных признаков (элементов), которые определяют конкретные общественно опасные действия (акты бездействия) в качестве преступления¹. Спустя несколько десятилетий подавляющее большинство исследователей продолжает оставаться на тех же позициях.

В уголовно-правовой теории распространена мысль, согласно которой понимание состава преступления уже содержания самого преступления. «Это правильно, – констатирует Н.Ф. Кузнецова, – ибо состав преступления – минимальная совокупность объективных и субъективных признаков деяния, образующих общественную опасность преступления. В преступлении оказываются, помимо обязательных элементов состава преступления, некоторые элементы, которые необходимы для всякого преступления, но, однако, не настолько существенны для его общественной опасности, чтобы иметь свойство признака обязательного элемента именно состава преступления»².

Правоту такого рода высказывания признать можно, но только отчасти. Действительно, вне границ криминообразующего состава могут оставаться признаки преступления, которые не влияют на квалификацию содеянного. Исходя из обозначенных параметров соотношения анализируемых категорий, В.И. Морозов и С.Г. Лосев определяют состав преступления как «систему юридически значи-

¹ См.: Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 16.

² Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 274.

мых признаков совершенного общественно опасного деяния, имеющих значение для квалификации преступления»¹.

Между тем спорным представляется тезис о том, что остающиеся за пределами состава преступления признаки совершенного деяния не влияют на установление общественной опасности содеянного в целом. Уголовное законодательство обязывает суд учесть их при решении вопроса об уголовной ответственности учинителя вреда. Важное юридическое значение имеют личностные качества и последующее отношение предполагаемого виновного к своему поступку, наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств, оснований освобождения от уголовной ответственности или наказания. Принятое в итоге правоприменителем решение является оценкой того, насколько посягнувшее на объект охраны лицо опасно для окружающих.

Следуя формальной логике, состав преступления и преступление соотносятся как часть и целое. Состав преступления включает группу закрепленных в уголовном законе криминообразующих признаков, отражающих характер общественной опасности соответствующего деяния. Юридически значимые признаки преступления, остающиеся вне состава преступления, характеризуют степень общественной опасности учиненного деяния. Сочетание состава преступления с обстоятельствами учиненного деяния и личностью виновного образует преступление, обладающее конкретными характером и степенью общественной опасности².

Относительно объема категорий «преступление» и «состав преступления» в уголовно-правовой литературе встречается противоположная позиция. Ее сторонник М.С. Сирик утверждает: «В отличие от общего понятия преступления, которое дает характеристику основным признакам преступного деяния, состав преступления определяет и индивидуализирует признаки конкретного уголовного

¹ Морозов В.И., Лосев С.Г. Понятие состава преступления в отечественной теории уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 21.

² См. подробнее: Герасимов А.М. Соотношение структурных элементов преступления и состава преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (129). С. 186–192.

деликта, являясь теоретической и практической базой для верной квалификации содеянного»¹.

Основная методологическая неточность автора состоит в игнорировании того обстоятельства, что на законодательном уровне преступление определено как деяние, семантика которого предполагает конкретное «действие, поступок, совершение»². На этот счет И.В. Андреевым сделан вполне обоснованный вывод, что в части соотношения понятий «преступление» и «состав преступления» «за первым стоит реальный объект (поведение индивида), а за вторым – идеальный (логическая конструкция)»³. С ним полностью солидарен Л.Л. Кругликов, по мнению которого, «состав преступления является продуктом мыслительной деятельности законодателя, *логической структурой*, передающей основное содержание понятия (кражи, грабежа, убийства и т.д.) Что же касается преступления, конкретного его вида (кража, грабеж, убийство и т.д.), то это *материальный объект*, то, что реализуется субъектом преступления в жизни, наносит существенный вред (или создает реальную угрозу нанесения такого вреда) объектам уголовно-правовой охраны»⁴.

Активным противником научной идеи, позиционирующей преступление в качестве конкретного деяния, а состав преступления как его законодательную модель, выступает А.В. Шеслер. Он обосновывает существование обоих феноменов одновременно в формах конкретного деяния и законодательного описания. Сущностные отличия преступления и состава преступления автор усматривает в следующем: «Родовое и видовое законодательное определение преступления раскрывает материально-юридическую сущность деяния, законодательное описание состава преступления характеризует его структуру. Конкретно совершенное преступление – это фактическое проявление запрещенного уголовным законом опре-

¹ Сирик М.С. Состав преступления как правовая категория // Закон и жизнь. 2018. № 3. С. 70.

² Ожегов С.И. Указ. соч. С. 167.

³ Андреев И.В. Теоретико-правовые основы квалификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 10.

⁴ Кругликов Л.Л. О генезисе и современном состоянии учения о составе преступления // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2008. Вып. 12: Правонарушения. С. 130.

деленного вида поведения, состав этого преступления – это его структура, характеризующая место преступного деяния в физическом и социальном пространстве, непосредственный источник преступной активности, т.е. субъекта, его совершающего»¹.

Заходя еще дальше, И.Я. Гонтарь отмечает, что «оба эти понятия в конечном итоге отражают одну и ту же объективную реальность: общественно опасное деяние и материально выраженное отражение совокупности признаков этого общественно опасного деяния в уголовном законе»². Соглашаясь с сутью представленных суждений, А.П. Козлов резюмирует: «Если данное соотношение есть сравнение законодательной абстракции и реальности, то для этого достаточно диспозиции уголовно-правовой нормы как описания вида преступления и реального поведения человека в качестве преступления... Состав преступления – пятое колесо в телеге, абсолютно ненужная категория»³.

По логике исследователей, речь идет об одном и том же явлении, рассматриваемом с позиции «содержание – структура». Преступление определяет сущность деяния, а состав преступления – его неотъемлемые составляющие. В то же время А.В. Шеслер гипотетически допускает наличие в составе преступления только двух из четырех элементов известной теоретической конструкции. Иллюстрируя сказанное, он обращается к составу хищения, элементами которого выступают «внешнее его проявление (изъятие и обращение), а также его субъективная сторона (умышленная форма вины с корыстной целью)»⁴. Далее следует авторское уточнение: «Для того чтобы хищение было отнесено к преступлениям против собственности и определенной его разновидности, нужно определить место преступного деяния в физическом и социальном пространстве, а также субъекта, его совершающего. Для этого необходима система состава преступления, представленная всеми его четырьмя элементами, а именно: объектом преступле-

¹ Шеслер А.В. Состав преступления. Новокузнецк, 2016. С. 9–10.

² Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 1997. С. 10.

³ Козлов А.П. Указ. соч. С. 182–183.

⁴ Шеслер А.В. Указ. соч. С. 10.

ния, объективной стороной преступления, субъективной стороной преступления, субъектом преступления»¹.

Процитированные оговорки чрезвычайно важны при обосновании структурных элементов состава преступления. Законодатель далеко не случайно в диспозициях уголовно-правовых норм делает акцент на объективных и субъективных признаках преступных деяний. По смыслу уголовного закона, именно конкретное деяние образует содержание состава преступления. В этом можно убедиться, обратившись к ст. 8 УК РФ, оперирующей фразой «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления». При этом немаловажно подчеркнуть, что уголовно-правовое понятие деяния (действия или бездействия) рассматривается в состоянии статичности. Согласно ст. 9 УК РФ, преступное деяние устанавливается на строго определенный момент, который ограничивает состав преступления во времени. Совершенное деяние в известной мере абстрагируется от предыдущего и дальнейшего поведения учинителя вреда. Сказанное позволяет признать правоту П.А. Фефелова в том, что «из четырех элементов состава, каждый из которых как исходный пункт обоснования уголовной ответственности (на уровне формально-логического анализа) выступает в качестве предпосылки (условия) уголовной наказуемости, только субъективная и объективная стороны входят в структуру общественной опасности преступного деяния и остаются без изменения как в момент совершения преступления, так и в момент применения наказания»².

Состав преступления как законодательная модель криминального посягательства включает минимальную совокупность типовых признаков уголовно наказуемого деяния. «Каждое отдельное преступление, – справедливо уточняют Ю.Е. Пудовочкин и Д.А. Дорогин, – уникальный акт, характеризующийся набором индивидуальных признаков»³. При этом признаки уголовно-правового поведения, остающиеся вне конструктивных признаков состава преступления, макси-

¹ Там же. С. 10–11.

² Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны: основные методологические проблемы: дис. в форме науч. докл. ... д-ра юрид. наук по совокупности опубликованных работ, выполняющего также функции автореферата. Екатеринбург, 1993. С. 29–30.

³ Пудовочкин Ю.Е., Дорогин Д.А. Учение о преступлении и о составе преступления: учеб. пособие. М., 2017. С. 25.

мальным образом конкретизируют картину сознательно-волевого отношения правоисполнителя к охраняемому уголовным законом объекту. Юридически они учитываются при обосновании степени общественной опасности уголовного правонарушения. Давая оценку содеянному, правоприменитель запрашивает соответствующие характеристики личности учинителя вреда, выясняет наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств, констатирует динамику связей между процессуально противоположными сторонами. Нередко выясняется, что пренебрегшее уголовно-правовой обязанностью лицо демонстрирует желание восстановить ставшие объектом посягательства отношения посредством возмещения ущерба или иной компенсации вреда. В итоге находящиеся за границами состава преступления обстоятельства могут предопределить применение институтов освобождения от уголовной ответственности или наказания, условного осуждения, смягчения ответственности. Обозначенные моменты формируют «основание для постановки вопроса об иной структуре состава преступления, о необходимости выведения за рамки состава и субъекта, и объекта преступления в связи с тем, что они подвижны и изменчивы, в то время как юридический факт, каким является конкретное преступное деяние, отражаемое понятием состава преступления, должен оставаться неизменным. Субъект и объект преступления следует рассматривать за рамками состава в качестве предпосылок уголовной наказуемости, так как они не входят в содержание конкретного преступного деяния и могут к моменту применения наказания переоцениваться»¹.

Признавая высокую теоретическую значимость изложенных аргументов, нельзя не отметить спорные моменты в самом определении состава преступления, предложенном П.А. Фефеловым. «Состав преступления, – пишет ученый, – это единство субъективной и объективной сторон (признаков), выраженных в уголовном законе и отражающих содержание общественной опасности, преступного деяния и его противоправность»². Признавая состоятельность идеи о двухчленной

¹ Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны: основные методологические проблемы: дис. в форме науч. докл. ... д-ра юрид. наук по совокупности опубликованных работ, выполняющего также функции автореферата. Екатеринбург, 1993. С. 30.

² Там же. С. 32.

структуре состава преступления, стоит уточнить заявленный тезис об отражении им общественной опасности соответствующего деяния. Состав преступления определяет параметры только одного из структурных компонентов общественной опасности. В данном случае речь идет о ее характере. Степень общественной опасности и, как следствие, общественную опасность содеянного в целом состав преступления не определяет. Подобное заключение основывается на том обстоятельстве, что общественная опасность содеянного как признак преступления обнаруживается не в момент учиненного деяния, содержащего все признаки криминального состава. Ее параметры конкретизируются на этапе судебного разбирательства посредством «суммирования» объективных и субъективных признаков совершенного поступка, смягчающих и отягчающих обстоятельств, личности виновного лица. Сформулированный тезис полностью корреспондирует с духом уголовно-правового принципа справедливости, согласно которому «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» (ч. 1 ст. 6 УК РФ).

Сущностные характеристики общественной опасности содеянного имеют свои явно выраженные особенности. Характер общественной опасности совершенного деяния, содержащего признаки состава преступления, статичен и со временем не видоизменяется. Скажем, характер общественной опасности кражи без квалифицирующих признаков всегда будет определяться как тайное хищение чужого имущества. По этой причине состав преступления играет исключительно роль основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Вследствие своей максимальной обобщенности (формальности), состав преступления не позволяет определить непосредственный объем уголовной ответственности за конкретное деяние, получающее оценку только исходя из типовой диспозиции нормы уголовного закона. Подтверждением этому служит официальный подход к построению уголовно-правовых санкций, которые носят относительно определенный и практически всегда альтернативный характер.

Что касается степени общественной опасности учиненного поступка, то она может варьироваться в зависимости от последующих изменений обстановки, характерного поведения виновного, установления иных смягчающих и отягчающих обстоятельств. В качестве примера можно привести деятельное раскаяние, предполагающее утрату опасности для общества лицом, которое после учиненного деяния явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред (ст. 75 УК РФ). Описанная ситуация показательна тем, что поведение учинителя вреда в состоянии оказать позитивное воздействие на отношения, ставшие объектом посягательства.

Таким образом, состав преступного деяния ограничивается объективной и субъективной стороной соответствующего посягательства, оставляя за своими рамками объект и субъект преступления. В своей совокупности объект и субъект преступления (динамичные элементы), а также состав преступления (статичный элемент) следует признать самостоятельными элементами преступления.

Предлагаемая структура преступления отвечает не только внутренней логике уголовного права, но и основам межотраслевого взаимодействия охранительной и регулятивной отраслей законодательства. В первую очередь, сказанное доказывается тем, что состав преступления как самостоятельный элемент преступления наполнен признаками, имеющими исключительно уголовно-правовое происхождение. Речь идет о категориях преступного действия (бездействия), преступного последствия, вины (умысла или неосторожности), мотива и цели преступного посягательства. В социальных аспектах каждая из них заведомо воспринимается со знаком минус как неотъемлемый атрибут преступного посягательства. Именно поэтому свое непосредственное разъяснение конструктивные признаки состава преступления получают исключительно в содержании уголовного закона, практике его применения, а также уголовно-правовой доктрине. Конкретным примером может послужить понятие хищения как обязательного признака ряда преступлений против собственности, которое официально закрепляется в п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ.

Иначе обстоит дело с правовой природой объекта и субъекта преступления. По существу им свойственны социально-положительные начала, находящие свою конкретизацию вне уголовно-правовой материи. Юридически их параметры определяются в регулятивных отраслях права. Например, понятие «собственность», характеризующее сущностный компонент объекта преступлений против собственности (гл. 21 УК РФ), формулируется в гражданском законодательстве. Вне уголовно-правовых отношений собственность остается исключительно предметом правового регулирования отношений, связанных с владением, пользованием и распоряжением имуществом. При этом собственность как благо не является неким исключением из общего правила определения направленности преступного посягательства. Позитивная природа свойственна всем объектам уголовно-правовой охраны. «Их позитивизм выражается в том, что соответствующие социальные отношения объективно урегулированы в интересах личности, общества и государственной власти»¹.

Аналогичная картина складывается при характеристике субъекта преступления, абстрагируемого от уголовно-правовой материи. Скажем, предметный ответ на вопрос о том, кто выступает специальным субъектом преступлений против военной службы (гл. 33 УК РФ), позволяющий получить Федеральные законы от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»² и от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»³. Воздерживающийся от совершения преступления военнослужащий традиционно воспринимается как лицо, исполняющее должностные функции, связанные с прохождением военной службы, которые направлены на обеспечение безопасности и обороноспособности государства. Сложно поспорить с тем, что в функциях военнослужащего заложено созидательное начало. Однако в том случае, когда военнослужащий игнорирует свою уголовно-правовую обязанность, его статус определяет содержание понятия «специальный субъект преступления».

¹ Разгильдиев Б.Т. Социальная природа состава преступления в уголовном праве России // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. Омск, 2020. С. 123–124.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 13, ст. 1475.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22, ст. 2331.

Таким образом, категории «объект» и «субъект» приобретают криминообразующее значение только при постановке вопроса о совершении общественно опасного посягательства. Конкретные юридические параметры объекта и субъекта преступления определяются в отраслях законодательства, ориентированных на регулирование социальных отношений.

Рассуждая об уголовно-правовой роли объекта преступления, некоторые исследователи придерживаются еще более принципиальной точки зрения. В частности, В.В. Векленко утверждает, что «практическое значение объекта как одного из обязательных элементов состава преступления фактически ничтожно... Являясь самостоятельным элементом состава преступления, объект не обеспечивает решение той задачи, которая возлагается на состав. В этом нетрудно убедиться, если представить, что объекта в составе не существует»¹.

Близкие по смыслу суждения высказывают А.Ю. Головин и Н.В. Бугаевская. На взгляд авторов, «если критически посмотреть на признаки состава преступления как такового, то можно заметить, что не все из них одинаково задействованы в процессе квалификации преступления. Так, признаки объекта становятся весьма условными, формальными, объект выступает лишь техническим элементом состава преступления. Опираясь на объект преступления, больше теоретики, чем практики, различают смежные или сходные по другим критериям составы преступлений»².

Исследователи совершенно правы в том, что объект общественно опасного посягательства остается за рамками состава преступления. Его значение в процессе квалификации содеянного стремится к нулю. Само по себе причинение вреда интересам личности, общества, государства, мира или безопасности человечества без установления конкретных объективных и субъективных признаков совершен-

¹ Векленко В.В. Значение объекта преступления // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (28–29 марта 2005 г.): в 2 ч. Саратов, 2005. Ч. 1. С. 15.

² Головин А.Ю., Бугаевская Н.В. Структурные элементы состава преступления и их значение для квалификации и предупреждения преступлений коррупционной направленности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 2. С. 260.

ного деяния юридически не имеет никакого значения. В зависимости от конкретных обстоятельств произошедшего объективно выраженный вред одним и тем же социально значимым интересам может быть охарактеризован как преступление, административный проступок, гражданское правонарушение или даже казус, находящийся вне содержания какого-либо юридического деликта.

Между тем будет неправильным полностью отрицать уголовно-правовое значение объекта криминального посягательства. Не отражаясь на характере общественной опасности совершенного деяния, объект преступления играет исключительно важную роль при установлении ее степени. Многие общественные отношения, ставшие объектом преступного воздействия, могут быть полностью или частично восстановлены в результате активного поведения субъекта, ставшего источником вреда. Суд обязан принять во внимание состояние соответствующего объекта на момент вынесения решения по уголовному делу. Именно поэтому объект и субъект преступления выступают самостоятельными и по своему характеру динамичными элементами преступления.

Обосновываемая структура преступления решает важную теоретическую задачу, касающуюся сущности и соотношения категорий «преступление» и «состав преступления». Однако открытым остается принципиальный вопрос относительно понятия и элементов деяния, которое, согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, хотя формально и содержит признаки какого-либо действия или бездействия, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляет общественной опасности. Обратим внимание на то обстоятельство, что законодатель рассматривает «малозначительность» в качестве признака деяния, исключаящего общественную опасность. Отсюда проистекает известная теория формальных и материальных признаков деяния, нацеленная на отграничение преступления от иных проявлений уголовно-правового поведения. Если преступление одновременно наделяется свойствами правовой запрещенности и общественной опасности, то деяние с признаком малозначительности, будучи формально противоправным, уровня общественной опасности не достигает. Как разъясняет Конституционный Суд РФ, «необходимость в правоприменительной практике уста-

навливать как формальную уголовную противоправность предусмотренного этой статьей деяния, так и реальную степень его общественной опасности, определяемую с учетом исследования всей совокупности фактических обстоятельств конкретного дела, в том числе свидетельствующих о наличии либо отсутствии оснований для освобождения лица от уголовной ответственности или от наказания либо для признания совершенного деяния малозначительным»¹.

Исходя из смысла уголовного закона, «малозначительность» не определяет содержание самого деяния, которое претендует на роль второго вида уголовного правонарушения. Она является лишь его конструктивным признаком. В связи с этим будет не вполне уместным ограничиваться словосочетанием «малозначительное деяние». Гораздо точнее сущность рассматриваемого явления способна отразить категория уголовного проступка, главным признаком которой обосновывается малозначительность совершенного действия или бездействия. В заданном ключе ранее уже отмечалось высокое значение дефиниции уголовного проступка, представленной советскими учеными в проекте кодекса уголовных проступков под руководством В.И. Курляндского. Содержание данного вида уголовного правонарушения было определено как «деяние, по степени своей общественной опасности не являющееся преступлением, но нарушающее социалистический правопорядок, охраняемые законом интересы государства и общества, а также права и интересы отдельных граждан»². Сегодня подобную мысль относительно малозначительности уголовного проступка позиционирует Е.В. Рогова. Однако в авторской точке зрения принципиальное возражение вызывает тезис том, что «уголовный проступок является разновидностью преступления, но с меньшей степенью общественной опасности»³. По логике уголовного закона, именно нулевая степень общественной опасности содеянного позволяет правоприменителю

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 10, ст. 1415.

² Кодекс уголовных проступков. Проект. М., 1973. С. 6.

³ Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 399, 419.

исключить преступность и констатировать малозначительность деяния, завершенный юридический облик которому в состоянии придать понятие уголовного проступка.

Реализация предлагаемой идеи внесет ясность в природу уголовно-правового деликта и удовлетворит современные требования общества по либерализации отрасли уголовного законодательства. Преступление и уголовный проступок станут взаимосвязанными и взаимообусловленными разновидностями уголовного правонарушения, понимаемого в качестве конкретного деяния, предусмотренного Особенной частью уголовного закона, общественная опасность которого установлена (преступление) либо не выявлена судом исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного лица (уголовный проступок).

В предлагаемую структуру уголовного правонарушения полностью вписывается концепция элементов преступления, которая отделяет типовую модель объективных и субъективных признаков запрещенного деяния от объекта и субъекта преступного посягательства. Одной лишь формальной констатации в содеянном составе преступления недостаточно для того, чтобы положительно решить вопрос о наличии преступления. Активное поведение субъекта правонарушения, позитивным образом отразившееся на состоянии соответствующего объекта, может полностью нивелировать степень общественной опасности содеянного. Отсутствие степени общественной опасности исключает возможность для правоприменителя установить общественную опасность в целом. В подобной ситуации обнаруживаются элементы уголовного проступка как второго вида уголовного правонарушения. Первый элемент охватывает содержание объекта посягательства, сохранившего или восстановившего свои исходные качества вследствие поведения учинителя вреда. Следующим элементом выступает субъект уголовного проступка, нивелировавший возникшую угрозу для материального порядка своим созидательным поведением. Заключительным элементом необходимо признать состав уголовного проступка, содержание которого производно от понимания состава преступления, формальные признаки которого установлены, но общественная опасность совершенного деяния судом не выявлена.

Таким образом, элементы уголовного правонарушения представляют собой структурные компоненты, свойственные преступлению и уголовному проступку. Уголовное правонарушение состоит из трех элементов: объект уголовного правонарушения, субъект уголовного правонарушения и состав уголовного правонарушения.

Объект уголовного правонарушения отражает часть социальных отношений, которая была разрушена или претерпела угрозу причинения вреда вследствие совершения деяния, предусмотренного Особенной частью уголовного закона. Формально преступление и уголовный проступок имеют единый объект воздействия, параметры которого определены предметом регулирования соответствующей отрасли позитивного права. Сущностные отличия объекта преступления и объекта уголовного проступка наблюдаются в том случае, когда судом дается оценка поведению лица, пренебрегшего своей уголовно-правовой обязанностью. Установив характер и степень общественной опасности учиненного деяния, правоприменитель тем самым констатирует наличие преступного вреда охраняемому уголовным законом объекту, угрожающего сложившемуся в обществе материальному порядку. Объект преступления приобретает вид отношений, претерпевших конкретное разрушительное воздействие или определенное время находившихся под реальной угрозой фатальных изменений. Если поведение недобросовестного правоисполнителя незначительным образом отразилось на состоянии социальных связей, то вопрос о наличии общественной опасности совершенного действия или бездействия судом решается отрицательно и формирует основание для установления признаков уголовного проступка. В связи с этим объект уголовного проступка следует определить в качестве отношений, которые на момент уголовно-правовой оценки запрещенного деяния сохранили или восстановили возможность существовать и развиваться.

По аналогии с объектом уголовно-правовой охраны, субъект обеих разновидностей уголовного правонарушения формально совпадает. Речь идет об общих и специальных признаках правоисполнителя, приобретающих значение необходимых условий возникновения уголовно-правовой обязанности по воздержанию

от совершения преступления. Минимальная совокупность такого рода признаков касается возраста и состояния психического здоровья физического лица. По своему внутреннему содержанию субъект преступления и субъект уголовного проступка находят отличия в ходе уголовно-правовой квалификации предусмотренного уголовным законом деяния. Субъектом преступления выступает лицо, определенное время представляющее опасность материальному порядку вследствие причинения фактического вреда интересам личности, общества, государства, мира или безопасности человечества. Рассуждая о субъекте уголовного проступка, вполне закономерно возникает ассоциация с лицом, своим поведением продемонстрировавшим желание загладить причиненный вред объекту посягательства и в связи с этим не представляющим угрозы для окружающих.

Заключительным элементом уголовного правонарушения выступает его состав. Содержательно он охватывает представленную в уголовном законе типовую модель преступного деяния, которая в конкретной ситуации может обрести форму преступления или уголовного проступка. Вполне закономерно здесь можно ожидать вопроса относительно того, каким образом предусмотренный Особенной частью уголовного закона состав преступления «превращается» в состав уголовного проступка. Ответ на поставленный вопрос вполне очевиден. Состав преступления отражает лишь характер общественной опасности деяний определенного вида, которые признаются преступлениями или нет в зависимости от установления степени общественной опасности содеянного. В том случае, когда наряду с формальными признаками криминального состава устанавливается степень общественной опасности содеянного, судом констатируется преступление. Если, исходя из оценки личностных характеристик учинителя вреда и обстоятельств содеянного, степень общественной опасности правоприменителем не выявляется, то налицо малозначительность деяния. Показательна на этот счет реальная правовая ситуация, сложившаяся в г. Ульяновске в 2018 г. Проживающему в данном городе гражданину Т. было предъявлено обвинение в незаконном приобретении и хранении патрона, признанного боеприпасом к нарезному огнестрельному оружию. Вынесенным по результатам рассмотрения уголовного дела постановлением суд

прекратил уголовное дело в отношении Т. в связи с признаками малозначительности деяния. Однако в апелляционном представлении государственный обвинитель М. выразил несогласие с принятым судом решением. Он апеллировал к тому обстоятельству, что предусмотренное ч.1 ст. 222 УК РФ деяние отнесено к категории средней тяжести и посягает на общественную безопасность. В факте хранения Т. патронов, пригодных для производства выстрелов, М. усмотрел опасность причинения существенного вреда интересам других людей. Основной акцент делался на том, что Т., как охотник и владелец огнестрельного оружия, имел реальную возможность использования патронов для стрельбы. При этом немаловажна одна деталь. В своем представлении государственный обвинитель признавал, что степень общественной опасности содеянного все-таки должна определяться конкретными обстоятельствами дела.

Проверив материалы уголовного дела, доводы апелляционного представления и поступивших возражений, суд апелляционной инстанции нашел обжалуемое постановление правомерным. Он констатировал, что учиненное Т. деяние формально подпадало под признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ, но с учетом всех обстоятельств дела оно не повлекло причинения существенного вреда охраняемому законом объекту и не создало угрозу его причинения. На основании этого суд апелляционной инстанции признал законность и обоснованность прекращения уголовного дела в связи с малозначительностью деяния¹.

Существуют и другие яркие примеры деяний, формально содержащих признаки состава преступления, но оцениваемых судом по признакам малозначительности. Так, Ф., будучи заместителем главы администрации Горенского сельского поселения Zubovo-Полянского муниципального района Республики Мордовия, в период с сентября 2011 г. по май 2014 г. внесла в справки о своих доходах и доходах мужа недостоверные сведения и представила их в школу для получения права на бесплатное питание своей дочери. На основании этих справок дочери Ф.

¹ См.: Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 30 мая 2018 г. по делу № 22-988/2018 // Официальный сайт Ульяновского областного суда. URL: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=73457> (дата обращения: 05.09.2019).

как ребенку из малообеспеченной семьи была необоснованно предоставлена мера социальной поддержки в виде освобождения от оплаты питания. Своими действиями Ф. причинила республиканскому бюджету в лице Министерства образования РФ материальный ущерб в размере 10 066 руб. 24 коп. Формально в поведении Ф. были констатированы признаки мошенничества при получении выплат (ст. 159² УК РФ). Однако после длительных разбирательств дела на уровне различных инстанций, учитывая обстоятельства произошедшего, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала: «Приведенные в судебных решениях анализ обстоятельств совершенного Ф. деяния, небольшой размер материального ущерба, причиненного республиканскому бюджету, и отсутствие в материалах уголовного дела доказательств того, что деяние причинило существенный вред государственным либо муниципальным интересам, свидетельствуют об отсутствии в ее действиях признака общественной опасности, который позволял бы признать их преступлением»¹. Похожий прецедент имел место в Кизнерском районе Удмуртской Республики². Практике также известны случаи непризнания общественно опасными деяний, формально содержащих признаки растраты чужого имущества (ст. 160 УК РФ)³ и незаконного проникновения в жилище (ст. 139 УК РФ)⁴.

Приведенные примеры подтверждают, что само по себе наличие формальных признаков состава преступления еще не свидетельствует об общественной опасности посягательства в целом. В известной мере прав А.В. Иванчин, по мнению которого, «общественная опасность находится за рамками состава преступ-

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 августа 2020 г. по делу № 15-УДП20-7-К1. // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.03.2021).

² См.: Определение судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июля 2021 г. по делу № 77-3375/2021. // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2022).

³ См.: Постановление Гурьевского районного суда Калининградской области от 21 августа 2019 г. по делу № 1-94/2019 // Архив Ульяновского областного суда за 2019 г. Архив Гурьевского районного суда Калининградской области за 2019 г.

⁴ Обзор судебной практики по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции за 2021 г. (утв. постановлением президиума Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 апреля 2021 г.). URL.: https://files.sudrf.ru/2873/docum_sud/doc20210427-140840.docx (дата обращения: 17.12.2021).

ления, а последний есть воплощение признака уголовной противоправности... Общественная опасность поведения субъекта не сводится к причиненному или возможному вреду, а определяется набором присущих этому поведению признаков, включая характер самого деяния, форму и вид вины, мотив и цель, признаки субъекта и др.»¹.

Одновременно обращает на себя внимание очень важный момент. В описанном выше казусе наблюдается явно выраженная правовая недосказанность. При установлении признаков малозначительности деяния процесс его уголовно-правовой оценки приводит к образованию юридического вакуума. Остается непонятной суть деяния, общественная опасность которого судом на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ не выявлена. По итогам квалификации оно не признается ни преступлением, ни иным правонарушением.

Обладая уголовно-правовой природой и претендуя на роль уголовного правонарушения, деяние с малозначительной сущностью должно получить соответствующее наименование. Как уже разъяснялось ранее, вариант «малозначительное деяние» не подходит, поскольку категория малозначительности отражает только один из совокупных признаков анализируемого феномена. Гораздо целесообразнее использовать понятие уголовного проступка, сущность которого предполагается устанавливать посредством исключения общественной опасности в деянии, формально подпадающем под типовые признаки состава преступления.

Сформулированное предложение отвечает логике законодательных нововведений, отразившихся в содержании ст. 15 УК РФ после принятия Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Отечественный законодатель признал за судом право изменять категорию преступления на менее тяжкую с учетом обстоятельств совершенного деяния и личности учинителя вреда. Тем самым суд официально объявлен субъектом, имеющим непосредственное отношение к установлению общественной опасно-

¹ Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 10, 34.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50, ст. 7362.

сти, а точнее, степени общественной опасности деяния. В духе обозначившейся тенденции установление уголовного проступка, ключевым признаком которого признается малозначительность деяния, рационально отнести к прерогативе суда. Что немаловажно, подавляющее большинство из общего числа опрошенных нами судей и работников аппарата суда (69,4 %) считают правильным установление признаков уголовного проступка с учетом обстоятельств содеянного и личности виновного лица.

Сводя круг обсужденных проблем к конкретным итогам, сформулируем наиболее существенные выводы.

1. Состав преступления и преступление соотносятся как часть и целое. Состав преступления предполагает закрепленную в уголовном законе типовую модель криминообразующих признаков, отражающую характер общественной опасности содеянного. Юридически значимые признаки преступления, остающиеся вне состава преступления, характеризуют степень общественной опасности учиненного действия или бездействия. Сочетание состава преступления с обстоятельствами учиненного деяния и личностью виновного образует либо преступление, обладающее конкретными характером и степенью общественной опасности, либо уголовный проступок, лишенный степени общественной опасности и, как следствие, общественной опасности в целом.

2. Состав преступного деяния ограничивается объективной и субъективной стороной соответствующего посягательства, оставляя за своими рамками объект и субъект преступления. В уголовном праве органическая взаимосвязь и взаимообусловленность категорий объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны соответствующего деяния выражается на уровне преступления, а не состава преступления. На этом основании объект и субъект преступления (динамичные элементы), а также состав преступления (статичный элемент) следует признать самостоятельными элементами преступления.

3. Элементы уголовного правонарушения представляют собой структурные компоненты, свойственные преступлению и уголовному проступку. К ним относятся объект, субъект и состав уголовного правонарушения. Объект уголовного

правонарушения образуют урегулированные нормами позитивного права отношения, совокупный вред которым от совершенного деяния, предусмотренного уголовным законом, позволяет суду констатировать наличие угрозы материальному порядку. Субъектом уголовного правонарушения выступает лицо, обладающее формальными признаками правоисполнителя, характеристика личности и линия поведения которого дают возможность суду оценить его опасность для общества. Состав уголовного правонарушения (состав преступления) охватывает представленную в уголовном законе типовую модель преступного деяния, обретающую форму преступления или уголовного проступка в зависимости от установления судом степени общественной опасности содеянного.

Сформулированные идеи в некоторой мере расходятся с традиционными позициями исследователей и представителей правоприменительной практики относительно структуры деяния, получающего уголовно-правовую оценку. Данное обстоятельство требует более подробного обоснования положений, касающихся элементов уголовного правонарушения.

§ 2. Сущность и параметры объекта уголовно-правовой охраны

Объект уголовного правонарушения уголовно-правовой науке известен в качестве категории, характеризующей ориентированность общественно опасного посягательства. Относительно сущностных свойств объекта преступления сформировалось немало точек зрения, каждая из которых позиционируется как наиболее предпочтительная. Наблюдающиеся расхождения во взглядах исследователей, развивающих данное направление теории уголовного права, обусловлены принципиально разными методологическими подходами к оценке места и значения охраняемого уголовным законом объекта в системе уголовно-правовых отношений. Внести определенную ясность в массив предлагаемых дефиниций и выдвинутых гипотез позволит решение теоретических задач по установлению философской и методологической основы категории объекта уголовно-правовой охраны, обоснованию его фактической сущности и юридической оболочки, соотношению понятий объекта и предмета преступления.

В философии объект интерпретируется как «то, на что направлена активность (реальная и познавательная) субъекта»¹. Всякая активность субъекта обязательно предполагает внеположный по отношению к нему объект. Некоторая антагонистичность субъекта и объекта в то же время выступает проявлением не обособленных реальностей, а двух полюсов в составе единого явления. В той сфере жизнедеятельности, где есть субъект, обязательно присутствует объект.

Философский посыл к пониманию категории объекта находит отражение в содержании объекта преступления как результата деятельности субъекта криминальной активности. В специальной литературе обнаруживаются несколько фундаментальных подходов к определению сущности объекта преступления, сформировавшихся в духе соответствующих исторических пластов развития уголовно-правовой науки. Традиционно выделяются концепции объекта преступления дореволюционного, советского и современного периодов, вносящих свой существенный вклад в методологию изучения рассматриваемого феномена.

В дореволюционный период снискала популярность теория объекта преступления как правового блага. Подавляющее большинство исследователей, работавших на рубеже XIX–XX веков, склонялось к необходимости объединения в исходе понятия юридического и фактического начал. Знаменитый русский ученый Н.С. Таганцев подчеркивал, что право в субъективном смысле «представляет отвлеченное понятие, как и норма, а потому само по себе, по общему правилу, не может быть непосредственным объектом преступного посягательства, пока оно не найдет выражения в конкретно существующем благе или интересе... Жизненным проявлением нормы может быть лишь то, что вызывает ее возникновение, дает ей содержание, служит ей оправданием, – это интерес жизни, интерес человеческого общежития, употребляя это выражение в широком собирательном значении всего того, что обуславливает бытие и преуспевание отдельного лица, общества, государства и всего человечества в их физической, умственной и нравственной сфе-

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 136.

рах... Таким образом, посягательство на норму права в ее реальном бытии есть посягательство на правоохраненный интерес жизни, на правовое благо»¹.

Правовое благо приобрело значение собирательного явления, отражающего формальный и сущностный аспекты объекта преступного посягательства. При его характеристике наряду с несколько устаревшим сегодня словосочетанием «правовое благо» теоретики дореволюционного времени оперировали и такой терминологией, которая по своей семантике более свойственна современному категориальному аппарату уголовного права. В частности, еще один популярный криминалист дореволюционной России Л.С. Белогриц-Котляревский писал, что «преступление есть, прежде всего, нарушение закона или, говоря точнее, правовой нормы, регулирующей отношения людей или друг к другу, или к юридическим установлениям, совокупность которых образует правопорядок. Но преступление, нарушая нормы, т.е. абстрактные запреты или веления закона, вместе с тем необходимо разрушают те реальные блага или интересы, для которых эти нормы существуют. Нарушая норму “не укради”, вор вместе с тем разрушает чье-либо имущественное благо. Таким образом, объектом преступления с формальной стороны является норма, а с материальной – те жизненные интересы или блага, которые этими нормами охраняются»². Исходя из смысла изложенных суждений, объектом преступного воздействия выступают урегулированные нормой права отношения, возникающие по поводу обеспечения интересов частных лиц или всего общества.

Один из известнейших основоположников отечественной теории уголовного права В.Д. Спасович акцентировал внимание на нескольких значимых аспектах рассматриваемой проблемы. В первую очередь, он отмечал, что объекты (предметы) преступления напрямую обусловлены правами человека, закрепленными в соответствующих нормах законодательства³. Юридические дозволения связывались с личными, материальными, духовными и иными благами. Однако сами по себе

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. СПб, 1902. Т 1. С. 32, 33.

² Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник Русского Уголовного права. Общая и особенная части. Киев–Петербург–Харьков, 1903. С. 162.

³ Исследователь отождествлял понятия объекта и предмета преступления (См.: Спасович В.Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. 1. С. 91.).

вещи, предметы, имущество, элементы природы, информация, убеждения вне сферы действия юридических норм не оценивались как самостоятельные объекты охраны. Они наделялись уголовно-правовым значением только в контексте отношений, возникающих по поводу реализации юридических прав. Ученый уточнял, что «право может принадлежать как лицам единичным, так и лицам собирательным, юридическим, то есть целым группам и сочетаниям, состоящим из лиц физических, различной величины, назначения, размеров. Таким образом, предметом преступления может быть частное лицо, семья, сословие, церковь, совокупность лиц, находящихся в известной местности, или публика, государство и его правительство, со всеми органами этого правительства»¹.

Представленный доктринальный подход предвосхитил выстраивание современной модели уголовно-правового обеспечения материального порядка, центральным элементом которой провозглашается человек, обладающий естественными и приобретенными правами и свободами. Иные охраняемые уголовным законом отношения, обусловленные интересами общества и государства, рассматриваются в качестве элементов материального порядка, способствующих свободному существованию и благополучному развитию человека. Безопасность личности возведена российским законодателем в ранг уголовно-правового принципа.

Исключительно важно отметить, что В.Д. Спасович отводил определяющую роль юридической составляющей объекта преступления. По его утверждению, «преступления нет, когда нарушаемое право перестало пользоваться защитой закона и когда, таким образом, предмет преступления потерял свой юридический характер»². Интересы человека, общества и государства, лишённые надлежащего юридического оформления, расценивались как эфемерные и не обладающие конкретными границами.

Изложенные и кратко проанализированные научные воззрения представляют чрезвычайную актуальность и сегодня. Ученым дореволюционного периода сформирована мощная методологическая основа развития учения об объекте пре-

¹ Спасович В.Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. 1. С. 96.

² Там же.

ступления. Им удалось не только высветить сущностные аспекты анализируемого феномена, но и обосновать его формальные параметры. В духе обозначившихся идей вполне можно решать насущные научно-практические теоретические задачи по соотношению позитивного и уголовного законодательств, расстановке приоритетов в правовом регулировании и уголовно-правовой охране социальных отношений, разработке механизма взятия под охрану интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества.

Взглядам представителей уголовно-правовой науки дореволюционного времени было суждено на длительное время остаться лишь частью истории. Известные глобальные преобразования начала прошлого века, приведшие к появлению советского государства, серьезным образом отразились на векторе развития отечественной уголовно-правовой доктрины. Не стала исключением анализируемая проблематика. Довлея над научной мыслью, господствующая в то время идеология побудила ученых к обоснованию политически выгодной теории объекта преступления как отношений, образующих основу советского строя.

Вполне закономерно, что свое начало советская теория объекта преступления взяла с резкой критики популярной среди ученых-криминалистов дореволюционной России категории правового блага, отражающей конкретную область юридического обеспечения интересов человека, социальных групп или государства. Так, А.А. Пионтковский в начале тридцатых годов прошлого столетия писал: «Обычно буржуазная теория уголовного права считает объектом преступления “правовое благо”, т.е. защищенный правом интерес отдельного лица (индивидуальные правовые блага) или интерес всего общества (коллективные правовые блага). Этот простой ответ на вопрос о том, что является объектом преступления, вполне соответствует всей “внеклассовой” позиции буржуазных криминалистов. Мы им довольствоваться, однако, не можем... Деление “правовых благ” на индивидуальные и коллективные имеет лишь относительное, условное значение... Непосредственным объектом преступлений у нас являются те или иные интересы всего рабоче-крестьянского государства, или интересы отдельных граждан, по-

сколькx их нарушение является социально опасным для системы отношений пролетарской диктатуры»¹.

Очевидна переориентация фактических начал объекта уголовно-правовой охраны с отдельных прав и свобод личности, законных интересов общества и государства на политические интересы публичной власти. Формальная составляющая объекта уголовно-правовой охраны при этом не упоминается вообще. Здесь представляет интерес точка зрения Б.С. Никифорова, несколько позже предложившего очертить границы охраняемого уголовным законом объекта посредством введения в оборот достаточно расплывчатой по своему значению категории «социальное установление». Демонстрируя полную преемственность взглядам А.А. Пионтковского, исследователь отмечал, что «преступление, нарушая то или иное условие нормального существования социального установления, тем самым причиняет вред самому этому установлению и, следовательно, нарушает нормальное функционирование советского общества»².

Идеологизированный подход к определению содержания объекта преступления в самом своем гипертрофированном виде был воплощен в Уголовном кодексе РСФСР, принятом 26 мая 1922 г. на 3-й сессии IX съезда Советов. Его ч. 6 гласила: «Преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»³. Сформулированное законодательное положение в современной уголовно-правовой теории принято считать примером дефиниции преступления с ярко выраженной материальной сущностью. Как подчеркнул А.В. Наумов, «советский законодатель превратил уголовный закон в постоянно (ежегодно, а порой и ежемесячно) используемый им рабочий инструмент достижения своих политических и социально-экономических целей. При этом уголовное право рассматривалось как необходимое средство насилия и принуждения (что вытекало из марк-

¹ Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Часть общая. М., 1924. С. 129, 130.

² Никифоров Б.С. Объект преступления по Советскому уголовному праву. М., 1960. С. 119.

³ Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

систско-ленинских основ построения социализма). В тоталитарном государстве это вполне срабатывало»¹.

Главным признаком преступления в первые годы становления советского государства признавалась общественная опасность деяния, понимаемая как угроза основам советского строя и правопорядку. Рабоче-крестьянская власть рассматривала объект преступления в качестве интересов публичных, оттеняя потребность в уголовно-правовой охране частных интересов граждан и отдельных социальных групп.

Уместно заметить, что в своих более поздних работах, заметно освободившихся от революционных настроений и идеологических штампов, систему сложившихся в социалистическом обществе отношений А.А. Пионтковский стал позиционировать как «общий объект преступления». Непосредственным объектом преступных посягательств он полагал «не сами общественные отношения, а их элементы: их материальное выражение – при посягательстве на социалистическую и личную собственность, их субъекты – при посягательстве на личность советского гражданина»². Ученый пояснял, что «отношение между объектом преступления как общественным отношением и непосредственным объектом преступления следует рассматривать в плоскости взаимоотношения категорий материалистической диалектики – сущности и явления. Непосредственный объект преступления – это предмет воздействия преступника, который мы можем непосредственно воспринимать (государственное, общественное или личное имущество граждан, здоровье, телесная неприкосновенность, свобода и достоинство граждан, представитель власти, государственные или общественные учреждения и т.д.)»³.

Деталь немаловажная, поскольку она переводит тематику сущностных характеристик объекта преступления на уровень структурных элементов общественного отношения. Одним из первых идею выделения в охраняемых отноше-

¹ Наумов А.В. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.). М., 2019. С. 33.

² Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в 6 т. Часть Общая. М., 1970. Т. 2. С. 116.

³ Там же. С. 119–120.

ниях некоего центрального ядра пытался обосновать Б.С. Никифоров. «Отношения между людьми в обществе, – писал автор, – часто включают в себя различного рода состояния и процессы и разнообразные предметы материального и нематериального мира – орудия и средства труда, его предмет и результаты, различного рода документы, всякого рода сведения и т.д. Не будучи сами по себе общественными отношениями, они в соответствующих случаях входят в “состав” этих последних и являются их неотъемлемой частью. Именно потому, что такие предметы, вещи и состояние сами по себе не являются общественными отношениями, они могут входить в состав различных общественных отношений»¹. В то же время Б.С. Никифоров проявлял осторожность в своих высказываниях, констатируя прямую связь охраняемых интересов с общественными отношениями: «Неправильно поэтому говорить, что в тех или иных случаях советское уголовное право охраняет не общественные отношения, а “интересы”. Охраняя интересы, оно тем самым охраняет социалистические общественные отношения, причем не в конечном счете, не “опосредствованно”, а самым непосредственным образом»². Близкие по смыслу тезисы в последние годы существования советского государства высказывал В.Я. Таций³.

Суждения об интересе как неотъемлемой части общественного отношения в теории Б.С. Никифорова счел наиболее значимыми Н.И. Коржанский. По его мнению, соответствующий интерес в реальной жизни обретает вид возможности определенного поведения или состояния. Такого рода возможность «является содержанием, ядром общественных отношений и основным признаком объекта преступления. Преступление полностью или частично, временно или навсегда затрудняет реализацию социальных возможностей участников общественной жизни либо делает такую реализацию невозможной»⁴.

¹ Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 132.

² Там же. С. 72.

³ См.: Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 77.

⁴ Коржанский Н.И. Объект преступления и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 43.

Большую категоричность в решении анализируемого вопроса проявил другой советский ученый В.К. Глистин, который отмечал: «Если согласиться с тем, что преступление не уничтожает и не изменяет охраняемых общественных отношений, то возникает вопрос, чем же вредно причинение ущерба отдельным элементам этих отношений, как можно, нанося вред составным частям целого, оставить без изменений само целое. В таком случае невозможно обосновать общественную опасность, вредность преступления»¹.

Поставленная проблема представляет актуальность и сегодня. Преступление не может признаваться общественно опасным только потому, что причиняет какой-либо вред интересам личности, общества или государства, рассматриваемым в отрыве от общественных отношений. При таком подходе оно лишается своей материальной стороны и ничем не отличается от иных правонарушений, порождающих объективно выраженные вредные последствия. В уголовно-правовых аспектах общественная опасность является свойством строго определенной вредности, предполагающей создание угрозы материальному порядку, складывающемуся из отдельных социальных связей. Само семантическое значение категории «общественная опасность» ассоциируется с угрозой разрушительного воздействия на социум. Сложно вообразить ситуацию, когда деяние, юридически оцениваемое как опасное для общества, не затрагивает фактических отношений между людьми.

Прав В.К. Глистин и в том, что концепция объекта преступления как автономного элемента общественного отношения «не позволяет выделить объективные критерии, характеризующие конкретный объект посягательства, а это необходимо при квалификации деяния, разграничении сходных посягательств»². Но здесь необходимо оговориться относительно одного важного аспекта. Представителям советской юридической науки было свойственно обосновывать формальные границы соответствующего объекта, исходя из содержания нормы уголовного закона, направленной на обеспечение его охраны. Как отмечал В.С. Прохоров,

¹ Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). Л., 1979. С. 6.

² Там же.

«нарушение правопорядка есть нарушение общественных отношений, если, разумеется, правовая форма, “оболочка” общественных отношений адекватна самим общественным отношениям. Посягательство на защищаемое уголовным правом общественное отношение в силу этого есть одновременно посягательство на правовые отношения, а причиненный ущерб не только общественно опасен, но и уголовно противоправен»¹.

Сделанное заключение представляется весьма спорным. Юридические границы охраняемого объекта не могут находить свою конкретизацию непосредственно в уголовном законе вследствие его функциональной специфики. Уголовно-правовые нормы ориентированы на сохранение отношений, которые уже получили необходимую упорядоченность в рамках регулятивного законодательства. Как справедливо отмечает А.Г. Блинов, «предписания регулятивного характера объективно не в состоянии удерживать физических лиц от совершения деяний, обладающих качественными и количественными показателями общественной опасности. Для понуждения человека к исполнению обязанности по воздержанию от совершения общественно опасного действия (бездействия) возникает потребность обращения к услугам норм и положений уголовного закона»². В связи с этим охраняемые уголовным законом интересы личности, общества, государства, мира и безопасности человечества приобретают четко определенные параметры исключительно в качестве элементов отношений, образующих предмет регулирования соответствующих отраслей права.

Коренные государственные преобразования 90-х годов прошлого столетия, затронувшие практически все сферы жизнедеятельности, предопределили новый виток развития отечественной уголовно-правовой науки. На волне позиционируемых демократических ценностей ученые-криминалисты стремились по-новому оценить содержание сложившихся уголовно-правовых учений советского периода. Особое внимание уделялось проблеме объекта уголовно-правовой охраны. Критикуя советских ученых за чрезмерную идеологизированность в решении

¹ Прохоров В.С. Указ. соч. С. 55.

² Блинов А.Г. Правовой статус пациента и его обеспечение регулятивным и охранительным законодательством. СПб., 2013. С. 157–158.

данного вопроса, многие исследователи стали переосмысливать теорию объекта преступления как общественных отношений. Широкую популярность приобрело изречение А.В. Наумова о том, что в ряде случаев «теория объекта преступления как общественного отношения “не срабатывает”». Особенно это относится к преступлениям против личности, в первую очередь к убийству. Исходя из марксистского понимания сущности человека как «совокупности всех общественных отношений» в науке советского уголовного права принято было считать, что объектом убийства является жизнь человека не как таковая сама по себе, а именно в смысле совокупности общественных отношений... Таким образом, объектом преступления следует признать те блага (интересы), на которые посягает преступное деяние и которые охраняются уголовным законом»¹. Сегодня А.В. Наумов продолжает отстаивать данную позицию².

В представленных суждениях с учетом приведенной иллюстрации на первый взгляд все выглядит безупречно. Трудно поспорить с тем, что жизнь как естественное состояние и наивысшее благо человека для своей фактической реализации не требует вступления в какие-либо социальные связи. Однако именно в контексте уголовно-правовой охраны жизни ситуация принципиально меняется. Рассматривая в качестве объекта преступления жизнь человека как таковую, приходится сталкиваться со сложностями решения ряда юридически значимых вопросов относительно ее конкретных параметров, в частности начального и конечного моментов. Заявленный подход существенно затрудняет разграничение в нормотворческой и правоприменительной практике искусственного прерывания беременности и причинения смерти новорожденному ребенку, правомерного и криминального забора органов и тканей умершего лица для трансплантации. Получению однозначных ответов на поставленные вопросы могут способствовать ис-

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2000. С. 157, 159.

² См.: Наумов А.В. Концепция объекта преступления Е.И. Каиржанова как одно из наиболее ярких достижений национальной школы уголовного права Казахстана в советский и постсоветский периоды // Современные проблемы уголовной политики: международная коллективная монография / отв. ред.: Мизанбаев А.Е., Бекмагамбетов А.Б., Сергеев Д.Н. Екатеринбург, 2019. С. 76.

ключительно нормативные акты, регулирующие отношения, связанные с рождением и смертью человека. В связи с этим границы феномена «жизнь как объект уголовно-правовой охраны» определяют конкретные юридически оформленные социальные отношения.

Что особенно важно, конкретные правоотношения, складывающиеся относительно обеспечения жизни, способствуют максимально точному определению направленности преступного посягательства. Например, если считать объектом неоказания помощи больному, повлекшего по неосторожности его смерть (ч. 2 ст. 124 УК РФ), непосредственно жизнь человека, то складывается весьма противоречивая картина. Создается иллюзия того, что недобросовестный врач имеет намерение посягнуть на жизнь пациента. На самом деле он не выполняет свои профессиональные обязанности по другой причине. В подобных случаях медицинский работник игнорирует права больного лица, отдавая предпочтение личным интересам. Им движет желание высвободить время для решения собственных проблем. Поэтому объектом преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, выступают отношения, обусловленные юридическим статусом пациента и врача.

Изложенная мысль в значительной степени диссонирует с предложением Э.Л. Сидоренко переориентироваться в теории объекта преступления с общественных отношений на частные интересы. Под частным интересом в уголовном праве автором понимается «социальная категория, допустимая правом возможность физических и юридических лиц распоряжаться принадлежащими им благами и на основе метода дозволения участвовать в уголовно-правовой оценке случаев посягательства на эти блага посредством выражения своей воли»¹. Соответствующие возможности как проявления диспозитивности в уголовном праве аргументируются ссылками на законодательные и теоретические положения, касающиеся примирения с потерпевшим, уголовного преследования по делам частного обвинения и согласия потерпевшего².

¹ Сидоренко Э.Л., Карабут М.А. Частные начала в уголовном праве. СПб., 2007. С. 12.

² См.: Там же. С. 17.

Совершенно понятно, что Э.Л. Сидоренко пытается обосновать в качестве примеров уголовно-правовой диспозитивности процедуры реализации потерпевшим своих прав, не имеющих непосредственного отношения к отрасли уголовного законодательства. Речь идет о ситуациях, получающих оценку в рамках уголовно-процессуальных отношений. Тем не менее рассмотрим доводы автора относительно несостоятельности теории объекта преступления как общественных отношений. Первый сводится к тому, что личность, здоровье, честь и достоинства, общественная безопасность и другие объекты не являются общественными отношениями как таковыми¹. Однако уместно заметить, что никто из представителей уголовно-правовой доктрины к такому отождествлению никогда не стремился. Охраняемые уголовным законом интересы личности, общества и государства традиционно рассматривались в качестве структурных элементов общественных отношений. Высказанную мысль разделяют даже те исследователи, которые признают частный интерес в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. В частности, по заключению О.А. Мотина, «охраняемые уголовным правом общественные отношения представляют собой систему, одним из важнейших элементов которой являются интересы его участников»².

Следующий довод касается того, что «при рассмотрении преступления как определенного уголовно-правового отношения, в котором преступник является субъектом, а общественные отношения – объектом, допускается логическая ошибка: одно понятие определяется через другое, тождественное ему. Продолжая логический ряд, можно предположить, что в общественных отношениях, являющихся объектом преступления, виновный является непосредственным субъектом, т. е. составной частью объекта»³. Здесь сам автор допускает методологическую неточность. Э.Л. Сидоренко не разделяет уголовно-правовые и охраняемые отношения, возникающие по поводу одного и того же объекта, но имеющие самостоятельную природу, функциональное назначение и собственное содержание. Уго-

¹ См.: Там же. С. 49.

² Мотин О.А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 9–10.

³ Там же.

ловно-правовые отношения определяются сущностью уголовного законодательства, призванного обеспечить удержание правоисполнителя от общественно опасного воздействия на объект охраны. В свою очередь отношения, связанные с юридическим оформлением того же объекта, относятся к предмету регулирования соответствующей позитивной отрасли законодательства. Как отмечает Б.Т. Разгильдиев, «хотя в этом случае имеет место совпадение объекта уголовного правоотношения с объектом уголовно-правовой охраны, оно правомерно и с точки зрения теории права, и с точки зрения практики борьбы с преступностью»¹. Таким образом, параметры объекта уголовно-правовой охраны, устанавливаемые регулятивной отраслью законодательства, идентичны границам объекта уголовных правоотношений.

Третий аргумент Э.Л. Сидоренко, нацеленный на опровержение теории объекта преступления как общественных отношений, обусловлен известной дифференциацией физического, материального и морального вреда. Автор сомневается в том, что «в результате преступления может быть причинен, например, физический вред неодушевленным и нематериальным по своему существу общественным отношениям»². Высказанные сомнения представляются беспочвенными, поскольку в изложенных суждениях очевидно неоправданное отождествление вреда как проявления общественной опасности содеянного с вредными последствиями, выступающими признаком объективной стороны состава преступления. Вред охраняемым уголовным законом отношениям не ограничивается конкретными объективно выраженными последствиями преступного посягательства. Он определяется всей совокупностью объективных и субъективных признаков учиненного деяния. В противном случае преступления, состав которых сконструирован по типу формального, нельзя оценивать в качестве общественно опасных действий или бездействия.

Заключительный довод в пользу анализируемой концепции основан на тезисе, что «признание объектом преступления общественных отношений не позво-

¹ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ. Саратов, 1994. С. 140.

² Сидоренко Э.Л., Карабут М.А. Указ. соч. С. 50.

ляет рассматривать фигуру потерпевшего как субъект уголовно-правовых отношений, а следовательно, исключает влияние потерпевшего на возникновение и прекращение этих отношений»¹. Представляется, сформулированное заключение не содержит никаких противоречий. Будучи по своей природе публичными, уголовно-правовые отношения основаны на всеобщих обязанностях людей по воздержанию от совершения преступлений. Они возникают с момента приобретения лицом статуса правоисполнителя и могут быть прекращены исключительно в связи с его утратой. На возникновение и прекращение уголовно-правовой обязанности конкретного человека потерпевший своим поведением повлиять не в состоянии. Можно лишь предположить, что Э.Л. Сидоренко вновь смешивает уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения.

Признание объектом уголовно-правовой охраны частных интересов стало не единственным направлением развития анализируемой ветви современной уголовно-правовой теории. Весьма оригинальную позицию относительно объекта преступления представил Г.П. Новоселов. Рассуждая о формальном и материальном компонентах объекта уголовно-правовой охраны, Г.П. Новоселов констатирует: «Можно согласиться с утверждением, что объектом правонарушения является правопорядок, если, разумеется, не рассматривать правопорядок как “второй”, “дополнительный” объект преступления наряду с общественными отношениями. Лишь в рамках единого целого можно анализировать общественное отношение, выделяя его “фактическую” и “правовую” стороны»². В то же время за этим следует не совсем логичный вывод о том, что «преступление причиняет или создает угрозу причинения вреда не чему-то (благам, нормам права, отношениям и т. п.), а кому-то, и, следовательно, как объект преступления нужно рассматривать не что-то, а кого-то... Объектом любого преступления, а не только направленного против личности, выступают люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других – как некоторого рода множество

¹ Там же.

² Новоселов Г.П. Указ. соч. С. 31.

лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в третьих – как социум (общество)»¹.

Изложенные тезисы можно было бы признать убедительными только в том случае, если бы процесс правового регулирования ориентировался не на «что-то», а на «кого-то». В таком случае не возникало бы никаких сложностей с определением юридических границ охраняемого объекта. Однако человек, отдельные социальные группы, общество, государство и мировое сообщество сами по себе не являются предметами правового регулирования. В качестве таковых выступают отношения, возникающие по поводу реализации интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. Подтверждением этой мысли служит нормотворческая практика. Например, предметом правового регулирования законодательства об охране здоровья граждан в Российской Федерации выступают «отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации»². Федеральный законодатель взял за правило конкретизировать отношения, которые становятся предметом регулирования соответствующего нормативного правового акта. Поэтому вне содержания конкретных правоотношений физические лица, их множество, социум в целом лишены формальной оболочки, востребованной уголовным правом для установления границ охраняемых объектов.

Высвеченные аспекты соотношения предмета правового регулирования и объекта уголовно-правовой охраны заручились поддержкой у ряда исследователей. Так, Б.Т. Разгильдиев уточнил, что «регулятивные отрасли права опосредованно испытывают для нормального своего функционирования потребность в уголовном праве. И уголовное право удовлетворяет эту потребность посредством взятия под свою охрану некоторых частей предмета регулирования соответствующих отраслей права. Отсюда следует вывод, что объектами уголовно-правовой охраны выступают те или иные части предмета, который в целом непосредствен-

¹ Там же. С. 53, 60.

² Статья 1 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

но регулируется соответствующей отраслью права»¹. С ним солидарен В.Н. Винокуров, отмечающий: «Учитывая, что право регулирует, а уголовный закон охраняет наиболее важные общественные отношения, объектом преступления являются отношения, урегулированные нормами права, – правоотношения»².

Вместе с тем, по мнению В.Н. Винокурова, в некоторых случаях «уголовное право само создает определенные отношения, которые затем охраняет»³. Он констатирует возможность взятия по уголовно-правовую охрану отношений, остающихся вне предмета правового регулирования других отраслей законодательства. Подтверждая изложенное, автор добавляет: «...ни одна отрасль права не содержит норм, регламентирующих сексуальные отношения, наделяя субъектов конкретными правами и обязанностями»⁴. Образовавшийся правовой вакуум как бы восполняет отрасль уголовного права, регулируя сексуальные отношения посредством установления наказания за посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность человека. Согласно авторскому заключению, уголовное право одновременно упорядочивает и охраняет сексуальные связи между людьми.

Приведенный пример не вполне удачный. Не являясь образцом предмета подробного правового регулирования, интимные отношения вместе с тем в достаточной мере упорядочены конституционным, международным правом и другими отраслями законодательства. Конституция РФ гарантирует каждому человеку неприкосновенность частной жизни, охватывающую свободу выбора интимных отношений. По духу Основного Закона, человек волен сам принимать решения о том, каким образом удовлетворять свои половые потребности. Возраст, достигнув которого лицо приобретает право вступать в сексуальные контакты с другими людьми, регламентирован с учетом рекомендаций Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений ETS

¹ Уголовное право России. Курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. Т. 1. Кн. 1. С. 314.

² Винокуров В.Н. Объект преступления: систематизация и квалификация. Красноярск, 2011. С. 33.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 35.

№ 201 (Лансароте, 25 октября 2007 г.)¹. В России установлен шестнадцатилетний возраст сексуального согласия, который юридически обусловлен содержанием ст. 13 СК РФ о брачном возрасте². Обозначенные нормативные положения определяют юридические параметры уголовно-правового обеспечения половой неприкосновенности и половой свободы личности как самостоятельных объектов охраны.

В то же время нельзя отрицать наличие уголовно-правовых норм, пытающихся взять под охрану отношения, находящиеся вне предмета правового регулирования других отраслей законодательства. В качестве яркого тому примера выступает содержание ст. 210¹ УК РФ, устанавливающее запрет на занятие высшего положения в преступной иерархии. Как известно, понятие «высшее положение в преступной иерархии», обусловленное наработками криминологической науки, не имеет конкретного правового толкования. Как отмечает Г.В. Пережогина, «сложность установления в реальной жизни определений, описанных в законе, вызывает отсутствие их формального отражения, подтверждающего рассматриваемый статус лица»³. Ситуация естественная, поскольку подобный «статус» является продуктом криминальной субкультуры. Пытаясь его наполнить конкретным содержанием, исследователи и правоприменители вынуждены оперировать неформальной терминологией и атрибутикой. Так, Саратовский областной суд признал гражданина А. виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, руководствуясь тем, что он был «коронован» и имеет на теле татуировку ползущего вверх паука, по заключению криминалистической экспертизы означающую нежелание лица прекращать преступную деятельность⁴. В ходе анализа описанного прецедента логично возникает вопрос о юридической природе тех отношений, которые соответствующими «ритуальными» действиями предположи-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 7, ст. 634.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16.

³ Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 44.

⁴ См.: Саратовский областной суд вынес приговор «вору в законе» // Официальный сайт Саратовского областного суда. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 03.08.2021).

тельно разрушил А. Ответ на него найти невозможно. В отечественной правовой системе отсутствует нормативный правовой акт, характеризующий отношения, возникающие на основе проявлений криминальной субкультуры. Законодательство не конвертирует свойственные ей элементы в юридические категории, имеющие строго определенное правовое значение. Получается, что в ходе реализации нормы ст. 210¹ УК РФ представители правоприменительной системы вынуждены пользоваться неписанным терминологическим словарем, разработанным представителями криминальной среды. Границы интерпретационного поля при таком подходе весьма условные.

Неоднозначность терминов «преступная иерархия» и «высшее положение в преступной иерархии» исключает четкое понимание того, что и от чего охраняет норма ст. 210¹ УК РФ. Исходя из ее местоположения в уголовном законе, занятие высшего положения в преступной иерархии негативным образом сказывается на общественной безопасности. Однако сам по себе неформальный «статус» лица не является конкретным деянием, направленным против обозначенного объекта. Возникает серьезная угроза применения уголовного закона по аналогии, когда приобретенные в криминальном мире титулы, татуировки, жаргонные выражения и манеры поведения будут заведомо интерпретироваться как угроза безопасности обществу.

Сложившаяся картина свидетельствует о том, что с введением в оборот понятия «высшее положение в преступной иерархии» уголовный закон сам для себя обозначил сферу уголовно-правовой охраны, юридические границы которой не конкретизированы. Принимая во внимание функциональное предназначение уголовного законодательства, выстраиваемую модель воздействия на приверженцев криминальной субкультуры нельзя признать состоятельной. Изложенное еще раз подтверждает, что уголовному праву по своей природе не свойственно определять юридические параметры отношений, нуждающихся в охране.

Следующий важный вопрос, обсуждаемый в уголовно-правовой литературе, связан с механизмом преступного воздействия на охраняемые уголовным законом отношения. С точки зрения Я.М. Брайна, «преступление, посягая на те или

иные общественные отношения, объективно не уничтожает и не изменяет их, а наносит ущерб лишь отдельным элементам этих отношений: государственным, общественным или личным интересам либо самой личности. Это приводит к необходимости различать объект правовой охраны и объект посягательства. Первый всегда предполагается в составе преступления, даже когда он не обозначен в законодательном определении преступления»¹. Суждения исследователя основывались на том, что наступивший преступный результат не всегда охватывается сознанием виновного лица. В качестве примера им приводилась ситуация покушения на негодный объект, когда «значение имеет не объект посягательства, который, естественно, не относится к числу объектов, охраняемых законом, а объект правовой охраны, против которого посягательство не осуществилось вследствие ошибки»².

Как представляется, Я.М. Брайнин не обнаруживал существенных отличий между объектом уголовно-правовой охраны и предметом преступного воздействия. Отсюда следовал весьма противоречивый вывод о несовпадении объекта посягательства с объектом уголовно-правовой охраны. Категория, обосновываемая автором как объект посягательства, современной теории уголовного права хорошо известна в качестве предмета преступления. Здесь необходимо оговориться относительно того, что под предметом преступления понимается конкретный интерес, по поводу которого возникло охраняемое уголовным законом отношение. Сделанное уточнение имеет принципиальное значение, поскольку, по справедливому замечанию Е.В. Благова, «предметом преступления нередко называется и то, с использованием чего оно совершается, средства (орудия) совершения преступления»³. В подобных случаях скорее подразумеваются соответствующие признаки объективной стороны криминального состава, нежели предмет преступления.

¹ Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 164.

² Там же. С. 165.

³ Благов Е.В. Признаки состава преступления: традиции и реальность // Lex Russica (Русский закон). 2017. № (6). С. 157.

Все изложенное опровергает заключение о том, что объект уголовно-правовой охраны и объект преступного посягательства содержательно не совпадают. Употребляя указанные понятия, исследователи в большинстве случаев подразумевают одно и то же явление, рассматриваемое с позиции конкретной уголовно-правовой ситуации. Когда соответствующие отношения не испытывают преступного воздействия, более уместно говорить об объекте уголовно-правовой охраны. В случае совершения преступления принято использовать словосочетание «объект преступления».

Между тем непосредственный «удар» от преступления принимает на себя именно предмет воздействия как материально выраженная часть охраняемых законом правоотношений. Здесь стоит признать убедительность Г.П. Новоселова в том, что «не так уж важно, чем именно будет назван предмет преступления – благом, ценностью, предметом общественных отношений (тем, по поводу чего они складываются), суть остается одна: основным свойством предмета является его способность удовлетворять различного рода потребности людей»¹. Данная мысль полностью объясняет то обстоятельство, что законодатель в содержании уголовного права нередко пользуется формулировками «интересы, охраняемые уголовным законом», «причинение вреда охраняемым интересам» (ст. 12, 37, 39–42, 136, 140 УК РФ и др.). Методологически это не порождает никаких противоречий в соотношении объекта и предмета преступления. Жизнь, здоровье, свобода, собственность и другие интересы человека в юридической действительности приобретают значение не сами по себе, а как объективно выраженные элементы правовых отношений. Сначала регулятивное законодательство создает условия удовлетворения социального интереса, и только затем уголовное право обеспечивает возникшие правоотношения надлежащей охраной. Поэтому удовлетворять и сохранять конкретный интерес, выражающий ту или иную потребность людей на

¹ Новоселов Г.П. Указ. соч. С. 45.

уровне отдельной личности, общества или государства, возможно исключительно в рамках юридически оформленных отношений¹.

С представленной интерпретацией предмета преступления категорически не согласна А.В. Пашковская, по мнению которой, «при таком подходе невозможно разграничить отдельные преступления между собой: так, например, и диверсия, и терроризм совершаются против множества лиц, следовательно, разграничить эти преступления можно только по “предмету” (согласно данной трактовке) – тем ценностям, которым причиняется вред. Именно эти ценности и должны признаваться объектом преступления. Смещение же объекта и предмета преступления нивелирует сущность и значение как первого, так и второго»².

Негодование А.В. Пашковской вполне объяснимо сформировавшимся в науке стереотипом относительно главного предназначения категории объекта преступления в уголовном праве. Согласно традиционным воззрениям, объект криминального посягательства отражает ценность, которая позволяет судить об общественной опасности содеянного. В научной и учебной литературе практически до уровня аксиомы доведены следующие изречения: «Общественная опасность как сущностный признак преступления в значительной мере определяется ценностью общественного отношения, нарушаемого преступлением. Чем более ценно общественное отношение, тем более опасно посягательство на него»³.

Снискав столь широкую популярность, обозначенная идея в то же время не в состоянии освободиться от серьезного внутреннего противоречия. Обратившись к непосредственному содержанию уголовного закона, несложно убедиться в том, что ценностная оценка охраняемых интересов не определяет общественную опасность учиненного деяния. Например, если жизнь человека как наивысшее благо полностью обуславливает общественную опасность преступлений, предусмотренных гл. 16 УК РФ, то невозможно объяснить их принадлежность к различным

¹ См. подробнее: Герасимов А.М. Объект уголовно-правовой охраны и его параметры // *Ex jure*. 2021. № 3. С. 165–181.

² Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 1999. Т 1. Учение о преступлении. С. 199-200.

³ Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург, 2016. С. 84.

категориям. Даже в рамках разновидностей убийства простое и квалифицированные убийства отнесены к разряду особо тяжких преступлений, тогда как убийство матерью новорожденного ребенка и убийство в состоянии аффекта двух или более лиц признаются преступлениями средней тяжести. В свою очередь, убийство в состоянии аффекта одного лица и убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, вообще являются преступлениями небольшой тяжести. Отсюда не совсем понятно, каким образом ценность жизни человека, выступающая ядром объекта воздействия всех без исключения убийств, характеризует их общественную опасность. Согласно ч. 1 ст. 15 УК РФ, преступления подразделяются на категории как раз в зависимости от общественной опасности соответствующего деяния. По аналогичной причине нельзя обосновать более высокую общественную опасность преступлений небольшой и средней тяжести против жизни по сравнению с тяжкими и особо тяжкими преступлениями против иных охраняемых интересов.

Исходя из формулы «чем более ценно общественное отношение, тем более опасно посягательство на него», сталкиваемся с еще одной проблемой, связанной с объяснением общественной опасности деяний, учинение которых грозит самыми строгими наказаниями. По логике представленного тезиса, они обладают наивысшей общественной опасностью только потому, что оказывают разрушительное воздействие на наивысшую ценность. Однако объектом преступлений, за совершение которых могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, являются не только отношения, непосредственно связанные с жизнью человека как официально признанной наивысшей ценностью. Так, пожизненное лишение свободы грозит за изнасилование, совершенное лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (ч. 5 ст. 131 УК РФ). Объектом данного преступления выступают отношения по обеспечению половой неприкосновенности человека. Остается загадкой, каким образом не самая высокая ценность объекта обозначенного преступного посягательства обуславливает его наивысшую обще-

ственную опасность, служащую основанием для применения наказания в виде пожизненного лишения свободы.

Вполне очевидно, что общественная опасность преступления определяется не столько ценностью объекта посягательства, сколько объемом причиняемого такому объекту вреда. Суммарный вред от преступления складывается из всех объективных и субъективных признаков деяния, находящегося под угрозой уголовного наказания. Решение задачи по определению характера и степени общественной опасности конкретного поступка требует констатации в содеянном признаков состава преступления, выявления существенных обстоятельств произошедшего и характеристики личности виновного лица. При этом вполне допустимы уголовно-правовые сценарии, когда разрушительное воздействие на интересы личности, общества или государства вообще не квалифицируется как общественно опасное. Подтверждением тому могут послужить случаи причинения вреда соответствующим интересам при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Скажем, защита жизни обороняющегося посредством причинения смерти посягающему лицу по смыслу ст. 37 УК РФ является допустимой и на уровне уголовно-правовой теории характеризуется как социально полезная. Оценка правомерности и общественной значимости необходимой обороны никак не связывается с ценностью жизни лица, пренебрегшего своей обязанностью по воздержанию от совершения преступления. Совершая посягательство на жизнь другого человека, криминально мотивированное лицо в конкретной ситуации условно выводит собственную жизнь за юридические границы охраняемых отношений.

Еще одним несостоятельным стереотипом следует признать тезис о том, что законодатель подтверждает ту или иную ценность охраняемого объекта в ходе систематизации Особенной части уголовного права. Перед уголовным законодательством не стоит задача по ранжированию охраняемых интересов в зависимости от их социальной ценности. Она уже решена всенародным голосованием, итогом которого стало принятие Конституции РФ. Основной Закон страны провозглашает высшей ценностью человека и его интересы. На конституционном уровне гарантируется, что права и свободы личности определяют смысл, содержание и

применение законов. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина признаются обязанностью государства. Таким образом, приоритет интересов человека над интересами общества и государства имеет конституционное значение и не требует какого-либо одобрения другими отраслями отечественного законодательства.

Основываясь на заданных Конституцией РФ ценностных ориентирах, регулятивное право формирует параметры удовлетворения соответствующих интересов, часть из которых берется под охрану отраслью уголовного законодательства. По существу, иерархия охраняемых интересов в уголовном праве принимается как данность и играет формальную роль при систематизации его Особенной части. Каждая группа преступлений законодателем выделена исходя из направленности соответствующих деяний на тот или иной интерес личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. При этом непосредственное значение аксиологической градации охраняемых интересов в структурировании преступных деяний можно усмотреть только на уровне отдельных разделов и глав Особенной части уголовного закона. Анализируя местоположение ее отдельных статей, обнаруживаем, что ситуация с иерархичностью объектов преступных посягательств выглядит не столь однозначно. В некоторых случаях законодатель пытался объединить преступления со схожим объектом по принципу нисходящей общественной опасности соответствующих деяний. В частности, преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ), преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ). Однако при построении других групп преступлений обозначенный принцип законодателем не обеспечивается. Ярким примером тому служат преступления против собственности (гл. 21 УК РФ), преступления против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что аксиологический аспект охраняемых интересов полностью нивелируется при описании и местоположении в уголовном законе норм о преступлениях, предполагающих наличие дополнительного объекта. В качестве иллюстрации к данному наблюдению можно со-

слаться на содержание ст. 162 УК РФ и ее нахождение в гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности». По логике уголовного права, основным объектом разбоя принято считать собственность, а дополнительным – жизнь и здоровье потерпевшего. Несложно заключить, что при конструировании состава разбоя законодатель на ценностное значение объекта охраны не ориентировался. В противном случае жизнь и здоровье человека в механизме охраны вряд ли бы были поставлены на второстепенное место. Близкая по смыслу ситуация складывается в нормах Особенной части уголовного закона, дающих оценку посягательствам на жизнь специальных лиц (ст. 277, 295, 317 УК РФ).

Все изложенное доказывает несостоятельность концепции, согласно которой фактическая ценность интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества определяет общественную опасность совершаемых в отношении них преступных посягательств. Дифференциация охраняемых интересов в зависимости от их ценности имеет исключительно номинальное значение при определении направленности преступного посягательства, закладываемой в основу структурирования Особенной части уголовного закона. В категории объекта преступления главными являются не ценностные характеристики предмета посягательства, а юридические параметры возникающих по его поводу общественных отношений.

Памятуя о теме проводимого исследования, необходимо в очередной раз оговориться, что отрасль уголовного законодательства обеспечивает сохранность правоотношений именно от деяний преступных, способных нарушить сложившийся в обществе материальный порядок. Совершением преступления виновное лицо оказывает разрушительное воздействие на соответствующие отношения или создает реальную угрозу их необратимых изменений. Однако вполне вероятна ситуация, когда судом констатируется малозначительность деяния, предполагающая несущественное негативное воздействие на охраняемые отношения. Категория малозначительности в уголовно-правовой ситуации подчеркивает отсутствие угрозы материальному порядку. Как отмечает Верховный Суд РФ, «малозначительность свидетельствует о том, что содеянное не причинило существенного

вреда охраняемых уголовным законом интересам личности, общества, государства и не создало угрозу причинения такого вреда»¹. В перспективе данное обстоятельство может стать основанием для установления признаков уголовного проступка. Поэтому объект уголовного проступка обретает вид правоотношений, которые на момент уголовно-правовой оценки запрещенного деяния сохранили или восстановили возможность существовать и развиваться.

Резюмируя все изложенное относительно сущности и параметров объекта уголовно-правовой охраны, сформулируем ряд выводов.

1. Объект уголовно-правовой охраны (объект преступления) – это правоотношение, возникшее по поводу удовлетворения фактических интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества, которое претерпевает общественно опасное воздействие. Юридические параметры охраняемого уголовным законом отношения устанавливаются регулятивной отраслью права. Непосредственно уголовному законодательству по своей природе не свойственно регулировать нуждающиеся в охране отношения.

2. Предметом уголовного правонарушения выступает конкретный интерес личности, общества, государства, мира и безопасности человечества как материально выраженное ядро охраняемого уголовным законом правоотношения, которое испытывает непосредственное воздействие со стороны запрещенного уголовным законом деяния. Социальная ценность охраняемого интереса имеет значение для построения Особенной части уголовного законодательства, однако общественную опасность включающихся в ее структуру преступлений не определяет.

3. Преступление и уголовный проступок, как разновидности уголовного правонарушения, обладают единым объектом воздействия, границы которого определены предметом регулирования соответствующей отрасли права. Объектом преступления выступают правоотношения, претерпевшие конкретное разрушительное воздействие или определенное время находившиеся под реальной угрозой фатальных изменений. Объектом уголовного проступка следует признать право-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 июня 2020 г. по делу № 46-УД20-9. // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.12.2021).

отношения, которые на момент уголовно-правовой оценки запрещенного деяния сохранили (по объективным причинам) или восстановили (вследствие последующего созидательного поведения виновного лица) возможность существовать и развиваться.

§ 3. Субъект уголовного правонарушения

Уголовно-правовой теории понятие субъекта уголовного правонарушения преимущественно известно в качестве признаков лица, нарушившего публичную обязанность по воздержанию от совершения преступления. Субъект другого вида уголовно-правового деликта, роль которого вероятнее всего займет уголовный проступок, до настоящего времени объектом специальных изысканий не становился. В связи с этим решение теоретической задачи по обоснованию сущности субъекта уголовного правонарушения предпочтительно выстраивать на основе сформировавшегося учения о субъекте преступления.

В уголовно-правовой науке субъект преступления принято определять не иначе как вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности¹. Своей популярности общепринятое толкование субъекта преступления обязано классической теории состава преступления, одним из элементов которой позиционируется ограниченная совокупность формальных признаков правоисполнителя. Индивидуальные характеристики преступника в дефиницию понятия субъекта преступления традиционно не закладываются. В.Г. Павлов по этому поводу отмечает, что «личность преступника как более емкое понятие – носитель самых различных сторон, положительных и отрицательных свойств, признаков и качеств лица, совершившего преступление. В этом случае мы уже можем гово-

¹ См.: Жуковский В.И. Субъект преступления в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002; Кольцов Е.Г. Субъект преступления в уголовном праве Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Любавина М.А. Субъект преступления: учебное пособие. СПб., 2014; Назаренко Г.В., Ситникова А.И., Байбарин А.А. Субъект преступления в отечественном уголовном праве. М., 2017.

речь о личности преступника как категории не уголовно-правовой, а криминологической»¹.

Объективность сделанного заключения вызывает серьезные сомнения. Изначально обращает на себя внимание то обстоятельство, что непосредственно в содержании уголовного законодательства понятие «субъект преступления» не только не определяется, но даже практически не употребляется. Физическая природа, возраст и вменяемость человека, позиционируемые теоретиками в качестве официальных признаков субъекта преступления, самим законодателем признаются лишь общими условиями уголовной ответственности.

Анализ терминологического аппарата уголовного законодательства показывает, что охранительной отрасли права гораздо ближе категории «лицо, совершившее преступление», «лицо, признанное виновным в совершении преступления», «лицо, осужденное за совершение преступления» и т.п. Подобные формулировки, преодолевая границы унифицированных признаков субъекта преступления, сосредотачивают внимание на свойствах и качествах конкретного человека. Общеизвестно, что словарное понимание термина «лицо» означает индивидуальный облик, отличительные черты². На этом основании категория личности преступника, значительно расширяющая понятие субъекта преступления, имеет непосредственное отношение к уголовному праву. Вне всяких сомнений, она представляет существенный интерес и для криминологической науки³. Однако будет неправильным отрицать ее уголовно-правое происхождение.

В ходе правовой оценки содеянного большое значение имеют неотъемлемые качества предполагаемого преступника и избранная им субъективная линия поведения. Устанавливая степень общественной опасности совершенного деяния, правоприменитель запрашивает необходимые личностные характеристики, выясняет наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств, констатирует динамику

¹ Павлов В.Г. Учение о субъекте преступления: монография. М., 2015. С. 319.

² См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 329.

³ См.: Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск. 2005; Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968; Личность преступника / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1971; Одинцова Л.Н. Личность преступника: понятие и криминологическая характеристика. Германия, 2016.

связей между процессуально противоположными сторонами. Нередко выявляется выраженное желание лица восстановить затронутые посягательством отношения посредством возмещения ущерба или иной компенсации вреда.

Складывающаяся картина относительно личности учинителя вреда предопределяет применение институтов освобождения от уголовной ответственности или наказания, условного осуждения, смягчения ответственности. Принятое в итоге судом решение является результатом оценки того, насколько посягнувшее на объект охраны лицо опасно для окружающих. Если факт совершения преступного посягательства юридически подтверждается, то с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда правомерно говорить о существовании субъекта преступления, некоторое время выступающего носителем общественной опасности. В иных правовых ситуациях, когда судом выносится постановление о прекращении уголовного дела в связи с установлением признаков малозначительности деяния или об освобождении лица от уголовной ответственности, опасное состояние учинителя вреда исключается. Юридически такое лицо в статусе субъекта преступления не находится, поскольку на основании ч. 1 ст. 49 Конституции РФ виновность в преступном деянии устанавливается вступившим в законную силу обвинительным приговором суда.

Представленная мысль опровергает распространенный тезис о том, что личность преступника учитывается только при постановке и решении судом вопроса об объеме уголовной ответственности лица, уже признанного виновным в совершении преступления. В первую очередь, индивидуальные характеристики правоисполнителя играют немаловажную роль в процессе квалификации совершенного деяния, когда вопрос о виновности еще не решен. Выявляя признаки субъекта преступления, недостаточно констатировать вменяемость и возраст уголовной ответственности физического лица. Окончательно субъект преступления как элемент преступного посягательства устанавливается в том случае, когда совершивший вредоносное деяние человек своими поступками демонстрирует приемлемость удовлетворения собственных потребностей за счет ущемления охраняемых уголовным законом интересов. Правильная оценка степени общественной

опасности учинителя вреда становится одной из центральных задач суда. Так, Иркутский областной суд счел лишенным должной убедительности факт наличия деятельного раскаяния со стороны учинителя вреда в следующем прецеденте. «Постановлением мирового судьи прекращено уголовное дело и уголовное преследование в отношении К., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, в связи с деятельным раскаянием. В судебное заседание потерпевший не явился. Государственный обвинитель не возражал против прекращения уголовного дела. Обосновывая свой вывод о том, что К. деятельно раскаялась, вследствие чего перестала быть общественно опасной, суд указал, что “она впервые совершила преступление небольшой тяжести, в ходе расследования уголовного дела активно способствовала его расследованию”. При этом суд не раскрыл, в чем выразилось ее активное содействие. Спорным является то обстоятельство, что инкриминируемое К. преступление причинило ущерб двум объектам: физическому лицу и власти в его лице. Судебное решение не содержит указания на то, что подсудимая загладила вред, причиненный в результате преступления»¹. Представленный подход мирового судьи вполне справедливо был охарактеризован региональным судом как упрощенный и не способствующий объективной оценке степени общественной опасности соответствующего лица.

Суд вправе выносить альтернативный обвинительному приговору процессуальный акт только в том случае, когда в устанавливаемой личности явно преобладают положительные качества над криминальными наклонностями. Сложившаяся правоприменительная практика подтверждает, что использование положений о малозначительности деяния или об освобождении от уголовной ответственности традиционно аргументируется отсутствием общественной опасности учинителя вреда. Как отмечает Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 своего постановления от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», «раз-

¹ Справка по результатам обобщения судебной практики применения судами Иркутской области законодательства, регламентирующего основания и порядок прекращения уголовного дела и уголовного преследования, освобождения от уголовной ответственности, за 2016 г. // Официальный сайт Иркутского областного суда. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=557 (дата обращения: 17.02.2020).

решая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности»¹.

Таким образом, субъект преступления в своем традиционном понимании приобретает полноценное уголовно-правовое значение в неотъемлемой связи с характеристиками личности правоисполнителя. По существу субъект преступления образован формальной и материальной составляющими. Формальная составляющая предполагает наличие общих условий уголовной ответственности, ограничивающихся физической природой, возрастом и вменяемостью человека, а также признаков специального субъекта, предусмотренных Особенной частью уголовного закона. Материальная составляющая находит выражение в совокупности его индивидуальных качеств и субъективно избранной линии поведения.

Представленная идея послужила основанием для того, чтобы А.Н. Трайнин в своей фундаментальной работе, посвященной исследованию состава преступления, целенаправленно подчеркнул: «Прежде чем перейти к решению сложной задачи – анализа и систематики элементов состава преступления, – необходимо ее ограничить: необходимо показать, какого рода обстоятельства, несмотря на их безусловную необходимость для наступления уголовной ответственности, не могут считаться элементами состава. Должны быть отмечены две группы таких обстоятельств: 1) обстоятельства, характеризующие самого субъекта, и 2) обстоятельства, характеризующие его действие»².

Изложенное доказывает, что основания для включения субъекта преступления в структуру состава преступления отсутствуют. На уровне теории с большой долей условности можно рассуждать о вхождении в состав преступления только таких формальных признаков правоисполнителя, как физическая природа, возраст и вменяемость. Однако обозначенные признаки не являются частью деяния, определяющего объективные и субъективные границы состава преступления. Они только лишь высвечивают минимальную совокупность типовых свойств человека,

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

² Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 26.

способного быть источником действия или бездействия, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания. В отличие от структурных составляющих состава преступления, субъект преступления представляет собой вариативную категорию, характеризующую степень общественной опасности учинителя вреда в динамике. Поэтому свое юридическое значение субъект преступления приобретает как самостоятельный элемент преступного посягательства.

Выходя на уровень определения понятия субъекта уголовного правонарушения, сформулированные положения приобретают еще большую актуальность. Традиционная интерпретация субъекта преступления, концентрирующая внимание исключительно на формальных признаках правоисполнителя, затрудняет решение поставленной теоретической задачи. На ее основе искомая дефиниция содержательно будет полностью идентична определению субъекта уголовного проступка. Источник любой разновидности уголовного правонарушения станет восприниматься в качестве вменяемого физического лица, достигшего возраста уголовной ответственности. Совершенно очевидно, что научно-практическая ценность получаемого заключения невысокая. Теория уголовного правонарушения в состоянии благоприятно формироваться только в том случае, если понятия субъектов преступления и уголовного проступка приобретут собственные определения, способные внести должную ясность в содержание обязанностей и прав соответствующих правоисполнителей.

Методологической основой для обоснования специфики двух видов субъектов уголовного правонарушения логично признать учение об участниках уголовно-правовых отношений, статус которых всегда находился в поле зрения ученых. С середины прошлого века в науке уголовного права сформировались определенные концепции по данной проблематике, нашедшие свое отражение в специальных исследованиях и учебной литературе. Авторские позиции не являются тождественными, что требует внесения некоторой конкретики относительно понимания круга субъектов уголовно-правовых отношений.

В уголовно-правовой доктрине весьма распространенной является точка зрения, согласно которой субъектами уголовно-правовых отношений выступают

государство, преступник и иные лица, действующие в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния. Ее приверженцы основываются на том, что предметом уголовного права выступают несколько разновидностей отношений. Во-первых, охранительные отношения, возникающие между государством в лице представителей правоприменительных органов и преступником. Во-вторых, общепредупредительные отношения, связанные с удержанием лица от совершения преступления. В-третьих, регулятивные отношения, предполагающие реализацию гражданами своих прав на причинение вреда при защите социально значимых интересов от общественно опасных посягательств¹.

Несмотря на определенную логику изложенных суждений, представленная дифференциация уголовно-правовых отношений обладает явно выраженными слабыми сторонами. Изначально обращает на себя внимание позиционируемая тесная связь так называемых охранительных отношений с фактом совершения преступления. По смыслу ст. 2 УК РФ, задача уголовно-правовой охраны предполагает сохранность интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств. В случае же совершения преступления нельзя констатировать сохранность соответствующего объекта уголовно-правовой охраны и, как следствие, существование охранительных отношений.

Еще более значимым для проводимого исследования является очевидное противоречие, усматриваемое в субъектном составе так называемых охранительных отношений и их уголовно-правовом статусе. Чтобы подробно разобраться с этим вопросом, процитируем Ю.И. Ляпунова относительно содержания названной разновидности уголовно-правовых отношений: «Государство в лице органов дознания, следствия, прокуратуры, суда как сторона правоотношения имеет право привлечь преступника к уголовной ответственности и назначить ему предусмотренную законом меру наказания, которую обязан претерпеть субъект преступления. В свою очередь, преступник наделен правом требовать безусловно точной

¹ См.: Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 14–15; Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. М., 2003. С. 13–15; Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс. М., 2010. С. 3; Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург, 2016. С. 15–17.

оценки своего общественно опасного и уголовно-противоправного поведения в полном соответствии с предписаниями надлежащего закона, а также назначения ему судом справедливого и строго индивидуализированного наказания, соразмерного опасности и тяжести содеянного. Этому праву корреспондирует соответствующая обязанность государства в лице его органов»¹.

Несложно заметить, что автор характеризует отношения, по своей природе не являющиеся уголовно-правовыми. Обязанность правоприменителя привлечь преступника к ответственности, право человека требовать объективной и законной оценки своего деяния, назначения справедливого наказания и обязанность государства его обеспечить полностью укладываются в рамки уголовно-процессуальных отношений, возникающих между представителями правоприменительной системы и лицом, совершившим общественно опасное деяние. Именно УПК РФ регламентирует процедуру уголовного преследования и устанавливает механизм защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Все это ставит под сомнение существование уголовно-правовых отношений между государством и преступником в представленном виде.

Обращаясь к анализу «общепредупредительных» уголовно-правовых отношений, следует подчеркнуть, что к ним ученые традиционно относят «отношения, связанные с удержанием лица от совершения преступления посредством угрозы наказания, содержащейся в уголовно-правовых нормах»². Их нередко именуют абсолютными, поскольку носителю права на охрану собственных интересов противостоит неконкретизированное количество субъектов, являющихся носителями публичной уголовно-правовой обязанности.

Исследуемые отношения едва ли будет уместным именовать общепредупредительными. Предупреждение преступлений, как вторая задача уголовного права, ассоциируется с удержанием от совершения преступления лица, проигно-

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 14–15.

² Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, А.В. Наумова. М., 2003. С. 14.

рировавшего свою уголовно-правовую обязанность. В противном случае теряет смысл законодательное деление уголовно-правовых задач на два вида. В то же время сама суть «абсолютных отношений» тесным образом связана с природой уголовного права, ориентированной на обеспечение социального результата в виде удержания правоисполнителя от общественно опасного поступка. Здесь мы полностью разделяем мнение Б.Т. Разгильдиева относительно того, что «одним из субъектов уголовно-правового отношения выступает физическое лицо, способное нести и несущее обязанность, вытекающую из уголовно-правовых норм по воздержанию от совершения преступления»¹. Речь идет о вменяемом физическом лице, достигшем возраста уголовной ответственности, которое должно удерживаться от совершения преступления. Поставленная перед отраслью уголовного законодательства цель достигается в рамках механизмов охранительной и предупредительной задач, которые предполагают различные инструменты воздействия на человека. Задача уголовно-правовой охраны достигается посредством угрозы наказания за совершение преступного деяния. В свою очередь предупреждение преступлений осуществляется реальным применением мер уголовно-правового характера к лицу, уже совершившему посягательство на охраняемый объект. Однако суть уголовно-правовых отношений, заключающаяся в удержании правоисполнителя от совершения преступления, остается неизменной при реализации любой из названных задач.

С позиции Б.Т. Разгильдиева, человеку как носителю уголовно-правовой обязанности противостоит другой субъект в лице работника правоохранительного органа, стимулирующего правоисполнителя к соблюдению уголовно-правовой обязанности посредством реализации своего статуса². В представленную точку зрения некоторые коррективы вносит А.С. Курбанова, подчеркивая следующий момент: «Основная ошибка ученых, полагающих, что субъектом уголовного правоотношения является не государство, а государственной орган, в частности суд, заключается в том, что они смешивают субъекта, которому принадлежит право,

¹ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ. Саратов, 1994. С. 108.

² См.: Там же. С. 125.

входящее в конкретное правоотношение, с субъектом, которому принадлежит право устанавливать наличие этого права, назначать и применять соответствующие меры»¹.

Правота в суждениях А.С. Курбановой бесспорно присутствует. Работники правоохранительных органов и суда реализацией своих профессиональных обязанностей и прав непосредственно не вступают в уголовно-правовые отношения. Их функция заключается в том, чтобы обеспечить контроль за соблюдением уголовно-правовой обязанности правоисполнителем. Профессиональные компетенции представителей правоохранительной и судебной системы в сфере действия уголовного права полностью определены уголовно-процессуальным законом.

Между тем сложно согласиться с представленным пониманием второго субъекта уголовно-правовых отношений. Согласно авторской логике, требование по воздержанию от совершения преступления исходит от государства. Сделанное заключение основывается на том, что именно государство формирует и реализует юридический механизм принуждения правоисполнителя к осуществлению возложенной на него уголовным законом обязанности. Однако здесь А.С. Курбанова упускает важную деталь. Принудительный механизм удовлетворяет интересы государства исключительно в процедурных аспектах, обусловленных задачами уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. На уровне материального права обозначенный механизм представляет собой обеспечительный инструмент, позволяющий реализовать право требовать от физических лиц исполнения своей уголовно-правовой обязанности. Его носителем являются субъекты, чьи интересы взяты под охрану уголовного закона. Поэтому к числу участников уголовно-правовых отношений резонно отнести физических и юридических лиц как носителей интересов личности, общества, государства и мирового сообщества в целом, обладающих правом требовать от правоисполнителя надлежащего выполнения обязанности по воздержанию от совершения преступления.

¹ Курбанова А.С. Уголовно-правовые отношения и уголовная ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 6.

Завершая анализ представленной выше классификации уголовно-правовых отношений, обратимся к содержанию так называемых регулятивных отношений. По задумке авторов, они предполагают реализацию гражданами своих прав на причинение вреда при защите социально значимых интересов от общественно опасных посягательств и иных угроз. Своим наименованием отношения обязаны нормам уголовного закона, дающим оценку правомерному и социально полезному поведению человека в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния. Термин «регулирование» в данном случае использован для того, чтобы подчеркнуть диспозитивный характер социальных связей, возникающих при соответствующих обстоятельствах. Однако здесь немаловажно правильно расставить акценты. Наделяя человека правами на необходимую оборону, задержание преступника, крайнюю необходимость, обоснованный риск и отказ от действий под принуждением, законодатель тем самым не стремится отделить возникающие на их основе отношения от единого императивного метода уголовного права. Создавая дополнительные стимулы к воздержанию от криминальных и криминогенных форм поведения, предусмотренные гл. 8 УК РФ права одного человека «работают» на исполнение другим лицом своей уголовно-правовой обязанности. Никаких оригинальных отношений при реализации уголовно-правовых прав не образуется.

Таким образом, субъектами уголовно-правовых отношений признаются: вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, обязанное воздерживаться от совершения преступления; физические и юридические лица как носители охраняемых интересов личности, общества, государства и мирового сообщества в целом, обладающие правом требовать исполнения обозначенной обязанности.

Сделанный вывод представляет исключительную важность для обоснования субъектов двух разновидностей уголовного правонарушения. Становится очевидным, что субъект преступления и субъект уголовного проступка не могут ограничиваться такими признаками, как физическая природа, вменяемость и возраст уголовной ответственности. В противном случае субъект уголовного правонарушения по своему содержанию будет тождественен субъекту уголовно-правового

отношения. Методологически такого рода заключение явно противоречиво. Сущность субъекта уголовно-правового отношения определяет статус как законопослушного человека, так и лица, допустившего уголовное правонарушение. Наличие уголовно-правовой обязанности не зависит от поведения правоисполнителя. Воздерживаться от совершения преступления должны все без исключения вменяемые физические лица, достигшие возраста уголовной ответственности. Однако необходимо проводить четкую грань между понятиями законопослушного лица и субъекта уголовного правонарушения. Помимо обозначенных формальных признаков правоисполнителя, субъект уголовного правонарушения должен характеризоваться материальной стороной, отражающей его нейтральное или отрицательное отношение к исполнению возложенной на него уголовно-правовой обязанности.

Изложенное позволяет утверждать, что субъектом уголовного правонарушения выступает лицо, обладающее формальными признаками правоисполнителя, характеристика личности и линия поведения которого дают возможность суду оценить его опасность для общества. К числу формальных признаков правоисполнителя относятся общие и специальные свойства и качества физического лица, играющие роль необходимых условий возникновения уголовно-правовой обязанности по воздержанию от совершения преступления. Минимальная совокупность такого рода свойств касается возраста и состояния психического здоровья физического лица, позволяющих ему давать оценку социальному значению совершаемым действиям и актам бездействия. В отдельных случаях законодатель может предъявлять к правоисполнителю дополнительные формальные требования, связанные с полом, возрастом, гражданством, профессиональной принадлежностью, занимаемой должностью и т.п. Имеется в виду специальный субъект преступления.

В материальных аспектах субъект преступления и субъект уголовного проступка находят отличия при установлении степени общественной опасности деяния лица, предположительно нарушившего свою уголовно-правовую обязанность. Решая соответствующий вопрос, правоприменитель берет в расчет социально-

демографические и нравственно-психологические характеристики личности предполагаемого преступника, а также линию его поведения до, во время и после совершения учиненного деяния.

Субъектом преступления признается лицо, которое по заключению суда представляет угрозу материальному порядку вследствие причинения фактического вреда интересам личности, общества, государства, мира или безопасности человечества. Как элемент преступного посягательства, субъект преступления устанавливается одновременно с констатацией факта нарушения уголовно-правовой обязанности по воздержанию от совершения преступления, подтвержденного вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Юридически правоисполнитель является субъектом преступления все время, пока находится в статусе судимого лица.

Исходя из охранительной функции уголовного законодательства, субъект преступления продолжает обладать публичной обязанностью по воздержанию от совершения преступлений в отношении неконкретизированных носителей социально значимых интересов. Однако в рамках адресного предупредительного воздействия на сознание и волю конкретного преступника картина несколько меняется. Персонализация недобросовестного правоисполнителя одновременно позволяет конкретизировать второго участника уголовно-правовых отношений, непосредственные интересы которого затронуты преступным посягательством.

Интерес к фигуре потерпевшего с позиции уголовного права не беспочвенный. Как известно, потерпевшим принято именовать лицо, испытывающее моральный, физический или имущественный вред от преступного посягательства. Его понятие приводится в уголовно-процессуальном законе, что дает некоторое представление о правовой природе соответствующего субъекта. Однако следует обратить внимание на важный нюанс в содержании ч. 1 ст. 42 УПК РФ, согласно которому потерпевшим является физическое или юридическое лицо, претерпевшее вред от преступления. Здесь уместно привести суждения Б.Т. Разгильдиева о том, что «коль скоро вред причиняется преступлением конкретному лицу, то он, этот вред, является органической частью совершенного преступления, которое

названо в качестве такового законом уголовным, а не уголовно-процессуальным. Последний лишь регламентирует правовой порядок признания лиц в качестве потерпевших, определяет их уголовно-процессуальный статус, однако исходит при этом из закона уголовного»¹. Представленная мысль полностью корреспондирует с позицией Пленума Верховного Суда РФ, который в п. 3 своего постановления от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» подчеркнул, что «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им»². Фактическое положение лица напрямую зависит от характера и объема причиненного ему вреда, выступающего неотъемлемой частью преступного посягательства. В связи с этим прав А.Н. Красиков, который еще несколько десятилетий назад констатировал уголовно-правовую природу потерпевшего³. Аналогичная идея нашла развитие в работах других исследователей⁴.

В уголовно-правовых аспектах одно из современных определений потерпевшего от преступления представил И.А. Фаргиев. По его мнению, потерпевший представляет собой «лицо, выступающее субъектом отношений, охраняемых уголовным законом, причиненный которому вред предусмотрен Уголовным кодексом и входит в преступные последствия деяния, совершенного виновным»⁵. В сформулированной дефиниции потерпевший от преступления вполне обоснованно рассматривается в качестве участника уголовно-правовых отношений. Однако сложно признать правоту автора относительно ограничения вреда потерпевшему исключительно рамками преступных последствий учиненного деяния.

¹ Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2008. Т. 2. С. 44–45.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

³ См.: Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976. С. 45.

⁴ См.: Анощенкова С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем. М., 2006. С. 7, 14; Булгаков Д.Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 7; Сумачев А.В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1997. С. 8.

⁵ Фаргиев И.А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 13.

Более убедительны исследователи, акцентирующие внимание на совокупном вреде охраняемым отношениям, участником которых выступает потерпевший от преступления. Как отмечает А.В. Суслин, «общей тенденцией в развитии доктрины уголовного права является сближение категорий объекта преступления и потерпевшего, в связи с чем в научном сообществе происходит пересмотр традиционных представлений об объекте преступления»¹. Рассматривая потерпевшего в качестве носителя интересов, составляющих ядро объекта охраны, обнаруживается круг его прав, обусловленных обеспечительным механизмом уголовного закона. Э.Л. Сидоренко удалось обозначить целый ряд правомочий потерпевшего, непосредственным образом влияющих на общую уголовно-правовую оценку содеянного². Изложенное доказывает, что реализация материального статуса потерпевшего во многом определяет уголовно-правовое положение субъекта преступления. В связке «преступник – потерпевший» формируется полноценная картина конкретных уголовно-правовых отношений, обеспечивающих решение задачи по предупреждению новых преступлений.

Обращение к концепции субъекта уголовного проступка, вполне закономерно формирует ассоциацию с лицом, некоторое время находившимся на грани нарушения уголовно-правовой обязанности. Однако между лицами, совершившими преступление и уголовный проступок, должно проводиться сущностное разграничение. На словарном уровне термин «проступок» определяется как незначительная провинность³. В отрасли уголовного права есть конкретная категория, наиболее точно характеризующая материальную сторону уголовного проступка. Речь идет о малозначительности деяния, содержание которой противоположно общественной опасности содеянного. Оценка действия или бездействия правоисполнителя в качестве уголовного проступка означает признание того факта, что на момент вынесения судебного решения степень общественной опасности содеянного стремилась к нулю. Допустившее уголовный проступок лицо в повсе-

¹ Суслин А.В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 6.

² См.: Сидоренко Э.Л. О статусе потерпевшего в уголовном праве // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 82–83.

³ См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 621.

дневной жизни должно характеризоваться положительно и своим поведением демонстрировать желание загладить причиненный вред объекту посягательства. Разумеется, его нельзя поставить в один ряд с законопослушным человеком. Сам по себе уголовный проступок хотя и не свидетельствует об общественной опасности содеянного, является разновидностью уголовного правонарушения. В то же время исключительно важно, что субъект уголовного проступка уголовно-правовой обязанности по воздержанию от совершения преступления не нарушает.

В процедуре признания деяния уголовным проступком огромную роль играет желание физического или юридического лица, подвергшегося вредоносному воздействию, пойти на компромисс. Принимая извинения и материальную компенсацию за причиненный вред, соответствующее лицо тем самым подтверждает частичное или полное восстановление прав и законных интересов, нарушенных уголовным правонарушением. На момент вынесения решения по рассматриваемому делу суд может констатировать удовлетворительное состояние конкретного объекта уголовно-правовой охраны, что формирует веские предпосылки для применения положений об освобождении учинителя деяния от уголовной ответственности.

По логике развиваемой теории, материальный и процессуальный статус лица, ущемленные интересы которого были отчасти или в полном объеме восстановлены, целесообразно отличать от правового положения потерпевшего. На этот счет представляет интерес позиция А.В. Сумачева, предлагающего считать лицо, претерпевшее вред от преступления или иного формально схожего с ним деяния, пострадавшим¹. Сам автор не разделяет уголовно-правовой статус лиц, пострадавших от указанных уголовно-правовых деяний. Однако именно на данном аспекте стоит заострить особое внимание. Формальное сходство с преступлением обнаруживает исключительно малозначительное деяние, обосновываемое нами в качестве уголовного проступка. В отличие от ситуации с преступлением, признание содеянного уголовным проступком подразумевает исключение сколь угодно значимого вреда охраняемым интересам физического или юридического

¹ См.: Сумачев А.В. Указ. соч. С. 9.

лица. Поэтому введение в уголовно-правовой оборот категории пострадавшего позволит внести должную ясность в особенности правового статуса лица, противостоящего субъекту уголовного проступка.

Завершая исследование субъекта уголовного правонарушения, полагаем возможным сформулировать ряд выводов.

1. Субъектами уголовно-правовых отношений признаются: вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, обязанное воздерживаться от совершения преступления (правоисполнитель); физические и юридические лица как носители охраняемых интересов личности, общества, государства и мирового сообщества в целом, обладающие правом требовать исполнения обозначенной обязанности.

2. Субъектом уголовного правонарушения выступает лицо, обладающее формальными признаками правоисполнителя, характеристика личности и линия поведения которого дает возможность суду оценить его опасность для общества. В рамках двух разновидностей уголовного правонарушения субъект преступления и субъект уголовного проступка находят отличия в материальных аспектах при установлении степени общественной опасности содеянного.

3. Субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, согласно вступившему в законную силу обвинительному приговору суда нарушившее уголовно-правовую обязанность и представляющее угрозу материальному порядку вследствие причинения вреда интересам физического или юридического лица, признанного потерпевшим.

4. Субъектом уголовного проступка следует считать вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, согласно вступившему в законную силу постановлению суда об освобождении от уголовной ответственности не нарушившее уголовно-правовую обязанность и не представляющее угрозу материальному порядку вследствие несущественности причиненного ущерба или заглаживания учиненного вреда интересам физического или юридического лица, признанного пострадавшим.

§ 4. Состав уголовного правонарушения

Анализ отраслевой природы и структурных элементов уголовного правонарушения способствовал обоснованию идеи о том, что его состав охватывает представленную в уголовном законе типовую модель преступного деяния, обретающую форму преступления или уголовного проступка в зависимости от установления судом степени общественной опасности содеянного. Предлагаемая дефиниция полностью отвечает духу отрасли уголовного законодательства, миссия которой заключается в противодействии преступлениям. Иная активно насаждаемая концепция, обосновывающая потребность в нормативном закреплении в уголовном законе унифицированной системы уголовных проступков, противоречит природе уголовного права. Постановка в один ряд с преступлением уголовного проступка предопределяет радикальное реформирование предмета, метода, задач и принципов уголовного права как его отраслевой основы, фундаментальное учение о которой складывалось на базе многолетней практики признания и оценки деяний в качестве общественно опасных. Реализация задуманного приведет к существенному обеднению категории общественной опасности, смысл которой сегодня заключается в отражении материальной сущности преступления, органически не свойственной иным правонарушениям. На основе предлагаемого сценария модернизации уголовного права будет утрачена имеющаяся и образована принципиально новая охранительная отрасль, направленная на удержание правоисполнителя от двух разновидностей уголовного правонарушения, материальная грань между которыми вероятнее всего нивелируется.

В интересах истинного социального предназначения отрасли уголовного права преступление и уголовный проступок ни в коем случае нельзя выводить на уровень однопорядковых категорий. Уголовное законодательство сформировано и реализуется ради предотвращения общественно опасных деяний, охватываемых содержанием преступления. В свою очередь уголовный проступок на природообразующее отраслевое значение претендовать не может. Уголовному проступку целесообразно отвести роль одного из уголовно-правовых инструментов, «работающих» на удержание правоисполнителя от совершения преступления. Вопло-

щение данной идеи требует формирования теоретической базы и нормативных условий для признания уголовными проступками деяний, вопрос об общественной опасности которых на правоприменительном уровне ставится, но при определенных обстоятельствах решается отрицательно.

Ключевую роль в обосновываемом механизме оценки уголовного правонарушения приобретает состав преступления, который предполагает закрепленную в уголовном законе типовую модель криминообразующих признаков, отражающую характер общественной опасности соответствующего поступка. Юридически значимые признаки преступления, остающиеся за рамками состава преступления, характеризуют степень общественной опасности содеянного. Сочетание состава преступления с обстоятельствами учиненного деяния и личностью виновного образует либо преступление, обладающее конкретными характером и степенью общественной опасности, либо уголовный проступок, лишенный степени общественной опасности и, как следствие, общественной опасности в целом.

В традиционном понимании «состав преступления – это система предусмотренных уголовным законом объективных и субъективных элементов, признаки которых раскрывают их содержание и характеризуют преступление как общественно опасное и уголовно-противоправное деяние»¹. Совершенно очевидно, что сформулированное определение по существу мало чем отличается от дефиниции преступления. Элементы состава преступления позиционируются в качестве категорий, полностью определяющих формально-материальное содержание преступного посягательства.

Развивая представленную мысль, В.В. Векленко и В.Н. Нешатаев идут еще дальше и утверждают, что состав преступления «создан наукой в целях полного понимания и раскрытия содержания преступления и возможных его конструкций. С помощью него, с теоретической точки зрения, легче и удобнее объяснить, из каких элементов состоит преступление, когда преступление есть, когда – нет, а также раскрыть признаки, которыми оно обладает. Вследствие этого придерживаемся той точки зрения, что как такового “состава преступления” не существует,

¹ Шеслер А.В. Указ. соч. С. 11.

это искусственное понятие. На практике имеет место лишь преступление с его признаками»¹.

Не оспаривая наличия неразрывной связи категорий «состав преступления» и «преступление», позволим себе подвергнуть сомнению убедительность вывода об их дефинитивном тождестве. В подтверждение тому обратимся к ст. 8 УК РФ, оперирующей фразой «деяние, содержащее признаки состава преступления». По ее смыслу, законодатель соотносит состав преступления и подлежащее оценке деяние как часть и целое. Конкретное преступление условно поглощает состав преступления. Сделанное заключение корреспондирует с пониманием состава преступления в качестве минимальной совокупности закрепленных в уголовном законе унифицированных признаков, свойственных любому уголовно-правовому посягательству соответствующего вида. Он не характеризует материальную сторону преступления в полном объеме. За его рамками остаются характеристики личности учинителя вреда и некоторые значимые обстоятельства по делу, влияющие на установление степени общественной опасности содеянного. Поэтому не может быть преступления без состава преступления, однако состав преступления юридически вполне может существовать в отрыве от преступного посягательства. Весомым доказательством изложенного тезиса служит ч. 2 ст. 14 УК РФ, согласно которой «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Формальные признаки такого рода деяния со всей очевидностью подразумевают типовой состав преступления, предусмотренный уголовным законом. Другого истолкования выражения «деяния, предусмотренного настоящим Кодексом», употребленного законодателем в ч. 2 ст. 14 УК РФ, найти сложно.

Предвосхищая критические замечания теоретиков относительно сформулированного суждения, следует заведомо признать то обстоятельство, что на первый взгляд малозначительное деяние действительно не ассоциируется с составом пре-

¹ Векленко В.В., Нешатаев В.Н. Содержательная сторона квалификации преступлений // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 103.

ступления. В то же время состав преступления выступает единственной отправной категорией уголовного закона, позволяющей установить сущностные признаки общественно опасных и малозначительных деяний. Вопрос о наличии угрозы материальному порядку со стороны учинителя вреда решается только после того, как в действии или бездействии установлены формальные признаки состава преступления. А.В. Ковальчук абсолютно прав в том, что «в малозначительном деянии наличествуют все признаки состава преступления, поскольку они четко описаны в уголовном законе, т.е. содеянное является противоправным, иначе перед правоприменителем не стояла бы задача определения сущности деяния с позиции малозначительности»¹.

Вся суть показанной проблемы сводится к наименованию категории «состав преступления», использование которой вполне приемлемо к деянию преступному, но семантически не ассоциируется с поступком, признаваемым малозначительным. В контексте проводимого исследования напрашивается логичное заключение о том, что типовые признаки преступления, предусмотренные уголовным законом, гораздо логичнее поименовать составом уголовного правонарушения. На уровнях уголовно-правовой доктрины и практики применения уголовного закона это вполне допустимо. Однако сразу необходимо оговориться относительно одного принципиально важного момента. Номинально состав обеих разновидностей уголовного правонарушения тождественен понятию состава преступления. Независимо от того, идет ли речь о составе преступления или составе уголовного проступка, подразумевается модель такого поведения, удержание от которого является целью всей отрасли уголовного права. Именно в связи с этим состав двух разновидностей уголовного правонарушения должен основываться на понимании состава преступления.

Исследуя сущность анализируемой категории, В.И. Морозов и С.Г. Лосев приходят к заключению, что «в настоящий момент словосочетанием “состав преступления” обозначают два взаимосвязанных, но вместе с тем разнородных явле-

¹ Ковальчук А.В. Малозначительность деяния как средство определения границ преступного: правовая природа, проблемы правоприменения и законодательного закрепления. Минск, 2016. С. 21.

ния, а именно: собственно состав преступления как систему признаков, характеризующих конкретное преступление, и состав запрещенного законом деяния, т.е. систему закрепленных в уголовном законе признаков общественно опасного деяния, за совершение которого законодателем установлено уголовное наказание»¹.

Сформулированные тезисы достаточно уязвимы. На теоретическом уровне сложно представить, каким образом обозначенная уголовно-правовая категория одновременно отражает сущность «двух взаимосвязанных, но вместе с тем разнородных явлений». По логике авторов, речь идет о составе преступления как таковом и составе преступления, рассматриваемом в качестве системы признаков конкретного криминального посягательства. Подобный подход прямо противоречит содержанию уголовного законодательства, которое выводит категории состава преступления и преступления на разные уровни обобщения. Как в свое время справедливо подчеркивал А.Н. Трайнин, «состав преступления, несмотря на его конкретность, всегда носит обобщенный характер, охватывая не индивидуальные, а типичные черты. Поэтому между фактическими признаками, характеризующими данное преступление, и элементами его состава не может быть ни тождества, ни сплошного совпадения»². Схожей точки зрения придерживается Л.Д. Гаухман, определяющий состав преступления как «эталон, с которым сопоставляются признаки фактически содеянного»³. Авторитетные ученые абсолютно правы в том, что состав преступления и конкретное преступление характеризуются как самостоятельные и по своему объему неравнозначные уголовно-правовые категории.

Представленная мысль находит отражение в позиции законодателя по вопросу основания уголовной ответственности. Согласно ст. 8 УК РФ, «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Отсюда следует, что основанием уголовной ответственности признается именно деяние,

¹ Морозов В.И., Лосев С.Г. Указ. соч. С. 21.

² Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 29.

³ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 59.

содержащее признаки состава преступления, а не сам состав преступления, как полагают некоторые исследователи¹.

Рассуждая об основании уголовной ответственности, следует обратить внимание не немаловажную деталь. Термин «основание» на словарном уровне определяется как достаточный повод, оправдывающий что-либо². В рассматриваемых аспектах это означает, что конкретное деяние, содержащее признаки состава преступления, приобретает значение повода для постановки вопроса о привлечении соответствующего лица к уголовной ответственности. Однако в представленном объеме такого рода деяние отнюдь не тождественно содержанию преступления, являющегося единственным детерминантом наступления уголовной ответственности. Будучи предпосылкой преступления, действие (бездействие) с признаками состава преступления полностью не высвечивает материальную сторону проблемы, возникающей в связи с событием уголовно-правового значения. Объяснение данного утверждения обнаруживается в разрезе временных аспектов содеянного. Категорию деяния традиционно принято рассматривать в состоянии статики. По смыслу ст. 9 УК РФ, криминообразующее действие или бездействие устанавливается на строго определенный момент, который фиксирует состав преступления во времени. Совершенный поступок в известной мере абстрагируется от предыдущего и дальнейшего поведения субъекта, которое в совокупности с иными обстоятельствами содеянного также имеет чрезвычайно важное значение при установлении признаков преступления. Даже при формальной констатации состава преступления суд вправе признать учинителя вреда в качестве лица, не представляющего опасности охраняемым интересам. Во многом принятому решению будет способствовать позиция носителя соответствующих интересов, которые испытали на себе непосредственное негативное воздействие. Как справедливо указывает

¹ См.: Борбат А.В., Завидов Б.Д., Ендольцева А.В., Милевский А.И. Состав преступления как основание уголовной ответственности // Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 18.01.2020); Сирик М.С., Сирик С.Н. Состав преступления как основание уголовной ответственности // Новое слово в науке: перспективы развития: матер. VII Международ. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 15 янв. 2016 г.): в 2 т. Чебоксары, 2016. Т. 2. С. 378-380; Щербаков В.В. Уголовная ответственность, ее основание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998.

² См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 461.

П.В. Векленко, «нередко лишь один субъект – предполагаемый потерпевший – может определить, опасным ли было посягательство, нанесло ли оно ущерб в той мере, какая необходима для частного обвинения и уголовного разбирательства в суде. Допустим, что объективные предпосылки есть – человека оклеветали, оскорбили публично. Однако их недостаточно для установления опасности и преступности деяния, поскольку неясны в силу субъективной природы последствия деяния, возможные или наступившие. Опасность преступления в подобных случаях субъективна: что для одного смертельная обида, для другого – пустяк»¹. В подобных ситуациях наблюдается ярко выраженная вариативность степени общественной опасности, напрямую зависящая от избранной линии поведения учинителя вреда и состояния охраняемого объекта на момент уголовно-правовой оценки содеянного.

Изложенное подтверждает сделанный вывод о том, что состав уголовного правонарушения ограничивается объективной и субъективной стороной соответствующего посягательства, оставляя за своими рамками объект и субъект преступления. В уголовном праве органическая взаимосвязь и взаимообусловленность категорий объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны соответствующего деяния выражается на уровне конкретного содержания, а не унифицированной формы. На этом основании объект и субъект уголовного правонарушения (динамичные элементы) и состав преступления (статичный элемент) выступают самостоятельными элементами уголовного правонарушения.

В методологических аспектах сущность состава преступления как элемента преступного посягательства сохраняет свой единый смысл одновременно на нормотворческом и правоприменительном уровнях. Какие-либо весомые основания разделять категории состава преступления (на уровне уголовного закона) и состава конкретного преступления (на уровне уголовно-правовой оценки содеянного) отсутствуют. Еще раз повторим значимый вывод А.Н. Трайнина о том, что «со-

¹ Векленко П.В. Опасность преступления: онтологические и деонтические параметры // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. Омск, 2020. С. 82.

став преступления, несмотря на его конкретность, всегда носит обобщенный характер, охватывая не индивидуальные, а типичные черты»¹.

Содержание состава преступления отражает представленную в уголовном законе типовую модель преступного деяния. Отталкиваясь от наработок классической теории уголовного права, стандартный остов преступления формируется объективной и субъективной стороной. Наполняя их конкретным содержанием, законодатель оперирует определенной совокупностью признаков. Речь идет о таких признаках, как деяние (действие или бездействие), последствия, вина (умысел или неосторожность), мотив, цель и др. Многие из них представлены непосредственно в статьях Особенной части уголовного права. Признаки, имеющие универсальное уголовно-правовое значение, обозначены в Общей части уголовного законодательства. Уголовно-правовая доктрина располагает внушительным количеством работ, посвященных каждому признаку состава преступления, что исключает необходимость в их подробном анализе. Однако стоит заострить внимание на отдельных проблемных аспектах, касающихся дефинирования криминообразующих признаков.

Терминология, используемая нормотворцами в диспозициях соответствующих составов преступления, нередко находит разъяснение непосредственно в содержании уголовного закона. В большинстве случаев определения, характеризующие сущность конструктивных признаков состава преступления, вполне уместны и обусловлены интересами унифицированного исполнения и применения норм и положений уголовного закона. В этом ключе можно сослаться на понятия совокупности преступлений (ст. 17 УК РФ), умысла и неосторожности (ст. 25, 26 УК РФ), группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы и преступного сообщества (преступной организации) (ст. 35 УК РФ), хищения (п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ) и т.п.

Между тем другая часть дефиниций, определяющих значение отдельных признаков состава преступления, вызывает сомнения с позиции уголовно-правовой природы сформулированных в них понятий. Проиллюстрируем сказан-

¹ Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 29.

ное на конкретном примере. Так, примечание к ст. 139 УК РФ формулирует понятие жилища. На первый взгляд, оно решает важную задачу по единообразному толкованию соответствующей категории в диспозициях норм уголовного права. Подобного мнения придерживаются некоторые представители уголовно-правовой науки, специально посвятившие свои монографические исследования вопросам уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности жилища¹. Однако в действительности складывается достаточно противоречивая ситуация на уровне межотраслевого взаимодействия. Получается, что уголовный закон напрямую вмешивается в сферу действия регулятивной отрасли законодательства, предмет которой охватывает отношения, связанные с использованием жилища. В ЖК РФ специально предусматриваются ст. 15 и 16, которые достаточно обстоятельно регламентируют объекты жилищных прав и виды жилых помещений². Становится очевидным, что термин «жилище» уголовно-правовой природой не обладает. Его понятие, данное уголовным законом, нарушает механизм взаимодействия регулятивного и охранительного права. Аналогичные претензии законодателю можно высказать относительно разъяснения в содержании уголовного закона понятий специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (п. 1 примечаний к ст. 138¹ УК РФ), должностного лица (примечания к ст. 285 УК РФ) и т.п.

В силу своего «субсидиарного» значения по отношению к позитивному законодательству уголовное право не вправе корректировать или тем более дополнять понятия, образующие категориальный аппарат других отраслей отечественной системы права. «Оперирование УК РФ такого рода понятиями подчеркивает четыре весьма важных аспекта. Первый заключается в том, что уголовный закон может охранять только отношения, которые на момент охраны урегулированы той или иной отраслью права. Второй – уголовно-правовой охране подлежит не в целом предмет соответствующей отрасли права, а лишь отдельные его стороны.

¹ См.: Акинина Н.Ю. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности жилища: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 8; Малахова В.Ю. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности жилища в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (ч. 1), ст. 14.

Третий – сама по себе отрасль права объективно не нуждается в “услугах” уголовного закона... И, наконец, четвертый фактор заключается в том, что используемые уголовным правом категории регулятивных отраслей права определяют границы, в рамках которых осуществляется уголовно-правовая охрана»¹. В связи с этим при конструировании состава преступления законодатель вправе наполнять дефинитивным содержанием только такие его признаки, которые имеют уголовно-правовое происхождение.

Значение состава преступления в уголовном праве можно представить в нескольких аспектах. Во-первых, состав преступления отражает характер общественной опасности соответствующего деяния. Здесь сразу необходимо оговориться относительно некой условности употребления категории «характер общественной опасности» применительно к действию или бездействию, описываемому диспозицией уголовно-правовой нормы. Характер общественной опасности является только одним из ее сущностных компонентов. Чтобы установить обозначенный признак преступления, требуется констатировать характер и выявить степень общественной опасности содеянного. Однако на уровне доктрины условное разделение характера и степени общественной опасности вполне уместно в целях разъяснения алгоритма установления уголовного правонарушения.

В социальном смысле характер общественной опасности деяния предполагает некое усредненное представление общества о злонамеренности соответствующего поступка. Универсальная модель криминального посягательства сосредотачивает в себе ядро того вреда, который претерпевают интересы личности, общества, государства или мирового сообщества в целом. Юридически характер общественной опасности фиксируется в диспозиции уголовно-правовой нормы и не зависит от установленных судом обстоятельств совершенного деяния и личности виновного. Он отражается объективными и субъективными признаками, заложенными в диспозицию уголовно-правовой нормы. В каждом конкретном составе преступления набор объективных и субъективных признаков может суще-

¹ Уголовное право России. Курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. Т. 1. Кн. 1. С. 315.

ственно варьироваться. Например, состав преступления, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ охватывает кражу, совершенную с причинением значительного ущерба гражданину. В п. 2 примечаний к ст. 158 УК РФ законодатель уточняет, что значительный ущерб определяется с учетом имущественного положения гражданина, но не может составлять менее пяти тысяч рублей. Отсюда следует, что характер общественной опасности обозначенного деяния состоит в тайном хищении чужого имущества на сумму не менее пяти тысяч рублей. Он является посылом для постановки вопроса о привлечении соответствующего лица к уголовной ответственности по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В то же время без установления степени общественной опасности учиненного деяния такая процедура невозможна. Выяснив имущественное положение пострадавшего гражданина, суд вполне может принять решение об отсутствии в содеянном признаков анализируемого преступления.

Во-вторых, состав преступления определяет границы конкретной уголовно-правовой обязанности правоисполнителя. Как отмечает А.В. Иванчин, «конструирование состава преступления – это процесс реализации идеи запрета общественно опасного поведения, формируемой на основе правотворческих факторов (криминологических, политических, экономических, исторических и др.), путем разработки и закрепления в уголовном законодательстве определенной комбинации признаков данного поведения и определения их содержания. Построение состава преступления начинается после принятия решения о необходимости криминализации и состоит в проработке его содержания посредством внутренней подсистемы техники (обеспечении полноты и непротиворечивости состава, согласовании признаков основного и квалифицированного состава, выработке его оптимальной законодательной конструкции)»¹.

Качество дефинирования составов преступления напрямую обусловлено интересами правоисполнителя. Каждый среднестатистический человек должен без труда осознавать и вычленять из своего поведения действия и акты бездей-

¹ Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 10.

ствия, укладывающиеся в типовую модель запрещенного уголовным законом деяния. Вместе с тем, по справедливому замечанию Б.Т. Разгильдиева, «значение реализуемой лицом уголовно-правовой обязанности не снижается, если оно не осознает в данной конкретной ситуации данного обстоятельства. Это служит дополнительным свидетельством, что законопослушное поведение становится нормальным человеческим поведением, своеобразным стереотипом законопослушного поведения»¹. Особую актуальность сформулированный тезис приобретает применительно к тем уголовно-правовым предписаниям, которые обусловлены составами так называемых абсолютных преступлений. Они свойственны уголовному законодательству практически любого исторического периода вне зависимости от политической и социально-экономической ситуации в стране. В качестве таких выступают составы убийств, причинения вреда здоровью, похищения человека, изнасилования, террористического акта и т.п.

Несколько иначе реализуется уголовно-правовой запрет, основанный на составе деяния, характер общественной опасности которого выражен не явно. Подобные запреты призваны формировать в общественном сознании ясное представление о круге уголовно-правовых обязанностях правоисполнителя. Н.М. Кропачев на этот счет отмечает: «Во многих случаях уголовно-правовые нормы служат своеобразными ориентирами, выделяя социальные ценности, указывая людям, что хорошо, а что плохо, что в связи с этим можно совершить, а чего делать нельзя. Таким образом деятельность людей в известной мере направляется к полезным обществу целям, и во всяком случае данные нормы способствуют выведению ее за пределы круга общественно опасных и потому запрещенных в уголовном порядке деяний. Здесь налицо ценностно-ориентационное воздействие уголовного права на поведение членов общества»². Стимулирование в массовом сознании уголовно-правовой дисциплины актуально применительно ко многим предписаниям, вытекающим из составов преступлений в сфере экономической

¹ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ. Саратов, 1994. С. 214.

² Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 104.

деятельности, преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях, экологических преступлений и др. Исключительно важно, чтобы отраженный соответствующим составом преступления характер общественной опасности деяния был предельно ясен среднестатистическому человеку и не воспринимался двусмысленно.

В-третьих, состав преступления представляет собой юридический факт, имеющий значение основания для постановки вопроса о наличии в совершенном деянии признаков преступления или уголовного проступка. Состав преступления в сочетании с обстоятельствами совершенного деяния и личностью учинителя вреда образует преступление, если судом констатируется характер и выявляется степень общественной опасности содеянного. В ситуации, когда при наличии формальных признаков состава преступления степень общественной опасности не устанавливается, совершенное деяние логично считать уголовным проступком. На сегодняшний день уголовный закон не определяет сущность второй разновидности уголовного правонарушения. Однако можно рассчитывать на то, что предлагаемый механизм установления и соотношения преступления и уголовного проступка не останется вне внимания законодателя.

Основные выводы относительно рассмотренных аспектов состава уголовного правонарушения можно представить в виде следующих тезисов.

1. Состав двух видов уголовного правонарушения номинально тождественен понятию состава преступления. Вне своей материальной сущности типовые признаки преступления формально совпадают с аналогичными признаками уголовного проступка. В то же время данное обстоятельство не только не предопределяет, но и полностью нивелирует необходимость в официальной замене словосочетания «состав преступления» фразой «состав уголовного правонарушения». Выраженный в законе акцент на категории состава преступления способствует пониманию того, что речь идет о типовой модели такого поведения, удержание от которого является миссией всей отрасли уголовного права.

2. Состав преступления как типовая модель преступного деяния имеет следующее уголовно-правовое значение: а) отражает характер общественной опасно-

сти деяния; б) определяет границы конкретной уголовно-правовой обязанности правоисполнителя; в) является юридическим фактом, на основе которого ставится вопрос о наличии в совершенном деянии признаков преступления или уголовного проступка.

РАЗДЕЛ 2. ВИДЫ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Глава 1. Преступление:

социально-правовая природа, сущностные признаки и категории

§ 1. Социально-правовая природа преступления

и ее отражение в содержании уголовного законодательства

Феномен преступления отражен в развернутой законодательной дефиниции и обстоятельно изучен на уровне уголовно-правовой теории. Официально преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. В отрасли уголовного права обозначенное понятие имеет фундаментальное значение. Опираясь категорией преступления, федеральный законодатель ставит уголовно-правовые задачи и формулирует принципы их реализации, определяет порядок действия уголовного закона по кругу лиц, во времени и в пространстве. Уголовно-правовая материя в целом, исходя из ее соотношения с преступлением, условно разделяется на две части, которые взаимодействуют как причина и следствие. Первая органически связана с понятием преступления, находя выражение в нормах, положениях и институтах, конкретизирующих свойства, качества, разновидности и формы криминальной активности правоисполнителя. Вторая, образуемая массивом уголовно-правовых последствий совершения преступления, обусловлена социальным значением анализируемой категории. Изложенное подтверждает, что уголовное законодательство, практика его применения и теория уголовного права сформировались и продолжают развиваться на основе представления о преступном деянии. Именно поэтому в разделе уголовно-правовой доктрины, обосновывающем социально-правовую природу и конструктивные признаки преступления, методологическая планка должна быть установлена максимально высоко.

Социальную природу преступления в теории уголовного права принято считать неплохо изученной. Однако формированию о ней целостного представления способствует аккумуляция целого ряда позиций ученых. Так, нередко исследователи ассоциируют социальную природу преступления исключительно с историческим генезисом толкования его общественной опасности. Как отмечает

А.В. Наумов, социальная природа преступления выражена в классовой подоплеке материально-идеологического основания преступления¹. Аналогичную идею развивает Е.Ю. Львова, по мнению которой, длительное время «под материальным понятием преступления понималась его общественная опасность для существовавшего режима, которая, в свою очередь, рассматривалась как классовая опасность»². В то же время исследователи признают, что в современном демократическом государстве с рыночной экономикой классовая ориентированность понятия преступления фактически нивелируется.

Правоту последнего суждения полностью разделяют представители казанской школы уголовного права. С.А. Балеев по этому поводу уточняет, что «в современных условиях право должно рассматриваться как средство общесоциального управления, уголовное же право – в качестве общечеловеческого явления, средства защиты наиболее важных социальных ценностей от преступных посягательств, независимо от того, кто их учиняет. А потому говорить о классовой природе преступления и преступности, на наш взгляд, нет достаточных оснований»³. Сам автор усматривает социальную природу преступления в поведенческом акте учинителя вреда и его негативном воздействии на окружающую действительность⁴.

Близкой точки зрения придерживается А.О. Курбанов, который отмечает: «Уголовный закон упоминает такие выражения, как деяние, действие, деятельность, поведение, поступок, тем самым подчеркивается, что преступления могут образовывать все виды человеческой деятельности, независимо от их сложности»⁵.

В наиболее обобщенном и развернутом виде социальную природу преступления характеризует Б.Т. Разгильдиев. Исходя из посыла о том, что преступления

¹ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2000. С. 123–124.

² Львова Е.А. Социальная и юридическая сущность преступления (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 15.

³ Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 147–148.

⁴ См.: Там же.

⁵ Курбанов А.О. Указ. соч. С. 13.

социально по своему происхождению, источнику совершения, содержанию и последствиям, он формулирует следующую дефиницию: «Социальная природа преступления – это поведенческий акт члена общества, связанного с ним социальными обязательствами, вытекающими из сущности человеческих взаимоотношений, противодействующий обществу посредством причинения вреда в виде нарушения материального порядка, существующего в обществе»¹.

Представленная позиция содержательно емкая, тем не менее она требует некоторого уточнения. В социальной природе преступления основной акцент делается на поведенческом акте человека, нарушающем сложившийся в обществе материальный порядок. Естественным образом здесь возникает прямая ассоциация с общественной опасностью учиняемого деяния. Данный аспект рассматриваемой проблемы вне всяких сомнений играет исключительно важную роль. Он предполагает, что человек как член общества, совершая осознанное и волевое деяние, удовлетворяет свои собственные потребности посредством причинения вреда значимым интересам других участников социума. Однако в описанной ситуации общественно опасное действие или бездействие в большей части является юридическим отражением социальной природы преступления, нежели проявлением ее сущности.

Автор настоящей работы твердо стоит на позиции относительно того, что в отрыве от иных конструктивных признаков преступления общественная опасность как некое самостоятельное явление существовать не в состоянии. Общественная опасность соответствующего деяния приобретает конкретные очертания только тогда, когда ее усредненный характер определяется законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы. Конечно, было бы неправильным отрицать тот факт, что материальная сущность преступления имеет ярко выраженную социальную природу. Но природообразующим стержнем преступления выступает не само общественно опасное деяние, а то социальное обязательство, которым человек в момент его совершения пренебрегает. Подтверждением данной мысли

¹ Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2008. Т. 2. С. 6.

выступает семантика категории преступления, которая определяется термином «преступить», означающим самовольное отступление от чего-нибудь¹. В свете изложенного целесообразно подробнее остановиться на социальном происхождении уголовно-правовой обязанности.

Квинтэссенция человеческой обязанности обстоятельно раскрывается на уровне философской мысли. «В философии это понятие исторически складывается в значении должного вообще. “Надлежащее” (то кайпкоу, от коника – пододать) у стоиков означало *подобающее*, т.е. соответствующее требованиям природы. Латинским эквивалентом этого термина явилось слово *officium*, впервые в этом значении, по-видимому, использованное Цицероном, который в силу своей практической ориентированности понимал под *officium* не отвлеченный изначально долг, а обязанности человека как гражданина – члена римской общины. Это то должное, что обусловлено его связями, общностью с другими людьми... Со времени Цицерона, по замечанию Канта, учение о нравственности называется учением об обязанности»².

Представленный массив философской информации об обязанности последовательно находит отражение в социальной природе преступления. С позиции человеческих взаимоотношений преступление предполагает деяние, которое в соответствии с общепризнанными нравственными требованиями общества должно исключаться из поведения каждого правоисполнителя. Обязанность воздерживаться от совершения преступления основывается на особом способе жизненной ориентации социума, предполагающем разделение всех человеческих поступков на «добро» и «зло». А.И. Титаренко справедливо отметил, что «мораль всегда выступала как особый оценочно-императивный способ освоения социальной действительности, выражающийся в дихотомическом делении ее на “добро” и “зло”»³. Именно поэтому обозначенные категории позволяют обосновать социальную природу любого поведения человека, включая преступление, являющегося проявлением крайней степени зла.

¹ См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 583.

² Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 139.

³ Социальная сущность и функции нравственности. М., 1975. С. 9.

Исторически в основе понятий «добро» и «зло» общество находило различные начала. «Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, – писал Ф. Энгельс, – что часто прямо противоречили одно другому»¹. Желание социума унифицировать общепринятые правила поведения неоднократно даже выливалось в попытки очертить границы нравственного поля и выработать исчерпывающую совокупность универсальных социальных обязательств. Истории известны случаи кодификации нравственных норм, нашедших отражение в многочисленных религиозных памятниках, сословных, дуэльных кодексах и т.п. Однако динамика развития человеческих взаимоотношений доказала, что сформировать перечень неизменных, вечных и общезначимых представлений о должном поведении невозможно. Естественный процесс прогрессирования общества вызывает необходимость постоянного переосмысления нравственных приоритетов. Всякие попытки зафиксировать некие абсолютные моральные обязательства предполагают подавление свободы личности. Если власть государственная, общественная или духовная определяет некие пределы в поведении человека, то она исключает его способность к созиданию. Заданные неким авторитетом обязательства всегда будут превалировать над личностью. Например, большинство религий мира содержат многовековую заповедь «не убей», по смыслу которой любое причинение смерти другому человеку является злом. В то же время с позиции сегодняшнего дня подобное утверждение не всегда соответствует представлениям современного общества о злонамеренном поведении. Известны ситуации, когда лишение жизни другого человека оценивается не только в качестве морально допустимого деяния, но и даже как выраженное проявление добра. Характерной тому иллюстрацией может послужить защита человеком своей собственной жизни посредством причинения смерти посягающему. Нравственность и сформировавшееся на ее основе уголовное право оценивают подобное поведение обороняющегося лица как правомерное и необходимое для поддержания сложившегося в обществе материального порядка. В связи с этим религиозная этика отвечает на вопрос о сути добра и зла с точки зрения потреб-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 20. С. 94.

ностей духовной власти, а не интересов человека. Истинные нравственные требования свободны от культовых догм, нередко претендующих на роль источника всеобщего представления о добре.

Иначе обстоит дело, когда источником и исполнителем нравственных обязательств выступает личность. В таком случае добро олицетворяет благо именно для человека, а злом признается то, что наносит вред его фактическим интересам. Представленный субъектоцентристский взгляд на мораль во многом предопределен антропологическим течением философии, известными представителями которой выступают Э. Кассирер, М. Шелер, Э. Фромм. В его рамках нравственность понимается как система ценностей человека, отражающих его свободу. Э. Фромм по этому поводу пишет: «Единственным критерием этической ценности выступает благополучие человека... Он “добродетелен”, если реализовал свою “добродетель”. В противоположном смысле понятие “добродетель” употребляется в авторитарной этике. Там добродетель означает самоотречение и послушание, подавление индивидуальности, а не ее полную реализацию»¹. По Фромму, добро представляет утверждение жизни, раскрытие человеческих сил, а злом является помеха развитию человеческих способностей². Свобода личности выступает ключевым аспектом в понимании категорий добра и зла.

В контексте исследуемой проблематики на первый взгляд может сложиться впечатление, что свобода личности не имеет ничего общего с преступлением, являющимся проявлением категорически недопустимого в социальных связях поступка. Однако в правовой среде категория свободы в большей части связана именно с отраслью уголовного права, хотя и оперирующей исключительно методом запрета. Автор целого ряда фундаментальных концепций в области философии права В.С. Нерсесянц отметил: «В общем виде – вопреки распространенным представлениям – логика и механизм правовой регуляции таковы, что для выражения большей меры правовой свободы необходимо в качестве метода (способа, порядка, режима) правовой регуляции использовать правовой запрет, а для выражения

¹ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1998. С. 35–36.

² См.: Там же. С. 42.

меньшей меры свободы – правовое дозволение (разрешение)... Именно своим запретом (и соответствующим наказанием) общественно вредного право играет свою особую творческую роль, поскольку только такая опосредованная и косвенная форма признания и защиты общественно полезного предоставляет максимально возможную меру свободы, соответствующую потребностям и интересам членов общества и необходимую для общественного прогресса»¹.

В нравственных аспектах уголовно-правовая обязанность воздерживаться от совершения преступного деяния предстает в качестве инструмента предупреждения произвола во взаимоотношениях между людьми, испытывающими естественную потребность свободной реализации личных интересов. По этому поводу А.Н. Шитов обоснованно обращает внимание на то, что «моральная свобода не является тем, что подавляется и ограничивается правовым принуждением. Свобода – это непосредственный источник принуждения, а также конечная цель последнего... Тем не менее моральная свобода не противоположна свободному произволу. Она лишь ограничивает произвол только теми желаниями, которые не причинят вреда ни самому субъекту этого произвола, ни другому человеку. Только в таком понимании свободы проявляется моральный фундамент правового принуждения. Правовое принуждение становится гарантом свободы»².

Здесь актуализируется потребность четкого разграничения категорий «свободное поведение» и «вольное поведение». Свободу как таковую не следует ассоциировать с возможностью игнорировать какую-либо социальную обязанность. На самом деле поведение человека не обусловлено беспрепятственным волеизъявлением. Каждый свой поступок ему необходимо соотносить с интересами других лиц и всего общества. Соприкосновение соответствующих интересов объясняется природной социальной зависимостью человека, позволяющей ему существовать и успешно развиваться, находясь в постоянных контактах с другими людьми. В связи с этим источником нравственного поведения не может быть исключительно воля конкретного субъекта, выражающая его внутреннее

¹ Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М., 1998. С. 90–91.

² Шитов А.Н. Моральные основания права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 14–15.

побуждение. «Подобное погружение в индивидуальную особенность, – считал Гегель, – не способствует установлению объективного критерия добра и зла. Ведет к полному исчезновению всякой прекрасной и нравственной жизни, превращает ее в совокупность вожделений, наслаждений и удовольствий, образует человеческое животное царство. При таком распадении единого общества на ряд отдельных индивидов с их обособленными целями и интересами удержать их вместе становится возможным только с помощью насилия и деспотии отдельного лица»¹.

Всякая деятельность человека predetermined субъективным выбором поведения в уже сложившейся системе благ, носящих объективно выраженный характер и признаваемых большинством членов общества. Решение вопроса о балансе интересов конкретного человека и объективированных благ достаточно емко отразилось в известном «категорическом императиве» И. Канта, провозглашающем: «Поступай только согласно такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»².

Изложенное приводит к выводу о том, что в нравственных аспектах уголовно-правовая обязанность выступает позитивно мотивирующим средством воздействия на волеизъявление человека с целью подавления его побуждений к реализации собственных потребностей за счет ущемления интересов других людей и социума в целом. Подобный процесс реализации уголовного права, хотя и весьма рельефными фразами, но достаточно точно описал Шопенгауэр: «Законы исходят из правильного предположения, что у воли нет моральной свободы (тогда ею нельзя было бы руководить), но что она подчинена принуждающему действию мотивов: по этой причине они должны всем возможным мотивам к преступлению противопоставить более сильные противоположные мотивы, в виде угрожающих наказаний, и уголовный кодекс есть не что иное, как список противоположных мотивов по отношению к преступным деяниям. Если же окажется, что интеллект, через который должны были действовать эти противоположные мотивы, был не в состоянии вос-

¹ Васильев В.А. Г. Гегель о благе и добродетели // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 1. С. 182.

² Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т. 4 (1). С. 260.

принять их и предъявить их воле, то их действие было невозможно – они для воли не существовали»¹.

Социальная природа преступления имеет огромное уголовно-правовое значение. Она задает нравственные параметры обязанности, возлагаемой уголовным законом на человека. В перечень уголовно-правовых запретов может включаться только такое деяние, которое социумом воспринимается как зло. Однако здесь следует учитывать важный момент. Основываясь на нравственных нормах, механизм решения охранительной и предупредительной задач уголовного права в то же время не может из них формироваться. Динамика общественной жизни постоянно вносит коррективы в нравственные оценки поступков человека, явно не способствуя однозначному восприятию обществом круга злонамеренных поступков, ассоциируемых с преступлениями. Именно поэтому нравственную обязанность человека воздерживаться от учинения зла необходимо облекать в конкретную юридическую оболочку. «Это реально позволит определить границы совершаемого зла, сформировать уголовно-правовую политику по охране личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступлений, предупреждать их, возлагать должный объем ответственности на лиц, которые его причиняют, не допускать привлечения к уголовной ответственности граждан, деяния которых не являются преступлениями, отграничивать преступления от близких к нему социальных явлений»². Изложенное актуализирует определение правовой природы преступления.

Правовая природа преступления, будучи формальным отражением его социальной природы, характеризуется рядом аспектов, вносящих должную ясность в принципиально важные отраслевые вопросы нравственной обусловленности уголовно-правовой обязанности правоисполнителя. Во-первых, уголовно-правовая обязанность возлагается исключительно на такое лицо, которое в силу своего развития и состояния здоровья совершает осознанные и волевые поступки. Поведение малолетнего или невменяемого человека, лишенного способности

¹ Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992. С. 122.

² Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2008. Т. 2. С. 7.

сопоставления собственных потребностей с интересами других лиц, находится вне сферы нравственных оценок. В связи с этим, по смыслу ст. 19 УК РФ, преступление может совершить только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности.

Во-вторых, признаки преступления и его разновидности вправе определять исключительно федеральный законодатель, действующий от имени и в интересах всего общества России. Государственная Дума РФ сориентирована на установление круга уголовно-правовых обязанностей, основанных на представлениях большинства граждан страны о злонамеренном поведении. Региональная представительная власть лишена возможности формирования уголовно-правовых запретов в отдельном субъекте РФ. Подобные прецеденты опасны нивелированием универсального значения нравственности в отрасли уголовного права. Поэтому поддержание сложившегося в обществе материального порядка обеспечивается единой системой федеральных уголовно-правовых запретов, распространяющих свое действие на всю территорию в пределах государственных границ России и объекты, входящие в ее юрисдикцию (ст. 11 УК РФ).

В-третьих, официально закрепленный перечень преступлений нуждается в постоянном корректировании. Реагируя на новые вызовы обществу, законодатель обязан оперативно устанавливать уголовно-правовые запреты на совершение действий или актов бездействия, создающих угрозу значимым интересам личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. Одновременно стоит задача по своевременному освобождению уголовного законодательства от норм, обязывающих человека воздерживаться от таких форм активности, общественная опасность которых вызывает обоснованные сомнения.

Указанные аспекты уголовно-правовой обязанности отражают идеальную модель правовой природы преступления. Однако в реальной действительности не все так безупречно. Ключевая проблема придания социальным свойствам преступления необходимых правовых форм заключается в феномене, получившем широкую известность в качестве уголовно-правовой политики государства. Ее сущность находит отражение в нормотворческой деятельности федерального за-

конодателя по решению задач, стоящих перед отраслью уголовного законодательства. При этом нравственность позволяет оценивать принимаемые Государственной Думой РФ решения по вопросам уголовного права с позиции трех ситуаций. В первой ситуации уголовно-правовые нормы и положения полностью отвечают нравственным требованиям, поскольку обязывают физических лиц воздерживаться от поведения, мотивированного желанием обеспечить собственные потребности за счет ограничения прав и свобод иных граждан или охраняемых законом интересов общества и государства. Описанная ситуация самая предпочтительная и потому наиболее распространенная. Нет никаких сомнений в том, что подавляющее большинство норм и положений уголовного закона, характеризующих криминообразующие признаки соответствующих деяний, ориентировано на запрещение поведения, имеющего явно выраженную злонамеренную природу. К их числу относятся уголовно-правовые запреты на лишение жизни другого человека, причинение вреда здоровью, похищение человека, незаконное лишение свободы, изнасилование, кражу, грабеж, разбой, террористический акт и многие другие.

Ситуация вторая предполагает, что разрабатываемые, принимаемые и вводимые в действие нормы и положения уголовного законодательства о преступных деяниях обладают нравственно нейтральной сущностью. Здесь уместно замечание В.Н. Жукова относительно того, что «между правом и нравственностью невозможно установить отчетливого качественного различия, в лучшем случае здесь будет обнаруживаться лишь различие количественное: некоторые нормы будут казаться в большей мере нравственными, некоторые – правовыми»¹. Применительно к анализируемой ситуации речь идет об уголовно-правовых запретах на совершение деяний, злонамеренность которых выражена неотчетливо. Это отнюдь не означает, что законодатель необоснованно возводит подразумеваемые поступки человека в разряд преступных посягательств. По объективным причинам ему приходится принимать волевые решения относительно признания соот-

¹ Жуков В.Н. Право и нравственность в русской школе «возрожденного» права // Право и политика. 2001. № 1. С. 11.

ветствующих действий или актов бездействия в качестве опасных для интересов личности, общества, государства или мирового сообщества в целом. Наглядным примером такого рода деяния может послужить кража без квалифицирующих и особоквалифицирующих признаков. Как известно, она считается преступной, если сумма похищенного имущества превышает пределы, которые позволяют оценивать учиненное деяние в качестве административного правонарушения. Исторически с учетом социально-экономической обстановки в стране данное значение неоднократно корректировалось законодателем. В то же время обозначенная граница между административным деликтом и преступлением всегда была в большей мере обусловлена политическим решением, нежели конкретными требованиями общества. В частности, на сегодняшний день наука уголовного права не располагает методиками, позволяющими убедительно обосновать формальный характер кражи на сумму до двух с половиной тысяч рублей и общественную опасность кражи на немногим большую сумму. Принятое в итоге решение представляет собой выражение воли законодателя, проявление которой необходимо для оптимизации межотраслевого взаимодействия охранительных отраслей права по вопросу охраны собственности. В подобных случаях публичная власть уточняет минимальные пределы зла, способного ощутимо навредить социально значимым интересам, охраняемым уголовным законом.

Кардинально иначе складывается ситуация третья, когда нормы и положения уголовного закона начинают противостоят нравственным требованиям. При этом наиболее ощутимо общество воспринимает законодательные нововведения, касающиеся расширения круга уголовно-правовых обязанностей, затрагивающих личную свободу. Анализ содержания уголовного закона позволяет обнаружить конкретные примеры использования принудительного ресурса уголовного права в ущерб естественной свободе человека. Ярким тому примером может послужить норма ст. 205⁶ УК РФ, которая дополнила перечень уголовно-правовых запретов в июле 2016 г. Под угрозой уголовного наказания она обязывает правоисполнителя сообщать в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, со-

вершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ¹.

Оценивая принятую норму рельефной фразой «вперед – в прошлое», М.М. Лапунин справедливо подчеркнул, что «если раньше лицо, сообщившее о террористе, с полным правом могло считать себя в некоторой степени героем, теперь, исходя из позиции законодателя, это рядовой поступок, ведь если не сообщишь – ты преступник»². Действительно, на протяжении порядка двух десятилетий подряд институт доноительства находился вне содержания уголовного законодательства и практики его применения. Он активно развивался в рамках советского уголовного закона. Статья 19 УК РСФСР 1960 г. «Недонесение» провозглашала, что недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении влечет уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных Особенной частью уголовного закона. В свою очередь ст. 190 обозначенного источника советского уголовного права грозила правоисполнителю лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет за недонесение об известных готовящихся или совершенных преступлениях, предусмотренных широким перечнем статей Особенной части УК РСФСР. Поэтому на сегодняшний день вполне обоснованно возникает вопрос о причинах отказа разработчиков УК РФ 1996 г. от института доноительства и целесообразности его восстановления спустя десятилетия в содержании действующего уголовного закона. Думается, что ответ на него необходимо искать в нравственной плоскости.

С позиции нравственности уголовно-правовая обязанность сообщать о лице, которое готовит, совершает или совершило преступление, наукой уголовного права исследователями воспринимается неоднозначно. По мнению А.Д. Макаро-

¹ См. подробнее: Герасимов А.М. Социально-правовая природа преступления и ее отражение в содержании уголовного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2. С. 131–139.

² Лапунин М.М. Вперед – в прошлое: к вопросу о криминализации доноительства // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги, проблемы, перспективы: матер. Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Рязань, 2016. С. 212.

ва, это «тот случай, когда закон должен опережать современные общественные взгляды, формируя привычную правовую позицию, одобряемую как с моральных, так и с практических точек зрения»¹.

Первоначально приведенные доводы могут показаться убедительными. Уголовная политика государства должна формироваться на передовой линии общественного сознания, корректируя его русло, исходя из нравственных ориентиров современности. Вместе с тем уголовное законодательство успешно выполняет функцию стимулирования надлежащего поведения граждан только в том случае, если само по себе является нравственным. Главное требование нравственности, предъявляемое к содержанию уголовного закона, обусловлено приоритетом естественной свободы личности над интересами общества и государства. С установлением уголовной ответственности за несообщение о преступлении в анализируемом ключе ситуация развивается совершенно иначе. С одной стороны, государством преследуется вполне позитивная цель по привлечению общественности к процессу противодействия преступности, заинтересованность в котором испытывает каждый человек. Она предопределяет главный аргумент исследователей, обосновывающих нравственные начала уголовно-правовой обязанности сообщения о преступлениях. Так, применительно к своему времени Г.И. Баймурзин отмечал, что «каждый советский гражданин, будучи очевидцем или осведомленным о готовящемся или совершенном преступном посягательстве на установленные социалистическим государством общественные отношения, не может оставаться в роли пассивного созерцателя, а обязан предпринимать в меру своих возможностей необходимые действия по оказанию помощи органам власти в своевременном его предупреждении или раскрытии. Эта обязанность, будучи, как правило, только моральной, в ряде случаев перерастает в правовую, и нарушение ее квалифицируется как прикосновенность к преступлению в форме доносительства»².

¹ Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 129.

² Баймурзин Г.И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. С. 117.

С другой стороны, сообщение о преступлении нельзя отнести к обычному среднестатистическому поведению, стимулирование которого ресурсами уголовного права в интересах государства обоснованно и не затрагивает естественной свободы человека. Принимая решение о сообщении в компетентные органы информации о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении, лицу приходится всерьез задуматься о безопасности такого рода акта. На сегодняшний день государство не в состоянии гарантировать ему надежной защиты от лица, который после официального сообщения о его преступной деятельности вполне вероятно захочет избавиться от свидетеля преступления или совершить акт отмщения.

На данный аспект обращают внимание даже сторонники развития уголовно-правового института несообщения о преступлении. В частности, по мнению Е.В. Пономаренко, уголовно-правовая обязанность по оказанию помощи правосудию в борьбе с преступностью хотя и ограничивает определенную свободу человека, но ее реализация не создает опасности его жизни, здоровья, не умаляет его чести и достоинства и направлена на укрепление нравственности в обществе и государстве¹. В представленных суждениях автор оттеняет значимость ущемления свободы человека, которая по существу представляет собой центральную нравственную проблему уголовно-правового обязывания, основываемого на превосходстве правоохранительных задач государства над личной безопасностью человека.

Представительная власть вправе использовать механизм уголовно-правового принуждения только в том случае, когда правоисполнитель не готов добровольно воздерживаться от поведения, противоречащего интересам личности и всего социума. В то же время несообщение о преступлении нельзя отнести к разряду деяний, осуждаемых обществом с позиции морали. Требуемое от правоисполнителя ст. 205⁶ УК РФ содействие правоохранительным органам выходит далеко за рамки обычного среднестатистического поведения. Нормальным для человека является дистанцирование от конфликтных ситуаций, вмешательство в

¹ См.: Пономаренко Е.В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 161.

которые чревато неблагоприятными последствиями. Опасаясь за свои интересы и интересы своих близких, обладатель информации о преступлении и преступнике в большинстве случаев предпочитает сохранить ее в тайне.

Нравственные аспекты установления уголовной ответственности за несообщение о преступлении сегодня обостряются на фоне того обстоятельства, что с момента принятия УК РФ государство на долгое время отказалось от идеи криминализации недоносительства. Принятое решение полностью отвечало сформировавшемуся в стране духу демократии, ориентированному на приоритет прав и свобод конкретной личности над интересами общества и государства. Сообщение о преступлении на протяжении двух столетий подряд считалось поступком незаурядным, что естественным образом оставило свой отпечаток на нравственном сознании общества.

На основании всего изложенного несообщение о преступлении нельзя отнести к разряду деяний, соответствующих представлениям современного общества о злонамеренном поведении и нуждающихся в уголовно-правовой оценке. Оно полностью укладывается в рамки нормального поведения человека. Принуждение правоисполнителя к сообщению о преступлении средствами уголовного права конфликтует с требованиями нравственности.

Приведенная ситуация показательна тем, что политика федерального законодателя по вопросу определения круга общественно опасных форм поведения человека не всегда укладывается в нравственные рамки. Подобное социальное «отчуждение» уголовного законодательства серьезным образом затрудняет формирование на уровне сознания и воли правоисполнителя стереотипов надлежащего поведения. Человеку свойственно отторгать обязанности, противоречащие его естественной свободе.

Рассчитывая на поддержку общества в борьбе с преступлениями, государству следует обращать пристальное внимание на аксиологические приоритеты в механизме решения задач, стоящие перед отраслью уголовного законодательства. Каждое вменяемое физическое лицо должно воспринимать уголовную ответственность за деяние, возведенное в разряд преступного посягательства, как ре-

зультат реализации социальной справедливости, а не принуждения к противоестественному поведению.

Завершая исследование социально-правовой природы преступления и ее отражения в содержании уголовного законодательства, подведем некоторые итоги.

1. Социально-правовая природа преступления – это облеченная в правовую форму нравственно обусловленная обязанность, сущность которой предполагает позитивно мотивирующее воздействие на волеизъявление человека с целью подавления его побуждений к реализации собственных потребностей за счет ущемления интересов других людей и социума в целом.

2. Решения федерального законодателя по вопросу объема и содержания уголовно-правовых обязанностей правоисполнителя с позиции нравственности оцениваются исходя из трех ситуаций. В первой ситуации уголовно-правовые нормы полностью отвечают нравственным требованиям, поскольку обязывают физических лиц воздерживаться от поведения, мотивированного желанием обеспечить собственные потребности за счет ограничения прав и свобод иных граждан или охраняемых законом интересов общества и государства. Ситуация вторая предполагает, что разрабатываемые, принимаемые и вводимые в действие нормы и положения уголовного законодательства о преступных деяниях обладают нравственно нейтральной сущностью. Речь идет об уголовно-правовых запретах на совершение деяний, злонамеренность которых выражена неотчетливо. В третьей ситуации нормы уголовного закона начинают противостоять нравственным приоритетам, обязывая человека к поведению, ущемляющему его личную свободу.

Первые две из описанных ситуаций являются приемлемыми для успешного функционирования отрасли уголовного законодательства. Ситуация третья, затрудняя формирование на уровне сознания и воли правоисполнителя стереотипов надлежащего уголовно-правового поведения, препятствует решению задач уголовного права.

§ 2. Понятие преступления: теоретическая модель оптимизации

Преступление представляет собой категорию, приобретающую в уголовном праве идеологическое значение. Оно наполнено содержанием, определяющим социальные и правовые основания уголовно-правовой обязанности, возлагаемой на человека всей отраслью охранительного законодательства. За более чем два десятилетия становления и развития российского уголовного закона понятие преступления оставалось в стабильном состоянии, вполне обоснованно претендуя на одно из центральных мест в ряду постулатов уголовного права. Даже несмотря на обилие теоретических предложений по оптимизации конструктивных признаков преступления, законодатель не посчитал нужным вносить в содержание ч. 1 ст. 14 УК РФ какие-либо коррективы. Резонно предположить, что официально закрепленное определение преступления, его правоисполнительное и правоприменительное толкование все это время обеспечивали поставленные перед уголовным законом задачи по охране интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества, а также предупреждению преступлений.

Ситуация с укоренившейся дефиницией преступления могла оставаться прежней без ограничения по времени, если бы сегодня стремительно не набрала актуальность проблема включения в уголовный закон понятия уголовного проступка. Практика наглядно иллюстрирует, что предлагаемые Пленумом Верховного Суда РФ и представителями научного сообщества варианты определений уголовного проступка вскрыли серьезную методологическую проблему установления его общей природы и оснований разграничения с преступлением. В подавляющем большинстве случаев уголовный проступок прямо или косвенно позиционируется как разновидность преступления. Однако практическая ценность и научная перспективность такого подхода весьма скромная. По существу речь идет о формальном переименовании ряда уже известных уголовно-правовых деяний без принципиального изменения механизма воздействия на них. Каким образом подобные нововведения отразятся на эффективности решения задач уголовного права предполагать достаточно сложно. При этом важно учитывать, что стержень обнаруженной методологической проблемы не только в понимании уголовного

проступка. Ее разрешение в первую очередь связано с необходимостью обоснования понятия и сущностных характеристик преступления, позволяющих не только находить точки соприкосновения, но и проводить четкую грань между двумя разновидностями уголовного правонарушения. Изложенное обуславливает переосмысление дефиниции преступления исходя из достижений уголовно-правовой теории и требований сегодняшнего дня.

Понятие преступления складывается из ряда конструктивных признаков, каждый из которых заслуживает внимания. Первым из них выступает «деяние». Сопоставляя содержание ч. 1 и 2 ст. 14 УК РФ, несложно сделать вывод о том, что понятие деяния в уголовном законе является родовым по отношению к действию и бездействию. Конкретный поведенческий акт человека, являющийся поводом для постановки вопроса о совершении преступления, ограничен строго определенными объективными рамками. Обозначенное свойство деяния позволяет решать ряд важных вопросов, связанных с основанием уголовной ответственности, временем совершения преступления, обратной силой уголовного закона, вменяемостью лица, виновностью, окончанием преступного посягательства.

Несмотря на столь высокую значимость категории «деяния» в уголовном праве, нельзя не отметить уязвимость законодательной формулы, согласно которой преступление тождественно учиненному действию или бездействию. Само словосочетание «преступление есть деяние» противоречиво как по форме, так и по существу. Формально категория деяния (действие или бездействие) характеризует только один из объективных признаков преступного посягательства. За его рамками остаются общественно опасные последствия и иные объективные обстоятельства совершения преступления. Однако данный аспект не столь принципиален, если учитывать, что с позиции объективной стороны только деяние свойственно всем без исключения составам преступных посягательств. Главное заключается в сущностных аспектах рассматриваемой проблемы. По логике законодателя и уголовно-правовой теории, деяние представляет собой осознанный волевой акт правоисполнителя, направленный на причинение вреда охраняемому объекту. Конкретные формы выражения преступного деяния описываются в диспо-

зициях составов преступлений, предусмотренных Особенной частью уголовного закона. В итоге можно предположить, что для констатации преступления объективно вполне достаточно установления факта совершения лицом определенного действия или бездействия. Между тем нормотворческая и правоприменительная практика свидетельствуют об ином. В ходе уголовно-правовой оценки содеянного как преступления, помимо самого деяния, содержащего признаки состава преступления, чрезвычайно важны обстоятельства его совершения и последующие поступки виновного лица. Во многих ситуациях соблюдение уголовно-правовой обязанности не ограничивается простым воздержанием от совершения деяния. Законодатель использует все возможные стимулы надлежащего поведения правоисполнителя, направленные на недопущение негативного воздействия на охраняемый объект даже после учинения им соответствующего поведенческого акта. Примером тому может послужить положение о добровольном отказе от преступления. Согласно ч. 1 ст. 31 УК РФ добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. Что особенно примечательно, прекращение соответствующего деяния разновидностью преступления не рассматривается. В соответствии с ч. 2 ст. 31 УК РФ добровольный отказ от преступления исключает уголовную ответственность. Категория «исключение ответственности» в данном случае автоматически снимает с повестки вопрос о преступной природе совершенного действия или бездействия. В этом отношении следует согласиться с Ю.Е. Пудовочкиным в том, что «с прекращением лицом своей противоправной деятельности, сама эта деятельность теряет характер приготовления или покушения на преступление. Следовательно, в действиях, направленных на совершение преступления и завершившихся добровольным прекращением, отсутствует вина лица и общественная опасность»¹. Как следствие, исключается преступление в целом.

¹ Пудовочкин Ю.Е., Дорогин Д.А. Указ. соч. С. 182–183.

Будет справедливым представить другую позицию по данному вопросу, обозначенную А.П. Козловым. Исследователь хотя и признает пресеченную (приготовление к преступлению и покушение на преступление) и прекращенную (добровольный отказ) преступную деятельность категориями, взаимоисключающими по причинам возникновения и разнонаправленности существования, но обосновывает их в качестве разновидностей преступления¹.

Проанализируем основные доводы автора. А.П. Козлов обращает основное внимание на то, что норма о добровольном отказе от преступления размещается в главе уголовного закона, именуемой «Неоконченное преступление». Подобное местоположение обозначенной нормы служит первым аргументом в пользу отождествления добровольного отказа от преступления с видом преступной деятельности². Однако здесь уместно напомнить, что категории «преступление» и «неоконченное преступление» законодателем не отождествляются. В частности, приготовление к преступлению как первая разновидность неоконченного преступления в отдельных случаях не может признаваться преступлением ни при каких обстоятельствах. В соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Становится очевидным, что по смыслу закона преступление неотделимо от последствий в виде уголовной ответственности. Поскольку добровольный отказ от преступления уголовную ответственность исключает, видом преступления он являться не может.

Сделанное заключение опровергает и последующие аргументы А.П. Козлова в пользу того, что до самого отказа от преступления лицо совершает действия или бездействие, которые в перспективе могли быть признаны преступлением³. Если правоисполнитель добровольно прекращает начатую преступную деятельность, то уже совершенное на данный момент времени деяние выводится из-под угрозы уголовного наказания.

¹ См.: Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 3: Понятие преступления. С. 119, 260–262.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

Другим примером отсутствия признаков преступления в деянии, предусмотренном диспозицией соответствующего состава, вполне может послужить поведение, отраженное одним из стимулирующих примечаний к статьям Особенной части уголовного закона. Так, согласно примечанию к ст. 222 УК РФ, лицо, добровольно сдавшее предметы, перечисленные в указанной статье, освобождается от уголовной ответственности. Особенность описанной ситуации состоит в том, что при приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке или ношении оружия, его основных частей, боеприпасов лицо полностью воплощает в реальной действительности объективную сторону состава преступления. В то же время выполнение условий, описанных в примечании к ст. 222 УК РФ, исключает преступность содеянного. Обвинительный приговор в таком случае судом не выносится.

Несколько противоречиво выглядит позиция по рассматриваемому вопросу правоприменителя. Согласно п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», «добровольная сдача огнестрельного оружия и других предметов, указанных в статьях 222–223¹ УК РФ, не означает отсутствие в деянии состава преступления, поэтому прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования в соответствии с примечаниями к этим статьям не влечет реабилитацию лица, совершившего преступление»¹.

Из представленных разъяснений видно, что совершение преступления не связывается с фактом привлечения лица к уголовной ответственности, подтвержденным вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Помимо прямого противоречия презумпции невиновности, точка зрения Пленума Верховного Суда РФ диссонирует с социальным предназначением стимулирующего положения, закрепленного примечанием к ст. 222 УК РФ. По его логике, правоисполнителю, направившему свои усилия против охраняемого уголовным законом объекта, дается дополнительный шанс выполнить уголовно-правовую обязан-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

ность и тем самым оставить свою биографию без криминального отпечатка. Однако выраженное желание Пленума Верховного Суда РФ вывести анализируемое уголовно-правовое положение из числа реабилитирующих оснований явно не способствует стимулированию граждан к добровольной сдаче оружия. На правоприменительном уровне лицо, добровольно сдавшее запрещенные к обороту предметы, оценивается в качестве преступника. Едва ли многие правонарушители откликнутся на призыв к добровольному прекращению запрещенной уголовным законом деятельности, который не носит реабилитирующего начала.

Ситуация осложняется тем, что по закону не может признаваться добровольной сдачей соответствующих предметов их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию. Конституционность данного положения безуспешно пытался оспорить гражданин Р.Р. Габдрахманов, по мнению которого примечание к статье 222 УК РФ, «побуждая лицо к даче показаний против себя, позволяет не признавать добровольной сдачей оружия добровольное сообщение виновного о совершенном преступлении, а также не обязывает принимающих такое заявление субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность или дознание, сообщать заявителю о уже состоявшемся изъятии предмета преступления»¹. Однако судебный орган конституционного контроля счел, что «добровольная сдача предметов, находившихся в незаконном обороте, не тождественна заявлению о явке с повинной, которое понимается как добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении»².

Представленные позиции высших судебных инстанций относительно юридических условий и последствий реализации примечания к ст. 222 УК РФ явно расходятся с миссией уголовного закона, функциональное предназначение которого заключается в использовании любых правовых возможностей удержания

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23 октября 2014 г. № 2513-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габдрахманова Рамиля Равилевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 222 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.01.2021).

² Там же.

правоисполнителя от посягательств на охраняемые объекты. Своими решениями они способствуют тому, чтобы в определенных случаях человеку было предпочтительнее скрыть факт хранения оружия, его основных частей и боеприпасов, тем самым продолжая создавать угрозу общественной безопасности. Иначе стремление прекратить запрещенную уголовным законом деятельность может обернуться для проявившего активность лица негативными последствиями. Поставив на противоположные чаши весов «сохранность объекта» и «неотвратимость ответственности», судебная система усматривает преобладание значимости второго направления деятельности. Однако с позиции эффективности уголовно-правовой охраны социально значимых интересов желание правоприменителя найти все возможные варианты признания преступником и привлечения к ответственности человека, демонстрирующего готовность своим поведением устранить созданную угрозу, логичному объяснению не поддается. Уголовное право не требует тотального осуждения лиц, совершающих предусмотренные уголовным законом деяния. Напротив, обеспечивая поставленные перед ним задачи на уровне правоприменения, гораздо продуктивнее изыскивать возможности освобождения от уголовной ответственности оступившихся граждан, деятельно доказывающих приемлемое отношение к интересам личности, общества, государства, мира и безопасности человечества.

Таким образом, отождествление преступления с конкретным деянием противоречит алгоритму установления преступного посягательства, предполагающего оценку судом не только совершенного действия или акта бездействия, но и иных обстоятельств содеянного, последующих поступков правоисполнителя и его личности.

Внося должную ясность в сложившуюся ситуацию с научным и правоприменительным толкованием категории «деяние», соответствующий признак преступления предпочтительнее поименовать как «поведение». В отличие от деяния понятие поведения охватывает целую систему поступков, имеющих уголовно-правовое значение для оценки содеянного. Отправным поступком исследуемой цепи следует считать деяние (действие или бездействие), описанное диспозицией

уголовно-правовой нормы, совершение которого служит основанием для постановки вопроса об уголовном правонарушении. При этом совершенное деяние отражает только характер общественной опасности содеянного, но не высвечивает ее степень. Решая задачу по установлению степени общественной опасности преступления, суд изучает обстоятельства содеянного и личность учинителя вреда. Нередко его сопутствующие вредоносному деянию и последующие поступки носят нейтральный или ярко выраженный негативный характер. В таком случае суд констатирует преступление. Однако деятельное желание правоисполнителя загладить учиненный вред или предотвратить более значимые последствия не остается без внимания правоприменителя. При наличии к тому формальных оснований лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности свидетельствует об отсутствии в оцениваемом поведении субъекта признаков преступления. Сделанное заключение базируется на идее о том, что совершивший соответствующее деяние человек на момент вынесения судебного решения не представляет угрозы охраняемым уголовным законодательством объектам. Отсутствие в содеянном признаков общественной опасности автоматически исключает его преступность.

Между тем внушительная часть ученых-криминалистов придерживается противоположной точки зрения. Поступки лица после учиненного вредоносного деяния уголовно-правовой доктрине известны в рамках теории постпреступного поведения. Уже само наименование данного исследовательского направления заведомо не допускает исключения преступности деяния с учетом последующего позитивного поведения лица. Постпреступное поведение обосновывается в качестве феномена, имеющего самостоятельное уголовно-правовое значение. Как отмечает Р.А. Сабитов, «все посткриминальные юридические факты являются правообразующими, поскольку они вызывают дополнительные посткриминальные правоотношения. Однако относительно основного уголовного правового отношения они выступают в качестве либо правоизменяющих, либо правопрекращаю-

щих»¹. Представленную позицию разделяет В.Ю. Ивонин, по мнению которого, «позитивное посткриминальное поведение является юридическим фактом, который одновременно выступает в качестве правопрекращающего охранительное правоотношение и в качестве правообразующего поощрительное правоотношение»².

Сформулированные суждения содержат ряд моментов, требующих критической оценки. Первый касается убедительности вывода о том, что охранительное правоотношение прекращается фактом позитивного посткриминального поведения. Подобное толкование охранительного правоотношения обусловлено искаженным пониманием исследователями функционального предназначения отрасли уголовного законодательства. Когда идет речь о поведении вменяемого физического лица, достигшего предусмотренного уголовным законом возраста, реализация в отношении него охранительного правоотношения не ограничивается какими-либо сроками и обстоятельствами. Публичная обязанность воздерживаться от совершения преступления, обеспечивающая сохранность интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества, сопровождает субъекта уголовно-правового отношения перманентно. Охранительное правоотношение возникает с момента приобретения лицом статуса правоисполнителя и не прекращается никогда. Единственное исключение, когда лицо перестает быть носителем публичной уголовно-правовой обязанности, связано с утратой им признаков вменяемости. В связи с этим ситуация с охранительным правоотношением никак не меняется в случае, если после совершения соответствующего деяния человек демонстрирует выраженное желание загладить причиненный вред. Он продолжает быть обязанным уголовным законом воздерживаться от посягательств на охраняемые объекты.

Необходимо оговориться, что персонализация правоисполнителя, оказавшего негативное воздействие на охраняемый объект, является поводом для возник-

¹ Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). Томск, 1985. С. 120.

² Ивонин В.Ю. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части уголовного законодательства и его применение органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 8.

новения другого правоотношения, обусловленного предупредительной задачей уголовного закона. В то же время уголовно-правовое отношение предупредительного характера возникает только после вступления в силу решения, принятого судом по уголовному делу. Суд может вынести обвинительный приговор или при наличии к тому оснований своим постановлением освободить лицо от уголовной ответственности.

Следующее серьезное сомнение связано с тем, что позитивное посткриминальное поведение является основанием возникновения поощрительного правоотношения. По логике сторонников анализируемой теории, хронологически сначала лицо совершает преступление и затем, в связи с последующими позитивными поступками, поощряется освобождением от уголовной ответственности. Однако здесь возникает резонный вопрос относительно целесообразности поощрения лица, совершившего преступление. И.А. Тарханов объясняет это тем, что «уголовно-правовое поощрение может быть и не связано с каким-либо “перевыполнением” субъектом возложенной на него обязанности. Установление поощрения не означает, что поступки субъектов за пределами поощрительной сферы утрачивают от этого качество правомерности. Непоощряемое поведение нельзя отождествлять с неправомерным»¹.

Несложно догадаться, что суть обнаруженной проблемы заключается в используемой терминологии. Категория «поощрение» традиционно ассоциируется с неординарным поведением, заслуживающим особого одобрения. Исходя из здравого смысла, в уголовно-правовом отношении поощрения достойно только такое лицо, которое не только выполнило свою обязанность по воздержанию от совершения преступления, но и активно способствовало предотвращению вреда охраняемым уголовным законом объектам. Подобное поведение свойственно человеку, реализующему свое право на необходимую оборону, задерживающему преступника, предотвращающему опасность для охраняемых объектов. Правоисполнители, склонные к нейтральному и тем более криминальному поведению, ника-

¹ Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. С. 26.

кого поощрения заслуживать не могут. Не случайно в силу обнаруженного терминологического противоречия из анализируемого учения выделилась теория компромисса в уголовном праве, которая нашла многих последователей¹.

Заключительный, но по своей значимости главный момент связан с тем, что представители уголовно-правовой доктрины не дают однозначного ответа на вопрос относительно статуса лица, освобождаемого от уголовной ответственности вследствие постпреступного позитивного поведения. Ответ на него должен быть предельно категоричным: соответствующее лицо рассматривается в качестве преступника либо не признается таковым.

По мнению И.Э. Звечаровского, при посткриминальном позитивном поведении «соблюдение требований уголовного закона его адресатами – правомерное уголовно-правовое поведение – влечет за собой положительную основанную на уголовном законе оценку (одобрение) со стороны государства и (факультативно) поощрение, т.е. позитивную уголовную ответственность»². По авторской логике, своим постпреступным поведением лицо выполняет уголовно-правовую обязанность и его поведение заслуживает одобрения. Свои суждения ученый основывает на теории позитивной уголовной ответственности. Один из ее активных разработчиков В.А. Елеонский доказывал, что «объективная сторона позитивной ответственности выражается в тех уголовно-правовых запретах, которые содержат требования к личности не причинять ущерба охраняемым законом социальным благам. Ее субъективная сторона выражается в том, что человек осознает уголовно-правовые запреты и руководствуется содержащимися в них требованиями. Человек поступает ответственно с точки зрения уголовного права в тех случаях, когда его поведение безупречно»³. Опираясь на авторскую терминологию, можно конста-

¹ См.: Аликперов Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 19; Семин А.А. Уголовно-правовой компромисс и его влияние на ответственность субъекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2006. С. 5; Тверских А.И. Уголовно-правовой компромисс: понятие и социальная сущность // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 40. С. 88; Шатихина Н.С. Институт медиации в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 13.

² Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. М., 2009. С. 20.

³ Елеонский В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань, 1979. С. 26–27.

тировать, что позитивная уголовная ответственность свойственна только законопослушному правоисполнителю, не нарушавшему свою уголовно-правовую обязанность.

Трудно не заметить, что представленное толкование понятия «позитивная уголовная ответственность» явно противоречит смыслу категории «постпреступное поведение». По логике исследуемой теории, факт совершения преступления не препятствует выполнению уголовно-правовой обязанности посредством последующего позитивного поведения лица. Однако невозможно представить, каким образом лицо своим постпреступным позитивным поведением выполняет уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления, если оно уже его совершило. Несовместимость понятий «постпреступное поведение» и «позитивная ответственность» очевидна. Совершая преступление, правоисполнитель нарушает уголовно-правовую обязанность и должно быть подвергнуто мерам уголовно-правового характера. Поэтому освобождение от уголовной ответственности как форма проявления уголовной ответственности, именуемой теоретиками «позитивной», никак не соотносится с преступной деятельностью лица.

Предметные пояснения по выявленной коллизии пытается дать другой сторонник теории постпреступного позитивного поведения В.Ю. Ивонин. В соответствии с авторской точкой зрения, «освобождение от уголовной ответственности заключается в освобождении лица, совершившего преступление, от отрицательной оценки его поведения государством, выраженной судом в форме обвинительного приговора. При этом негативная оценка содеянного в процессуальном акте правоприменительных органов сохраняется (осуждение в широком смысле слова как порицание его действий), но виновное лицо не подвергается осуждению, связанному с назначением уголовного наказания (осуждение в узком смысле слова)»¹.

Позиция автора хотя и вызывает определенный интерес в теории, но не соответствует логике уголовного законодательства. Следует акцентировать внима-

¹ Ивонин В.Ю. Указ. соч. С. 11.

ние на том обстоятельстве, что уголовно-правовое осуждение органически связано с фактом совершения преступления, установленным вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Лицо, осужденное за преступление, на определенный период приобретает статус судимого (ч. 1 ст. 86 УК РФ). При этом в уголовном праве осуждение не может быть «широким» или «узким». То, что В.Ю. Ивонин именуется осуждением в широком смысле слова, предполагает процедурные нюансы, разрешаемые в рамках отрасли уголовно-процессуального законодательства. Они не имеют никакого отношения к пониманию осуждения лица в материальном аспекте, отражающем существо рассматриваемой уголовно-правовой проблемы. Процессуальными документами по уголовному делу, за исключением вступившего в законную силу обвинительного приговора суда, социальная и правовая оценка содеянному не дается. Значение подобных документов ограничивается организацией движения уголовного процесса в правовом русле. Отраженные их содержанием действия и решения правоприменителя обеспечивают охрану и реализацию прав и законных интересов участников процесса. Велика роль процессуальных документов в формировании доказательственной базы. Однако единственным документом, официально от имени государства признающим виновное лицо преступником, является вступивший в законную силу обвинительный приговор суда. В противном случае нивелируется гарантированная Конституцией РФ презумпция невиновности.

Отстаивая состоятельность теории посткриминального позитивного поведения, И.Ш. Галастьян сосредотачивает внимание научной общественности на других аргументах. «Действия лица после совершения им преступления, – отмечает автор, – не могут изменить характера и юридической оценки деяния, уничтожить преступление и превратить преступное в непроступное, но при этом положительное постпреступное поведение лица может свидетельствовать о сниже-

нии или утрате им общественной опасности, что также является одним из условий применения к лицу освобождения от уголовной ответственности»¹.

Наблюдается явно выраженное желание автора искусственным образом отделить общественную опасность преступления от общественной опасности лица, его совершившего. Однако ранее в настоящем исследовании была доказана нежизнеспособность подобной теории. Единственным источником и носителем общественной опасности может быть человек, который своим поведением нарушил уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления. В связи с этим общественная опасность деяния органически неотделима от личности виновного.

Кроме того, авторское выражение «действия лица после совершения им преступления не могут изменить характера и юридической оценки деяния, уничтожить преступление и превратить преступное в непроступное» само по себе внутренне противоречиво. Подразумеваемые действия лицо совершает до судебной оценки содеянного. Исходя из презумпции невиновности, на данном этапе юридически оно не считается преступником. Представившаяся возможность загладить причиненный вред как раз способствует оступившемуся человеку избежать осуждения обвинительным приговором суда.

В описываемой И.Ш. Галастяном ситуации, когда лицо вследствие своего положительного поведения к моменту вынесения судебного решения утрачивает общественную опасность, автоматически исключается общественная опасность содеянного в целом. Материальным основанием освобождения лица от уголовной ответственности становится то обстоятельство, что оно не представляет реальной угрозы охраняемым уголовным законом объектам. Привлечение его к уголовной ответственности превращало бы уголовный закон в инструмент отпущения за учиненное деяние.

Все изложенное позволяет констатировать, что еще одним существенным признаком преступления выступает его юридическое последствие в форме уго-

¹ Галастьян И.Ш. Освобождение от уголовной ответственности в связи с положительным постпреступным поведением виновного: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2007. С. 14.

ловной ответственности. В свое время Я.М. Браинин достаточно точно определил уголовную ответственность в качестве основанной на нормах уголовного права обязанности лица, совершившего преступление, подлежать действию уголовного закона при наличии в поведении виновного предусмотренного этим законом состава преступления¹. Характеризуя уголовную ответственность, ученый вполне обоснованно акцентировал первоочередное внимание на ее связи именно с преступлением, а не составом преступления. Для привлечения лица к уголовной ответственности наличия состава преступления явно недостаточно. Состав преступления ограничивается только такими признаками учиненного деяния, которые отражают характер общественной опасности. За пределами его содержания остаются конкретные обстоятельства содеянного, свойства и качества личности виновного, имеющие принципиальное значение для установления степени общественной опасности. С помощью упомянутых характеристик уточняется объект и индивидуализируется субъект уголовного правонарушения. В итоге преступление приобретает завершённый вид, позволяющий правоприменителю решить важный вопрос о необходимом и достаточном объеме возлагаемой на виновное лицо уголовной ответственности с учетом объективных и субъективных признаков вредоносного деяния, состояния пострадавшего объекта, желания правоисполнителя выправить сложившуюся конфликтную ситуацию. Представленный алгоритм применения уголовной ответственности корреспондирует с уголовно-правовым принципом справедливости, требующим соответствия наказания и иных мер уголовно-правового характера характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Признание уголовной ответственности юридическим следствием преступления в науке может встретить упреки ученых с позиции ее основания. Однако изложенные суждения не порождают никакого противоречия с содержанием ст. 8 УК РФ, согласно которой основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Лексическое значение категории «основание» ис-

¹ См.: Браинин Я.М. Указ. соч. С. 25.

толковывается как «опорная часть» чего-то целого¹. По этой причине закономерен вывод о том, что состав преступления представляет собой только базовую часть уголовно-правового феномена, именуемого преступлением. Совершение соответствующего действия или акта бездействия является своего рода сигналом для правоприменителя о необходимости проверки поведения лица на предмет его преступности. При этом без криминообразующего состава само преступление констатировано быть не может, но юридически вполне допустим противоположный сценарий. Речь идет об установлении правоприменителем признаков мало-значительности деяния или оснований освобождения лица от уголовной ответственности. В подобных ситуациях, несмотря на формальную констатацию состава преступления, преступление как таковое обвинительным приговором суда не подтверждается.

Изложенную позицию относительно соотношения понятий «преступление» и «состав преступления» целесообразно конвертировать в самостоятельный признак преступления. В ч. 1 ст. 14 УК РФ есть смысл подчеркнуть, что преступление представляет собой поведение лица, содержащее признаки предусмотренного уголовным законом состава преступления. Предлагаемая формулировка позволит снять целый пласт вопросов по поводу природы диалектической связи состава преступления и преступления. Настоящее исследование оперирует достаточным количеством аргументов в пользу того, что она образована по формуле «часть и целое». Состав преступления предстает лишь в качестве формальной основы более емкого формально-материального феномена, именуемого преступлением.

Что особенно важно, обосновываемый признак преступления решает проблему, связанную с выборочным включением в содержание ч. 1 ст. 14 УК РФ признаков состава преступления. Речь идет о таких признаках, как деяние и виновность. Совершенно очевидно, что они заимствованы из двух структурных элементов состава преступления. При этом использование категорий деяния и вины в качестве самостоятельных признаков преступления не привносит в их содержание ничего нового. Они остаются формально-типовыми признаками всех без исклю-

¹ См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 461.

чения составов, закрепленных Особенной частью уголовного закона. Их унифицированные модели представлены в содержании уголовного закона и обоснованы уголовно-правовой теорией. С учетом сказанного высвечивается корень обнаруженной проблемы. Если исходить из того обстоятельства, что преступление есть конкретное поведение человека, совершенно непонятной остается потребность законодателя в ч. 1 ст. 14 УК РФ возвышать значимость одних признаков криминообразующего состава над другими. Дифференцированный подход приемлем для анализа состава преступления как некой абстрактной теоретической конструкции. В науке уголовного права он позволяет выделить так называемые обязательные и факультативные признаки состава преступления. Однако в официальной дефиниции, закрепленной в ч. 1 ст. 14 УК РФ, акцент на отдельных признаках состава преступления провоцирует неоднозначное восприятие его существенных связей с преступлением. Может сформироваться ложное впечатление, что преступление основывается только на таких признаках состава преступления, как «деяние» и «вина». В действительности формальной основой преступления выступает вся совокупность признаков соответствующего состава, предусмотренного уголовным законом. Каждое преступное посягательство охватывает хотя и типовую, но всегда неповторяемую и конструктивно завершенную модель объективных и субъективных признаков состава преступления. К их числу могут относиться мотив и цель преступления, его последствие, причинно-следственная связь между деянием и последствием, место, время, орудие совершения преступного посягательства и т.д. В представленном ряду криминообразующих признаков, формирующих формальную оболочку преступления, отсутствуют какие-либо причины выделять именно деяние (действие или бездействие) и виновность. На основании изложенного обосновываемый признак преступления «поведение лица, содержащее признаки предусмотренного уголовным законом состава преступления» усилит значение состава преступления в исследуемой дефиниции.

Следующим признаком преступления, предусмотренным ч. 1 ст. 14 УК РФ, выступает запрещенность уголовным законом. В уголовно-правовой литературе его нередко ассоциируют с противоправностью содеянного. Однако сущность за-

прещенности уголовным законом и ее соотношении с противоправностью деяния исследователями истолковывается своеобразно. Так, один из основоположников теории преступления Н.Д. Дурманов не обнаруживал между указанными категориями принципиальных отличий. На его взгляд, «норма уголовного права дает юридическое выражение материального признака преступного деяния. Поэтому все ее определения в принципе охватывают признаки общественной опасности, и деяние, обладающее в целом такими признаками, запрещается нормой, объявляется противоправным»¹.

Позиция ученого, отстаивающего идею объективного выражения общественной опасности в категории противоправности, отчасти справедлива. Нет никаких сомнений в том, что диспозиция закрепленной уголовным законом нормы отражает усредненный характер общественной опасности соответствующего поступка правоисполнителя. Однако явно выраженное стремление исследователя к полному отождествлению категорий противоправности и общественной опасности деяния как минимум нивелирует уголовно-правовое значение одной из них. По логике представленных Н.Д. Дурмановым суждений, в определении преступления вполне можно ограничиться смысловой нагрузкой понятий «запрещенность уголовным законом», «противоправность» или «общественная опасность».

Некоторые акценты в создавшейся терминологической неувязке пытался расставить М.И. Ковалев, по мнению которого, «признание деяния противоправным представляет собой официальное признание государством общественной опасности соответствующего поступка. Запрещение же его уголовным законом – это признание значительной степени его общественной опасности. Таким образом, объявление поступка уголовно наказуемым является политическим актом государственной власти»².

Автор абсолютно прав в части того, что своим решением о признании деяния преступным государство констатирует его фактическую угрозу сложившемуся в обществе материальному порядку. Между тем сложно представить содержа-

¹ Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М.; Л., 1948. С. 184.

² Ковалев М.И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации. Свердловск, 1977. С. 29–30.

ние и процедуру предлагаемого порядка признания деяния противоправным и запрещенным уголовным законом. По замыслу автора, категории противоправности и запрещенности уголовным законом следует различать, исходя из последовательной констатации государством общественной опасности деяния или его значительной степени общественной опасности. Но какие-либо предметные пояснения относительно сущности, специфики, форм закрепления «общественной опасности» и «значительной степени общественной опасности» исследователем не даются.

Обращаясь к непосредственному содержанию каждой из ранее упомянутых категорий, изначально стоит обратить внимание на уязвимость формулировок «запрещенность уголовным законом» и «уголовно-правовой запрет» с позиции уголовно-правового статуса правоисполнителя. Как справедливо отмечает Б.Т. Разгильдиев, «категория “запрет” не является правовой. В социальном смысле она близка к обязанности. Таким образом, в известном смысле получается тавтология «обязанность не нарушать обязанность». Но и иное толкование названного термина не верно по сути. Речь идет об обязанности не нарушать не запрет сам по себе, а то, что стоит за ним. За ним же стоит преступление. Поэтому будет правильно говорить об обязанности не совершать преступление»¹.

В развитие представленной мысли следует подчеркнуть, что нарушение уголовно-правовой обязанности не тождественно и понятию противоправности. Здесь стоит признать правоту Г.П. Новоселова в том, что «одно дело, когда нас интересует оценка деяния с позиций существующих норм права вообще, его несоответствие, противоречие им, и совсем другое, когда речь идет об отношении деяния к уголовно-правовым нормам, предусмотренности ими подобного деяния в качестве преступления. В последнем случае ни о чем, кроме как о соответствии, предусмотренности деяния уголовным законом, говорить не приходится, и, стало быть, нельзя объединять в рамках одного и того же понятия противоправности две исключаящие друг друга характеристики понятия преступления: несоответ-

¹ Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ. Саратов, 1994. С. 198–199.

ствие деяния нормам права (или, как ранее говорилось, правопорядку в целом) и соответствие деяния уголовному закону»¹.

Противоправность представляет собой лишь атрибут неисполненной уголовно-правовой обязанности, предполагающий противоречие учиняемого действия или бездействия предписаниям какой-либо регулятивной отрасли законодательства. Например, нарушение неприкосновенности жилища, будучи преступлением, изначально противоречит жилищному законодательству. Согласно ч. 2 ст. 3 ЖК РФ, «никто не вправе проникать в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан иначе как в предусмотренных настоящим Кодексом целях и в предусмотренных другим федеральным законом случаях и в порядке или на основании судебного решения». При этом описанное деяние по факту не противоречит, а полностью соответствует диспозиции нормы ст. 139 УК РФ «Нарушение неприкосновенности жилища». Юридически данное соответствие оценивается в качестве нарушения правоисполнителем своей уголовно-правовой обязанности по воздержанию от посягательства на неприкосновенность жилища. Аналогичным образом решается вопрос с противоправностью иных деяний, предусмотренных уголовным законом.

Наряду с запрещенностью деяния, уголовно-правовую противоправность исследователи нередко связывают с угрозой наказания. В свое время Н.Д. Дурманов подчеркнул, что «наказываться может только запрещенное деяние, но не повреждение правового блага как таковое. Если бы угроза наказания непосредственно основывалась на неприкосновенности правового блага, то она последовательно должна была бы выразиться в установлении наказания за любое повреждение или поставление в опасность этого блага. Однако наказание угрожает в большинстве случаев только за определенное деяние, например из многочисленных нарушений правового блага – чужой собственности наказываются лишь единичные случаи – кража, разбой и т.п.»².

¹ Новоселов Г.П. Указ. соч. С. 110.

² Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 97-98.

Обозначенная идея находит своих сторонников и сегодня¹. Однако ее убедительность вызывает сомнения. В отличие от сущностных признаков преступления угроза наказания поведение правоисполнителя никак не характеризует. Конкретизируя вероятные юридические последствия совершения предусмотренного уголовным законом деяния, она является неотъемлемым свойством уголовно-правовой обязанности, мотивирующим ее надлежащее исполнение. Угроза наказания с высокой вероятностью может реализоваться тогда, когда преступление констатировано вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. В то же время речь идет именно об угрозе, предполагающей два важных момента. Во-первых, уголовный закон предусматривает основания освобождения от назначенного наказания. В некоторых случаях назначенное виновному лицу наказание не отбывается им даже частично, например при освобождении от наказания в связи с изменением обстановки, болезнью или истечением сроков давности обвинительного приговора суда, отсрочкой от отбывания наказания, амнистией. Во-вторых, термин «угроза» подчеркивает, что уголовно-правовая обязанность не ограничена во времени независимо ни от каких обстоятельств. Угроза наказания перманентно стимулирует правоисполнителя к воздержанию от общественно опасного поведения, а в случае констатации такового обвинительным приговором суда побуждает преступника к последующему позитивному поведению. Совершивший преступление человек продолжает быть обязанным под угрозой наказания воздерживаться от совершения последующего преступного посягательства. При этом применение к нему реального наказания за первое общественно опасное поведение отнюдь не нивелирует значимости угрозы наказанием за новое потенциальное преступление. В подобных ситуациях требование, предъявляемое лицу в рамках охранительных правоотношений, усиливается посредством временного возникновения предупредительных правоотношений, основывающихся на принудительных ресурсах уголовного закона, что полностью соответствует механизму решения задач, стоящих перед охранительной отраслью законодательства (ст. 2 УК РФ).

¹ См.: Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 3: Понятие преступления. С. 85.

Таким образом, одним из самостоятельных признаков преступления выступает обязанность воздерживаться от него под угрозой уголовного наказания, возлагаемая на правоисполнителя. Штрих немаловажный, поскольку уголовный закон вообще не оперирует категорией «уголовно-правовая обязанность». Дополнив содержание преступления обозначенным признаком, законодатель конкретизирует, что уголовно-правовой статус вменяемого физического лица, достигшего возраста уголовной ответственности, основывается на обязанности воздерживаться от общественно опасного поведения, обеспечиваемой угрозой уголовного наказания.

В заключительной части стоит отметить, что сегодня официально закрепленное понятие преступления лишено признака, уточняющего субъекта, уполномоченного его констатировать. На первый взгляд, поставленный вопрос носит уголовно-процессуальный характер и по существу снят в связи с закреплением известного положения о презумпции невиновности в Конституции РФ, продублированного в уголовно-процессуальном законе. В соответствии с ч. 1 ст. 14 УПК РФ «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». В то же время процитированное содержание презумпции невиновности наполнено категориями, имеющими уголовно-правовую природу. Речь идет о понятиях «виновность», «невиновность», «преступление». Они формируют материальное основание презумпции невиновности, которое нельзя не отразить в отрасли уголовного законодательства. Обозначенный аспект имеет принципиальное значение, поскольку в уголовно-правовой доктрине и практике применения уголовного закона не сложилось однозначного мнения о субъекте, обладающем прерогативой установления в содеянном признаков преступления. Преимущественным образом разногласия основываются на тех нормах УПК РФ, которые предоставляют некоторым представителям правоохранительных структур возможность освобождать от уголовной ответственности лиц, совершивших предусмотренные уголовным законом деяния. Освобождение от уголовной ответственности традиционно не рассматри-

вается в качестве проявления реабилитации преступника, что косвенным образом подтверждает правомочия отдельных должностных лиц соответствующим постановлением констатировать преступление. Попытка внести ясность в решение обнаруженной проблемы была предпринята Конституционным Судом РФ, который еще в своем Постановлении от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» отметил: «Принятое на основании оспариваемой нормы решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено статьей 49 Конституции Российской Федерации»¹. В то же время орган конституционного контроля проявил максимальную осторожность по анализируемому вопросу и оговорился, что при освобождении лица от уголовной ответственности «вопрос о его виновности остается открытым»².

Между тем решение вопроса о субъекте, уполномоченном констатировать преступление, априори не имеет дискуссионного начала, поскольку напрямую вытекает из соотношения содержания конституционного, уголовного и уголовно-процессуального права. На уровне межотраслевого взаимодействия в приоритете находится незыблемое конституционное положение о презумпции невиновности, смысл которого предполагает признание преступления исключительно судом. В свою очередь уголовно-процессуальное законодательство не может искажать смысл Основного Закона посредством расширения круга субъектов, обладающих правом оценивать содеянное в качестве преступного посягательства. Функциональное назначение уголовно-процессуального закона ограничивается обеспечением практической реализации уголовного законодательства на правоприменительном уровне. Взаимодействие отраслей антикриминального цикла выстраивается по принципу обусловленности уголовно-процессуального права содержанием уголовно-правовой отрасли, формирующей материальную основу противодей-

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45, ст. 5203.

² Там же.

ствия преступлениям. Большинство ключевых вопросов, имеющих уголовно-правовую природу, находят свое отражение непосредственно в тексте уголовного закона. При решении некоторых из них законодатель полагается на теорию уголовного права и правоприменительную практику, которые в состоянии правильно истолковать логику уголовного закона. Ярким примером тому как раз служит ситуация с субъектом, уполномоченным констатировать преступление. Сопоставляя идею презумпции невиновности с уголовно-правовым содержанием вины, несложно сделать заключение о том, что преступление со всеми присущими ему конструктивными признаками может быть юридически установлено только вступившим в законную силу приговором суда. На первый взгляд, сделанное заключение аксиоматично и имеет вполне логичное объяснение. Исключительно судья, обладающий должными профессиональными компетенциями, представляющий самостоятельную и независимую ветвь власти, максимально защищенный от возможного давления со стороны заинтересованных субъектов, вправе и в состоянии выносить справедливое и обоснованное решение о нарушении лицом уголовно-правовой обязанности по воздержанию от преступного посягательства на охраняемый объект. Однако правовая действительность свидетельствует об ином. В определенных уголовно-правовых ситуациях представители науки и правоприменительной практики, ссылаясь на положения уголовного и уголовно-процессуального закона об освобождении от уголовной ответственности, прямо или косвенно допускают возможность признания преступления следователем с согласия руководителя следственного органа и дознавателем с согласия прокурора. Подобный вывод не только противоречит презумпции невиновности, но и лишен всякого здравого смысла. С целью повышения раскрываемости преступлений указанные работники правоохранительных органов крайне заинтересованы в прекращении уголовных дел посредством вынесения постановлений об освобождении от уголовной ответственности лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления. Получается, следователь и дознаватель одновременно заинтересованы в установлении «виновности» соответствующих лиц, поскольку их

возражения против прекращения уголовного преследования по нереабилитирующему основанию требуют дальнейшего производства по делу.

Сложившаяся ситуация актуализирует материальное отражение идеи презумпции невиновности в содержании уголовного законодательства посредством конкретизации субъекта, обладающего прерогативой констатации преступного посягательства. Поставленная задача решается закреплением такого признака преступления, как «установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда».

Сводя круг обсужденных проблем к общему итогу, можно сформулировать определение преступления, которое наполняет анализируемый феномен достаточным уголовно-правовым содержанием. Преступлением признается общественно опасное поведение лица, обязанного воздерживаться от него под угрозой уголовного наказания, содержащее признаки предусмотренного уголовным законом состава преступления, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда и влекущее уголовную ответственность.

В качестве конструктивных признаков преступления выступают:

а) общественно опасное поведение, предполагающее систему поступков учинителя вреда, имеющих уголовно-правовое значение для оценки содеянного. Компонентами преступного поведения следует считать само деяние, формально содержащее признаки состава преступления (характер общественной опасности), а также иную деятельность лица, относящуюся к обстоятельствам совершения соответствующего деяния и характеризующую его личность (степень общественной опасности);

б) наличие в общественно опасном поведении признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством. Предлагаемый признак снимает целый пласт вопросов по поводу природы диалектической связи состава преступления и преступления. Она образована по формуле «часть и целое». Состав преступления предстает только лишь в качестве формальной основы преступления, характеризующегося не только типовой законодательной оболочкой, но и конкретной материальной сущностью;

в) обязанность воздерживаться от преступления под угрозой уголовного наказания. Данный признак уточняет уголовно-правовой статус правоисполнителя, основанный на императивном методе уголовного права. Одновременно он показывает механизм уголовно-правовой охраны социально-значимых объектов и предупреждения преступлений. Задача уголовно-правовой охраны, определяющая функциональное предназначение всей отрасли уголовного законодательства, обеспечивается удержанием человека от совершения преступления под угрозой уголовного наказания. Задача по предупреждению преступлений достигается посредством реализации такого рода угрозы в отношении лиц, нарушивших свою уголовно-правовую обязанность;

г) уголовная ответственность, выражающаяся в применении принудительного ресурса уголовного права к лицу, нарушившему уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления. Уголовная ответственность является неотъемлемым следствием признания лица опасным для общества и нуждающимся в применении к нему наказания и иных мер уголовно-правового характера;

д) констатация преступления вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Названный признак раскрывает материальные аспекты гарантированной Конституцией РФ презумпции невиновности в содержании уголовного законодательства.

Предлагаемое определение преступления существенно отличается от официально закрепленного ч. 1 ст. 14 УК РФ понятия, однако развивает его в материально-отраслевом духе уголовного законодательства. Оно уточняет сущностные свойства и механизм установления преступного посягательства, разрешает проблему соотношения преступления и состава преступления, позволяет провести четкую грань между преступлением и уголовным проступком.

§ 3. Категории преступлений и их установление

Совершенное преступление, будучи воплощением типовой модели криминообразующего состава, во всех случаях характеризуется специфическими и не-

повторяющимися признаками. Вероятность полной идентичности двух и более преступлений приближается к нулю. Доказательствами сказанному служат огромное разнообразие жизненных обстоятельств учиняемых поступков и уникальность личностных характеристик виновных, учитываемых судом в ходе установления общественной опасности уголовных правонарушений. Между тем с целью укрепления в правоприменительной практике уголовно-правовых принципов законности, равенства граждан перед законом и справедливости нормотворцы обозначили критерии категоризации преступлений, обеспечивающие необходимый баланс инструментов дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Предусмотренные ст. 15 УК РФ категории, предопределяя формально допустимые границы оценки преступлений соответствующей группы, одновременно стимулируют судебную ветвь власти к принятию вариативных уголовно-правовых решений. Особенно показательно в данном отношении выглядит предоставленное суду право изменять категорию преступления, реализация которого существенным образом отражается на объеме уголовной ответственности виновного лица. Как справедливо отмечают Ю.Е. Пудовочкин и Н.В. Генрих, «положения ч. 6 ст. 15 УК РФ о возможности изменения категории преступления в суде, пусть и не масштабно (а в больших масштабах они не могут иметь место по определению), но вполне уверенно применяются и занимают свою нишу в структуре средств дифференциации ответственности лиц, совершивших преступления»¹.

Несмотря на высокую значимость рассматриваемой классификации, представители уголовно-правовой теории часто не сходятся во мнении относительно общего понятия, основания и критериев выделения категорий преступлений. Неоднозначно исследователями истолковывается их значение в уголовном законодательстве и правоприменительной практике. Обосновываемые в настоящем исследовании идеи относительно понятия уголовного правонарушения, преступ-

¹ Пудовочкин Ю.Е., Генрих Н.В. Изменение категории преступления судом: теоретико-прикладной анализ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 2 (73). С. 4.

ления, общественной опасности и уголовного проступка позволяют представить новые модели решений обозначенных вопросов.

Обращаясь к содержанию теоретического материала, непосредственно посвященного заявленной тематике, изначально проанализируем одну из первых развернутых дефиниций категорий преступлений, предложенных Н.Г. Кадниковым. «Категория преступлений – обособленная группа определенных видов преступлений, объединенных общностью признаков, выделяемых уголовным законом в системе однородных, себе подобных явлений, в основе которых лежит их тяжесть, выраженная в типовой санкции, и за совершение которых предусмотрены специфические уголовно-правовые последствия»¹. Сразу же обращает на себя внимание то обстоятельство, что исследователь формулирует понятие не категорий преступлений как некой завершенной системы, а отдельной категории преступлений. Тем не менее остановимся на содержании представленного определения подробнее.

Исходным признаком категории преступлений автором называется «обособленная группа определенных видов преступлений, выделяемых уголовным законом в системе однородных, себе подобных явлений». Его детальный анализ обнаруживает ряд аспектов, побуждающих к полемике. Во-первых, употребляя фразу «виды преступлений, выделяемые уголовным законом», Н.Г. Кадников со всей очевидностью апеллирует к тем разновидностям преступных посягательств, которые предусматриваются Особенной частью уголовного законодательства. С учетом криминальной направленности оцениваемых деяний в ее структуре образуются разделы, главы, группы статей, отражающие различные уровни взаимосвязи преступных посягательств. Иные виды преступлений, которые было бы правомерно называть однородными, российскому уголовному праву не известны. Однако в ст. 15 УК РФ не приводятся какие-либо перечни преступлений, испытывающие принадлежность к соответствующим категориям. Законо-

¹ Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 11.

датель ограничивается тем, что обозначает критерии, посредством которых категории преступлений устанавливаются.

Во-вторых, обособленная группа преступлений, по концепции Н.Г. Кадникова относящаяся к той или иной категории преступлений, выделяется «уголовным законом в системе однородных, себе подобных явлений». Отсюда прямо вытекает, что речь идет об обособленной группе составов преступлений, предусмотренных уголовным законом. Говоря предметнее, «выделяться» уголовным законом может исключительно состав преступления, тогда как конкретное преступление на его основании констатируется обвинительным приговором суда. Сделанное уточнение немаловажно, поскольку понятие обособленной группы составов преступлений с момента принятия УК РФ достаточно длительное время полностью отражало сущность категоризации преступлений. Уголовный закон и практика его применения ориентировались на формальное установление категории каждого состава преступления по заданным законодателем параметрам вне зависимости от конкретных обстоятельств содеянного и индивидуальных характеристик преступника. Представленный подход заручился поддержкой представителей уголовно-правовой теории. По мнению Т.В. Кленовой, «при определении характера и степени общественной опасности преступлений для целей категоризации преступлений усмотрение правоприменителя, по общему правилу, не допускается. Это компетенция законодательных органов»¹.

Ситуация принципиально поменялась в 2011 г. с дополнением ст. 15 УК РФ частью 6, наделившей суд правом изменять категорию преступления на менее тяжкую. Механизм установления категорий преступлений был адаптирован к конкретному преступлению, включающему наряду с типовой моделью криминообразующего состава динамичные и весьма гибкие элементы уголовного правонарушения, которые охватывают обстоятельства совершенного деяния и личность виновного.

¹ Кленова Т.В. Общественная опасность – истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 142.

Принятое нормотворческое решение позволяет сделать заключение, что категории преступлений представляют собой формально обособленные группы составов преступлений, вопрос о принадлежности к которым конкретных общественно опасных деяний решается судом исходя из обстоятельств содеянного и с учетом личности виновного лица. В представленной формулировке акцент смещается именно на преступление, поскольку на практике правоприменителю важно установить не категорию типового криминообразующего состава, а конкретного деяния.

Продолжая анализ сформулированной Н.Г. Кадниковым дефиниции, стоит заострить внимание на обозначенном основании выделения категорий преступления. В качестве такового предлагается считать тяжесть преступлений, выраженную в типовой санкции. Содержательно тяжесть преступления определяется как «интегрирующий показатель диалектического единства, взаимосвязи и взаимозависимости характера и степени его общественной опасности, индикатором которой, по воле законодателя, выступает с одной стороны, санкция, а с другой, отношение им того или иного преступления к определенной категории»¹.

Учитывая содержание действующего уголовного закона и наработки современной уголовно-правовой теории, представленную позицию нельзя считать бесспорной. В качестве аргументов можно привести два весомых довода. Первый касается убедительности утверждения, согласно которому «понятие “характер и степень общественной опасности” тождественно понятию “тяжесть” преступления»². Подобное тождество вызывает сомнение относительно ценности вводимого в научный оборот понятия. Комментируя данное обстоятельство, Б.Т. Разгильдиев справедливо отмечает: «Категория “тяжесть” в контексте ст. 15 УК РФ законодателем используется в качестве более высокого уровня обобщения. Следует полагать, что необходимость такого рода обобщения может обосновываться только тем, что слово “тяжесть”, во-первых, более точно отражает уровни общественной опасности, нежели категория “общественная опасность”, во-вторых, по своему

¹ Кадников Н.Г. Указ. соч. С. 11.

² Там же. С. 35.

содержанию “тяжесть” более содержательна и понятна правоисполнителям и правоприменителям»¹.

Еще один аргумент против отождествления общественной опасности и тяжести преступления связан с тем, что на сегодняшний день законодатель заведомо не относит то или иное посягательство к строго определенной категории. Он ограничивается установлением критериев отнесения общественно опасного деяния к одной из четырех категорий преступлений, предоставляя суду возможность изменять ее на одну позицию.

Сформулированные суждения полностью соответствуют представленному в ч. 1 ст. 15 УК РФ положению, по смыслу которого основанием категоризации преступлений выступают характер и степень общественной опасности. В специальной литературе подобный подход нередко становится предметом критических замечаний. Так, Ф.Н. Сотсков, настаивая на том, что одна классификация должна выстраиваться на одном критерии, сформулировал следующее предложение: «Категоризацию преступлений следует строить строго по одному критерию – степени их общественной опасности»².

В представленных суждениях обращает на себя внимание необоснованное отождествление Ф.Н. Сотсковым основания и критериев категоризации преступлений. Но это далеко не самое главное. По существу высказанных законодателю упреков Л.В. Лобанова и Л.Н. Ларионова справедливо подчеркнули: «Поскольку тождества в наборах признаков составов преступлений разных видов нет и быть не может, различие между преступлениями разных видов нужно усматривать именно в характере общественной опасности содеянного, причем для нормативной дифференциации преступлений по уровню их общественной опасности этого критерия было бы вполне достаточно, если бы законодатель не придавал существенного значения внутривидовым различиям преступлений... Необходимостью принятия во внимание и межвидовых, и наиболее важных внутривидовых различий преступлений и объясняется, на наш взгляд, потребность в использовании

¹ Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2008. Т. 2. С. 138.

² Сотсков Ф.Н. Указ. соч. С. 11.

при их категоризации как относительно стабильного параметра меры общественной опасности преступления – характера последней, так и подвижной характеристики этой меры – степени общественной опасности деяния»¹.

Таким образом, характер общественной опасности каждого преступления отражен типовым составом преступления, предусмотренным уголовным законом. Будучи формально усредненным, характер общественной опасности предопределяет логику построения уголовно-правовых санкций. Все без исключения уголовно-правовые санкции относительно определенные и обладают достаточными границами для того, чтобы дать объективную оценку любому общественно опасному деянию одного рода. Особую роль играет верхний предел санкции нормы уголовного закона, позволяющий сделать предварительный вывод о принадлежности соответствующего посягательства к той или иной категории преступлений. Но такого рода вывод будет именно предварительным, поскольку для окончательного решения о принадлежности конкретного преступного посягательства к соответствующей категории суду необходимо установить степень его общественной опасности. К разряду признаков, определяющих степень общественной опасности преступления, относятся обстоятельства содеянного и характеристики личности виновного, которые не влияют на уголовно-правовую квалификацию. В итоге предварительный вывод о категории совершенного преступления суд подтверждает либо с учетом пониженной степени общественной опасности содеянного изменяет изначально заданную категорию на менее тяжкую.

Руководствуясь изложенным, алгоритм определения правоприменителем категории преступления логично представить с позиции двух последовательных действий. По формально заданному критерию, позволяющему дифференцировать составы преступлений исходя из характера отражаемой ими общественной опасности, констатируется предварительная принадлежность учиненного деяния к той или иной категории. С учетом степени общественной опасности содеянного при-

¹ Лобанова Л.В., Ларионова Л.Н. Об основании изменения судом категории преступления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 56.

нимается решение о подтверждении предварительно установленной категории преступления или ее изменении на менее тяжкую.

Смысл категоризации преступлений сводится к тому, чтобы подчеркнуть один из четырех уровней общественной опасности совершенного деяния. Реализация задуманного требует уголовно-правовых критериев, позволяющих определить отправную категорию того или иного состава преступления. Поставленная задача решена на законодательном уровне. В соответствии с ч. 2–5 ст. 15 УК РФ формальная принадлежность преступления к определенной категории обусловлена двумя критериями, роль которых на сегодняшний день играют срок наказания в виде лишения свободы и форма вины.

Относительно первого из обозначенных критериев категоризации преступлений некоторые представители уголовно-правовой доктрины высказывают критические замечания. Так, по мнению Г.П. Новоселова, «не вступая в противоречие с логикой, необходимо заключить, что общественная опасность преступления и предусмотренное за него законом наказание могут рассматриваться как два самостоятельных основания классификации: первое позволяет выделить разные по тяжести виды или категории преступлений; второе – разные по тяжести уголовно-правовые санкции»¹. Исследователь полагает, что в основу категоризации преступлений следует заложить «не общественную опасность содеянного, а особенность его правовых последствий – предусмотренного наказания»².

Процитированные суждения достаточно спорные. Основная неточность Г.П. Новоселова состоит в том, что он пытается усмотреть противоречивость уголовного закона в использовании ст. 15 УК РФ двух самостоятельных оснований классификации преступлений и уголовно-правовых санкций. Однако сделанный вывод расходится с уголовно-правовой логикой. Исследователем явно не различаются понятия «основание категоризации» и «критерий категоризации». На самом деле первое (общественная опасность преступления) является материальной предпосылкой второго (максимальный предел наказания, предусмотренный за

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1998. С. 105.

² Там же.

преступление). Что особенно важно, объективная связь между общественной опасностью преступления и содержанием грозящего за его совершение наказания доведена до уровня уголовно-правового принципа. Согласно содержанию ст. 6 УК РФ уголовное наказание должно быть справедливым, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления.

В уголовно-правовой литературе А.М. Трухиным высказано мнение о том, что санкция нормы уголовного закона не может в полном объеме выступать мерилom общественной опасности преступления. Авторская позиция выстраивается на базе концепции, разделяющей общественную опасность преступления и общественную опасность преступника. Ключевой посыл сводится к тому, что предусмотренное уголовно-правовой санкцией наказание не в состоянии учесть всю совокупность индивидуальных особенностей лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние¹.

Уязвимость представленных суждений очевидна. «Общественную опасность преступления» и «общественную опасность преступника» невозможно рассматривать в качестве обособленных конструктивных составляющих общественной опасности в целом. Общественная опасность деяния не существует вне ее источника и носителя, которым признается человек, пренебрегший своей обязанностью по воздержанию от совершения преступления. В противном случае подразумевается некая объективно выраженная вредоносность, лишенная материально-правовых свойств общественной опасности. Важно иметь в виду, что в качестве структурных компонентов общественной опасности законом предусматриваются исключительно ее характер и степень. При этом оба компонента общественной опасности вполне могут быть учтены законодателем в процессе конструирования уголовно-правовых санкций по формуле принципа справедливости. Фундаментальное требование ч. 1 ст. 6 УК РФ обеспечивается наличием в уголовном законе относительно определенных и преимущественно альтернативных санкций, не только ориентирующих правоприменителя в сравнительной тяжести преступле-

¹ См.: Трухин А.М. Тяжесть преступления как категория уголовного права // Уголовное право. 2005. № 2. С. 59.

ний, но и позволяющих суду проявлять необходимую инициативу при оценке конкретных обстоятельств содеянного и личности виновного лица.

Оценивая анализируемый критерий категоризации преступлений, К.А. Долгополов усматривает логическую ошибку законодателя в том, что он определяет общественную опасность деяния через меру наказания. Исследователь пишет: «Очевидно, дело обстоит наоборот, именно общественная опасность преступления определяет соответствующее ему наказание. Это значит, что мы можем устанавливать минимальные и максимальные пределы наказания только после того, как будут определены объект уголовно-правовой защиты и категория преступления»¹. Однако резонно предположить, что с логикой у законодателя все в порядке. Посредством срока наказания в виде лишения свободы он задает типовые уровни общественной опасности обобщенных групп преступлений, характер общественной опасности каждого из которых в отдельности уже выявлен и зафиксирован соответствующей диспозицией нормы Особенной частью уголовного закона. Методологически подобный подход несколько не разбалансирует общественную опасность конкретного преступления и строгость грозящего за его совершение наказания.

Нередко исследователи пытаются усмотреть уязвимое место анализируемого критерия категоризации преступлений в использовании им исключительно верхней планки лишения свободы. На базе математических и статистических методик в научный оборот вводятся понятия «медиана наказания», «равный шаг наказания», «типовая санкция», призванные оптимизировать законодательный алгоритм классификации преступлений². Однако фундаментальные основания их практического применения не наблюдаются. Принимая в расчет главный посыл о том, что санкция нормы уголовного закона есть своего рода отражение характера

¹ Долгополов К.А. Влияние характера и степени общественной опасности совершенного деяния на назначение уголовного наказания // Виктимология. 2015. № 1(3). С. 20.

² См.: Валеев М.Т. Типовая санкция как критерий категоризации преступлений // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 2 (8). С. 29–34; Кондрашков Н.Н. Меры наказания в законе и на практике // Социалистическая законность. 1968. № 2. С. 20–26; Ратьков А.Н. Правовое значение классификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2002. С. 8.

общественной опасности описанного в ее диспозиции деяния, не столь важно, какой именно вид, срок или размер наказания будет служить ориентиром в процессе выделения категорий преступлений. Лишение свободы в этом плане можно считать вполне удачным вариантом. Обозначенное наказание предусматривается практически во всех уголовно-правовых санкциях и обладает весьма широкой «вилкой», позволяющей провести формальную грань между всеми обосновываемыми категориями преступных посягательств.

Вторым критерием, способствующим выделению категорий преступлений, законом обозначена форма вины. Ситуация с ним наукой уголовного права признается далекой от идеала. На главную проблему названного критерия постоянно обращает внимание А.В. Иванчин. Он подчеркивает, что форма вины итак выступает показателем характера общественной опасности преступления. Использование таковой в качестве критерия категоризации преступлений является повторной оценкой одного и того же признака состава преступления¹. Точку зрения А.В. Иванчина полностью разделяет Л.О. Кулева².

В представленных суждениях есть своя логика. Форма вины действительно относится к статичному элементу состава преступления, определяющему важный аспект в характере общественной опасности учиненного деяния. Если исходить из того, что законодатель формирует санкции уголовно-правовых норм, учитывая все предусмотренные в их диспозициях типовые признаки состава преступления, то при определении критериев категоризации преступлений нет никакого резона делать акцент именно на умысле или неосторожности.

Без всякого сомнения, определяясь с формальными границами категорий преступлений, законодатель наряду с другими признаками криминообразующего состава обязан учитывать форму вины. Однако нет никаких весомых оснований

¹ См.: Иванчин А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011. С. 76; Его же. Вина и конструирование состава преступления // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 103.

² См.: Иванчин А.В., Кулева Л.О. К вопросу о критериях категоризации преступлений по Уголовному кодексу РФ // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1 (39). С. 47; Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2019. С. 10–11.

для того, чтобы такого рода учет конвертировался в самостоятельный критерий категоризации преступлений. Необходимый баланс характера общественной опасности умышленного или неосторожного преступления и строгости предусмотренного за него наказания обеспечивается на нормотворческом уровне в конкретной норме уголовного закона. Справедливое соответствие диспозиции и санкции уголовно-правовой нормы является неотъемлемым атрибутом нравственной политики государства по решению поставленных перед отраслью уголовного законодательства задач. Поэтому установления пределов уголовно-правовой санкции вполне достаточно для предварительного вывода о возникшем уровне общественной опасности, характеризующемся всей совокупностью объективных и субъективных признаков, предусмотренных типовой диспозицией преступного посягательства.

Углубляясь в проблему, позиции законодателя относительно рассматриваемого критерия выделения категорий преступлений можно найти некоторое объяснение. На фоне других конструктивных признаков криминообразующего состава формы вины достигли максимального уровня обобщения, который в количественном отношении превосходит даже результат категоризации преступлений. Форм вины две, тогда как категорий преступлений четыре. Между тем форма вины могла бы стать обоснованным критерием категоризации преступлений только при наличии трех важных условий. Во-первых, если бы законодатель преследовал цель по выделению двух, а не четырех уровней тяжести преступлений. Здесь сразу же необходимо подчеркнуть, что наличие четырех видов вины не становится решением задачи по выделению четырех категорий преступлений. С точки зрения уровня своей общественной опасности преступления, совершаемые с прямым умыслом, и аналогичные преступления, совершаемые с косвенным умыслом, не обнаруживают между собой ощутимых отличий. Точно такая же картина складывается с однородными преступлениями, совершаемыми легкомысленно и по небрежности. Виды вины соответствующей формы полностью укладываются в стандартные рамки характера общественной опасности деяния, отраженного диспозицией уголовно-правовой нормы. Сказанное объясняет то обстоятельство, что

в составах Особенной части уголовного закона традиционно указывается форма вины и не выделяются ее виды. Значение видов вины проявляется исключительно на уровне правоприменения в ходе установления степени общественной опасности конкретного поступка.

Во-вторых, формы вины гипотетически могли стать единственным критерием категоризации преступлений, если бы только они определяли уровень общественной опасности совершаемых деяний. Однако в действительности это не так. Уровень общественной опасности неосторожных деяний во многом зависит от специфики деяния и тяжести последствия, предусмотренных объективной стороной криминообразующего состава. В свою очередь уровень общественной опасности умышленных преступлений обусловлен еще более широким спектром объективных и субъективных признаков, закрепленных диспозицией уголовно-правовой нормы.

В-третьих, использование форм вины в качестве критерия категоризации преступлений актуально только тогда, когда не предполагается еще один критерий разделения преступлений на группы, разница общественной опасности умышленного и неосторожного деяния в котором уже учтена. Сущность одного критерия категоризации преступлений не должна быть неотъемлемой составляющей другого. В противном случае высока вероятность нарушения уголовно-правового принципа справедливости.

Судя по содержанию ст. 15 УК РФ, обозначенные условия не соблюдены. Ставя цель по обоснованию четырех уровней общественной опасности, законодатель не в состоянии опираться только на формы вины. При этом строгость наказания, являющаяся еще одним критерием категоризации преступлений, сама по себе уже учитывает умышленность или неосторожность соответствующих деяний. Все изложенное служит доказательством того, что форма вины не вправе претендовать на роль самостоятельного критерия категоризации преступлений.

Представленные соображения отнюдь не умаляют значения форм вины в законодательной классификации преступлений. Однако механизм их учета целесообразно пересмотреть. На первоначальном этапе принципиально важно решить

задачу по разделению категорий преступлений, которые должны и не должны охватывать деяния с умышленной и (или) неосторожной формами вины. Здесь возможны следующие варианты: категории, объединяющие деяния с одной из форм вины; категории, одновременно включающие умышленные и неосторожные деяния. В дальнейшем представленную дифференциацию необходимо отразить в ст. 15 УК РФ посредством критерия, которым выступает срок наказания в виде лишения свободы.

Разработанность уголовно-правовой теории вины позволяет утверждать, что на уровне характера общественной опасности между деяниями, совершаемыми умышленно и по неосторожности, наблюдается колоссальное отличие. Строго говоря, если при умышленном посягательстве лицо демонстрирует высокую готовность к причинению вреда объекту уголовно-правовой охраны, то в ситуации преступной неосторожности такого рода готовность стремится к минимуму. Особенно ярко это утверждение подтверждается представленными в уголовном законе комбинациями интеллектуального и волевого моментов умышленной и неосторожной форм вины. Так, по логике гл. 5 УК РФ, минимальная готовность к общественно опасному поведению свойственна человеку, совершающему преступление по небрежности. Он не только не допускает возможности наступления неблагоприятных последствий своего деяния, но даже ее не предвидит. Преступная небрежность в большей мере свидетельствует о недобросовестном отношении лица к правовым обязанностям, игнорирование которых при определенных обстоятельствах становится причиной наступления вредоносных последствий. Похожая картина наблюдается при легкомысленном поведении, оказывающем отрицательное воздействие на объект уголовно-правовой охраны. Предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своего поведения, соответствующее лицо, хотя и без достаточных к тому оснований, но все же рассчитывает на их предотвращение. Не оправдывая внутреннюю самонадеянность виновного, нельзя игнорировать его стремление исключить общественно опасное последствие своего действия или бездействия. Таким образом, открытой угрозы лично-

сти, обществу государству, миру и безопасности человечества физическое лицо, демонстрирующее преступные легкомыслие или небрежность, не представляет.

Ситуация в корне меняется при совершении умышленного преступления. Умышленная форма вины характеризует ярко выраженную положительную реакцию лица на возможность или неизбежность наступления общественно опасного последствия своего деяния. Свойственное умыслу желание наступления вредоносных последствий, их сознательное допущение или безразличное к ним отношение свидетельствуют о том, что виновное лицо готово посягать на охраняемые уголовным законом объекты. Опасность от него для окружающих в разы превосходит угрозу, исходящую от человека, допустившего преступную неосторожность.

Показанное отличие в характере общественной опасности умышленных и неосторожных деяний важно четко отразить в категориях преступлений. Задача решается посредством определения маркера среднего уровня общественной опасности, который неосторожные деяния ни при каких обстоятельствах не преодолевают. С учетом общего количества обосновываемых категорий преступлений не сложно прийти к выводу о том, что таковым выступает грань между категорией преступлений средней тяжести и категорией тяжких преступлений. Минимальный и максимальный пределы общественной опасности неосторожных деяний соответствуют двум из четырех категорий преступлений. Речь идет о преступлениях небольшой и средней тяжести. Тяжкие и особо тяжкие преступления неосторожные деяния охватывать не должны. В противном случае порог общественной опасности легкомысленных и небрежных деяний будет искусственным образом заноситься выше среднего уровня общественной опасности, придавая неосторожным преступлениям значение умышленных.

В контексте изложенного актуализируется еще один вопрос, связанный с возможностью признания характера общественной опасности умышленных посягательств ниже среднего уровня. Он обуславливает обоснованность отнесения умышленных деяний к разряду преступлений небольшой и средней тяжести. Объ-

ективный ответ на поставленный вопрос можно дать, принимая во внимание отраженную уголовно-правовым принципом вины идею субъективного вменения.

В соответствии с уголовно-правовой теорией субъективное вменение предполагает, что при оценке общественной опасности содеянного в приоритете всегда рассматриваются признаки его субъективной стороны. Объективные признаки хотя и имеют высокое квалификационное значение, сами по себе, в отрыве от вины, уровень общественной опасности деяния не определяют. Подобное положение вещей закономерно, поскольку в противном случае создавалась бы основа для объективного вменения. Яркой иллюстрацией реализации идеи субъективного вменения служит соотношение общественной опасности лишения жизни человека по неосторожности и умышленно. Казалось бы, учитывая чрезвычайно высокую социальную значимость наступившего последствия в виде смерти человека, общественная опасность первого и второго деяний приблизительно одинаковая. Однако подобный вывод может сделать только обыватель, который руководствуется исключительно своими эмоциями. Учитывая требование принципа вины, законодателем принято совершенно иное решение. Причинение смерти по неосторожности без квалифицирующих признаков рассматривается на самом низком уровне общественной опасности, тогда как непривилегированное убийство достигает ее максимального предела.

Между тем необходимо учитывать, что вина является не единственным определяющим фактором характера общественной опасности деяния. Набор признаков, обуславливающих его типовой уровень, зависит от конкретной формы вины. В неосторожных деяниях основной упор делается на тяжести последствий, вызванных недобросовестным поведением обычного человека или представителя соответствующей профессии. Как правило, в качестве последствий легкомысленных и неосторожных преступлений фигурируют вред здоровью человека или смерть потерпевшего. Иначе складывается ситуация с составами умышленных преступлений. Спектр признаков, определяющих характер общественной опасности умышленных преступлений, весьма широк. Он охватывает всевозможные сочетания деяний, последствий, способов, мотивов, целей и других криминообра-

зующих признаков. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от особенностей построения неосторожных деяний тяжкие последствия далеко не всегда рассматриваются обязательным признаком состава умышленного преступления. Нередко его стержень образует само деяние. При этом действия и акты бездействия, предусмотренные формальными составами преступлений, также создают различные по своему уровню угрозы охраняемым уголовным законом объектам. Например, характер общественной опасности клеветы (ст. 128¹ УК РФ) несопоставим с характером общественной опасности террористического акта (ст. 205 УК РФ), хотя оба преступления обладают формальным составом. В связи с этим умышленные деяния вполне могут отражать все уровни общественной опасности, предусмотренные категориями преступлений.

Обобщая изложенные тезисы, примерную редакцию ч. 2–5 ст. 15 УК РФ логично изложить следующим образом:

«2. Преступлениями небольшой тяжести признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы.

3. Преступлениями средней тяжести признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы.

4. Тяжкими преступлениями признаются деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы.

5. Особо тяжкими преступлениями признаются деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание»¹.

Представленная модель категорий преступлений не требует кардинальных изменений ст. 15 УК РФ. Однако суть обосновываемых идей касается не столько ее редакции, сколько соответствия общественной опасности деяния и грозящего

¹ См. подробнее: Герасимов А.М. Категории преступлений и алгоритм их установления // Журнал юридических исследований. 2022. Т. 7, № 1. С. 59–68.

за его совершение наказания на уровне уголовно-правовой нормы. Важно осознавать, что ключевой предпосылкой отнесения преступления к определенной категории служит конкретная санкция, воспроизводящая представление федерального законодателя об уровне общественной опасности соответствующего деяния. Озабоченность по этому поводу небеспочвенна. На сегодняшний день приходится наблюдать ситуации явно гиперболизированной оценки характера общественной опасности некоторых поступков, находящей отражение в уголовно-правовых санкциях. Примером тому служит норма ст. 264 УК РФ. Преимущественно только ради нее одной за последние несколько лет принят целый пакет федеральных законов, существенно увеличивших наказание за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и признавших его квалифицированные разновидности тяжкими преступлениями. Максимальное наказание за рассматриваемое неосторожное преступление достигает пятнадцати лет лишения свободы, что сопоставимо с уровнем санкций уголовно-правовых норм об особо тяжких преступлениях. Как справедливо подчеркнул А.В. Наумов, законодатель практически пошел по пути отрицания различной общественной опасности умышленных и неосторожных преступлений¹.

Основными мотивами принятых нововведений позиционировались внушительные количественные показатели дорожно-транспортных происшествий с тяжкими последствиями, массовое игнорирование запрета на управление транспортным средством в состоянии опьянения, резкое увлечение случаев «агрессивного» вождения, частое оставление в опасности пострадавших. Приведенные ситуации показывают реальное положение дел на дорогах страны, но большинство из них к обоснованию общественной опасности деяний, предусмотренных ст. 264 УК РФ, никакого отношения не имеет. Они являются лишь фоновыми явлениями, сопровождающими соответствующие преступления. Непосредственный характер общественной опасности преступного нарушения правил дорожного движения и экс-

¹ См.: Наумов А.В. О законодательной попытке устранить различие в ответственности за умышленные и неосторожные преступления // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. № 9. С. 66.

плуатации транспортных средств описан ч. 1–6 ст. 264 УК РФ, каждая из которых прямо указывает на вину в форме неосторожности. Независимо от обстоятельств учиненного деяния, предполагаемое виновное лицо не предвидит тяжких последствий нарушения правил дорожного движения либо рассчитывает на их предотвращение. Упускать из виду данное обстоятельство никак нельзя. В связи с этим возникает логичный вопрос о реальных причинах, побудивших законодателя к столь радикальным и одновременно точечным решениям, затронувшим уголовно-правовую норму о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Правовые реалии свидетельствуют о том, что ответ на поставленный вопрос следует искать не на нормотворческом, а на правоприменительном уровне. Единственная значимая предпосылка резкой эскалации наказания за предусмотренное ст. 264 УК РФ преступление обнаруживается в типичной судебной ошибке, связанной с установлением форм вины соответствующих деяний. В правоприменительной среде сформировался прочный и одновременно неверный стереотип, согласно которому любое дорожно-транспортное происшествие с неблагоприятным исходом должно рассматриваться исключительно по признакам неосторожного поведения. По этой причине многие деяния, совершенные водителями с косвенным умыслом, неоправданно квалифицировались по ст. 264 УК РФ. Естественным образом относительно небольшие наказания, ранее назначавшиеся таким водителям, всегда вызывали общественный резонанс. В то же время решение проблемы не требовало масштабных преобразований уголовного закона на уровне нормотворчества. Достаточно было преодолеть указанный выше правоприменительный стереотип. В этом отношении можно дать высокую оценку приговору Иркутского областного суда от 29 января 2020 г., продемонстрировавшему высокий профессионализм и знание уголовного закона при рассмотрении уголовного дела по факту дорожно-транспортного происшествия с целым рядом тяжких последствий. Краткая фабула дела следующая. В октябре 2019 г. П., управляя автомобилем марки «Тойота Ленд Крузер 100», во время движения вступил в невербальный конфликт с другим водителем Ж., которая передвигалась на автомобиле

марки «Киа Рио» со своими детьми. По утверждению П., во время движения Ж. совершила опасный маневр перед его автомобилем. В ответ на это у П. из мести возник умысел на совершение опасного маневра перед автомобилем Ж. Реализуя задуманное, П. поравнялся с автомобилем «Киа Рио» и резко отклонил влево свой автомобиль «Тойота Ленд Крузер 100». Произошло столкновение, вследствие которого автомобиль «Киа Рио» под управлением Ж. по независящим от нее причинам выехал на полосу встречного движения и столкнулся с автомобилем «Мицубиси Лансер». В результате женщине-водителю и ее детям причинены телесные повреждения различной степени тяжести, а водитель автомобиля «Мицубиси Лансер» от полученных травм скончался.

Приговором Иркутского областного суда П. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «е» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «з» ч. 2 ст. 112, ч. 1 ст. 167 УК РФ. Ему назначено наказание в виде 15 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима¹. Решение суда по праву можно считать беспрецедентным. Деяние виновника дорожно-транспортного происшествия впервые оценено в качестве преступления, совершенного с косвенным умыслом. Нет никаких сомнений в том, что большинство судов квалифицировали бы содеянное как неосторожное преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ. Однако Иркутский областной суд проявил необходимую юридическую самостоятельность, сумев грамотно обосновать безразличное отношение виновного к наступившим последствиям.

Позиция правоприменителя подтверждает, что квалификация вредоносных деяний учинителей дорожно-транспортных происшествий с правильным установлением формы вины полностью решает проблему справедливости назначаемых в отношении них наказаний. Одновременно она создает предпосылку для пересмотра ранее принятых законодательных нововведений относительно санкций за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершаемые по неосторожности. Их максимальные пределы должны быть тако-

¹ См.: Приговор Иркутского областного суда от 29 января 2020 г. по делу № 2-4/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TO0FxtXwmsJ0/> (дата обращения: 12.05.2021).

выми, чтобы все предусмотренные ст. 264 УК РФ деяния относились к разряду категорий небольшой или средней тяжести. Подобное решение восстановит рациональное соответствие анализируемых неосторожных преступлений их типовым уровням общественной опасности.

В заключительной части исследования категорий преступлений необходимо подробнее остановиться на алгоритме их установления. Как было установлено ранее, он предполагает два действия: по формально заданному критерию, позволяющему дифференцировать составы преступлений исходя из характера отражаемой ими общественной опасности, констатируется предварительная принадлежность совершенного деяния к той или иной категории; с учетом степени общественной опасности содеянного правоприменителем принимается решение о подтверждении предварительно установленной категории преступления или ее изменении на менее тяжкую. Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 своего постановления от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» указывает, что, «разрешая данный вопрос, суд принимает во внимание способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель совершения деяния, характер и размер наступивших последствий, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Вывод о наличии оснований для применения положений части 6 статьи 15 УК РФ может быть сделан судом, если фактические обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о меньшей степени его общественной опасности»¹. В п. 15 того же постановления авторитетный судебный орган специально подчеркивает, что после изменения категории преступления на менее тяжкую все связанные с осуждением правовые последствия должны определяться с учетом измененной категории преступления. Адресованная нижестоящим судебным инстанциям рекомендация указывает на высокую роль правоприменителя в установлении общественной опасности содеянного. В форме положений ч. 6 ст.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.

15 УК РФ суд приобрел дополнительный инструментарий, позволяющий давать деяниям максимально объективные оценки, освобождающие юридическую практику от клишированных решений.

Представленный алгоритм полностью согласуется с развиваемой в настоящей работе теорией, однако встречает массу критических замечаний со стороны представителей уголовно-правовой науки. Преимущественным образом их смысл заключается в том, что предоставленная судам возможность изменения категории преступления на одну позицию создает основу для «судейского произвола», «расширения рамок судейского усмотрения», «злоупотребления судьями своими полномочиями» и т.п.¹

Процитированные эмоциональные высказывания относительно перспектив реализации положений ч. 6 ст. 15 УК РФ поддержать сложно. Оценка правоприменительной деятельности в подобных терминах создает впечатление, что отечественный суд заведомо склонен к злоупотреблению законом и его необходимо лишить всякой возможности принятия вариативных решений по рассматриваемым делам. Абсурдность сформулированного заключения очевидна. «Соблюдение Кодекса судейской этики должно быть внутренним убеждением судьи, правилом его жизни, должно способствовать укреплению доверия общества к судебной системе, его уверенности в том, что правосудие осуществляется компетентно, независимо, беспристрастно и справедливо»².

¹ См.: Верина Г.В. Новые концептуальные подходы к вопросам преступления и наказания в российской уголовно-правовой политике // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 56; Кулева Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2019. С. 11; Малков В.П. Право суда на изменение категории преступления // Законность. 2013. № 11. С. 35–38; Прохоров Л.А., Жарких Е.А. Изменение судом категории преступления и его влияние на установление вида рецидива: правовая обоснованность и практическая целесообразность // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (28–29 июня 2021 г.) / отв. ред.: В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2021. С. 370–374; Серебренникова А.В. Категоризация преступлений: проблемы правоприменения // Colloquium-journal. 2020. № 17 (69). С. 46–50; Хайдаров А.А. Право суда изменять категорию преступления на менее тяжкую // Законность. 2015. № 2. С. 38–42.

² Пункт 3 ст. 4 Кодекса судейской этики от 19 декабря 2012 г. (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.)

Здесь уместно обратить внимание на то обстоятельство, что сегодня категория «внутреннее убеждение судьи» традиционно ограничивается аспектом процессуальным. Так, согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ, по своему внутреннему убеждению правоприменитель оценивает исключительно доказательства. Ученые-процессуалисты считают внутреннее убеждение методом, предполагающим «определенную систему принципов, приемов, правил, требований, которыми необходимо руководствоваться при оценке доказательств»¹. Однако подобное представление не высвечивает имеющуюся материальную составляющую внутреннего убеждения судьи. Как отмечает Ю.В. Грачева, судебское усмотрение в уголовном праве представляет собой специфический аспект правоприменительной деятельности, заключающийся в использовании предоставленных судье уголовно-правовыми нормами полномочий по выбору решения в пределах, установленных законом, в соответствии с его правосознанием и волей законодателя, исходя из принципов права и конкретных обстоятельств совершения преступления².

Несмотря на достаточно широкие интерпретационные возможности, своими разъяснениями конкретной уголовно-правовой ситуации правоприменитель дух закона не искажает. В этом смысле справедливо утверждение К.В. Ображиева относительно того, что «будучи выведенными из толкуемых законодательных предписаний, такие разъяснения углубляют знания о правовых нормах, однако не приносят в них нормативной новизны, т.е. не создают новых нормативных предписаний»³.

Итогом мыслительной деятельности судьи, основанной на праве и нравственности, является сформированная убежденность относительно совершения преступления и уровня его общественной опасности. С.А. Пяшин подчеркивает, что «по окончании рассмотрения обстоятельств дела при удалении суда в совещательную комнату в сознании судьи уже складывается модель совершенного пре-

¹ Левченко О.В. Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2013. № 2 (78). С. 88.

² См.: Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 7.

³ Ображиев К.В. Судебное толкование и судебное нормотворчество: проблемы соотношения // Журнал российского права. 2010. № 3 (159). С. 100–101.

ступления, обстоятельств его совершения и роли каждого из участвующих в его совершении лиц»¹. При этом если характер общественной опасности совершенного преступления только констатируется, то ее степень требует от суда объективной оценки всех обстоятельств содеянного и внимательного изучения личности виновного. Результат установления степени общественной опасности содеянного максимальным образом раскрывает материальное содержание и значение категории «внутреннее убеждение судьи».

Возможность суда изменять категорию преступления на менее тяжкую абсолютно правильно оценивает О.В. Ермакова, по мнению которой, «обоснованность существования в рамках уголовного закона ч. 6 ст. 15 УК РФ должна, в первую очередь, соотноситься с центральным институтом преступления – понятием общественной опасности, поскольку согласно ч. 1 ст. 15 УК РФ все категории выделены именно по основанию характера и степени общественной опасности преступления»². В развитие данных доводов подчеркнем, что с учетом вариативности степени общественной опасности предусмотренных уголовным законом деяний предоставленное судам право изменять категорию преступления полностью отвечает уголовно-правовой логике.

Резюмируя изложенные суждения относительно понятия категорий преступлений и механизма их установления, сформулируем наиболее значимые выводы.

1. Категории преступлений представляют собой формально обособленные группы составов преступлений, вопрос о принадлежности к которым конкретных общественно опасных деяний решается судом исходя из обстоятельств содеянного и с учетом личности виновного лица. Алгоритм определения категории конкретного преступления предполагает два действия. По формально заданному критерию, позволяющему дифференцировать составы преступлений исходя из харак-

¹ Пяшин С.А. Внутреннее убеждение судьи при оценке доказательств // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (58). С. 102–103.

² Ермакова О.В. Изменение судом категории преступления: сущность правомочия и обоснованность его закрепления в свете существования концепции общественной опасности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 2 (88). С. 55.

тера отражаемой ими общественной опасности, констатируется предварительная принадлежность совершенного деяния к той или иной категории. С учетом выявленной степени общественной опасности содеянного принимается решение о подтверждении предварительно установленной категории преступления или ее изменении на менее тяжкую.

2. Единственным формальным критерием категоризации преступлений логично признать срок наказания в виде лишения свободы. Форма вины не вправе претендовать на роль второго критерия категоризации преступлений, поскольку уголовно-правовая санкция учитывает все криминообразующие признаки состава преступления, включая умысел и неосторожность.

3. Умышленные деяния охватывают все заданные категориями преступлений уровни общественной опасности. Пределы общественной опасности неосторожных деяний ограничиваются категориями преступлений небольшой и средней тяжести. Категории тяжких и особо тяжких преступлений неосторожные деяния характеризовать не должны. В противном случае порог общественной опасности легкомысленных и небрежных деяний искусственным образом заносится выше среднего уровня общественной опасности, необоснованно придавая неосторожным преступлениям значение умышленных посягательств.

4. Предоставленная судам возможность изменения категории преступления на менее тяжкую развивает материальную составляющую понятия внутреннего убеждения судьи. Его уголовно-правовое значение заключается в том, что итогом основанной на праве и нравственности мыслительной деятельности судьи является сформированная убежденность относительно наличия преступления и уровня его общественной опасности.

Глава 2. Уголовный проступок и его юридические последствия

§ 1. Понятие уголовного проступка и механизм его установления

Российская отрасль уголовного права не знакома с категорией уголовного проступка, однако ее популярность среди представителей публичной власти, юридической теории и правоприменительной практики за последние годы достигла своего пикового значения. На площадках различного уровня высказано немало суждений относительно содержания уголовного проступка и его места в системе отечественного уголовного права. Сложившаяся картина подтверждает, что назрели объективные предпосылки либерализации охранительной отрасли. Умеренные уголовно-правовые послабления свойственны политике государства, добивающегося успехов в противодействии преступности и демотивации криминального поведения. Добросовестное исполнение гражданами уголовно-правовой обязанности по воздержанию от совершения преступления, свидетельствуя о нравственном оздоровлении социума, естественным образом снижает потребность в применении принудительных ресурсов уголовного законодательства. Позитивная динамика преступности стимулирует публичную власть к поиску оптимальной правовой модели, позволяющей дать оценку отклоняющемуся от нормы поведению правоисполнителей. Одним из неотъемлемых элементов такой модели сегодня активно позиционируется институт уголовного проступка. Бесспорно утверждение Н.А. Лопашенко о том, что «введение уголовного проступка является возможным вариантом понижения репрессивности уголовного закона»¹. С определением его понятия можно ожидать существенных подвижек относительно выявления природы вредоносных деяний, не обладающих выраженными характеристиками общественной опасности, совершенствования методологии отграничения преступления от иного правонарушения, создания механизма установления нового вида уголовного правонарушения. Значимость отмеченных аспектов в разы увеличилась с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Со-

¹ Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс. М., 2020. С. 391.

брания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”»¹. Позиция авторитетного судебного органа не только побудила исследователей к критическому осмыслению введенной в оборот дефиниции, но и сделала гораздо реалистичнее саму идею включения уголовного проступка в содержание уголовного законодательства.

В то же время сегодня нельзя констатировать, что теория уголовного проступка окончательно сформирована и готова обеспечить повсеместное сопровождение обозначенной инициативы. До уровня уголовно-правовой доктрины еще только предстоит довести исследовательские позиции, касающиеся сущностных признаков и последствий совершения уголовного проступка, его общей природы с преступлением. Не меньшую значимость представляют правоисполнительные и правоприменительные нюансы официального закрепления понятия уголовного проступка. Изложенное определяет актуальность настоящей части проводимого исследования и ее основные направления.

Пленум Верховного Суда РФ вынес на повестку федерального законодателя вопрос о закреплении в ст. 15¹ УК РФ такого рода дефиниции: «Уголовным проступком признается: совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, за исключением преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьями 116¹, 151¹, 171⁴, частью первой статьи 174, частью первой статьи 174¹, частью первой статьи 199³, частью первой статьи 207, частью первой и частью третьей статьи 332, статьей 336, частью первой статьи 337, частью первой статьи 339, частью первой статьи 344, частью первой статьи 349 настоящего Кодекса; совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, предусмотренное частью первой статьи 158, частью первой статьи 159, частью первой статьи 159³, частью первой статьи 160, частью первой статьи 165, частью первой

¹ См.: Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 17.04.2021).

статьи 167, статьей 168 настоящего Кодекса; совершенное лицом впервые преступление небольшой или средней тяжести, предусмотренное частью второй статьи 169, частями первой, второй и четвертой статьи 170¹, частями первой, третьей и пятой статьи 171¹, частью первой статьи 173¹, частью второй статьи 173², статьей 177, частью первой статьи 180, частью первой статьи 181, частями первой и второй статьи 183, частью второй статьи 185, частями первой и третьей статьи 185², частью первой статьи 185⁴, частью первой статьи 185⁵, частью первой статьи 189, частями первой и второй статьи 191¹, частями первой и второй статьи 193¹, частью первой статьи 194, статьей 195, частью первой статьи 199², частью первой статьи 200³ настоящего Кодекса»¹.

Пленумом Верховного Суда РФ предлагается комплекс рекомендаций по изменению содержания уголовного законодательства, предполагающих формирование условий освобождения соответствующего лица от уголовной ответственности. Их суть основывается на возмещении виновным причиненного вреда с одновременным применением к нему иных мер уголовно-правового характера, перечень которых планируется расширить².

Исходя из определения уголовного проступка, сформулированного ведущим субъектом судебной власти, складывается двойственное впечатление о его природе. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что уголовный проступок наполняется собственным содержанием, которое предполагается отразить в отдельной статье уголовного закона. Конкретизируется перечень деяний, относящихся к разряду уголовного проступка, уточняются последствия их совершения. По такой логике уголовный проступок приобретает вид самостоятельного уголовного правонарушения. Однако подобный вывод является преждевременным.

Уголовный проступок Пленумом Верховного Суда РФ прямо определяется как преступление, что разрушает основу сформулированного выше заключения. Одновременно подобное отождествление порождает ряд серьезных методологи-

¹ Там же.

² См.: Там же.

ческих противоречий, вызывающих острое желание подискутировать. Важнейшее из них связано с понятием преступления, его конструктивными признаками и свойствами, которыми по анализируемому проекту должен наделяться уголовный проступок. Из положения ч. 1 ст. 14 УК РФ недвусмысленно вытекает, что каждое преступление находится под угрозой наказания. В данном утверждении нетрудно убедиться, обратившись к структуре санкций конкретных норм уголовно-правового поведения, оперирующих исключительно уголовными наказаниями. Однако в содержании анализируемого проекта нет ясности относительно обеспечения уголовного проступка свойством угрозы наказания. Согласно сделанным ведущим судебным органом рекомендациям уголовный проступок, хотя и позиционируемый как вид преступления, заведомо подразумевает освобождение учителя вреда от уголовной ответственности с применением к нему иных мер уголовно-правового характера.

В канве изложенного чрезвычайно важно подчеркнуть, что перспектива назначения за совершенное деяние иных мер уголовно-правового характера исходящую от наказания угрозу не компенсирует. Наказание и иные уголовно-правовые меры обладают самостоятельным функционалом, востребованным для решения различных задач, стоящих перед отраслью уголовного законодательства. Первую задачу по охране социально значимых интересов от преступных посягательств реализует исключительно угроза наказания, адресованная неконкретизированному количеству граждан. Ее смысл предполагает донесение до сознания каждого вменяемого физического лица, достигшего возраста уголовной ответственности, максимально строгих последствий совершения преступления, предусмотренных уголовным законом. При определенных правовых обстоятельствах угроза наказания реализуется, достигнув результата по принудительному удержанию особо неустойчивых лиц от повторного нарушения своей уголовно-правовой обязанности (задача предупреждения преступлений).

Что касается иных мер уголовно-правового характера, то их принудительного потенциала явно недостаточно для обеспечения полноценной «угрозы», способной удержать от преступных посягательств криминально настроенных гражд-

дан. Ограничения прав и свобод виновных лиц, обусловленные рассматриваемыми мерами, по своим масштабам несопоставимы с принудительным ресурсом уголовного наказания. В тексте уголовного закона неравнозначная роль указанных феноменов подчеркивается посредством использования формулировки «наказание и иные меры уголовно-правового характера». У представленных последствий совершения преступления единая природа, но совершенно различный инструментарий и потенциал воздействия на правоисполнителя. На данном основании иные меры уголовно-правового характера целесообразно задействовать только в решении второй уголовно-правовой задачи по предупреждению совершения нового преступления лицом, уже нарушившим свою уголовно-правовую обязанность.

В итоге получается, что Пленум Верховного Суда РФ не наделяет уголовный проступок таким неотъемлемым свойством преступления, как «угроза наказания». Ситуация неординарная, поскольку преступление подразумевается, но за его совершение уголовное наказание не грозит. К тому же она включает скрытую опасность. Реализация анализируемой концепции вполне может привести к снижению качества уголовно-правовой охраны целого ряда объектов, посягательства на которые предлагается оценивать в качестве уголовных проступков. Нет смысла доказывать, что эффективность уголовного законодательства напрямую обусловлена формированием и укреплением в сознании каждого правоисполнителя тезиса «преступление всегда грозит наказанием». Сделав из него исключение, законодатель рискует создать иллюзию безнаказанности определенных вредоносных поступков. В ходе неперсонифицированного удержания правоисполнителей от совершения преступлений нерационально высвечивать круг и признаки деяний, которые однозначно правоприменителем будут оцениваться как уголовные проступки, исключающие уголовное наказание. Обозначив формальную грань между преступлением и уголовным проступком, законодатель спровоцирует эффект «преждевременного амнистирования». В сознании граждан сложится убеждение, что некоторые из числа предусмотренных уголовным законом действий и актов бездействия перестали носить криминальный характер, наказываться, влечь суди-

мость и все связанные с ней социально-правовые последствия. С тезисом «только угроза наказания эффективно удерживает правоисполнителей от совершения деяний, предусмотренных уголовным законом» полностью согласны большинство ученых-юристов (57 %), опрошенных нами в ходе проведения социологического исследования.

Одним из условий установления уголовного проступка Пленум Верховного Суда РФ предлагает считать совершение соответствующего деяния впервые. Смоделированное примечание к ст. 15¹ УК РФ гласит: «В настоящей статье лицо признается впервые совершившим преступление, если на момент его совершения лицо не имеет неснятую или непогашенную судимость и не освобождалось от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным частью первой или частью второй статьи 76² настоящего Кодекса, в течение одного года, предшествовавшего дню совершения этого преступления»¹. Перефразируя изложенное, Пленум Верховного Суда РФ делает попытку расширить круг потенциально опасных субъектов уголовно-правовых отношений за счет правоисполнителей, допустивших уголовный проступок.

Сформулированная идея откровенно противоречит духу ст. 86 УК РФ, по смыслу которого единственным индикатором общественной опасности человека является его статус судимого. Им наделяется правоисполнитель, осужденный за совершение преступления. В ситуации уголовного проступка, когда лицо освобождается от уголовной ответственности, оно автоматически признается безопасным для окружающих уже на момент вынесения судом соответствующего постановления. Иначе невозможно обосновать материальное основание освобождения виновного от уголовной ответственности. В связи с этим попытку ввести в оборот понятие срока, имеющего уголовно-правовое значение после учинения уголовно-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 17.04.2021).

го проступка, нельзя считать конструктивной и соответствующей логике действующего уголовного законодательства.

Еще одна серьезная проблема, обусловленная отождествлением уголовного проступка с преступлением, связана с тем, что исходя из содержания предлагаемой модели нововведений, при признании деяния уголовным проступком суд прекращает уголовное дело или уголовное преследование посредством вынесения соответствующего постановления. Но если уголовный проступок отождествляется с преступлением, то он должен констатироваться исключительно приговором, приобретшим юридическую силу. Здесь уместно напомнить содержание ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, согласно которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Идея презумпции невиновности предполагает, что до вступления приговора суда в законную силу уголовный проступок, рассматриваемый как вид преступления, не может быть установлен.

Относительно коротко проанализировав представленный проект Пленума Верховного Суда РФ, обратимся к соответствующим точкам зрения представителей юридической теории. Своеобразную идею по поводу содержания уголовного проступка позиционируют административисты. Так, Ю.П. Соловей считает необходимым «тщательно прописать составы смежных преступлений и административных правонарушений, вновь в полной мере реализовать в УК РФ идею административной преюдиции, ввести категорию “уголовный проступок” (включить в УК РФ отдельный раздел об уголовных проступках), дополнить Уголовно-процессуальный кодекс РФ разделом о производстве по делам об уголовных проступках. К уголовным проступкам, совершение которых по аналогии с административными правонарушениями не должно влечь за собой судимость, можно от-

нести в том числе и административные правонарушения, в настоящее время рассматриваемые судьями»¹.

Аналогичную мысль развивает А.А. Агеев, который находит уголовными проступками правонарушения, по своей природе тождественные преступлению, но требующие менее жесткой реакции государства. «Деяния, которые могут быть к ним отнесены, включены в КоАП РФ. В итоге в законодательстве об административной ответственности к административным правонарушениям относятся деяния, посягающие как на общественные отношения в сфере исполнительно-распорядительной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и на иные общественные отношения и близкие по своей природе к преступлениям, но не имеющие характерной для последних общественной опасности (смежные правонарушения)»².

Исследователи не видят никакой проблемы в том, что понятие уголовного проступка будет отражено в содержании уголовного закона, тогда как многие его разновидности позаимствованы из законодательства об административных правонарушениях. В целом административистам свойственно искать решение анализируемой проблемы посредством обоснования феномена «буферного» правонарушения, призванного обеспечить органическую связь отраслей административно-деликтного и уголовного права³. Изложенная идея находит сторонников и среди специалистов, представляющих другие отрасли юридической науки⁴. В частности, Л.В. Головкин на этот счет отмечает: «В идеале необходимо выработать единое

¹ Соловей Ю.П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 2. С. 63.

² Агеев А.А. О необходимости введения понятия «уголовный проступок» // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 126–127.

³ См.: Старостин С.А. Уголовный проступок: pro et contra // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 30. С. 106–123; Федоров А.В. Соотношение наркопреступлений и административных наркоправонарушений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2. С. 262–270.

⁴ См.: Комбарова Е.Л. Уголовный проступок как потенциальное звено российской системы классификации уголовно наказуемых деяний: сущность, возможные формы процессуального производства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1-2. С. 53–56; Коробов П.В. Уголовный проступок: «за» и «против» // Правоведение. 1990. № 5. С. 90–96; Михаль О.А., Власов Ю.А. Об уголовном проступке в российском уголовном праве // Современное право. 2014. № 3. С. 110–115.

доктринальное понятие, которое охватило бы все три категории уголовно-наказуемых деяний (преступления, проступки и правонарушения), содержащиеся в двух кодексах, являющихся источниками уголовного права в широком смысле слова»¹.

Обозначенный вектор модернизации охранительных отраслей законодательства едва ли можно считать перспективным. Как справедливо отмечают Л.Л. Кругликов и В.Ф. Лапшин, «все положительные моменты, указанные приверженцами обозначенной идеи, вполне можно реализовать в действующем законодательстве, но без нарушения сложившейся к настоящему времени системы межотраслевой дифференциации юридической ответственности»². С ними солидарны А.В. Кирин и Н.И. Побежимова, которые «осуждают не столько попытку “реанимации” уголовных проступков со стороны представителей уголовно-правовой науки, сколько аналогичные нападки на самостоятельный видовой статус административной ответственности со стороны отдельных коллег-административистов»³.

Придание нормам об административных и уголовных правонарушениях взаимообусловленного правового значения противоречит отраслевой природе уголовного и административно-деликтного законодательства. Каждая из охранительных отраслей права обладает самостоятельным предметом воздействия, оперирует специфическим методом, обеспечивает конкретные задачи и руководствуется определенным набором принципов. Взаимодействие между ними логично выстраивать не в направлении обоснования некоего межотраслевого деликта, а на основе четкого разграничения административного и уголовного правонарушений. Законодательство об административных правонарушениях призвано предотвратить формальные деликты физических и юридических лиц (нарушения правопорядка), которые напрямую не затрагивают фактических интересов личности, об-

¹ Головкин Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) // Международное правосудие. 2013. № 1 (5). С. 51.

² Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. 2017. № 4. С. 81.

³ Кирин А.В., Побежимова Н.И. Современные интерпретации теории уголовного проступка в административном праве России // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14, № 4. С. 20.

щества, государства, мира и безопасности человечества. Решая свои задачи, административно-деликтное право оперирует исключительно мерами административно-правового характера. В свою очередь уголовный закон должен быть нацелен на оценку деяний, общественная опасность которых установлена (преступления) либо не выявлена судом исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного лица (уголовные проступки). Инструменты уголовно-правового воздействия на правоисполнителей предусмотрены уголовным законом и не могут быть заимствованы из законодательства об административных правонарушениях.

Переориентировавшись на уголовно-правовую теорию, можно констатировать, что многие ее представители склонны ассоциировать уголовный проступок с видом преступления. Так, по мнению Б.Я. Гаврилова и Е.В. Роговой, уголовный проступок представляет собой «разновидность преступления, обладающего меньшей по сравнению с преступлением степенью общественной опасности и влекущего за его совершение меры уголовного наказания, но менее строгие, чем за совершение преступления, и не влекущие судимости»¹. В представленной трактовке уголовного проступка исследователи выделяют ряд его признаков, которые нуждаются в комментарии. Смысл первого признака сводится к обоснованию уголовного проступка в качестве разновидности преступления. отождествляя уголовный проступок с разновидностью криминального поведения, Б.Я. Гаврилов и Е.В. Рогова тем самым признают в нем наличие всех сущностных проявлений преступного деяния: общественной опасности, виновности, запрещенности уголовным законом и угрозы наказания.

Другим признаком уголовного проступка исследователи называют его меньшую степень общественной опасности в сопоставлении с преступлением. Но данный признак вступает в явное противоречие с предыдущим. Будучи видом преступного деяния, уголовный проступок не может обладать иными параметрами общественной опасности, выходящими за границы понимания общественной опасности преступления в целом. Уголовно-правовая наука не располагает мето-

¹ Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право. 2016. № IV (XXXXII). С. 41.

диками, позволяющими провести четкую грань между категориями «общественная опасность» и «меньшая степень общественной опасности». В какой бы степени общественная опасность не рассматривалась, она остается показателем вреда, угрожающего сложившемуся в обществе материальному порядку. Представленный подход заручился поддержкой представителей уголовно-правовой доктрины¹. По существу, он выступает единственным основанием разграничения преступления и иного правонарушения.

Между тем в качестве аналогичного преступлению деяния уголовный проступок стремятся охарактеризовать и другие исследователи. В.П. Махоткин считает, что «материальной основой уголовных проступков должна стать та часть преступлений, не представляющих большой общественной опасности, по которым допускается применение мер, заменяющих уголовное наказание. В этом случае институт уголовного проступка явится закономерным отражением объективно существующей необходимости дифференциации преступлений, не представляющих большой общественной опасности»². Из представленной цитаты следует, что В.П. Махоткин усматривает положительную динамику развития уголовного закона в дифференциации преступлений, не обладающих высокой общественной опасностью. Основной упор автором также делается на «невысокой» общественной опасности уголовного проступка.

В аналогичном ключе рекомендует разделить преступления на четыре категории Р.М. Акутаев. К первой категории он относит уголовные проступки, охватывающие умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых уголовный закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок не свыше трех лет или иное более мягкое наказание³. Здесь обращает на себя внимание то

¹ См., например: Янина И.Ю. Инструменты признания криминализованного деяния уголовным проступком (на примере преступлений против личности) // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 116.

² Махоткин В.П. Преступления, не представляющие большой общественной опасности: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 10.

³ См.: Акутаев Р.М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 43.

обстоятельство, что исследователь пытается подменить категорию преступлений небольшой тяжести понятием уголовного проступка.

Близкую точку зрения позиционирует Н.А. Лопашенко, предлагая закрепить в уголовном законе следующую дефиницию: «Уголовным проступком признается виновно совершенное деяние (действие и/или бездействие), характеризующееся небольшой общественной опасностью, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания, налагаемого за уголовные проступки»¹. В изложенной формулировке уголовный проступок содержательно близок к преступлению, поскольку наделяется признаками виновности, общественной опасности (небольшой), запрещенности уголовным законом и угрозы наказания.

Оригинальную концепцию уголовного проступка, вытекающую из авторской теории общественной опасности, представил Б.Т. Разгильдиев. Не оспаривая традиционную интерпретацию характера общественной опасности в качестве вреда от преступления, степень общественной опасности ученый обосновывает как готовность лица к совершению нового преступного посягательства. Готовность лица посягать на объект охраны, по его мнению, базируется на характере общественной опасности деяния, обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание, других обстоятельствах, характеризующих личность. Концепция допускает наличие уголовных правонарушений, сочетающих различные комбинации характера и степени общественной опасности, отличающихся от разновидностей преступлений. Б.Т. Разгильдиев предложил наполнить собственным содержанием: уголовно-правовые проступки (деяния, характеризующиеся невысоким характером и слабо выраженной степенью общественной опасности); неосторожные деяния (обладающие характером, но не имеющие степени общественной опасности); общественно опасные деяния, осуществляемые «некачественными» правоисполнителями (невменяемыми и несовершеннолетними)².

¹ Лопашенко Н.А. Уголовный проступок в современной России: проекты, проблемы и прогнозы // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. (30 сентября 2019 г.). Саратов, 2019. С. 232.

² См.: Разгильдиев Б.Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 216–222.

Сформулированная Б.Т. Разгильдиевым теория представляется современной и весьма перспективной в части оснований разграничения преступления и иных уголовных правонарушений. Однако предложенный механизм ее реализации несколько противоречив. Опираясь на идею о возможности варьирования характера и степени общественной опасности, ученый допускает наличие непреступных деяний, обладающих определенными свойствами общественной опасности. Здесь проявляются методологические несостыковки. Если общественная опасность законодателем признается неотъемлемым признаком преступления, то все обозначенные виды уголовных правонарушений должны признаваться разновидностями преступных деяний. Но Б.Т. Разгильдиев прямо не относит уголовно-правовые проступки, неосторожные деяния и деяния «некачественных» правоисполнителей к видам преступления. В этом контексте еще более спорным кажется тезис о наличии уголовно-правовых деяний, обладающих характером, но не обнаруживающих степени общественной опасности. На уровне нормотворчества и правоприменения общественная опасность, требующая обязательного обоснования с позиций характера и степени, вряд ли может быть констатирована в деянии частично. Отсутствие характера или степени общественной опасности исключает общественную опасность деяния в целом. Поэтому рассуждения относительно «невысокого характера и слабо выраженной степени общественной опасности деяния» необходимой конкретики в понимание общественной опасности уголовного проступка не вносят.

Таким образом, создав серьезный задел в обосновании анализируемого вида уголовного правонарушения, Пленум Верховного Суда РФ и представители правовой теории окончательно не разрешили задачу по определению основания отнесения соответствующих деяний к разряду уголовных проступков. Открытым остался вопрос, касающийся их общественной опасности. Рассуждения об уголовном проступке как преступлении, обладающем «невысокой», «небольшой», «слабо выраженной», «минимальной» общественной опасностью, формируют весьма расплывчатое представление о существенных признаках исследуемой категории. Само по себе суждение «уголовный проступок есть общественно опасное

деяние» внутренне противоречиво. Оно не согласуется с позицией законодателя, признающего общественную опасность признаком преступного деяния.

Всякая попытка наделить уголовный проступок свойством невысокой общественной опасности заканчивается формулированием определения, мало чем отличающегося от определения категории преступлений небольшой тяжести. Комментируя изложенное суждение, В.В. Хилjuta соглашается с нами в том, что «в действующей парадигме права проступок – это лишь один из видов существующей категоризации преступлений, и не более того»¹. Однако выраженное желание отдельных исследователей выделить уголовный проступок в качестве самостоятельного вида преступления едва ли имеет высокое практическое значение. Есть большие сомнения в том, что реализация предлагаемых нововведений существенно отразится на качестве решения задач, стоящих перед уголовным законом. По существу, весь их смысл сводится к изменению наименования ряда преступных деяний и корректированию грозящих за их совершение мер ответственности. Внутреннее содержание обосновываемого феномена при этом не трансформируется. «Собственно, с этого момента об уголовном проступке нельзя будет говорить как о полноценном институте уголовного права, дискуссии по поводу правовой природы, сущности, легального и доктринального определения которого велись не одно десятилетие, а лишь как о “понятии”, введение коего было обусловлено необходимостью гуманизации уголовного закона»². Данная позиция заручается поддержкой большинства опрошенных нами представителей юридической науки, признающих уголовный проступок самостоятельной разновидностью уголовного правонарушения (61,5 %).

Резонно возникает вопрос о целесообразности смены наименования предусмотренных уголовным законом деяний, юридически сохраняющих значение преступления. Высказанные сомнения относительно востребованности предлагаемых нововведений разделяют Л.Л. Кругликов и В.Ф. Лапшин, по мнению которых,

¹ Хилjuta В.В. Уголовный проступок: быть или не быть? // Юрист-Правоведь. 2019. № 2 (89). С. 150.

² Маркунцов С.А. Генезис подходов к легальному и доктринальному определению уголовного проступка // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 129.

«включение в уголовное законодательство категории “уголовный проступок” вряд ли будет способствовать эффективности противодействия преступности, но однозначно повлечет за собой необходимость очередного кардинального пересмотра значительного количества нормативных актов материального и процессуального права»¹.

Надо полагать, связь уголовного проступка с общественной опасностью необходимо искать не по формуле «уголовный проступок есть преступление», а в направлении исключения из уголовного проступка сущностных характеристик общественной опасности с одновременным наделением его свойством малозначительности. В своей основе представленная идея не новая. Еще в конце 60-х годов прошлого века Н.Ф. Кузнецова говорила об уголовных проступках как о деяниях, не представляющих общественной опасности вследствие своей малозначительности. Уголовный проступок она определяла в качестве умышленного либо неосторожного малозначительного по характеру и степени общественной опасности деяния, за которое по закону предусмотрено максимальное лишение свободы на срок до одного года либо другое, более легкое наказание, либо в санкции предусмотрена альтернативная форма ответственности: уголовное наказание или меры общественного воздействия². Сегодня позицию Н.Ф. Кузнецовой поддерживают Р.Т. Гамидов³ и Д.Ю. Корсун⁴. Небезынтересно, что ответ «малозначительность отражает материальную сторону уголовного проступка» стал вторым по популярности среди опрошенных нами ученых (такого мнения придерживаются 37,7 % из общего числа опрошенных респондентов).

Представленная интерпретация содержания уголовного проступка уточняет его природу, вытекающую из понимания общественной опасности преступления. Разделяя посыл изложенной концепции, вместе с тем нельзя не остановиться на ее

¹ Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. Указ. соч. С. 83.

² См.: Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 297.

³ См.: Гамидов Р.Т. Малозначительность деяния и уголовный проступок в российском уголовном праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 13, № 1. С. 79–83.

⁴ См.: Корсун Д.Ю. Понятие уголовного проступка как новой категории уголовного права России // Юридическая наука. 2017. № 1. С. 77.

деталей. По мнению Н.Ф. Кузнецовой, уголовные проступки обладают заведомой малозначительностью, и их исчерпывающий перечень должен определяться законодателем в ходе конструирования уголовно-правовых норм. Однако такого рода алгоритм, уводя решение обсуждаемого вопроса в сторону формального разграничения общественно опасных и малозначительных деяний, уголовно-правовую природу уголовного проступка не обнаруживает. На основании изложенного точка зрения Н.Ф. Кузнецовой представляется интересной, но окончательно не снимающей с повестки вопрос о связи категории общественной опасности с пониманием уголовного проступка.

Устанавливая уголовно-правовую природу уголовного проступка, нецелесообразно осуществлять попытки формального разграничения общественной опасности и малозначительности. Одновременно нет смысла наделять малозначительность свойствами общественной опасности, тем самым отождествляя сущностные характеристики рассматриваемых категорий. Оба направления непригодны для обоснования единой природы преступления и уголовного проступка. Методологически правильным будет выстраивать алгоритм соотношения малозначительности и общественной опасности, рассматриваемых в качестве признаков самостоятельных уголовных правонарушений. Логическая цепочка приводит к тому, что уголовный проступок, хотя формально и содержит криминообразующие признаки, но не является общественно опасным и потому преступным. Вместе с тем он напрямую обусловлен сущностными свойствами общественной опасности и вытекает из их понимания. Условно в уголовном проступке обнаруживается характер общественной опасности (состав преступления), но исключается ее степень. Отсутствие в деянии степени общественной опасности не позволяет констатировать наличие общественной опасности в целом и квалифицировать деяние в качестве преступления. Уместным решением проблемы будет оценка учиненного действия или акта бездействия в качестве уголовного проступка, характеризующегося свойством малозначительности¹.

¹ См. подробнее: Герасимов А.М. Уголовный проступок и механизм его установления // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 10 (179). С. 75–84.

Сделанный вывод вполне предсказуемо наталкивается на критику исследователей, полагающих, что речь идет о простой подмене понятий. Так, Г.В. Верина пишет: «Признание уголовного проступка малозначительным деянием сводит на нет все доказывание целесообразности и полезности для российского уголовного законодательства категории “уголовный проступок”, приводит к дублированию законодательных положений, представленных в ч. 2 ст. 14 УК РФ. Следовательно, такой “прогресс” российского законодательства на самом деле будет свидетельствовать о “топтании на месте” и еще большем размывании уголовно-правовых норм, стирании границ между уголовным и административным законодательством, что представляется неразумным и нецелесообразным»¹. Аналогичный упрек высказывает Г.А. Решетникова².

Реагируя на сделанное замечание, следует пояснить, что сама по себе категория малозначительности есть продукт исключенной общественной опасности из оцениваемого деяния на правоприменительном уровне. Но если «общественная опасность» образует признак преступления, то вопрос о том, признаком какого правонарушения выступает «малозначительность», до сегодняшнего дня открыт. Как следствие, неразрешенной остается важнейшая исследовательская задача, касающаяся правовых последствий совершения поступка, характеризующегося малозначительностью. Существующая практика вынесения судами оправдательных приговоров в отношении лиц, действия и акты бездействия которых квалифицированы с учетом положения ч. 2 ст. 14 УК РФ, не только не справляется с поставленной задачей, но и вносит массу дополнительных сложностей в ее разрешение. Поэтому трудно согласиться с исследователями, считающими, что «малозначительность – это категория в уголовном праве, без которой вполне можно обойтись»³. Суждения авторов не убеждают, поскольку не содержат аргументов в пользу необходимости отказа от уголовно-правовой оценки деяний с выраженны-

¹ Верина Г.В. Ревизия законодательной концепции преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1 (132). С. 117.

² См.: Решетникова Г.А. Уголовный проступок: некоторые дискуссионные вопросы // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. Т. 31, Вып. 2. С. 293.

³ Рагозина И.Г., Бражников В.В. Квалификация при малозначительности деяния: вопросы теории и практики // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1 (30). С. 46.

ми свойствами малозначительности. Тем более что в судебной практике наблюдается тенденция увеличения количества случаев оценки содеянного со ссылкой на положение ч. 2 ст. 14 УК РФ¹.

Обосновываемая нами теоретическая модель ориентирована на завершение уголовно-правовой картины, отражающей диалектическую связь общественно опасного деяния (преступления) и деяния с признаком малозначительности (уголовного проступка). Алгоритм установления уголовного проступка как самостоятельного вида уголовного правонарушения не препятствует обнаружению в нем общей природы с преступлением. Правоприменитель вправе констатировать уголовный проступок не как таковой, а только методом исключения сущностных характеристик общественной опасности в поведении правоисполнителя, формально содержащем признаки состава преступления. Вопрос о наличии уголовного проступка должен решаться в рамках уголовно-правовых отношений тогда, когда есть обоснованные сомнения в общественной опасности совершенного лицом деяния. В ходе оценки содеянного на правоприменительном уровне уголовный проступок как бы «высвобождается» от материальных свойств преступления, обусловленных его общественной опасностью. Получаемый в итоге феномен логично оценивать как уголовное правонарушение, хотя формально и содержащее криминообразующие признаки, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Что касается его центрального признака, согласимся с В.В. Мальцевым в том, что «для признания деяния малозначительным необходимо, чтобы, во-первых, оно обладало всеми признаками состава преступления (формальное основание) и, во-вторых, не представляло общественной опасности (социальное основание)»².

Обобщение всего изложенного относительно уголовного проступка позволяет сделать несколько промежуточных выводов: по своей природе уголовный проступок обусловлен пониманием общественной опасности деяния, но не отра-

¹ См.: Куликов В. Суды начали активно прекращать дела по малозначительным преступлениям // Рос. газета. 2021. 30 ноября. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 10.01.2022).

² Мальцев В.В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Законность. 1999. № 6. С. 17.

жает ее сущностных характеристик; материальное начало уголовного проступка вытекает из содержания малозначительности, устанавливаемого методом исключения в содеянном общественной опасности; уголовный проступок не представляет собой разновидность преступления, а является самостоятельным уголовным правонарушением.

Придавая сказанному конструктивный вид, выделим и охарактеризуем ключевые признаки уголовного проступка. Первый из них подчеркивает, что материальный стержень рассматриваемого вида уголовного правонарушения обусловлен категорией общественной опасности. Уголовным проступком признается формально подпадающее под признаки конкретного состава преступления деяние, общественная опасность которого при определенных обстоятельствах может быть поставлена под сомнение и в последующем исключена на уровне правоприменения.

Сама постановка вопроса о наличии или отсутствии общественной опасности в соответствующем действии (бездействии) легитимна далеко не всегда. В целом ряде уголовных правонарушений определяющее значение имеет характер общественной опасности деяния, отраженный диспозицией соответствующей уголовно-правовой нормы. Он заведомо исключает возможность установления признаков малозначительности в совершенном поступке с учетом степени его общественной опасности. Скажем, характер общественной опасности простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ), предполагающий умышленное лишение жизни другого человека, настолько высок, что никакие смягчающие обстоятельства и положительные характеристики личности виновного не в состоянии его нивелировать. Поэтому простое убийство априори исключает оценку в качестве деяния с признаком малозначительности.

В разряд деяний, над степенью общественной опасности которых доминирует ее характер, следует отнести все тяжкие и особо тяжкие преступления. Сделанный вывод небеспочвенный и основывается на логике законодателя, нередко подчеркивающего в тексте уголовного закона устойчивость общественной опасности тяжких и особо тяжких преступлений. Ярким примером невозможности ис-

ключения общественной опасности деяний, относящихся к обозначенным категориям преступлений, служит институт освобождения от уголовной ответственности. Согласно положениям ч. 1 ст. 75, ст. 76, 76¹ и 76² УК РФ лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление, ни при каких обстоятельствах не может быть освобождено судом от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, возмещением ущерба или назначением судебного штрафа. Своими позитивными поступками после учиненного деяния, относящегося к категории тяжкого или особо тяжкого преступления, лицо не в состоянии нейтрализовать возникшую общественную опасность. Таким образом, тяжким и особо тяжким преступлениям свойственен характер общественной опасности, который в любой правовой ситуации преобладает над ее степенью. Снижение степени общественной опасности преступлений указанных категорий не может стать основанием для исключения на правоприменительном уровне их общественной опасности в целом и установления признаков малозначительности деяния.

Иначе складывается картина, когда определяющее значение при оценке общественной опасности деяния имеет ее степень. Речь идет о преступлениях небольшой и средней тяжести, юридически признающихся таковыми только при условии установления судом относительно ощутимой степени общественной опасности совершенного действия или бездействия. Законодательная модель такого рода уголовных правонарушений, характер общественной опасности которых не выше среднего уровня, а выявленная правоприменителем степень общественной опасности стремится к своему минимальному значению, позволяет констатировать отсутствие общественной опасности в целом. Что немаловажно, сформулированное заключение полностью соответствует позиции Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой в качестве уголовного проступка могут выступать только деяния, относящиеся к категориям преступлений небольшой или средней тяжести. С подобным выводом также согласилось большинство опрошенных нами представителей юридической науки (41,9 %) и судебной практики (51,4 %).

В то же время нет смысла подвергать их дальнейшей дифференциации по предлагаемому Пленумом Верховного Суда РФ основаниям. Какие-либо нормативные ограничения по отнесению к уголовному проступку отдельных деяний, формально относящихся к категориям преступлений небольшой и средней тяжести, противоречат отраженной в ст. 15 УК РФ идее о существовании четырех уровней общественной опасности. Справедливость этого тезиса разделяют 45,3 % исследователей и 25 % работников судебной системы, принявших участие в социологическом исследовании.

Второй признак уголовного проступка обусловлен двумя ситуациями, когда правоприменитель вправе исключить в оцениваемом деянии общественную опасность. Для их характеристики в уголовно-правовой оборот уместно ввести понятия «объективная малозначительность» и «субъективная малозначительность». Под объективной малозначительностью подразумеваются известные практике эпизоды, предопределяющие реализацию ч. 2 ст. 14 УК РФ. Обозначенный вид малозначительности отличает то, что исключение в квалифицируемом деянии степени общественной опасности главным образом связывается не с поведением учинителя вреда. Принятое судом решение преимущественным образом основывается на изучении фактических обстоятельств содеянного. Соответствующая правоприменительная практика имеется. Проиллюстрируем данную мысль характерным примером. Гражданин А., находясь на чужом земельном участке, тайно загрузил в автомобиль два тюка соломы, принадлежащих коммерческой организации. В результате действий А. потерпевшему был причинен материальный ущерб на общую сумму 2782 рубля. Содеянное судом было оценено на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ¹. Пример показателен тем, что признаком малозначительности наделено хищение, которое формально подпадало под соответствующий состав преступления (ч. 1 ст. 158 УК РФ). Согласно материалам дела, сумма похищенного превосходила значение, которое бы позволяло оценивать содеянное в качестве

¹ См.: Постановление Президиума Брянского областного суда от 22 августа 2018 г. по делу № 44У-61/2018 // Архив Брянского областного суда за 2018 г.

административного правонарушения, но суд счел объективно причиненный ущерб недостаточным для установления общественной опасности.

Своим решением правоприменитель подтверждает, что природа деяния с признаком объективной малозначительности уголовно-правовая. Она не имеет отношения к проблеме межотраслевого взаимодействия. Однако встречается и прямо противоположная позиция. Особый интерес в этом плане представляет зарубежный опыт. Так, согласно ч. 4 ст. 11 УК Республики Беларусь, «не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению. Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания»¹.

Еще дальше идут представители белорусской науки уголовного права. По мнению А.В. Ковальчук, «малозначительные деяния могут вообще не содержать состава правонарушения и будут признаны аморальными проступками, вред от которых мизерный. Значит, малозначительное деяние, являясь по правовой природе непреступным, может влечь не только юридическую, но и социальную ответственность – моральную, общественную, корпоративную и др.»².

Трудно судить, насколько сформулированная концепция приемлема для белорусских юридических реалий, но в российском правовом пространстве она явно не способствует пониманию природы поступка, обладающего свойством малозначительности. Как отмечает В.Н. Винокуров, «отнесение к малозначительному деянию административных правонарушений не совсем обосновано, поскольку такое широкое понимание малозначительности деяния размывает границы преступ-

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 17.07.2021).

² Ковальчук А.В. Указ. соч. С. 35.

ного и непроступного поведения. Более обоснованно относить к малозначительным деяния, не влекущие административной ответственности»¹.

По своему социально-правовому назначению отрасль уголовного законодательства дает оценку только таким действиям и актам бездействия, которые требуют установления наличия или отсутствия в них признаков общественной опасности. Деяния, не отвечающие данному критерию, уголовное законодательство и практику его применения интересоваться не должны. Не являются исключением действия и акты бездействия, обладающие признаком малозначительности. Подобную точку зрения отстаивают В.Ф. Цепелев и Н.Э. Мартыненко, по уместному замечанию которых, в таких случаях речь идет не об отсутствии в деянии признаков состава преступления, а, напротив, – о наличии таковых².

Противоречащие данному заключению прецеденты имеют место в отечественной правоприменительной практике. Наиболее известными примерами служат попытки квалификации кражи на сумму, соответствующую мелкому хищению, по признакам деяния, предусмотренным ч. 2 ст. 14 УК РФ. Комментируя подобные правоприменительные решения, С.Н. Шатилович справедливо отметил, что в них наблюдается явное «игнорирование такого признака малозначительности деяния, как *формальная уголовная противоправность действия (бездействия) лица*... Казалось бы, ничего сложного в определении формального тождества признаков содеянного с признаками того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом, нет. Однако в 60 % изученных нами отказных материалов, в которых фигурирует такое основание отказа в возбуждении уголовного дела, как отсутствие состава преступления ввиду малозначительности, допущены подобные ошибки»³. В развитие представленной мысли резюмируем, что уголовно-правовая отрасль, исходя из поставленных перед ней задач, не должна

¹ Винокуров В.Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 75.

² См.: Цепелев В.Ф., Мартыненко Н.Э. Малозначительность деяния в судебной практике и интересы потерпевшего // Уголовное право. 2012. № 3. С. 71–74.

³ Шатилович С.Н. Малозначительность деяния как основание устранения уголовной ответственности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) // Вестник ГУВД Тюменской области. 2005. № 2. С. 47.

характеризовать деяния, изначально подпадающие под признаки административных или иных правонарушений.

Рассматривая объективную малозначительность деяния в качестве признака уголовного проступка, на правоприменительном уровне обнаруживаем фундаментальную проблему, требующую своего разрешения. До настоящего времени представители судейского корпуса не достигли единства мнения в вопросе о социально-правовой сущности деяния, оцениваемого по ч. 2 ст. 14 УК РФ. Как показывает практика, подобные правовые ситуации в подавляющем большинстве случаев заканчиваются вынесением оправдательного приговора. Основанием принятого решения судами первой инстанции традиционно указывается отсутствие в содеянном признаков состава преступления (п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ)¹. Верховный Суд РФ полностью разделяет позицию нижестоящих судов². Однако внутренняя противоречивость такого рода оправдательных приговоров очевидна. Разобрав любой прецедент, связанный с применением на практике ч. 2 ст. 14 УК РФ, можно убедиться в том, что он базируется как раз на установлении, а не отсутствии в деянии признаков состава преступления. Например, по приговору Смирныховского районного суда Сахалинской области от 19 апреля 2005 г. П. был оправдан по п. «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления. Было установлено, что П. незаконно выловил на реке 8 штук рыбы кеты, но сумма причиненного вреда оценивалась как незначительная. Определением судебной коллегии по уголовным делам Сахалинского областного суда от 8 июня 2005 г. приговор оставлен без изменения. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ подтвердила правомерность принятых решений. Суд пришел к выводу, что «действия П. хотя формально и содержат признаки преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ, но в силу малозначитель-

¹ См.: Приговор Карталинского городского суда Челябинской области от 1 сентября 2015 г. по делу № 1-159/2015 // Архив Карталинского городского суда Челябинской области за 2015 г.; Приговор Заинского городского суда Республики Татарстан от 15 июня 2018 г. по делу № 1-33/2018 // Архив Заинского городского суда Республики Татарстан за 2018 г.

² См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2011 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 июня 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 9.

ности не представляют общественной опасности»¹. Обращает на себя внимание то, что уже сама по себе юридическая постановка вопроса свидетельствует о наличии в деянии криминообразующих признаков. Об этом прямо говорит Пленум Верховного Суда РФ в п. 12 своего постановления от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)»². Поскольку материалами дела полностью подтверждено, что П. выполнил объективную и субъективную сторону действия, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ, то в содеянном признаки состава преступления присутствуют. В связи с этим итоговый вывод суда выглядит нелогичным. Вредоносное деяние совершено и юридически установлено, но виновное лицо оправдано и приобрело право на реабилитацию. По своему статусу оно ничем не отличается от человека, никогда не пытавшегося пренебречь своей уголовно-правовой обязанностью. Показанные правовые последствия совершения деяния с признаком малозначительности вряд ли способны удовлетворить социальный запрос на справедливую оценку содеянного.

Объяснение наблюдаемой тенденции применения ч. 2 ст. 14 УК РФ обнаруживается непосредственно в содержании уголовного закона. Материальная предпосылка для реализации анализируемого положения в нем присутствует, однако конструктивная модель решения проблемы не представлена. Законодатель избегает принципиально важного ответа на вопрос относительно природы феномена, образуемого деянием с признаком малозначительности. Имеющаяся по нему «недосказанность» вынудила правоприменителя найти процессуальный вариант его решения, который не отталкивается от сущности рассматриваемого явления. Наделяя соответствующие деяния реабилитирующим началом, судебная власть создает иллюзию их правомерности.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 августа 2006 г. по делу № 64-ДП06-12 // Электронная библиотека «Судебная система Российской Федерации» URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_35614.htm (дата обращения: 19.07.2021).

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 11.

Отсутствует ясность по анализируемому аспекту и в теории уголовного права. Так, Ч.М. Багиров считает, что «категория “малозначительность”, несмотря на свою специфичность, по правовой природе наиболее близка к обстоятельствам, исключаящим преступность поведения»¹. Сделанное заключение нельзя считать логичным, поскольку сам автор признает малозначительными «формально уголовно противоправные действия (бездействие) лица, причинившие незначительный вред охраняемым уголовным законом интересам, при направленности умысла именно на причинение такого вреда»². Если лицо направляло свои усилия на причинение вреда охраняемому уголовным законодательством объекту, то его поведение прямо противостоит природе института обстоятельств, исключаящих преступность деяния. В отличие от уголовных правонарушений, совершаемые в рамках упомянутых обстоятельств деяния ориентированы как раз на устранение опасности причинения вреда интересам личности, общества, государства, мира и безопасности человечества.

Абсолютно ясно, что оцениваемые по ч. 2 ст. 14 УК РФ поступки социально неприемлемы и заслуживают отрицательной уголовно-правовой оценки. Когда содеянное, хотя и формально, но все же содержит состав преступления, то оно автоматически приобретает значение уголовного правонарушения. В связи с чем перед законодателем есть смысл поставить вопрос о создании условий признания деяния с признаком малозначительности в качестве уголовного проступка, влекущего конкретные юридические последствия совершения.

Переходя к анализу субъективной малозначительности, изначально оговоримся, что упомянутая категория сегодня находится вне терминологического аппарата науки уголовного права. Однако в контексте проводимого исследования она востребована. Ключевое свойство субъективной малозначительности связывается с утратой лицом своей общественной опасности вследствие позитивного поведения, мотивированного желанием загладить учиненный вред до момента вынесения судом решения по делу. К конкретным формам проявления малозначи-

¹ Багиров Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 8.

² Там же.

тельности субъективной природы, когда правоприменитель вправе исключить в оцениваемом деянии общественную опасность, логично отнести ситуации реализации большинства положений об освобождении от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ). Если говорить предметнее, то речь идет об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием на общих условиях (ч. 1 ст. 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), возмещением ущерба (76¹ УК РФ), назначением судебного штрафа (76² УК РФ). Хотя прямо об утрате общественной опасности лица вследствие его созидательного поведения упоминается только в ч. 1 ст. 75 УК РФ, несложно предположить, что основание применения ст. 76, 76¹ и 76² УК РФ абсолютно такое же. По рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, «разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности»¹.

В представленную картину явно не вписываются ситуации, оцениваемые с учетом положений ч. 2 ст. 75 и ст. 78 УК РФ. Основание их применения сложно связать с конкретным позитивным поведением учинителя вреда. Так, большинство частных уголовно-правовых ситуаций, предусмотренных примечаниями к статьям Особенной части уголовного закона, когда лицо может быть освобождено от уголовной ответственности независимо от категории совершенного преступления (ч. 2 ст. 75 УК РФ), отражает формы проявления «крайней необходимости» на нормотворческом уровне. Законодатель, руководствуясь приоритетом задачи уголовно-правовой охраны, вынужден создавать условия ограждения соответствующих лиц от уголовной ответственности для предотвращения более значимого вреда охраняемым уголовным законом объектам. Вопрос об утрате общественной опасности действия (бездействия) в подобных случаях не решается. Например, согласно примечанию к ст. 126 УК РФ лицо, добровольно освободившее похищенного, гарантированно освобождается от уголовной ответственности, если в

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

его действиях не содержится иного состава преступления, для того чтобы предупредить наступление тяжких последствий, сопряженных с фактом похищения человека. По своей природе такого рода поступки больше тяготеют к институту добровольного отказа от преступления.

В ряду поведенческих актов, прямо или косвенно подпадающих под действие ч. 2 ст. 75 УК РФ, имеются исключения. В частности, на основании примечания к ст. 195 УК РФ лицо, впервые совершившее неправомерные действия при банкротстве, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления, добровольно сообщило о лицах, извлекавших выгоду из незаконного или недобросовестного поведения должника, раскрыло информацию об имуществе (доходах) таких лиц, объем которого обеспечил реальное возмещение причиненного этим преступлением ущерба, и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Содержание представленного примечания полностью отвечает духу деятельного раскаяния. Однако вызывает большие сомнения рациональность его обособления в отдельном положении. Описанные ч. 1–5 ст. 195 УК РФ поступки законодателем отнесены к разряду преступлений небольшой и средней тяжести. Тяжкие и особо тяжкие преступления среди них отсутствуют. Поэтому формально содержание ч. 2 ст. 75 УК РФ, адресованное именно тяжким и особо тяжким преступлениям, на неправомерные действия при банкротстве распространяться не должно. Но данный аспект не столь принципиален. Гораздо важнее, что после совершения описанных в примечании к ст. 195 УК РФ поступков лицо вполне может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием на общих условиях (ч. 1 ст. 75 УК РФ). Особой специфики по отношению к ним указанные в упомянутом примечании условия освобождения от уголовной ответственности после совершения неправомерных действий при банкротстве не обнаруживают.

Что касается освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, то вопрос относительно его основания гораздо более сложный и нередко становится предметом научных дискуссий. Прагматичную

точку зрения по нему в свое время высказал Х.Д. Аликперов: «Цели данного института (ст. 78 УК) нельзя рассматривать как своего рода милость к преступнику или же снисхождение к нему со стороны государства. Просто с истечением длительного времени после совершения преступления существенно затрудняется расследование, утрачивают или теряют силу доказательства по делу, забываются или искажаются в памяти сведения, известные свидетелям, потерпевшим и т.д. Вследствие этого объективное рассмотрение судом дел этой категории и установление по ним картины преступления часто становится или затруднительным, или даже невозможным»¹.

Применительно к отдельным уголовно-правовым сценариям аргументы Х.Д. Аликперова вполне могут быть справедливыми. Вместе с тем сложно настаивать на том, что с истечением определенных сроков всегда утрачивается возможность объективной оценки содеянного. Иначе нельзя объяснить наличие предусмотренных уголовным законом деяний, совершение которых вообще не предполагает возможности истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности (ч. 5 ст. 78 УК РФ).

По поводу основания обсуждаемого вида освобождения от уголовной ответственности в науке есть другая позиция. А.Е. Якубов считает, что «законопослушное поведение лица в течение длительного срока свидетельствует о его исправлении, т.е. о достижении без назначения наказания одной из целей, предусмотренных ч. 2 ст. 43 УК РФ»².

Близкую идею развивают А.В. Ендольцева и Ю.В. Ендольцева, по мнению которых, «законодатель сегодня не ставит вопрос об освобождении от уголовной ответственности лица в зависимости от того, снизилась или нет его общественная опасность после совершения преступления... Условием освобождения лица от уголовной ответственности на основании действующего уголовного закона (ч. 3 ст. 78 УК РФ) является отсутствие его уклонения от следствия или суда. Пред-

¹ Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Законность. 1999. № 8. С. 13.

² Якубов А.Е. Проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2009. № 6. С. 46.

ставляется, что в этом закон видит позитивное постпреступное поведение лица, совершившего преступление, но не препятствующего производству по уголовному делу. И именно такое поведение лица, дающее объективную возможность осуществления уголовного судопроизводства в сроки, установленные законодателем, а не утрата его общественной опасности, имеет решающее значение для применения норм института давности»¹.

Следует полностью согласиться с первым тезисом исследователей. Применение положений о сроках давности действительно не обусловлено утратой общественной опасности соответствующих субъектов. В то же время состоятельность второго из представленных заключений несложно подвергнуть сомнению. Из содержания ст. 78 УК РФ ясно следует, что законодатель не связывает рассматриваемый вид освобождения от уголовной ответственности с положительным поведением лица после совершенного им деяния. Достаточно напомнить два важных обстоятельства. Во-первых, отсутствие факта уклонения лица от следствия или суда отнюдь не означает его активного желания содействовать раскрытию и расследованию преступления. Оно вполне может занять пассивную позицию, юридически не исключая применения положений ст. 78 УК РФ. Во-вторых, попытка соединить основание обсуждаемого вида освобождения от уголовной ответственности с теорией положительного постпреступного поведения лица выглядит бесперспективной ввиду того, что «сроки давности по каждому преступлению исчисляются самостоятельно» (ч. 2 ст. 78 УК РФ). Вряд ли уместно рассуждать о позитивном поведении учинителя вреда, когда даже совершение им нового преступления не прерывает течение сроков давности предыдущего криминального поступка. В связи с этим положения о сроках давности поведение лица после совершения им вредоносного деяния не оценивают.

Сформулированные суждения объясняют некоторую обособленность положений ст. 78 УК РФ в системе разновидностей освобождения от уголовной ответственности. Их преимущественная часть базируется на понимании субъективной

¹ Ендольцева А.В., Ендольцева Ю.В. Правовые последствия истечения сроков давности совершенного преступления: российский и зарубежный опыт. М., 2017. С. 52, 55.

малозначительности, обусловленной созидательным поведением лица после учиненного вредоносного деяния. Основание же освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности логично связать с существованием некоего рационального периода времени привлечения к уголовной ответственности. «Закономерность “запоздалой кары”, обуславливающая существование в уголовном праве института давности, свидетельствует о том, что по прошествии более или менее значительного времени после совершения преступления привлечение лица к ответственности становится нецелесообразным по причине сложности достижения целей наказания и уменьшения или вовсе утраты общественной опасности лица, совершившего преступление»¹. При этом в материальных аспектах сложно судить, что именно происходит с общественной опасностью учинителя соответствующего деяния по истечении длительного времени. Гипотетически не исключается вероятность ее утраты. Одновременно легко смоделировать массу ситуаций, когда лицо будет продолжать демонстрировать преступные наклонности. Чувство безнаказанности вообще может стать стимулом укрепления в его сознании устойчивой криминальной мотивации. В любом случае законодатель не связывает применение ст. 78 УК РФ с каким-либо позитивным поведением лица после совершенного деяния.

Таким образом, применение положений ч. 2 ст. 75 и ст. 78 УК РФ не требует от правоприменителя оценки общественной опасности содеянного. Его роль при этом вообще номинальная, предполагающая неукоснительное выполнение законодательного нацидания. Достаточно установить формальные основания освобождения лица от уголовной ответственности. Представленные аргументы не позволяют моделировать освобождение от уголовной ответственности на условиях, предусмотренных ч. 2 ст. 75 и ст. 78 УК РФ, как следствие признания деяния уголовным проступком.

Вполне закономерно возникнет вопрос относительно природы деяний, не влекущих уголовную ответственность по обстоятельствам, предусмотренным

¹ Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2021. С. 15–16.

примечаниями к статьям Особенной части уголовного закона, а также в связи с истечением сроков давности. Не вдаваясь глубоко в суть поставленной проблемы, относительно нее можно выдвинуть гипотезу. Речь идет о деяниях, которые в совокупности с определенными обстоятельствами не допускают возникновения уголовной ответственности. В этом смысле необходимо четко различать категории «обстоятельства, не допускающие уголовную ответственность», «обстоятельства, освобождающие от уголовной ответственности» и «обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность».

Вводимая в научный оборот категория «обстоятельства, не допускающие уголовную ответственность» объединяет своим содержанием установленные законодателем прямые запреты на привлечение соответствующих лиц к уголовной ответственности. Они основаны на нецелесообразности постановки перед правоприменителем вопроса об общественной опасности содеянного и не требуют применения каких-либо мер уголовно-правового характера. К разряду обстоятельств, не допускающих уголовную ответственность, резонно отнести уголовно-правовые ситуации, подпадающие под действие положений ч. 2 ст. 75 и ст. 78 УК РФ. Специфика их формальных и содержательных компонентов побуждает задуматься о возможности формирования самостоятельной структурной составляющей уголовного закона, обособленной от гл. 11 УК РФ. Ее вполне могли бы пополнить положения об амнистии и помиловании, которые по своему духу близки к обстоятельствам, не допускающим уголовную ответственность. Однако поставленная проблема напрямую не касается тематики уголовного правонарушения. Находясь вне уголовно-правовой оценки на правоприменительном уровне, подпадающие под действие рассматриваемых положений деяния не могут признаваться преступлениями или уголовными проступками. Обнаруженное исследовательское направление целесообразно развивать в рамках теории уголовно-правового компромисса.

Специфика обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности, состоит в исключении ими общественной опасности деяний, формально содержащих признаки каких-либо составов преступлений. В данном случае подразуме-

ваются описанные выше случаи объективной и субъективной малозначительности, претендующей на роль ключевого признака уголовного проступка.

В свою очередь обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность, ассоциируются с отсутствием в оцениваемом деянии всей совокупности конструктивных признаков состава преступления. К ним логично отнести поступки «некачественных» правоисполнителей (невменяемых, не достигших возраста уголовной ответственности, отстающих в развитии), а также случаи невиновного причинения вреда. По смыслу уголовного закона ясно, что такого рода деяния не влекут уголовной ответственности. Однако для уголовно-правовой теории не вполне понятной остается их природа.

По мнению М.Н. Каплина, «указанные деяния нельзя считать разновидностями уголовного правонарушения ввиду обязательного признака виновности. В данном случае речь идет об объективно-противоправном поведении»¹. Исследователь абсолютно прав в том, что исключаящие уголовную ответственность деяния самостоятельный вид уголовного правонарушения не образуют. В то же время их сложно отнести к разряду «объективно-противоправного поведения». Логичное объяснение тому имеется. Так, в ситуациях невменяемости, недостижения возраста уголовной ответственности, отставания в развитии уголовный закон не возлагает на соответствующих лиц обязанность воздерживаться от деяний, предусмотренных Особенной частью уголовного закона. Оказание какого-либо уголовно-правового воздействия на сознание и волю «некачественного» субъекта преступления заведомо бессмысленно. В силу малого возраста, недостаточного уровня развития или болезненного состояния психического здоровья лицо не способно воспринимать социального значения вредоносного поступка и необходимости воздерживаться от его совершения.

В некоторое заблуждение при этом вводят юридические последствия совершения вредоносных деяний «некачественными» правоисполнителями. Так, невменяемому лицу судом могут быть назначены принудительные меры медицин-

¹ Каплин М.Н. Правонарушение в уголовном праве // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2008. Вып. 12: Правонарушения. С. 156.

ского характера, предусмотренные гл. 15 УК РФ. Формируется впечатление, что принудительные меры медицинского характера играют роль некой альтернативы уголовному наказанию. Однако подобный вывод представляется ошибочным. По своей природе указанные меры являются медицинскими, а не уголовно-правовыми. Следует согласиться с Н.В. Генрих в том, что «требуется изъятие из уголовного закона положений, определяющих правовые последствия совершения общественно опасного деяния лицом в состоянии невменяемости. Дальнейшее развитие уголовного права будет все более настоятельно требовать решения этого вопроса»¹.

По несколько другим причинам к разновидностям уголовного правонарушения не относятся случаи невиновного причинения вреда. Согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ, «объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается». Законодатель прямо указывает на то, что невиновно совершенное деяние, хотя по существу и вредоносно, но не общественно опасно. В противном случае уголовная ответственность за поступок, лишенный признаков умысла или неосторожности, вряд ли бы исключалась.

Вся совокупность деяний, совершаемых в рамках обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, вне всяких сомнений имеет уголовно-правовую природу. Об этом свидетельствует объективная потребность в постановке и решении вопроса об их общественной опасности на уровнях нормотворчества и правоприменения. В связи с этим комплекс анализируемых действий и актов бездействия логично поименовать как «уголовно-правовые деяния, уголовными правонарушениями не являющиеся».

Изложенное позволяет резюмировать, что конкретными формами проявления малозначительности субъективной природы на сегодняшний день выступают ситуации, описанные в некоторых положениях гл. 11 УК РФ. Они обусловлены утратой лицом своей общественной опасности вследствие позитивного поведе-

¹ Генрих Н.В. Проблемы совершенствования механизма уголовно-правового регулирования // Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 163.

ния, мотивированного желанием загладить учиненный вред до момента вынесения судом окончательного решения по делу.

Обозначившийся круг разновидностей освобождения от уголовной ответственности имеет много общего с условиями применения ч. 2 ст. 14 УК РФ. Сегодня реализация положений ч. 2 ст. 14 и гл. 11 УК РФ подразумевает некое уголовное правонарушение, не имеющее своего наименования и теоретического обоснования. Однако если установление малозначительности деяния по малоизвестным причинам влечет реабилитацию учинителя вреда, то освобождение от уголовной ответственности к числу реабилитирующих оснований уголовно-правовой наукой и правоприменительной практикой не относится. Логическое объяснение тому имеется, поскольку оценку получает деяние, формально содержащее признаки состава преступления. Оно не влечет уголовной ответственности только потому, что отсутствующая степень общественной опасности квалифицируемого поступка не позволяет суду констатировать наличие в нем общественной опасности в целом. Вместе с тем сущность такого рода правонарушения не ясна. Сам факт освобождения лица от уголовной ответственности соответствующим постановлением исключает наличие преступления, которое в силу презумпции невиновности должно быть установлено только вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Одновременно отсутствует какая-либо альтернатива признанию деяния преступным.

Создавшийся правовой вакуум вполне может быть компенсирован использованием потенциала уголовного проступка. Его понимание в качестве вредоносного деяния, формально принадлежащего к категории преступлений небольшой или средней тяжести, утратившего на момент вынесения судом решения по делу свою общественную опасность, органичным образом связывает причину (малозначительность деяния) и следствие (освобождение от уголовной ответственности). Предлагаемый концепт уголовного проступка обуславливает возникновение формул «преступление всегда влечет уголовную ответственность», а «уголовный проступок всегда освобождает от уголовной ответственности».

Совокупность изложенных суждений позволяет выделить третий признак уголовного проступка. Его суть сводится к тому, что установление рассматриваемого вида уголовного правонарушения является прерогативой суда. С учетом всех обстоятельств дела и характеристик личности виновного независимый правоприменитель вправе констатировать отсутствие степени общественной опасности совершенного действия (бездействия). Предполагаемое деяние хотя формально и подпадает под признаки преступления небольшой или средней тяжести, но в силу малозначительности признается судом как не представляющее общественной опасности.

Сформулированное заключение с большой вероятностью наткнется на критику со стороны научных оппонентов. Согласно одной из известных точек зрения, уровни общественной опасности предусмотренных уголовным законом деяний, будучи официально отраженными в категориях преступлений, исключают какую-либо вариативность. В то же время известное утверждение о том, что характер и степень общественной опасности деяния зафиксированы на законодательном уровне применительно к каждому конкретному преступлению, не отвечает духу развития современного уголовного закона. По формально заданным критериям, предусмотренным ст. 15 УК РФ, сегодня можно сделать вывод лишь о предварительной принадлежности деяния к той или иной категории преступлений. Дополнив ст. 15 УК РФ ч. 6, российский законодатель официально объявил суд субъектом, имеющим непосредственное отношение к установлению уровня общественной опасности содеянного. С учетом принятых нововведений окончательное решение о подтверждении предварительно установленной категории преступления или ее изменении на менее тяжкую принимает суд, руководствуясь выявленной степенью общественной опасности. Намеченная тенденция раскрывает материальное содержание категории «внутреннее убеждение суда», позволяя правоприменителю глубоко вникнуть в существо оцениваемой ситуации и принять адекватное решение.

В правоприменительной практике имеется прецедент, когда лицо пыталось на самом высоком уровне оспорить состоятельность механизма установления ма-

лозначительности деяния. Так, будучи неудовлетворенным содержанием ч. 2 ст. 14 УК РФ, гражданин Ф. направил в Конституционный Суд РФ жалобу. В ней он настаивал, что «часть вторая статьи 14 «Понятие преступления» УК Российской Федерации, позволяющая не привлекать лицо к уголовной ответственности вследствие малозначительности совершенного им деяния, противоречит статьям 19 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации, поскольку применяется без каких-либо ограничений, допускает субъективную оценку общественной опасности совершенных деяний, вопреки тому что только федеральный законодатель вправе признавать их преступлениями, и тем самым создает непреодолимые препятствия для реализации прав потерпевших от преступлений»¹. Вполне предсказуемо и резонно Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы Ф., мотивируя свое решение следующими аргументами: «Приведенная норма позволяет отграничить преступления от иных правонарушений и направлена на реализацию принципа справедливости, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (часть первая статьи 6 УК Российской Федерации). Тем самым обеспечивается адекватная оценка правоприменителями степени общественной опасности деяния, зависящая от конкретных обстоятельств содеянного... Таким образом, часть вторая статьи 14 УК Российской Федерации не может рассматриваться как нарушающая права заявителя в указанном им аспекте»².

По итогам исследования обобщим наиболее значимые выводы относительно понятия уголовного проступка и механизма его установления.

1. Уголовным проступком признается деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо состава преступления, относящегося к категории не-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 уголовного кодекса российской федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2021).

² Там же.

большой или средней тяжести, но признанное судом в силу малозначительности не представляющим общественной опасности. По своей природе уголовный проступок обусловлен пониманием общественной опасности деяния, но не отражает ее сущностные характеристики; материальное начало уголовного проступка вытекает из содержания малозначительности, устанавливаемого методом исключения в содеянном общественной опасности; уголовный проступок не является разновидностью преступления, а представляет собой самостоятельное уголовное правонарушение.

2. Механизм установления уголовного проступка предполагает формальную констатацию в деянии признаков состава преступления (характера общественной опасности) и дальнейшее исключение степени общественной опасности содеянного. В наиболее развернутом виде представленный механизм раскрывают признаки уголовного проступка.

Первый признак уголовного проступка связан с его обусловленностью категорией общественной опасности. Уголовным проступком признается деяние, подпадающее под признаки конкретного состава преступления, общественная опасность которого при определенных обстоятельствах может быть поставлена под сомнение и исключена на уровне правоприменения. Речь идет о деяниях, относящихся к категориям преступлений небольшой и средней тяжести. Что касается тяжких и особо тяжких преступлений, то им свойственен характер общественной опасности, который при любом правовом сценарии доминирует над ее степенью. Снижение степени общественной опасности преступлений указанных категорий не может стать основанием для исключения на правоприменительном уровне их общественной опасности в целом.

Второй признак уголовного проступка обусловлен двумя ситуациями, когда правоприменитель вправе исключить в оцениваемом деянии общественную опасность: объективная малозначительность и субъективная малозначительность. В ситуации объективной малозначительности исключение в квалифицируемом действии или акте бездействия степени общественной опасности обусловлено несущественностью причиненного вреда и не связывается с конкретным поведением

правоисполнителя. Субъективная малозначительность предполагает утрату лицом своей общественной опасности вследствие последующего позитивного поведения, мотивированного желанием загладить учиненный вред.

Третьим признаком уголовного проступка признается возможность его установления только судом. Названный признак отвечает наблюдаемой тенденции по увеличению роли независимого правоприменителя в определении общественной опасности оцениваемого деяния. Характерной иллюстрацией к сказанному является предоставленная судам возможность изменять категорию преступления на менее тяжкую.

3. Обосновываемый концепт уголовного проступка органичным образом связывает причину (малозначительность деяния) и следствие (освобождение от уголовной ответственности). Одновременно он повышает научно-практическое значение формул «преступление всегда влечет уголовную ответственность», а «уголовный проступок всегда освобождает от уголовной ответственности».

Представленное определение уголовного проступка отражает современные тенденции развития уголовного законодательства, основывается на перспективных теоретических разработках и рациональных предложениях правоприменительной практики. Использование полученных выводов на нормотворческом и правоприменительном уровнях не требует фундаментальных преобразований содержания уголовного законодательства и методик по его практической реализации. Предлагаемая дефиниция уголовного проступка может послужить основой для дальнейшего развития теории дифференциации уголовных правонарушений, а также решения частных вопросов, касающихся обоснования природы вредоносных поступков, не обладающих характеристиками общественной опасности, отграничения преступления от иного правонарушения, механизма установления малозначительности деяния.

§ 2. Юридические последствия уголовного проступка

Идея включения в содержание уголовного закона понятия уголовного проступка, приобретая реальные очертания, актуализирует обоснование оптимальных

правовых последствий его учинения. Решение поставленной задачи напоминает дилемму. С одной стороны, допустивший уголовный проступок человек не должен испытывать лишений и ограничений, свойственных уголовному наказанию и иным мерам уголовно-правового характера. В противном случае ситуация практически ничем не будет отличаться от последствий совершения преступления. С другой стороны, важно сохранить уголовно-правовую природу уголовного проступка. Оступившееся лицо должно четко понимать, что находилось на грани преступления, но одновременно не ощущать себя преступником. Оценка его деяния в качестве уголовного проступка является своего рода шансом оставить биографию без криминального отпечатка. В связи с этим определение юридических последствий уголовного проступка имеет высокое значение для отрасли уголовного законодательства и практики ее применения.

В уголовно-правовой теории сформировались определенные позиции, касающиеся юридических последствий уголовного проступка. Так, В.Ф. Цепелев, предлагая отнести к разряду уголовных проступков преступления небольшой тяжести, убежден в том, что они должны наказываться максимальным наказанием в виде лишения свободы сроком до двух лет¹. Близкой, хотя и более либеральной точки зрения, придерживается Е.В. Рогова. В своем диссертационном исследовании, посвященном учению о дифференциации уголовной ответственности, она настаивает на том, что за совершение уголовного проступка как особой категории преступлений разумно установить наказания, не связанные с лишением свободы. «Уголовными наказаниями, предусмотренными за совершение уголовных проступков, должны стать штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, арест»².

¹ См.: Цепелев В.Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова (27–28 мая 2004 г.). М., 2005. С. 632.

² Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 402–403.

Учитывая, что уголовный проступок авторами позиционируется в качестве самостоятельной категории преступлений, предлагаемые последствия его совершения вполне логичны. В то же время они неприемлемы для теоретической модели уголовного проступка, материальная сторона которого обосновывается посредством категории малозначительности. По логике закона, уголовное наказание является инструментом, призванным нивелировать возникшую общественную опасность учинителя посягательства, находящегося в статусе преступника. Рассматривая уголовный проступок в качестве деяния, общественная опасность которого на момент вынесения судебного решения уже утрачена, вопрос о целесообразности применения за него уголовного наказания автоматически снимается.

Спустя некоторое время Е.В. Рогова скорректировала представленную точку зрения. Совместно с Б.Я. Гавриловым она пришла к выводу, что уголовный проступок должен влечь «меры уголовного наказания, но менее строгие, чем за совершение преступления, и не влекущие судимости»¹. Однако состоятельность подобного предложения по ряду причин вызывает сомнения. Во-первых, согласно ч. 1 ст. 86 УК РФ, юридическим фактом, порождающим судимость, выступает осуждение лица именно за совершенное преступление. Деталь имеет важное значение, поскольку авторская концепция прямо относит уголовный проступок к самостоятельному виду преступления. Отсюда следует, что суждение «уголовный проступок как вид преступления не влечет судимости» с позиции уголовного закона противоречиво. Установленное в предусмотренном законом порядке преступление не может исключать осуждение лица.

Во-вторых, возникновение судимости напрямую не корреспондирует с разновидностью назначаемого виновному наказания. Избранный судом вид наказания влияет лишь на длительность нахождения субъекта в статусе судимого. Изложенное суждение прямо вытекает из содержания ч. 3 ст. 86 УК РФ, определяющей сроки погашения судимости посредством апеллирования к наказанию в виде лишения свободы и более мягким видам наказания, чем лишение свободы.

¹ Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Указ. соч. С. 41.

Своеобразную модель решения обсуждаемой проблемы представил Пленум Верховного Суда РФ. Уголовный проступок им связывается с институтом освобождения от уголовной ответственности. На первый взгляд подобный подход вполне логичен. С этим согласны многие представители юридической науки (45,3 % из общего числа опрошенных респондентов), а также судьи и работники аппарата суда (72,2 % из общего числа опрошенных респондентов). Однако освобождение от уголовной ответственности предлагается сопровождать определенными мерами. За ряд преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, против собственности и в сфере экономической деятельности должно предусматриваться денежное возмещение в доход государства в размере двукратной суммы причиненного ущерба или незаконно извлеченного дохода. За иные перечисленные преступления освобождение от уголовной ответственности будет возможным исключительно с применением одной из мер уголовно-правового характера, указанных в проекте гл.15² УК РФ. В их число рекомендуется включить судебный штраф, общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы. Несовершеннолетних, допустивших уголовный проступок, предполагается освобождать от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия¹.

Несложно заметить, что во всех перечисленных последствиях уголовного проступка Пленум Верховного Суда РФ пытается завуалировать уголовно-правовые меры, предусмотренные за совершение преступления. Так, судебный штраф по существу аналогичен штрафу как виду наказания. Общественные работы своим содержанием дублируют обязательные работы. Ограниченно оплачиваемые работы мало чем отличаются от исправительных работ.

По поводу позиционируемого статуса правоисполнителей, допустивших уголовный проступок, Н.А. Лопашенко справедливо замечает: «Все мы прекрасно

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 17.04.2021).

понимаем, что коль скоро для этих лиц предусмотрены свои условия освобождения от уголовной ответственности, практика именно их и будет применять, ухудшая, таким образом, процессуальное и правовое положение лиц, совершивших уголовные проступки. Поскольку вместо полного освобождения от уголовной ответственности, предлагается некий суррогат в виде назначения не наказания, но иных мер уголовной ответственности в виде все тех же судебного штрафа, обязательных работ или исправительных работ»¹. С этим полностью согласен А.В. Смирнов, считая предлагаемые Пленумом Верховного Суда РФ меры наказаниями с сокращенными сроками². «В этом случае, – пишет Н.Ю. Скрипченко, – нивелируется сама идея дифференциации уголовной ответственности, которая, по мнению субъекта законодательной инициативы, и положена в основу законопроекта. Закрепленное в проекте разграничение уголовного проступка от иных преступлений не на основе юридически значимых признаков состава преступления, а исходя из размеров и сроков наказаний, предусмотренных санкцией соответствующей нормы, явно нарушает систему права и не обеспечивает возможности понимания социального значения охраняемых уголовным законом общественных отношений»³.

Как представляется, корректное решение вопроса возможно исключительно по формулам «преступление всегда влечет уголовную ответственность», а «уголовный проступок всегда освобождает от уголовной ответственности»⁴. При этом принципиально важно, что освобождение от уголовной ответственности означает

¹ Лопашенко Н.А. Уголовный проступок в современной России: проекты, проблемы и прогнозы // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. IV Всерос. науч.-практ. конф. (30 сентября 2019 г.). Саратов, 2019. С. 231.

² См.: Смирнов А.В. О законопроекте Верховного Суда Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по матер. V Междунар. науч.-практ. конф. (Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 3 ноября 2017 г.). СПб., 2017. С. 323.

³ Скрипченко Н.Ю. Уголовный проступок: объективная потребность или декларируемая необходимость? // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 14 (1–4), № 2. С. 225.

⁴ См. подробнее: Герасимов А.М. Юридические последствия уголовного проступка // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1. С. 182–189.

отсутствие для лица каких-либо последствий, аналогичных наказанию и иным мерам уголовно-правового характера. «Это решение уполномоченного государственного органа или должностного лица о прекращении уголовно-правового отношения, возникшего в связи с фактом совершения лицом преступления, принимаемое на стадии предварительного расследования или судебного рассмотрения вплоть до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату, либо решение Государственной Думы Федерального Собрания РФ, оформленные в соответствующем процессуальном или подзаконном акте, основанием для которых является положительное посткриминальное поведение лица или наступление определенных юридических фактов»¹. Сформулированное определение достаточно точно отражает суть анализируемого феномена, если оговориться, что под прекращением уголовно-правового отношения предполагается отношение предупредительного характера, являющееся частью непрерывно существующего охранительного отношения.

Освобождение от уголовной ответственности характеризуется рядом признаков. Первый из них предполагает, что реализация анализируемого института становится следствием уголовного правонарушения, не являющегося преступлением. Предпосылкой принятия судом соответствующего решения по делу выступает отсутствие угрозы для общества со стороны учинителя деяния. Его освобождение от уголовной ответственности является закономерным итогом уголовно-правовой оценки содеянного. Совершенно очевидно, что применение к виновному уголовно-правовых мер требуется только при констатации судом преступления, обладающего признаком общественной опасности. В подобной ситуации необходимо принудительным образом нивелировать исходящую от виновного лица угрозу причинения нового вреда объекту уголовно-правовой охраны. Освобождение от уголовной ответственности преступника как носителя общественной опасности явно не способствовало бы обеспечению стоящей перед уголовным законом задачи по предупреждению преступлений. Иначе обстоит дело с юридиче-

¹ Кузьмина О.Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы оптимизации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 12.

скими последствиями деяния, характеризуемого в качестве уголовного проступка. Попытка воздействовать на не совершавшего преступного посягательства человека уголовно-правовыми мерами будет откровенно конфликтовать с социальным предназначением уголовного законодательства. Отрасль станет инструментом отмщения за содеянное, что неприемлемо для цивилизованного общества и демократического государства.

Следующий признак освобождения от уголовной ответственности отражает материальное основание его реализации. Таковым следует признать малозначительность, предполагающую исключение в деянии общественной опасности. При этом анализ содержания уголовного закона и практики его применения показал, что по своей природе уголовно-правовая малозначительность может быть объективной и субъективной. Объективная малозначительность устанавливается судом исходя из обстоятельств содеянного вне зависимости от поведения лица. В подавляющем большинстве случаев объективная малозначительность обусловлена незначительностью вреда, причиненного объекту уголовно-правовой охраны. На сегодняшний день она устанавливается по формуле, закрепленной ч. 2 ст. 14 УК РФ. В свою очередь субъективная малозначительность напрямую зависит от соизидательных поступков правоисполнителя, направленных на возмещение ущерба и заглаживание иным образом причиненного вреда. В действующем уголовном законодательстве субъективная малозначительность ассоциируется с ситуациями, описанными отдельными положениями главы 11 УК РФ.

Еще один признак рассматриваемого уголовно-правового института предусматривает, что в отношении освобожденного от уголовной ответственности лица не будут применяться наказание и иные меры уголовно-правового характера. В приведенном тезисе на первый взгляд наблюдается определенное внутреннее противоречие. Уголовное правонарушение подразумевается, а последствия его совершения отсутствуют. Однако противоречие как таковое отсутствует. Следует иметь в виду, что смысл применения наказания и иных мер уголовно-правового характера сводится к удержанию лица от нового общественно опасного посягательства. Если же общественная опасность содеянного судом не выявлена, то по-

следствия учиненного проступка по характеру воздействия на сознание и волю правоисполнителя не должны соответствовать последствиям преступления.

Заключительный признак освобождения от уголовной ответственности связан с юридическим статусом соответствующего лица. По логике закона, он предполагает отсутствие судимости. Совершение уголовного правонарушения, не признанного общественно опасным посягательством, делает нецелесообразным отнесение лица на определенный период времени к разряду потенциально опасных субъектов. Факт освобождения от уголовной ответственности подтверждает, что уже на момент принятия судом решения по делу оступившийся человек по своим социально-нравственным качествам мало чем отличается от добросовестных правоисполнителей.

Между тем в ситуации уголовного проступка освобождение от уголовной ответственности не может ограничиваться неприменением к лицу наказания, иных мер уголовно-правового характера и положений о судимости. Такой подход способствует формированию на уровне сознания правоисполнителя ложного впечатления о том, что оцениваемое деяние является правомерным. Чтобы ситуация прояснилась, уголовный проступок как вид уголовного правонарушения должен предусматривать собственные последствия совершения, не имеющие общей природы с наказанием и иными мерами уголовно-правового характера. Здесь необходимо напомнить сущность мер уголовно-правового характера. Весьма точно ее характеризует И.Э. Звечаровский, по мнению которого, «меры уголовно-правового характера есть меры, предусмотренные уголовным законом, которые применяются к лицу, совершившему преступление, и влекут за собой изменение его уголовно-правового статуса»¹. Учитывая данное обстоятельство, поставленная задача по обоснованию адекватных уголовно-правовых последствий совершения уголовного проступка обеспечивается исключением из них элемента лишения или ограничения прав и свобод соответствующего лица.

¹ См.: Звечаровский И.Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 19–21.

В контексте приведенных суждений интересен опыт административно-деликтного права. Согласно ст. 2.9 КоАП РФ, «при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием». Закон прямо дает понять, что в ситуации административно-правовой малозначительности речь идет не о реабилитации лица. На правоприменителя возложена обязанность объявить ему замечание по поводу хотя и незначительного, но все же нарушения закона.

Конвертируя представленную идею в уголовно-правовую материю, необходимо принять в расчет материальную составляющую уголовного правонарушения. После установления уголовного проступка недостаточно растолковать лицу сам факт наличия в учиненном деянии формальных признаков состава преступления. Важно донести до его сознания тезис о том, что содеянное находилось на грани посягательства общественно опасного значения. На этом основании в уголовном законе логично предусмотреть обязанность суда разъяснять виновному социальную и правовую составляющие уголовного проступка. В социальном аспекте рекомендуется концентрировать внимание на направленности содеянного против объекта, играющего существенную роль в жизнедеятельности конкретного человека, всего общества или целого государства. Что касается правового аспекта уголовного проступка, суд должен пояснять его принадлежность к разновидности уголовного правонарушения, формально содержащего признаки состава преступления, но не влекущего наказания и иных мер уголовно-правового характера только вследствие своей малозначительности.

С высокой степенью вероятности предлагаемая идея найдет своих оппонентов, которые посчитают обосновываемое юридическое последствие уголовного проступка чрезмерно мягким и сопоставимым с последствием административного правонарушения. Еще до постановки Пленумом Верховного Суда РФ вопроса об официальном закреплении понятия уголовного проступка Л.И. Романова и О.Е.

Шишкина выражали озабоченность относительно того, что «введение категории “уголовных проступков” крайне опасно нивелированием юридических последствий уголовного осуждения, которое утратит качество “исключительности” и оттого перестанет окончательно быть способным выступать в качестве кары за содеянное, выполнять функции как частной, так и общей превенции»¹. Вместе с тем ответ на подобные доводы имеется. Изначально стоит обратить внимание на то обстоятельство, что перед уголовным правом не стоит задача тотальной наказуемости всех лиц, совершивших деяния, предусмотренные уголовным законом. Ориентируясь на развитие физического страха правоисполнителей перед уголовной ответственностью, отрасль уголовного права перестает отвечать требованиям нравственности. Ее подлинное социальное предназначение заключается в том, чтобы развивать на уровне сознания и воли каждого человека ощущение неприемлемости удовлетворения собственных потребностей за счет существенного ущемления интересов других лиц. Обеспечивая поставленную цель, уголовное законодательство оперирует целым комплексом уголовно-правовых инструментов, далеко не все из которых нацелены на лишение или ограничение прав и свобод личности.

Сам факт персонализации человека в статусе предположительного нарушителя уголовно-правовой обязанности (потенциального преступника) окажет совершенно иное воздействие на его сознание и волю, нежели постановка вопроса о наличии в содеянном признаков административного деликта или любого иного правонарушения. Став на определенное время участником уголовно-правового отношения предупредительного характера, лицо вынужденно задумается о сущности деяния, которое судом могло быть оценено в качестве преступления и повлечь правовые последствия, связанные с лишением или ограничением прав и свобод. Поэтому разъяснение виновному социально-правового значения уголовного проступка в полном объеме выполняет свою предупредительную функцию.

¹ Романова Л.И., Шишкина О.Е. Проблемы развития уголовно-правовой и административно-деликтной политики в современной России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 242.

В анализируемом ключе исключительную значимость представляет вопрос об отдаленных правовых последствиях уголовного проступка, аналогичных судимости. Условно их можно дифференцировать на уголовно-правовые и иные юридические последствия. Относительно последствий уголовно-правового значения А.Г. Кибальник предлагает ввести в оборот категорию уголовно-правовой преюдиции. «Ее смысл состоит в том, что повторное совершение проступка в течение года после вступления в силу приговора за ранее совершенный аналогичный проступок должно расцениваться как преступление (со всеми вытекающими последствиями). Для этого, – резюмирует автор, – полагаю возможным “преюдициальные” составы административных правонарушений перевести в разряд уголовных проступков. “Перерастание” повторного совершения уголовного проступка в преступление может конструктивно быть отражено в квалифицированной части нормы о самом уголовном проступке. Замена административной преюдиции на уголовно-правовую позволит решить принципиально важные вопросы разграничения сфер применения норм уголовного и административно-деликтного права, а повторное совершение проступка будет свидетельствовать о действительном усилении характера общественной опасности совершенного деяния (в качестве примера приведу ситуацию с повторным управлением автомобилем в состоянии опьянения)»¹.

Концепция интересна уголовно-правовой теории, но вряд ли приемлема обосновываемому понятию уголовного проступка. А.Г. Кибальник исходит из того, что после совершения уголовного проступка лицо определенное время будет находиться в статусе опасного состояния, практически ничем не отличающегося от сущности судимости. Как известно, социальное предназначение судимости предполагает обеспечение «безопасности посредством снижения риска того, что в особо важные сферы жизнедеятельности будет допущено лицо, проявившее способность причинить вред общественным отношениям и нарушать принятые пра-

¹ Кибальник А.Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68.

вила путем совершения преступления»¹. Правовое содержание судимости достаточно точно высветил Конституционный Суд РФ, который подчеркнул, что «имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности»².

Таким образом, единственным индикатором опасного состояния личности в теории уголовного права и судебной практике признается судимость, подтверждающая готовность правоисполнителя, допустившего нарушение уголовно-правовой обязанности, совершать преступные посягательства на охраняемые уголовным законом объекты. Если лицо общественно опасное деяние не совершает и статус судимого не приобретает, то какие-либо основания для более пристального внимания к его персоне со стороны государства отсутствуют. Не является исключением в этом отношении факт совершения лицом уголовного проступка. Характеризуясь малозначительностью, уголовный проступок не должен предопределять возможность возникновения юридических последствий, отдаленных во времени. Получив необходимые разъяснения со стороны суда относительно социально-правовой сущности допущенного уголовного правонарушения, правоисполнитель автоматически выводится за рамки уголовно-правовых отношений предупредительного характера, возникших по поводу оцениваемого деяния. Изложенное подтверждается тем, что подавляющее большинство опрошенных нами исследовате-

¹ Архенгольц И.А. Судимость и ее общеправовые последствия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 11.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 14, ст. 1302.

лей (57,9 %) также считают нецелесообразным устанавливать правовые последствия уголовного проступка, аналогичные судимости.

Развивая представленную мысль, необходимо отметить, что уголовный проступок предполагает исключение не только отдаленных уголовно-правовых, но и иных правовых последствий его учинения. Речь идет об ограничениях, устанавливаемых в трудовых, образовательных, избирательных и иных отношениях в связи с фактом совершенного уголовного правонарушения. По своему правовому статусу допустившее уголовный проступок лицо ничем не должно отличаться от любого другого человека. Проведение аналогии с соответствующими последствиями судимости здесь также неуместно. Например, многие организации взяли за правило запрашивать у своих работников справки о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, выдаваемые информационными центрами МВД России. Форма и сущность такого рода документа уже сегодня вызывают вопросы с позиции соблюдения прав человека, поскольку информация об уголовном преследовании или его прекращении вследствие презумпции невиновности не имеет никакого отношения к установлению опасного состояния личности. Абсолютно ясно, что в перспективе вне его содержания должны остаться данные, касающиеся совершения лицом уголовного проступка.

Позиционируемая идея актуальна в контексте широко обсуждаемой проблемы увеличения инфраструктуры, обеспечивающей хранение, интеграцию и анализ персональных данных, включающих кодированную информацию об определенных фрагментах ДНК человека. На сегодняшний день российская федеральная база геномной информации, охватывая порядка 0,6 % населения страны, не поражает своими показателями. Во многом они обусловлены тем, что в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» обязательной государственной геномной регистрации подлежит ограниченный круг субъектов и объектов. К ним относятся: лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех ка-

тегорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; неустановленные лица, биологический материал которых изъяты в ходе производства следственных действий; неопознанные трупы¹. Многие государственные и общественные деятели, представители наук криминалистического цикла и работники правоприменительной системы считают обозначенный перечень необоснованно узким и нуждающимся в оптимизации. В частности, Правительство РФ выступило с инициативой о распространении положений об обязательной геномной регистрации на всех осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, подвергнутых административному аресту. Основным аргументом в пользу заявленных нововведений касается того, что «расширение перечня лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, приведет к увеличению информационного массива ФБДГИ и более эффективному использованию геномной информации, полученной в ходе производства экспертиз и исследований, в раскрытии и расследовании преступлений, в том числе прошлых лет»². Несложно предугадать, что в случае официального закрепления понятия уголовного проступка в уголовном законе совершающие его лица с большой вероятностью пополнят перечень субъектов, подлежащих обязательной геномной регистрации.

Между тем неосмысленный энтузиазм в отношении увеличения масштабов базы геномной информации грозит рядом серьезных последствий, связанных с ущемлением достоинства личности, частной жизни, доброго имени умершего, интересов отдельных этнических групп и народностей, а также появлением феномена дискриминации людей по генетическим признакам. Названные проблемы приобрели глобальные масштабы и широко обсуждаются в мировой науке³, что от-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 49, ст. 5740.

² Законопроект № 1048800-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации» (в части расширения перечня лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1048800-7> (дата обращения: 14.05.2021).

³ См.: Brown T.R. Why We Fear Genetic Informants: Using Genetic Genealogy to Catch Serial Killers // Columbia Science and Technology Law Review. 2019. No. 21 (1). P. 114–181; Caenazzo L.,

нюдь не свидетельствует о потребности полного свертывания или ограничения существующего автоматизированного учета генетических профилей. В то же время недопустима тотальная геномная регистрация граждан. Современный банк данных о фрагментах ДНК человека должен отвечать требованию социальной приемлемости, предполагающему установление баланса правоохранительных интересов государства с интересами отдельной личности и общества в целом.

Определяясь с кругом лиц, подлежащих государственной геномной регистрации, важно исходить из того, что она осуществляется на добровольной и принудительной основе. В первом случае, предполагающем самостоятельный и свободный выбор, отсутствуют какие-либо социальные основания для ограничения желания человека депонировать персональные ДНК-данные. Иначе складывается ситуация, когда в сфере геномной регистрации государство намерено задействовать принудительный ресурс. При таком подходе между интересами публичной власти и интересами других участников социума неизбежно возникают точки напряжения, требующие пристального внимания с позиции соблюдения естественных прав и свобод человека, интересов отдельных социальных групп. Нельзя забывать о том, что любая процедура, направленная на учет потенциально опасных и криминально настроенных лиц, должна иметь под собой материальное основание, позволяющее обосновать выделение среди общей массы населения людей, представляющих повышенный интерес со стороны правоохранительных структур. В качестве материального основания обязательной геномной регистрации сегодня логично признать общественную опасность лица, своим поведением продемонстрировавшего готовность удовлетворять собственные потребности за счет преступных посягательств на интересы других лиц. Единственным юридическим фактом, служащим основанием возникновения общественной опасности, следует считать преступление, установленное вступившим в законную силу обви-

нительным приговором суда. Здесь важно подчеркнуть, что уголовный проступок об опасном состоянии личности его учинителя не свидетельствует.

Возвращаясь к существу обсуждаемой проблемы, следует признать, что в ситуации вновь возникших уголовно-правовых отношений предупредительного характера суд вправе учесть информацию о ранее совершенном уголовном проступке при характеристике личности виновного лица. Однако она не может быть заведомым препятствием для признания оцениваемого деяния в качестве уголовного проступка. При наличии к тому оснований суд самостоятельно решает вопрос о наличии или отсутствии в содеянном степени общественной опасности, от которой зависит установление вида уголовного правонарушения.

Направление проводимого исследования исключает потребность в рассмотрении уголовно-процессуальных аспектов обсуждаемых вопросов. В то же время следует согласиться с мнением Пленума Верховного Суда РФ относительно того, что юридически факт совершения лицом уголовного проступка должен оформляться соответствующим постановлением¹. Не будучи преступлением, обозначенный вид уголовного правонарушения снимает с повестки вопрос о необходимости вынесения судом обвинительного приговора.

Гораздо более фундаментальная проблема материализации обосновываемой теории уголовного проступка связана с потребностью во внесении корректировок в уголовно-правовую отрасль. Сегодня в уголовном законе и практике его применения не сведены к общему знаменателю последствия объективной и субъективной малозначительности как форм проявления материальной составляющей анализируемого вида уголовного правонарушения. В ситуации объективной малозначительности, констатируемой посредством применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, широко практикуется реабилитация лица через вынесение оправдательного приговора. В свою очередь, субъективная малозначительность, подразумеваемая в каче-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 17.04.2021).

стве сущностного основания реализации отдельных положений гл. 11 УК РФ, влечет освобождение правоисполнителя от уголовной ответственности нереабилитирующего значения в форме вынесения соответствующего постановления.

Несогласованность представленных последствий совершения деяний, общественная опасность которых исключается на уровне правоприменения, преодолевается путем оценки всякого рода малозначительности в качестве неотъемлемого атрибута уголовного проступка, влекущего освобождение от уголовной ответственности на основании положений гл. 11 УК РФ. В этих целях содержание ч. 2 ст. 14 и гл. 11 УК РФ необходимо свести к единому знаменателю, что обуславливает потребность в некоторых преобразованиях уголовного законодательства. Так, изначально предполагается исключение ч. 2 ст. 14 УК РФ и дополнение уголовного законодательства ст. 14¹ УК РФ приблизительно следующей редакцией:

«Статья 14¹. Понятие уголовного проступка

1. Уголовным проступком признается деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо состава преступления небольшой или средней тяжести, но признанное судом в силу малозначительности не представляющим общественной опасности. При установлении малозначительности деяния учитываются обстоятельства его совершения, личность и поведение виновного.

2. Уголовный проступок влечет освобождение лица от уголовной ответственности на условиях, предусмотренных статьями 74¹, 75 и 76 настоящего Кодекса, с разъяснением ему социально-правового значения совершенного деяния».

Содержание гл. 11 УК РФ важно дополнить статьей, устанавливающей последствия уголовного проступка, малозначительность которого имеет объективную природу. Примерная редакция новой структурной составляющей гл. 11 УК РФ может выглядеть следующим образом:

«Статья 74¹. Освобождение от уголовной ответственности в связи с незначительностью причиненного вреда

Лицо, совершившее деяние, формально относящееся к категории преступлений небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной

ответственности, если судом будет установлено, что оно не причинило существенного вреда охраняемому уголовным законом объекту».

Отсутствие существенного вреда объекту уголовно-правовой охраны в предлагаемой статье уголовного закона будет охватывать случаи объективной малозначительности, которые сегодня получают оценку на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ. Содержание обосновываемого положения ст. 74¹ УК РФ позволит исключить из правоприменительной практики прецеденты необоснованной реабилитации лиц, допустивших уголовное правонарушение, посредством вынесения в отношении них оправдательных приговоров.

Своей трансформации ожидают положения ч. 1 ст. 75 и ст. 76 УК РФ. Их примерная редакция может выглядеть следующим образом:

«Статья 75. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием

Лицо, совершившее деяние, формально относящееся к категории преступлений небольшой или средней тяжести, судом может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого деяния, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный вред».

В представленной редакции ст. 75 УК РФ намеренно опускается фраза «и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». Указание в обосновываемой ст. 14¹ УК РФ на то, что освобождение от уголовной ответственности представляет собой последствие уголовного проступка, материальная сторона которого характеризуется малозначительностью, само по себе подразумевает утрату общественной опасности соответствующего лица.

«Статья 76. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим

Лицо, совершившее деяние, формально относящееся к категории преступлений небольшой или средней тяжести, судом может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред».

Таким образом, предлагаемые нововведения органично свяжут причину (малозначительность деяния) со своим закономерным следствием (освобождение от уголовной ответственности). Одновременно они подчеркнут, что в ситуации освобождения от уголовной ответственности по названным основаниям речь о совершении преступления не идет.

Из главы 11 УК РФ, как уже обосновывалось ранее, целесообразно вычленить формальные и содержательные компоненты ч. 2 ст. 75 и ст. 78 и на их основе сформировать самостоятельную структурную составляющую уголовного закона. Она может объединить своим содержанием все уголовно-правовые положения об обстоятельствах, не допускающих уголовную ответственность.

Содержание гл. 11 УК РФ также целесообразно освободить от ст. 76¹ и 76². Ключевая причина тому заключается в условиях их реализации. Так, предпосылка освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба и с назначением судебного штрафа преимущественным образом дублирует сущность положений об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим. Речь идет о заглаживании причиненного вреда. Что касается упомянутого в ч. 2 ст. 76¹ УК РФ нюанса, связанного с необходимостью перечисления виновным лицом в федеральный бюджет денежного возмещения в размере двукратной суммы причиненного ущерба (суммы полученного дохода или суммы убытков, которых удалось избежать), то он явно не вписывается в единую природу института освобождения от уголовной ответственности. Соответствующее денежное возмещение, обращаемое в доход государства независимо от того, кто выступает потерпевшим от преступления, недвусмысленно напоминает штрафную санкцию. Обозначенное юридическое последствие конфликтует с сущностью освобождения от уголовной ответственности, исключающей применение наказания и иных мер уголовно-правового характера. Точно такая же проблема обнаруживается в условиях освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Содержание ст. 76² УК РФ пытается сочетать в одном уголовно-правовом положении компенсационное основание освобождения от уголовной ответственности с последствиями в виде судеб-

ного штрафа как иной меры уголовно-правового характера. Складывается весьма парадоксальная ситуация, когда освобождение от уголовной ответственности на условиях, предусмотренных ст. 76¹ и 76² УК РФ, по существу влечет уголовную ответственность.

Приблизительно аналогичная картина складывается при применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Согласно ч. 1 ст. 90 УК РФ, «несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия». Прочитанное положение содержит два серьезных противоречия. Во-первых, если несовершеннолетний освобождается от уголовной ответственности, тем самым исключается потребность применения к нему каких-либо мер уголовно-правового характера. Во-вторых, исправительные ресурсы уголовного закона логично задействовать только тогда, когда лицо представляет опасность для охраняемых уголовным законом объектов в связи с установленным фактом совершения им преступления.

В сложившейся ситуации есть все предпосылки к тому, чтобы полностью переориентировать ресурс принудительных мер воспитательного воздействия на институт освобождения от наказания. Реализация задуманного обеспечит логику представленной в ч. 1 ст. 90 УК РФ идеи о том, что совершивший соответствующее преступление несовершеннолетний может быть исправлен посредством применения к нему мер, образующих альтернативу уголовному наказанию. Подробная модель предлагаемых преобразований не предлагается, поскольку вопросы освобождения от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия остаются вне объекта проводимого исследования.

Резюмируя все изложенное относительно юридических последствий уголовного проступка, сформулируем ключевые выводы.

1. Уголовный проступок предполагает освобождение лица от уголовной ответственности на основании малозначительности деяния объективной или субъек-

ективной природы, устанавливаемой при наличии условий, закрепленных положениями гл. 11 УК РФ. Ситуация объективной малозначительности не зависит от поведения виновного и обусловлена несущественностью причиненного вреда. Субъективная малозначительность базируется на созидательном поведении лица, направленном на возмещение причиненного ущерба и заглаживание иным образом учиненного вреда.

2. Согласно предлагаемой концепции, суд обязуется разъяснять лицу социально-правовое значение уголовного проступка. В социальном аспекте рекомендуется концентрировать внимание на направленности содеянного против объекта, играющего существенную роль в жизнедеятельности конкретного человека, всего общества или целого государства. Что касается правового аспекта уголовного проступка, суд должен пояснять его принадлежность к разновидности уголовного правонарушения, формально содержащего признаки состава преступления, но не влекущего наказания и иных мер уголовно-правового характера только вследствие своей малозначительности.

Реализация обосновываемого проекта потребует некоторых корректировок уголовного законодательства. Подробная модель предлагаемых нововведений отражена в содержательной части исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги исследования теории уголовного правонарушения позволяют сформулировать обобщающие выводы и предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства и практики его применения, которые логично представить в виде тезисов.

Уголовное правонарушение представляет собой совершенное деяние, формально содержащее признаки состава преступления, общественная опасность которого установлена (преступление) либо не выявлена судом исходя из обстоятельств деяния и личности виновного лица (уголовный проступок). Природа уголовного правонарушения предопределена общественной опасностью деяния. Она является единственной отправной категорией, взяв за основу которую можно провести четкое разграничение уголовных и иных правонарушений.

Общественную опасность методологически правильно рассматривать исключительно в качестве признака преступления, образующего первую разновидность уголовного правонарушения. Уголовный проступок как второй вид уголовного правонарушения целесообразно не наделять свойством общественной опасности, а определять посредством ее исключения на уровне правоприменения. Все его признаки должны быть производными от соответствующих признаков преступного посягательства. При таких условиях уголовный проступок и преступление не будут соотноситься как часть и целое одного и того же явления. Они приобретут роль взаимообусловленных компонентов единой системы уголовных правонарушений.

Отраслевая специфика и одновременно самостоятельность преступления и уголовного проступка как двух разновидностей уголовного правонарушения обусловлена пониманием социальной результативности уголовного законодательства, обеспечиваемой уголовно-правовым методом. Метод уголовного права предполагает формирование на уровне сознания и воли человека неприемлемости удовлетворения своих интересов посредством совершения преступления, обеспечиваемое угрозой наказания и иными уголовно-правовыми инструментами. Его содержание позволяет констатировать ряд существенных аспектов: метод уголов-

ного права отражает механизм воздействия на предмет уголовно-правовых норм и положений; предметом уголовно-правового воздействия выступают сознание и воля личности; уголовно-правовое воздействие на личность оказывается в рамках единой охранительной функции уголовного права; уголовно-правовое воздействие преследует цель удержания человека от совершения преступления; уголовно-правовое воздействие на личность оказывается всей совокупностью уголовно-правовых инструментов.

Уголовно-правовой метод подтверждает, что в связке двух разновидностей уголовного правонарушения отраслевое значение преступления и уголовного проступка становится неравнозначным. Понятие преступления охватывает группу общественно опасных деяний, ради предотвращения которых сформирована и реализуется вся отрасль уголовного законодательства. Все без исключения нормы и положения уголовного закона сориентированы на недопущение деяний, угрожающих правам и свободам человека и гражданина, собственности, общественному порядку и общественной безопасности, окружающей среде, конституционному строю Российской Федерации, а также миру и безопасности человечества. Результат, ожидаемый от функционирования уголовного законодательства, отражает идеальную модель материального порядка современного общества, свободного от общественно опасных посягательств.

Уголовный проступок на природообразующее отраслевое значение для уголовного закона претендовать не может. Удержание человека от уголовного проступка, рассматриваемого в качестве субсидиарного вида уголовного правонарушения, социальный результат уголовного законодательства не определяет. Выявляя непосредственную функцию данного вида уголовного правонарушения в механизме уголовного права, необходимо обратиться к характеру воздействия на сознание и волю правоисполнителя, обусловленного содержанием уголовно-правовых задач. Первой из таковых выступает охрана интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. Ее суть заключается в разъяснении каждому вменяемому человеку, достигшему возраста уголовной ответственности, возможных неблагоприятных последствий совершения преступления.

В ч. 1 ст. 14 УК РФ с этой целью специально подчеркивается, что преступление находится под угрозой наказания. Угроза наказания служит единственным средством неперсонифицированного принуждения граждан к выполнению обязанности по воздержанию от совершения преступления. Алгоритм реализации охранительной задачи уголовного права имеет принципиальное значение для определения функциональной роли уголовного проступка. На этапе неконкретизированного удержания правоисполнителей от совершения преступлений нерационально высвечивать круг и признаки деяний, которые однозначно судом будут оцениваться как уголовные проступки. Проведя четкую грань между преступлением и уголовным проступком, законодатель рискует вызвать эффект «преждевременного амнистирования».

Иначе обстоит дело с предупреждением преступлений, олицетворяющим вторую задачу уголовного законодательства. В отличие от уголовно-правовой охраны предупреждение преступлений носит персонифицированный характер. Его адресатом является человек, пренебрегший обязанностью по воздержанию от совершения деяний, описанных уголовным законом. В арсенал уголовного права включается развернутый перечень инструментов предупредительного значения. На роль одного из эффективных инструментов персонифицированного уголовно-правового удержания лица от совершения преступления вправе претендовать содержание уголовного проступка. Реализация задуманного требует формирования юридических условий, позволяющих признавать уголовными проступками деяния, вопрос об общественной опасности которых на правоприменительном уровне ставится, но при определенных обстоятельствах решается отрицательно. В рамках данного концепта уголовный проступок приобретает вид квазипреступления. При этом квалификация содеянного в качестве уголовного проступка не может затмевать единого социального значения отрасли уголовного законодательства, заключающегося в удержании человека от совершения общественно опасного посягательства. Оступившееся лицо должно четко понимать, что стояло на грани преступления. Оценка учиненного им деяния в качестве уголовного про-

ступка является вторым и вероятнее всего последним шансом оставить биографию без криминального отпечатка.

Единственным признаком преступления, определяющим природу всех деяний, предусмотренных отраслью уголовного права, выступает общественная опасность. Полученный вывод основывается на трех важных аспектах. Во-первых, признак общественной опасности присущ исключительно преступлению и не дублируется в других отраслях права при характеристике правонарушений. Во-вторых, общественная опасность обуславливает содержание всех признаков преступления, наделяя их свойством «материальности». В-третьих, уголовное право дает оценку только таким деяниям, которые являются общественно опасными, вызывают сомнения с позиции общественной опасности или противостоят общественно опасным посягательствам на охраняемые объекты.

Общественная опасность есть вред охраняемому уголовным законом объекту, угрожающий сложившемуся в обществе материальному порядку, характер которого определен законодателем в диспозиции уголовно-правовой нормы, предусматривающей признаки конкретного преступного деяния, а его степень установлена судом исходя из обстоятельств содеянного и личности виновного лица. Сама семантика словосочетания «общественная опасность» предполагает не только определенный вред охраняемому объекту, но и некую угрозу для общества, исходящую от причинителя вреда. Данный аспект исключительно важен, поскольку «вред» как таковой заведомо лишен конкретной социальной окраски. В зависимости от ситуации он характеризует уголовно-правовое деяние не только в отрицательном свете. Вредоносные действия и акты бездействия с позиции уголовного закона могут приобретать значение социально нейтрального и даже общественно полезного поведения.

Источником и носителем угрозы для материального порядка выступает человек, нарушивший уголовно-правовую обязанность воздерживаться от совершения преступления. Юридическим фактом, служащим основанием возникновения общественной опасности, следует считать преступление, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. При этом исходящая от

преступника угроза для общества ограничена во времени. По логике уголовного закона, преступник выступает потенциальным источником нового вреда объекту уголовно-правовой охраны в тот период, когда находится в статусе судимого.

Переориентируясь на понятийный аппарат уголовного права, важно подчеркнуть, что оперирование категориями «общественная опасность деяния» и «общественная опасность лица, совершившего преступление» вполне допустимо. В уголовно-правовой сфере они позволяют расставить необходимые акценты, но правильному восприятию внутренней сущности и структурных компонентов общественной опасности при этом не препятствуют.

Сущностными характеристиками общественной опасности являются ее характер и степень. Характер общественной опасности фиксируется в диспозиции уголовно-правовой нормы законодателем. Будучи властью представительной, Государственная Дума РФ от имени российского общества и в рамках делегированных ей полномочий самостоятельно решает вопрос о том, какие деяния на сегодняшний день представляют угрозу материальному порядку в пределах юрисдикции государства. Прибегая к инструментам криминализации и декриминализации, публичная власть тем самым реагирует на социальный запрос в части качества охраны значимых интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. Устанавливая границы конкретной уголовно-правовой обязанности правоисполнителя, законодатель решает задачу официального закрепления характера общественной опасности действия (бездействия), свойственного всем деяниям такого рода. Современные методики установления уголовно-правового запрета предполагают обоснование таких криминообразующих признаков деяния, которые не только позволяют избежать излишней казуистичности уголовного закона, но и одновременно исключают возможность привлечения к ответственности лиц, общественно опасных деяний не совершавших. Техника дефинирования уголовно-правовых норм ни в коем случае не может вступать в конфликт с интересами законности.

Степень общественной опасности, будучи вариативной в определенном временном интервале, устанавливается судом исходя из обстоятельств содеянно-

го, последующего поведения и личности виновного. На уровне правоприменения характер общественной опасности только констатируется, а ее степень требует установления. Развиваемая идея свидетельствует о том, что степень общественной опасности учиненного поступка не статична и может варьироваться в относительно широком временном интервале. В целом общественную опасность как признак преступления можно отнести к разряду оценочных уголовно-правовых категорий.

В уголовном законе категория общественной опасности употребляется в двух значениях. Совершенному поступку, оценка которого с позиции уголовного закона только предстоит, свойственна потенциальная общественная опасность, которая нуждается в подтверждении или опровержении на правоприменительном уровне. Если вопрос об общественной опасности деяния решается положительно, она обретает свойство одного из признаков преступления. Не подтверждается общественная опасность содеянного в том случае, когда устанавливаются признаки «некачественного» субъекта преступления, невиновного причинения вреда или его малозначительности. Сама постановка вопроса об общественной опасности деяния, независимо от итогов правоприменительной оценки, подчеркивает его уголовно-правовую природу.

Обосновываемые в настоящем исследовании идеи относительно природы уголовного права и материальной сущности преступления позволяют высказать некоторые соображения относительно того, что позиционируемые традиционной теорией основания и условия криминализации не являются аксиоматичными и обладают изрядным количеством уязвимых мест. Ее разработчики и активные сторонники основанием возведения деяния в разряд преступного признают достижение им уровня общественной опасности. Однако уровень и параметры общественной опасности невозможно установить, если рассматривать ее вне уголовно-правовой материи. Совершенно очевидно, что в определении конкретных объективных граней общественно опасного деяния ключевую роль играет законодательная воля.

Согласно позиционируемому концепту, основанием уголовно-правового запрета выступает выявленная угроза причинения вреда правоотношениям, отражающим часть сложившегося в обществе материального порядка, устранение которой возможно посредством официального объявления соответствующего деяния преступным. Прибегая к инструменту криминализации, федеральный законодатель сталкивается с рядом условий. Первое условие предполагает, что регулятивный потенциал в решении проблемы, затрагивающей сложившейся материальный порядок, полностью исчерпан. Второе условие связано с нравственными требованиями, предъявляемыми к новой модели уголовно-правового поведения, согласно которым она должна: исходить из приоритета интересов человека и его безопасности; не ограничивать свободу личности, обусловленную его естественными правами и приобретенным статусом. Третье условие вытекает из необходимости соблюдения материально-идеологических начал отрасли уголовного законодательства, заложенных в ее принципах.

В духе обозначившихся тенденций правовой жизни все больше исследователей, занимающихся вопросами юридической оценки отклоняющегося от нормы поведения правоисполнителя, находят области соприкосновения уголовного и административного правонарушений. Между тем подобное направление едва ли можно считать перспективным. Межотраслевое взаимодействие уголовного права и законодательства об административных правонарушениях, обосновываемое доктриной и обеспечиваемое нормотворческой практикой, предполагает не смешение сущностных признаков преступления и административного проступка, а проведение между ними четкой границы. Уникальная правовая природа уголовного и административного правонарушений обусловлена самостоятельными предметами, методами, задачами и принципами отраслей уголовного и административно-деликтного права. Уголовный закон нацелен на удержание человека от деяний, представляющих угрозу для сложившегося в обществе материального порядка (общественно опасных деяний). Законодательство об административных правонарушениях призвано предотвратить формальные правонарушения физических и юридических лиц, которые напрямую не затрагивают фактических интере-

сов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества (нарушения правопорядка).

Вредоносность преступления и административного правонарушения можно разграничить по ряду оснований. Во-первых, совокупный вред от преступного посягательства представляет угрозу фактическим интересам личности, общества, государства, мира и безопасности человечества. «Сумма вреда» от административного правонарушения, формально затрудняя правовое регулирование социальных отношений, не создает опасности для материального порядка. Во-вторых, общественная опасность преступления имеет не только источник, но и конкретного носителя (человека, пренебрегшего уголовно-правовой обязанностью). Вредоносность административного деликта обладает только источником (физическое или юридическое лицо, допустившее правонарушение). В-третьих, общественная опасность характеризуется определенными временными пределами. Вредность административного проступка протяженностью во времени определяться не должна.

Нематериальный характер административного правонарушения исключает потребность административно-деликтного права в юридических последствиях, аналогичных инструментам уголовного права (срок, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, административное наказание в виде ареста). Будучи нарушением формальным, административный проступок должен влечет столь же формальные юридические последствия. Закономерным результатом совершения административно-правового деликта выступает мера ответственности, не характеризующая правонарушителя как опасного субъекта.

Правовые реалии свидетельствуют о появлении феноменов, которые размывают отраслевую грань между уголовным и административно-деликтным законодательством. На нормотворческом уровне имеется в виду так называемая административная преюдиция, закладываемая в основу ряда составов преступлений. На уровне правоприменения Конституционным Судом РФ продвигается идея единой публично-правовой ответственности, якобы выступающей связующим звеном между уголовным и административно-деликтным законодательством. Обозначен-

ные феномены, придающие нормам об уголовных и административных правонарушениях взаимообусловленное правовое значение, противоречат отраслевой природе уголовного и административно-деликтного законодательства.

Исследование уголовного правонарушения позволило конкретизировать его структуру. Будучи образованием системным, уголовное правонарушение подразумевает совокупность элементов, каждый из которых претендует на роль самостоятельного предмета критического осмысления. В юридической теории структурные компоненты правонарушения принято строго ограничивать рамками смысловой нагрузки термина «состав». Уголовному праву хорошо известна категория состава преступления. Однако следует иметь в виду, что состав преступления и преступление не являются тождественными. Они соотносятся по формуле «часть и целое». Состав преступления предполагает закрепленную в уголовном законе типовую модель криминообразующих признаков, отражающую характер общественной опасности содеянного. Юридически значимые признаки преступления, остающиеся вне состава преступления, характеризуют степень общественной опасности учиненного действия или бездействия. Сочетание состава преступления с обстоятельствами учиненного деяния и личностью виновного образует либо преступление, обладающее конкретными характером и степенью общественной опасности, либо уголовный проступок, лишенный степени общественной опасности и, как следствие, общественной опасности в целом.

Состав преступного деяния ограничивается объективной и субъективной сторонами соответствующего посягательства, оставляя за своими рамками объект и субъект преступления. В уголовном праве органическая взаимосвязь и взаимообусловленность категорий объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны соответствующего деяния выражается на уровне преступления, а не состава преступления. На этом основании объект и субъект преступления (динамичные элементы), а также состав преступления (статичный элемент) следует признать самостоятельными элементами преступления.

Изложенное позволило обосновать вывод о том, что элементы уголовного правонарушения представляют собой структурные компоненты, свойственные

преступлению и уголовному проступку. К ним относятся объект, субъект и состав уголовного правонарушения.

Объект уголовно-правовой охраны (объект преступления) – это правоотношение, возникшее по поводу удовлетворения фактических интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества, которое претерпевает общественно опасное воздействие. Юридические параметры охраняемого уголовным законом отношения устанавливаются регулятивной отраслью права. Непосредственно уголовному законодательству по своей природе не свойственно регулировать нуждающиеся в охране отношения.

Одновременно представленное определение опровергает заключение о том, что объект уголовно-правовой охраны и объект преступного посягательства содер­жательно не совпадают. Употребляя указанные понятия, исследователи в большинстве случаев подразумевают одно и то же явление, рассматриваемое с позиции конкретной уголовно-правовой ситуации. Когда соответствующие отношения не испытывают преступного воздействия, более уместно говорить об объекте уголовно-правовой охраны. В случае совершения преступления принято использовать словосочетание «объект преступления».

Между тем непосредственный «удар» от преступления принимает на себя именно предмет воздействия. Предметом уголовного правонарушения выступает конкретный интерес личности, общества, государства, мира и безопасности человечества как материально выраженное ядро охраняемого уголовным законом правоотношения, которое испытывает непосредственное воздействие со стороны запрещенного уголовным законом деяния. Социальная ценность охраняемого интереса имеет значение для построения Особенной части уголовного законодательства, однако общественную опасность включающихся в ее структуру преступлений не определяет.

По итогам изучения данного аспекта темы стало очевидно, что общественная опасность преступления определяется не столько ценностью объекта посягательства, сколько объемом причиняемого такому объекту вреда. Суммарный вред от преступления складывается из всех объективных и субъективных признаков

деяния, находящегося под угрозой уголовного наказания. Решение задачи по определению характера и степени общественной опасности конкретного поступка требует констатации в содеянном признаков состава преступления, выявления существенных обстоятельств произошедшего, а также характеристики личности виновного лица.

Преступление и уголовный проступок как разновидности уголовного правонарушения обладают единым объектом воздействия, границы которого определены предметом регулирования соответствующей отрасли права. Объектом преступления выступают правоотношения, претерпевшие конкретное разрушительное воздействие или определенное время находившиеся под реальной угрозой фатальных изменений. Объектом уголовного проступка следует признать правоотношения, которые на момент уголовно-правовой оценки запрещенного деяния сохранили или восстановили возможность существовать и нормально развиваться.

Субъектом уголовного правонарушения выступает лицо, обладающее формальными признаками правоисполнителя, характеристика личности и линия поведения которого дают возможность суду оценить его опасность для общества. В рамках двух разновидностей уголовного правонарушения субъект преступления и субъект уголовного проступка находят отличия в материальных аспектах при установлении степени общественной опасности содеянного. При этом субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, согласно вступившему в законную силу обвинительному приговору суда нарушившее уголовно-правовую обязанность и представляющее угрозу материальному порядку вследствие причинения вреда интересам физического или юридического лица, признанного потерпевшим. В свою очередь, субъектом уголовного проступка следует считать вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, согласно вступившему в законную силу постановлению суда об освобождении от уголовной ответственности не нарушившее уголовно-правовую обязанность и не представляющее угрозу материальному порядку вследствие несущественности причиненного ущерба или за-

глаживания учиненного вреда интересам физического или юридического лица, признанного пострадавшим.

Анализ отраслевой природы и структурных элементов уголовного правонарушения способствовал обоснованию идеи о том, что его состав охватывает представленную в уголовном законе типовую модель преступного деяния, обретающую форму преступления или уголовного проступка в зависимости от установления судом степени общественной опасности содеянного. Состав двух видов уголовного правонарушения номинально тождественен понятию состава преступления. Вне своей материальной сущности типовые признаки преступления формально совпадают с аналогичными признаками уголовного проступка. В то же время данное обстоятельство не только не предопределяет, но и полностью нивелирует необходимость официальной замены словосочетания «состав преступления» фразой «состав уголовного правонарушения». Выраженный в законе акцент на категории состава преступления способствует пониманию того, что речь идет о типовой модели такого поведения, удержание от которого является миссией всей отрасли уголовного права.

Состав преступления как типовая модель преступного деяния имеет следующее уголовно-правовое значение: а) отражает характер общественной опасности деяния; б) определяет границы конкретной уголовно-правовой обязанности правоисполнителя; в) является юридическим фактом, на основе которого ставится вопрос о наличии в совершенном деянии признаков преступления или уголовного проступка.

Обращение к отдельным разновидностям уголовного правонарушения позволило сделать ряд заключений относительно их природы, содержания и последствий совершения.

Социально-правовая природа преступления – это облеченная в правовую форму нравственно обусловленная обязанность, сущность которой предполагает позитивно мотивирующее воздействие на волеизъявление человека с целью подавления его побуждений к реализации собственных потребностей за счет ущемления интересов других людей и социума в целом.

Решения федерального законодателя по вопросу объема и содержания уголовно-правовых обязанностей правоисполнителя с позиции нравственности оцениваются исходя из трех ситуаций. В первой ситуации уголовно-правовые нормы полностью отвечают нравственным требованиям, поскольку обязывают физических лиц воздерживаться от поведения, мотивированного желанием обеспечить собственные потребности за счет ограничения прав и свобод иных граждан или охраняемых законом интересов общества и государства. Ситуация вторая предполагает, что разрабатываемые, принимаемые и вводимые в действие нормы и положения уголовного законодательства о преступных деяниях обладают нравственно нейтральной сущностью. Речь идет об уголовно-правовых запретах на совершение деяний, злонамеренность которых выражена неотчетливо. В ситуации третьей нормы уголовного закона начинают противостоять нравственным приоритетам, обязывая человека к поведению, ущемляющему его личную свободу.

Первые две из описанных ситуаций являются приемлемыми для успешного функционирования отрасли уголовного законодательства. Ситуация третья, затрудняя формирование на уровне сознания и воли правоисполнителя стереотипов надлежащего уголовно-правового поведения, препятствует решению задач уголовного права.

В работе сформулировано и обосновано определение преступления, которое наполняет анализируемый феномен достаточным уголовно-правовым содержанием. Преступлением признается общественно опасное поведение лица, обязанного воздерживаться от него под угрозой уголовного наказания, содержащее признаки предусмотренного уголовным законом состава преступления, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда и влекущее уголовную ответственность.

В качестве конструктивных признаков преступления выступают:

а) общественно опасное поведение, предполагающее систему поступков учинителя вреда, имеющих уголовно-правовое значение для оценки содеянного. Компонентами преступного поведения следует считать само деяние, формально содержащее признаки состава преступления (характер общественной опасности),

а также иную деятельность лица, относящуюся к обстоятельствам совершения соответствующего деяния и характеризующую его личность (степень общественной опасности);

б) наличие в общественно опасном поведении признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством. Предлагаемый признак снимает целый пласт вопросов по поводу природы диалектической связи состава преступления и преступления. Она образована по формуле «часть и целое». Состав преступления предстает лишь в качестве формальной основы преступления, характеризующегося не только типовой законодательной оболочкой, но и конкретной материальной сущностью;

в) обязанность воздерживаться от преступления под угрозой уголовного наказания. Данный признак уточняет уголовно-правовой статус правоисполнителя, основанный на императивном методе уголовного права. Одновременно он показывает механизм уголовно-правовой охраны социально значимых объектов и предупреждения преступлений. Задача уголовно-правовой охраны, определяющая функциональное предназначение всей отрасли уголовного законодательства, обеспечивается удержанием человека от совершения преступления под угрозой уголовного наказания. Задача по предупреждению преступлений достигается посредством реализации такого рода угрозы в отношении лиц, нарушивших свою уголовно-правовую обязанность;

г) уголовная ответственность, выражающаяся в применении принудительного ресурса уголовного права к лицу, нарушившему уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления. Уголовная ответственность является неотъемлемым следствием признания лица опасным для общества и нуждающимся в применении к нему наказания и иных мер уголовно-правового характера;

д) установление преступления вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Названный признак раскрывает материальные аспекты гарантированной Конституцией РФ презумпции невиновности в содержании уголовного законодательства.

Предлагаемое определение преступления существенно отличается от официально закрепленного ч. 1 ст. 14 УК РФ понятия, однако развивает его в материально-отраслевом духе уголовного законодательства. Оно уточняет сущностные свойства и механизм установления преступного посягательства, разрешает проблему соотношения преступления и состава преступления, позволяет провести четкую грань между преступлением и уголовным проступком.

Категории преступлений представляют собой формально обособленные группы составов преступлений, вопрос о принадлежности к которым конкретных общественно опасных деяний решается судом, исходя из обстоятельств содеянного и с учетом личности виновного лица. Алгоритм определения категории конкретного преступления предполагает два действия. По формально заданному критерию, позволяющему дифференцировать составы преступлений исходя из характера отражаемой ими общественной опасности, констатируется предварительная принадлежность совершенного деяния к той или иной категории. С учетом выявленной степени общественной опасности содеянного принимается решение о подтверждении предварительно установленной категории преступления или ее изменении на менее тяжкую.

Единственным формальным критерием категоризации преступлений логично признать срок наказания в виде лишения свободы. Форма вины не вправе претендовать на роль второго критерия категоризации преступлений, поскольку уголовно-правовая санкция учитывает все криминообразующие признаки состава преступления, включая умысел и неосторожность.

Умышленные деяния охватывают все заданные категориями преступлений уровни общественной опасности. Пределы общественной опасности неосторожных деяний ограничиваются категориями преступлений небольшой и средней тяжести. Категории тяжких и особо тяжких преступлений неосторожные деяния характеризовать не должны. В противном случае порог общественной опасности легкомысленных и небрежных деяний искусственным образом заводится выше среднего уровня общественной опасности, необоснованно придавая неосторожным преступлениям значение умышленных посягательств.

Предоставленная судам возможность изменения категории преступления на менее тяжкую развивает материальную составляющую понятия внутреннего убеждения судьи. Его уголовно-правовое значение заключается в том, что итогом основанной на праве и нравственности мыслительной деятельности судьи является сформированная убежденность относительно наличия преступления и уровня его общественной опасности.

Уголовным проступком признается деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо состава преступления, относящегося к категории небольшой или средней тяжести, но признанное судом в силу малозначительности не представляющим общественной опасности. По своей природе уголовный проступок обусловлен пониманием общественной опасности деяния, но не отражает ее существенных характеристик; материальное начало уголовного проступка вытекает из содержания малозначительности, устанавливаемого методом исключения в содеянном общественной опасности; уголовный проступок не является разновидностью преступления, а представляет собой самостоятельное уголовное правонарушение.

Механизм установления уголовного проступка предполагает формальную констатацию в деянии признаков состава преступления (характера общественной опасности) и дальнейшее исключение степени общественной опасности содеянного. В наиболее развернутом виде представленный механизм раскрывают признаки уголовного проступка.

Первый признак уголовного проступка связан с его обусловленностью категорией общественной опасности. Уголовным проступком признается деяние, подпадающее под признаки конкретного состава преступления, общественная опасность которого при определенных обстоятельствах может быть поставлена под сомнение и исключена на уровне правоприменения. Речь идет о деяниях, относящихся к категориям преступлений небольшой и средней тяжести. Что касается тяжких и особо тяжких преступлений, то им свойственен характер общественной опасности, который при любом правовом сценарии доминирует над ее степенью. Снижение степени общественной опасности преступлений указанных категорий

не может стать основанием для исключения на правоприменительном уровне их общественной опасности в целом.

Второй признак уголовного проступка обусловлен двумя ситуациями, когда правоприменитель вправе исключить в оцениваемом деянии общественную опасность: объективная малозначительность и субъективная малозначительность. В ситуации объективной малозначительности исключение в квалифицируемом действии или акте бездействия степени общественной опасности обусловлено несущественностью причиненного вреда и не связывается с конкретным поведением правоисполнителя. Субъективная малозначительность предполагает утрату лицом своей общественной опасности вследствие последующего позитивного поведения, мотивированного желанием загладить учиненный вред.

Третьим признаком уголовного проступка признается возможность его установления только судом. Названный признак отвечает наблюдаемой тенденции по увеличению роли независимого правоприменителя в определении общественной опасности оцениваемого деяния. Характерной иллюстрацией сказанному является предоставленная судам возможность изменять категорию преступления на менее тяжкую.

Обосновываемый концепт уголовного проступка органичным образом связывает причину (малозначительность деяния) и следствие (освобождение от уголовной ответственности). Одновременно он повышает научно-практическое значение формул «преступление всегда влечет уголовную ответственность», а «уголовный проступок всегда освобождает от уголовной ответственности».

Представленное определение уголовного проступка отражает современные тенденции развития уголовного законодательства, основывается на перспективных теоретических разработках и рациональных предложениях правоприменительной практики. Использование полученных выводов на нормотворческом и правоприменительном уровнях не требует фундаментальных преобразований содержания уголовного законодательства и методик по его практической реализации. Предлагаемая дефиниция уголовного проступка может послужить основой для дальнейшего развития теории дифференциации уголовных правонарушений, а

также решения частных вопросов, касающихся обоснования природы вредоносных поступков, не обладающих характеристиками общественной опасности, отграничения преступления от иного правонарушения, механизма установления малозначительности деяния.

Уголовный проступок предполагает освобождение лица от уголовной ответственности на основании малозначительности деяния объективной или субъективной природы, устанавливаемой при наличии условий, закрепленных положениями гл. 11 УК РФ. Ситуация объективной малозначительности не зависит от поведения виновного и обусловлена несущественностью причиненного вреда. Субъективная малозначительность базируется на созидательном поведении лица, направленном на возмещение причиненного ущерба и заглаживание иным образом учиненного вреда.

Согласно предлагаемой концепции, суд обязуется разъяснять лицу социально-правовое значение уголовного проступка. В социальном аспекте рекомендуется концентрировать внимание на направленности содеянного против объекта, играющего существенную роль в жизнедеятельности конкретного человека, всего общества или целого государства. Что касается правового аспекта уголовного проступка, суд должен пояснять его принадлежность к разновидности уголовного правонарушения, формально содержащего признаки состава преступления, но не влекущего наказания и иных мер уголовно-правового характера только вследствие своей малозначительности.

Реализация представленной теории уголовного правонарушения требует некоторых корректировок содержания уголовного законодательства. В первую очередь рекомендуется уточнить наименование гл. 3 УК РФ, скорректировать представленное в ст. 14 УК РФ понятие преступления, а также дополнить содержание уголовного закона ст. 14¹, определяющей понятие уголовного проступка:

«Глава 3. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК

Статья 14. Понятие преступления

Преступлением признается общественно опасное поведение лица, обязанного воздерживаться от него под угрозой уголовного наказания, содержащее при-

знаки предусмотренного настоящим Кодексом состава преступления, установленное вступившим в законную силу обвинительным приговором суда и влекущее уголовную ответственность.

Статья 14¹. Понятие уголовного проступка

1. Уголовным проступком признается деяние, хотя формально и содержащее признаки какого-либо состава преступления небольшой или средней тяжести, но признанное судом в силу малозначительности не представляющим общественной опасности. При установлении малозначительности деяния учитываются обстоятельства его совершения, личность и поведение виновного.

2. Уголовный проступок влечет освобождение лица от уголовной ответственности на условиях, предусмотренных статьями 74¹, 75 и 76 Кодекса, с разъяснением ему социально-правового значения совершенного деяния».

Наряду с этим содержание гл. 11 УК РФ необходимо дополнить ст. 74¹, устанавливающей последствия уголовного проступка, малозначительность которого имеет объективную природу, а также скорректировать положения ст. 75 и 76 УК РФ. Одновременно указанную структурную составляющую уголовного закона следует освободить от положений ч. 2 ст. 75, ст. 76¹, 76² и 78 как не отвечающих природе института освобождения от уголовной ответственности.

Примерная редакция гл. 11 УК РФ может выглядеть следующим образом:

«Глава 11. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Статья 74¹. Освобождение от уголовной ответственности в связи с незначительностью причиненного вреда

Лицо, совершившее деяние, формально относящееся к категории преступлений небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если судом будет установлено, что оно не причинило существенного вреда охраняемому уголовным законом объекту.

Статья 75. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием

Лицо, совершившее деяние, формально относящееся к категории преступлений небольшой или средней тяжести, судом может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого деяния, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный вред.

Статья 76. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим

Лицо, совершившее деяние, формально относящееся к категории преступлений небольшой или средней тяжести, судом может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред».

Таковы основные положения, выводы и рекомендации, сформулированные по результатам проведенного исследования. В своей совокупности они могут послужить основой для дальнейшего развития теории уголовного правонарушения, обоснования его разновидностей и последствий совершения, а также решения частных вопросов, касающихся разграничения преступления и уголовного проступка, определения сущностных характеристик общественной опасности, механизма выявления малозначительности деяния, установления природы уголовно-правовых поступков, не обладающих свойствами общественной опасности, отграничения уголовного правонарушения от иного правового деликта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Официальные документы

1. Нормативные правовые акты

1. Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 14 марта 2020 г., № 1-ФКЗ) [Текст] // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 11, ст. 1416.
2. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений ETS № 201 (Лансароте, 25 октября 2007 г.) [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 7, ст. 634.
3. Уголовный кодекс РФ: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 14 июля 2022 г., № 345-ФЗ) [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954; 2022. – № 29 (ч. 3), ст. 5312.
4. Уголовно-исполнительный кодекс РФ: федер. закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп. от 11 июня 2021 г., № 183-ФЗ) [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 2, ст. 198; 2022. – № 24, ст. 3943.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 14 июля 2022 г., № 346-ФЗ) [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1), ст. 4921; 2022. – № 29 (ч. 3), ст. 5313.
6. Кодекс РФ об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп. от 14 июля 2022 г., № 291-ФЗ) [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1), ст. 1; 2022. – № 29 (ч. 3), ст. 5258.
7. Семейный кодекс РФ: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп. от 4 августа 2022 г., № 362-ФЗ) [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 1, ст. 16; 2021. – № 32, ст. 5812.
8. Жилищный кодекс РФ: федер. закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (с изм. и доп. от 14 июля 2022 г., № 310-ФЗ) [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 1 (ч. 1), ст. 14; 2022. – № 29 (ч. 3), ст. 5277.

9. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (с изм. и доп. от 14 июля 2022 г., № 497-ФЗ) «О воинской обязанности и военной службе» [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 13, ст. 1475; 2022. – № 29 (ч. 3), ст. 5303.

10. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (с изм. и доп. от 14 июля 2022 г., № 282-ФЗ) «О статусе военнослужащих» [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 22, ст. 2331; 2022. – № 29 (ч. 3), ст. 5249.

11. Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ (с изм. и доп. от 17 декабря 2009 г., № 313-ФЗ) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 49, ст. 5740; 2009. – № 51, ст. 6150.

12. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (с изм. и доп. от 14 июля 2022 г., № 317-ФЗ) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 48, ст. 6724; 2022. – № 29 (ч. 3), ст. 5284.

13. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 50, ст. 7362.

2. Законопроекты

14. Законопроект № 1048800-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации» (в части расширения перечня лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации) [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1048800-7> (дата обращения: 14.05.2021).

15. Законопроект № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [Электронный ре-

курс] // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 10.06.2021).

3. Нормативные правовые акты, утратившие силу

16. Уголовный кодекс РСФСР от 26 мая 1922 г. [Текст] // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15, ст. 153.

17. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г.) [Текст] // Собр. законодательства СССР. – 1924. – № 24, ст. 205; 1937. – № 66, ст. 297.

18. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. [Текст] // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 591.

4. Зарубежное законодательство

19. Code penal. La France: Dalloz, 2020 [Text]. – 3034 p.

20. StGB [Text]. Bundesrepublik-Deutschland: Independently published, 2020. – 340 p.

21. United States Code. Title 18. Crimes and Criminal Procedure [Text]. USA: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2018. – 808 p.

22. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 17.07.2021).

23. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. от 21 января 2019 г. № 217-VI) [Текст] // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2014. – № 13 (2662), ст. 83; Казахстанская правда. – 2019. – № 14 (28891).

24. Кодекс Кыргызской Республики о проступках от 1 февраля 2017 г. № 18 [Текст] // Эркин Тоо. – 2017. – № 17-18.

25. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 [Текст] // Эркин Тоо. – 2021. – № 122-123.

5. Иные документы

26. Итоги деятельности Мажилиса Парламента Республики Казахстан пятого созыва в третьей сессии за период со 2 сентября 2013 г. по 25 июня 2014 г. [Текст]. Астана, 2014.

27. Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г. (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.; в ред. Постановления Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г.) [Текст].

II. Научная и специальная литература

1. Монографии, учебники, учебные пособия

28. Алексеев, С.С. Общая теория права: В 2-х т. [Текст] / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 360 с.

29. Алехин, А.П. Административное право Российской Федерации: учебник [Текст] / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. – М.: Зерцало-М, 2003. – 608 с.

30. Анощенко, С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем [Текст] / С.В. Анощенко. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 248 с.

31. Ахмедшин, Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника [Текст] / Р.Л. Ахмедшин. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005. – 210 с.

32. Баймурзин, Г.И. Ответственность за прикосновенность к преступлению [Текст] / Г.И. Баймурзин. – Алма-Ата: Наука, 1968. – 188 с.

33. Бахрах, Д.Н. Административное право: учебник для вузов [Текст] / Д.Н. Бахрах, Б.В. Российский, Ю.Н. Стариков. – М.: Норма, 2005. – 800 с.

34. Белогриц-Котляревский, Л.С. Учебник Русского Уголовного права. Общая и особенная части [Текст] / Л.С. Белогриц-Котляревский. – Киев–Петербург–Харьков: Южно-Русское Книгоиздательство, 1903. – 628 с.

35. Беляев, Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации [Текст] / Н.А. Беляев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 176 с.

36. Благов, Е.В. Уголовный закон и преступление: лекции [Текст] / Е.В. Благов. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 216 с.

37. Блажко, П.К. Совокупность правонарушений по советскому праву (понятие и юридическое значение) [Текст] / П.К. Блажко. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 97 с.
38. Блинов, А.Г. Правовой статус пациента и его обеспечение регулятивным и охранительным законодательством [Текст] / А.Г. Блинов. – СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – 208 с.
39. Брайнин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве [Текст] / Я.М. Брайнин. – М.: Госюриздат, 1963. – 275 с.
40. Винокуров, В.Н. Объект преступления: систематизация и квалификация [Текст] / В.Н. Винокуров. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2011. – 260 с.
41. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика [Текст] / Л.Д. Гаухман. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. – 316 с.
42. Герасимов, А.М. Уголовное правонарушение и его элементы [Текст] / А.М. Герасимов. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 176 с.
43. Герасимов, А.М. Теория уголовного правонарушения [Текст] / А.М. Герасимов. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 320 с.
44. Глистин, В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений) [Текст] / В.К. Глистин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 127 с.
45. Демидов, Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве [Текст] / Ю.А. Демидов. – М.: Юрид. лит., 1975. – 184 с.
46. Денисов, Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты) [Текст] / Ю.А. Денисов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 142 с.
47. Дмитрук, В.Н. Теория государства и права: учеб. пособие [Текст] / В.Н. Дмитрук. – Минск: Амалфея, 1999. – 224 с.
48. Дурманов, Н.Д. Понятие преступления [Текст] / Н.Д. Дурманов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 315 с.
49. Дурманов, Н.Д. Советский уголовный закон [Текст] / Н.Д. Дурманов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 319 с.

50. Елеонский, В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности [Текст] / В.А. Елеонский. – Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1979. – 83 с.
51. Ендольцева, А.В. Правовые последствия истечения сроков давности совершенного преступления: российский и зарубежный опыт [Текст] / А.В. Ендольцева, Ю.В. Ендольцева. – М.: МГИМО-Университет. 2017. – 184 с.
52. Епифанова, Е.В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность [Текст] / Е.В. Епифанова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 152 с.
53. Жеребкин, В.Е. Логический анализ понятий права [Текст] / В.Е. Жеребкин. – Киев: Вища шк., 1976. – 150 с.
54. Звечаровский, И.Э. Ответственность в уголовном праве [Текст] / И.Э. Звечаровский. – М.: Юрид. центр, 2009. – 140 с.
55. Иванов, Н.Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации [Текст] / Н.Г. Иванов. – М.: Проспект, 2016. – 80 с.
56. Иванов, Н.Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник для вузов [Текст] / Н.Г. Иванов. – М.: Экзамен, 2003. – 768 с.
57. Иванчин, А.В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве [Текст] / А.В. Иванчин. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 208 с.
58. Кант, И. Сочинения: в 6 т. [Текст] / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4 (1). – 544 с.
59. Кирин, А.В. Административно-деликтное право: теория и законодательные основы [Текст] / А.В. Кирин. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 464 с.
60. Ковалев, М.И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации [Текст] / М.И. Ковалев. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1977. – 80 с.
61. Ковальчук, А.В. Малозначительность деяния как средство определения границ преступного: правовая природа, проблемы правоприменения и зако-

нодательного закрепления [Текст] / А.В. Ковальчук. – Минск: Академия МВД, 2016. – 118 с.

62. Кодекс уголовных проступков. Проект [Текст]. – М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1973. – 34 с.

63. Кожевников, С.Н. Правовое поведение и правонарушение: сущность и содержание: учеб.-метод. пособие. 2-е изд., испр. и доп [Текст] / С.Н. Кожевников. – Н. Новгород: Общество «Интелсервис», 2002. – 72 с.

64. Козлов, А.П. Понятие преступления [Текст] / А.П. Козлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 817 с.

65. Козлов, Ю.М. Административное право: учебник [Текст] / Ю.М. Козлов. – М.: Юристъ, 1999. – 320 с.

66. Комплексное изучение системы воздействия на преступность: методологические и теоретические основы [Текст] / отв. ред. П.П. Осипов. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун.-та, 1978. – 150 с.

67. Коняхин, В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права [Текст] / В.П. Коняхин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 348 с.

68. Коржанский, Н.И. Объект преступления и предмет уголовно-правовой охраны [Текст] / Н.И. Коржанский. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. – 248 с.

69. Коржанский, Н.И. Очерки теории уголовного права [Текст] / Н.И. Коржанский. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ВШ МВД СССР, 1992. – 92 с.

70. Коробеев, А.И. Советская уголовная политика [Текст] / А.И. Коробеев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та. 1987. – 268 с.

71. Котляревский, Г.С. Проблемы общей теории права: учеб. пособие по спецкурсу [Текст] / Г.С. Котляревский, Б.Л. Назаров. – М.: Изд-во Всесоюз. юрид. заоч. ин-та, 1973. – Вып. 1. – 77 с.

72. Кочои, С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс [Текст] / С.М. Кочои. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 416 с.

73. Красиков, А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве [Текст] / А.Н. Красиков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 121 с.
74. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства [Текст] / отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2018. – 280 с.
75. Кропачев, Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система [Текст] / Н.М. Кропачев. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 1999. – 262 с.
76. Кругликов, Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве [Текст] / Л.Л. Кругликов, А.В. Василевский. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 300 с.
77. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – М.: Госюриздат, 1960. – 244 с.
78. Кузнецова, Н.Ф. Избранные труды [Текст] / Н.Ф. Кузнецова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 834 с.
79. Курс уголовного права. Общая часть [Текст] / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 1999. – Т 1. Учение о преступлении. – 592 с.
80. Лейкина, Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность [Текст] / Н.С. Лейкина. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1968. – 128 с.
81. Личность преступника [Текст] / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит., 1971. – 356 с.
82. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика [Текст] / Н.А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 579 с.
83. Лопашенко, Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс [Текст] / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 440 с.

84. Любавина, М.А. Субъект преступления: учебное пособие [Текст] / М.А. Любавина. – СПб.: Санкт-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2014. – 60 с.
85. Ляпунов, Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права [Текст] / Ю.И. Ляпунов. – М.: Изд-во ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – 119 с.
86. Макуев, Р.Х. Правонарушения и юридическая ответственность: учеб. пособие [Текст] / Р.Х. Макуев. – Орел: ОрЮОИ МВД России, 1998. – 101 с.
87. Малейн, Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность [Текст] / Н.С. Малейн. – М.: Юрид. лит., 1985. – 191 с.
88. Малько, А.В. Теория государства и права [Текст] / А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2000. – 304 с.
89. Маркс, К. Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 20. – 827 с.
90. Мухаев, Р.Т. Теория государства и права: учебник [Текст] / Р.Т. Мухаев. – М.: ПРИОР, 2001. – 464 с.
91. Назаренко, Г.В. Субъект преступления в отечественном уголовном праве [Текст] / Г.В. Назаренко, А.И. Ситникова, А.А. Байбарин. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 232 с.
92. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций [Текст] / А.В. Наумов. – М.: Изд-во БЕК, 2000. – 590 с.
93. Наумов, А.В. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.) [Текст] / А.В. Наумов. – М.: Ун-т прокур. РФ, 2019. – 384 с.
94. Нерсесянц, В.С. Философия права: учебник для вузов [Текст] / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма, Инфра-М, 1998. – 652 с.
95. Никифоров, Б.С. Объект преступления по Советскому уголовному праву [Текст] / Б.С. Никифоров. – М.: Госюриздат, 1960. – 228 с.
96. Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты [Текст] / Г.П. Новоселов. – М.: Изд-во «НОРМА», 2001. – 208 с.

97. Ной, И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве [Текст] / И.С. Ной. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1962. – 155 с.
98. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. [Текст] / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало-М, 2001. – Т.2 – 639 с.
99. Общее административное право: учебник [Текст] / под ред. Ю.Н. Старилова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. – 848 с.
100. Одинцова, Л.Н. Личность преступника: понятие и криминологическая характеристика [Текст] / Л.Н. Одинцова. – Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. – 248 с.
101. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика [Текст] / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2021. – 436 с.
102. Осипов, П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций [Текст] / П.П. Осипов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 134 с.
103. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) [Текст] / отв. ред.: В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982. – 303 с.
104. Основные направления борьбы с преступностью [Текст] / под ред. И.М. Гальперина, В.И. Курляндского. – М.: Юрид. лит., 1975. – 176 с.
105. Павлов, В.Г. Учение о субъекте преступления: монография [Текст] / В.Г. Павлов. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 376 с.
106. Пикуров, Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей [Текст] / Н.И. Пикуров. – Волгоград: ВЮИ МВД России. 1998. – 224 с.
107. Пионтковский, А.А. Курс советского уголовного права: в 6 т. Часть Общая [Текст] / А.А. Пионтковский. – М.: Наука, 1970. – Т. 2. – 516 с.
108. Пионтковский, А.А. Уголовное право РСФСР. Часть общая [Текст] / А.А. Пионтковский. – М.: Госиздат, 1924. – 235 с.
109. Прохоров, В.С. Преступление и ответственность [Текст] / В.С. Прохоров. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 136 с.

110. Пудовочкин, Ю.Е. Учение о преступлении и о составе преступления: учеб. пособие [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин, Д.А. Дорогин. – М.: РГУП, 2017. – 224 с.
111. Пудовочкин, Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: научно-практическое пособие [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: РГУП, 2019. – 221 с.
112. Пусторослев, П.П. Анализ понятия о преступлении [Текст] / П.П. Пусторослев. – М.: Унив. тип., 1892. – 239 с.
113. Разгильдиев, Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ [Текст] / Б.Т. Разгильдиев. – Саратов: Изд-во Сар. ун-та, 1994. – 320 с.
114. Российское уголовное право. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. В.П. Коняхина. – М: ИНФРА-М, 2016. – 560 с.
115. Сабитов, Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия) [Текст] / Р.А. Сабитов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. – 192 с.
116. Самощенко, И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству [Текст] / И.С. Самощенко. – М.: Юрид. лит., 1963. – 286 с.
117. Сидоренко, Э.Л. Частные начала в уголовном праве [Текст] / Э.Л. Сидоренко, М.А. Карабут. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. – 212 с.
118. Социальная сущность и функции нравственности [Текст] / под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 128 с.
119. Спасович, В.Д. Учебник уголовного права [Текст] / В.Д. Спасович. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. – Т. 1 – 442 с.
120. Сырых, В.М. Теория государства и права: учебник [Текст] / В.М. Сырых. – М.: Былина, 1998. – 512 с.
121. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая [Текст] / Н.С. Таганцев. – СПб.: Гос. Тип., 1902. – Т 1. – 823 с.
122. Таций, В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве [Текст] / В.Я. Таций. – Харьков: Вища шк., 1988. – 198 с.

123. Тоболкин, П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм [Текст] / П.С. Тоболкин. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во 1983. – 176 с.
124. Трайнин, А.Н. Избранные труды [Текст] / А.Н. Трайнин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 898 с.
125. Уголовное право Республики Казахстан: Общая часть: учебник [Текст] / отв. ред.: И.И. Рогов, К.Ж. Балтабаев. – Алматы: Жеті жарғы, 2016. – 448 с.
126. Уголовное право России. Курс лекций: в 6 т. [Текст] / под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2004. – Т. 1. Кн. 1. – 320 с.
127. Уголовное право России. Курс лекций: в 6 т. [Текст] / под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2008. – Т. 2. – 648 с.
128. Уголовное право России. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. – М.: Юристъ, 2003. – 569 с.
129. Уголовное право России. Общая часть: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. – М.: Статут, 2016. – 864 с.
130. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров [Текст] / отв. ред. А.И. Плотников. – Оренбург: Университет, 2016. – 442 с.
131. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов [Текст] / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. – М.: Норма, Инфра-М, 1998. – 516 с.
132. Уголовное право. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист: КноРус, 1997. – 592 с.
133. Филимонов, В.Д. Общественная опасность личности преступника [Текст] / В.Д. Филимонов. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1970. – 278 с.
134. Церетели, Т.В. Причинная связь в уголовном праве [Текст] / Т.В. Церетели. – М.: Госюриздат, 1963. – 382 с.
135. Шеслер, А.В. Состав преступления [Текст] / А.В. Шеслер. – Новокузнецк: Изд-во Кузбас. ин-та ФСИН России, 2016. – 91 с.

136. Шишов, О.Ф. Преступление и административный проступок [Текст] / О.Ф. Шишов. – М.: ВЮЗИ, 1967. – 66 с.

137. Шопенгауэр, А. Свобода воли и нравственность [Текст] / А. Шопенгауэр. – М.: Республика, 1992. – 448 с.

138. Энциклопедия уголовного права [Текст] / отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. – Т. 3: Понятие преступления. – 533 с.

139. Юдин, А.В. Гражданское процессуальное правонарушение и ответственность [Текст] / А.В. Юдин. – СПб.: Юридическая книга, 2009. – 624 с.

2. Статьи в научных журналах и иных изданиях

140. Агеев, А.А. О необходимости введения понятия «уголовный проступок» [Текст] / А.А. Агеев // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 3. – С. 126–129.

141. Агеев, А.А. О совершенствовании уголовного и гражданского права, судьбе законодательства об административных правонарушениях и взаимоотношении их между собой и с другими отраслями права России [Текст] / А.А. Агеев // Библиотека криминалиста. – Научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 20–32.

142. Акутаев, Р.М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. [Текст] / Р.М. Акутаев // Российская юстиция. – 2013. – № 5. – С. 41–44.

143. Аликперов, Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности [Текст] / Х.Д. Аликперов // Законность. – 1999. – № 8. – С. 12–13.

144. Арутюнов, А.А. К вопросу о соотношении уголовного и административного права [Текст] / А.А. Арутюнов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 33–39.

145. Бавсун, М.В. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе [Текст] / М.В. Бавсун, И.Г. Бавсун, И.А. Тихон // Административное право и процесс. – 2008. – № 6. – С. 6–9.

146. Безверхов, А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы [Текст] / А.Г. Безверхов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2011. № 2 (10). С. 39–52.

147. Благов, Е.В. Признаки состава преступления: традиции и реальность [Текст] / Е.В. Благов // Lex Russica (Русский закон). – 2017. – № (6). – С. 156–165.

148. Блинов, А.Г. Правовая среда проведения геномных исследований и перспективы ее оптимизации в России [Текст] / А.Г. Блинов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2018. – № 4 (57). – С. 138–144.

149. Бойко, А.И. Есть и иное мнение [Текст] / А.И. Бойко // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 51–61.

150. Большова, И.А. Соотношение норм уголовного и административного законодательства: методологический анализ [Текст] / И.А. Большова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2014. – № 4 (81). – С. 108–118.

151. Борбат, А.В. Состав преступления как основание уголовной ответственности [Текст] / А.В. Борбат, Б.Д. Завидов, А.В. Ендольцева, А.И. Милевский // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.01.2020).

152. Ботвин, И.В. Учет принципов уголовного права при оценке преступного деяния [Текст] / И.В. Ботвин // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – С. 73–76.

153. Букша, Н.Ю. Субъективная сторона административного правонарушения [Текст] / Н.Ю. Букша // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 11. – С. 70–72. – URL: <https://rucont.ru/efd/560904> (дата обращения: 30.04.2019).

154. Валеев, М.Т. Типовая санкция как критерий категоризации преступлений [Текст] / М.Т. Валеев // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 2 (8). – С. 29–34.

155. Васильев, В.А. Г. Гегель о благе и добродетели [Текст] / В.А. Васильев // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 1. – С. 181–196.

156. Векленко, В.В. Значение объекта преступления [Текст] / В.В. Векленко // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (28–29 марта 2005 г.): в 2 ч. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2005. – Ч. 1. – С. 13–16.

157. Векленко, В.В. Содержательная сторона квалификации преступлений [Текст] / В.В. Векленко, В.Н. Нешатаев // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 101–105.

158. Векленко, П.В. Опасность преступления: онтологические и деонтические параметры [Текст] / П.В. Векленко // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – С. 81–85.

159. Верина, Г.В. Новые концептуальные подходы к вопросам преступления и наказания в российской уголовно-правовой политике [Текст] / Г.В. Верина // Журнал российского права. – 2012. – № 5. – С. 55–59.

160. Верина, Г.В. Ревизия законодательной концепции преступления [Текст] / Г.В. Верина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 1 (132). – С. 109–120.

161. Винокуров, В.Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы [Текст] / В.Н. Винокуров // Журнал российского права. – 2014. – № 4. – С. 75.

162. Гаврилов, Б.Я. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) [Текст] / Б.Я. Гаврилов, Е.В. Рогова // Публичное и частное право. – 2016. – № IV (XXXXII). – С. 7–45.

163. Галахова, А.В. О юридической технике и судебном толковании смежных преступлений и административных правонарушений [Текст] / А.В. Галахова // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы:

матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. у-та им. М.В. Ломоносова (27–28 мая 2004 г.). – М.: ЛексЭст, 2005. – С. 122–127.

164. Гамидов, Р.Т. Малозначительность деяния и уголовный проступок в российском уголовном праве [Текст] / Р.Т. Гамидов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Т. 13, № 1. – С. 79–83.

165. Генрих, Н.В. Проблемы совершенствования механизма уголовно-правового регулирования [Текст] / Н.В. Генрих // Общество и право. – 2009. – № 4 (26). – С. 162–167.

166. Генрих, Н.В. Теоретические предпосылки исследования методов уголовного права [Текст] / Н.В. Генрих // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 4. – С. 143–154.

167. Герасимов, А.М. Метод уголовно-правового воздействия на личность [Текст] / А.М. Герасимов // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 132–135.

168. Герасимов, А.М. Общественная опасность преступления: понятие, структура, сущностные характеристики [Текст] / А.М. Герасимов // Мир юридической науки. – 2018. – № 8. – С. 45–56.

169. Герасимов, А.М. Криминализация как инструмент политики государства в условиях инновационных преобразований [Текст] / А.М. Герасимов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2019. – № 2. – С. 105–113.

170. Герасимов, А.М. Уголовное правонарушение и механизм удержания правоисполнителя от его совершения [Текст] / А.М. Герасимов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 4 (129). – С. 189–198.

171. Герасимов, А.М. Методологические основания разграничения преступления и административного правонарушения [Текст] / А.М. Герасимов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – № 1. – С. 5–11.

172. Герасимов, А.М. Соотношение структурных элементов преступления и состава преступления [Текст] / А.М. Герасимов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 4 (129). – С. 186–192.

173. Герасимов, А.М. Социально-правовая природа преступления и ее отражение в содержании уголовного законодательства [Текст] / А.М. Герасимов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 2. – С. 131–139.

174. Герасимов, А.М. Объект уголовно-правовой охраны и его параметры [Текст] / А.М. Герасимов // *Ex jure*. – 2021. – № 3. – С. 165–181.

175. Герасимов, А.М. Уголовный проступок и механизм его установления [Текст] / А.М. Герасимов // *Lex Russica* (Русский закон). – 2021. – Т. 74, № 10 (179). – С. 75–84.

176. Герасимов, А.М. Категории преступлений и алгоритм их установления [Текст] / А.М. Герасимов // Журнал юридических исследований. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 59–68.

177. Герасимов, А.М. Юридические последствия уголовного проступка [Текст] / А.М. Герасимов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 1. – С. 182–189.

178. Герасимова, Е.А. Проблемы использования института административной преюдиции в уголовном праве [Текст] / Е.А. Герасимова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 6 (101). – С. 178–182.

179. Головин, А.Ю. Структурные элементы состава преступления и их значение для квалификации и предупреждения преступлений коррупционной направленности [Текст] / А.Ю. Головин, Н.В. Бугаевская // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 2. – С. 257–264.

180. Головкин, Л.В. Границы уголовного права: от формального к функциональному подходу [Текст] / Л.В. Головкин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 77–90.

181. Головкин, Л.В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции Criminal Matter (уголовной сферы) [Текст] / Л.В. Головкин // Международное правосудие. – 2013. – № 1 (5). – С. 42–52.

182. Густова, Э.В. Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики [Текст] / Э.В. Густова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 224–227.

183. Дагель, П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве // Ученые записки ДВГУ [Текст] / П.С. Дагель. – Владивосток, 1968. – Вып. 21. Ч. 1. – 188 с.

184. Дагель, П.С. Условия установления уголовной наказуемости [Текст] / П.С. Дагель // Правоведение. – 1975. – № 4. – С. 67–74.

185. Даурова, Т.Г. Нравственное состояние уголовного права как критерий его эффективности [Текст] / Т.Г. Даурова // Эффективность уголовного законодательства Российской Федерации и обеспечение задач, стоящих перед ним: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (25–26 марта 2004 г.): в 2 ч. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2004. – Ч. 1. – С. 25–32.

186. Долгополов, К.А. Влияние характера и степени общественной опасности совершенного деяния на назначение уголовного наказания [Текст] / К.А. Долгополов // Виктимология. – 2015. – № 1 (3). – С. 20–23.

187. Ермакова, О.В. Изменение судом категории преступления: сущность правомочия и обоснованность его закрепления в свете существования концепции общественной опасности [Текст] / О.В. Ермакова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (88). – С. 54–59.

188. Есаков, Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком смысле» [Текст] / Г.А. Есаков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1 (6). – С. 37–45.

189. Жуков, В.Н. Право и нравственность в русской школе «возрожденно-го» права [Текст] / В.Н. Жуков // Право и политика. – 2001. – № 1. – С. 11–18.

190. Звечаровский, И.Э. Понятие мер уголовно-правового характера [Текст] / И.Э. Звечаровский // Законность. – 2007. – № 1. – С. 19–21.
191. Злобин, Г.А. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний [Текст] / Г.А. Злобин, С.Г. Келина // Проблемы правосудия и уголовного права. – М., 1978. – С. 102–118.
192. Зыков, Д.А. Понятие, основания и принципы криминализации и декриминализации деяний [Текст] / Д.А. Зыков, А.В. Шеслер // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 1. – С. 85–90.
193. Иванов, В.Ф. О соотношении уголовного и административного права [Текст] / В.Ф. Иванов // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (III Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. III Всерос. науч.-практ. конф. (29–30 марта 2018 г.). – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2018. – С. 350–354.
194. Иванчин, А.В. Вина и конструирование состава преступления [Текст] / А.В. Иванчин // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 102–105.
195. Иванчин, А.В. О целесообразности построения составов преступлений с административной преюдицией [Текст] / А.В. Иванчин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 98–108.
196. Иванчин, А.В. К вопросу о критериях категоризации преступлений по Уголовному кодексу РФ [Текст] / А.В. Иванчин, Л.О. Кулева // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (39). – С. 45–49.
197. Игнатов, А.Н. Криминализация и декриминализация в уголовном праве России [Текст] / А.Н. Игнатов // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Сателлит, 2008. – С. 109–111.
198. Капинус, О. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса [Текст] / О. Капинус // Общественные науки и современность. – 2018. – № 4. – С. 37–46. – URL: <http://ras.jes.su/ons/s086904990000367-5-1> (дата обращения: 26.03.2019).

199. Каплин, М.Н. Правонарушение в уголовном праве [Текст] / М.Н. Каплин // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2008. – Вып. 12: Правонарушения. – С. 154–160.
200. Кауфман, М.А. Преступления и административные правонарушения: проблемы соотношения и квалификации [Текст] / М.А. Кауфман // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 109–118.
201. Кибальник, А.Г. Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве [Текст] / А.Г. Кибальник // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 119–125.
202. Кибальник, А.Г. Уголовный проступок и его правовые последствия [Текст] / А.Г. Кибальник // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 65–68.
203. Кирин, А.В. Современные интерпретации теории уголовного проступка в административном праве России [Текст] / А.В. Кирин, Н.И. Побежимова // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 20–25.
204. Клейменов, И.М. Криминализация общественных отношений [Текст] / И.М. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2013. – № 3 (36). – С. 200–207.
205. Клейменов, М.П. Административное и уголовное правонарушение: проступок и преступление [Текст] / М.П. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2016. – № 2 (47). – С. 172–177.
206. Кленова, Т.В. Общественная опасность – истинное свойство преступления [Текст] / Т.В. Кленова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 136–144.
207. Кобзева, Е.В. О содержании и соотношении понятий «общественная опасность» и «общественная вредность» деяний в общей теории права [Текст] / Е.В. Кобзева // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 12 (127). – С. 105–107.
208. Ковалев, М.И. Преступление и проступок [Текст] / М.И. Ковалев // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и

усилению борьбы с правонарушениями: межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1982. – С. 3–12.

209. Колосова, В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства [Текст] / В.И. Колосова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 5 (1). – С. 246–254.

210. Комбарова, Е.Л. Уголовный проступок как потенциальное звено российской системы классификации уголовно наказуемых деяний: сущность, возможные формы процессуального производства [Текст] / Е.Л. Комбарова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 1-2. – С. 53–56.

211. Кондрашков, Н.Н. Меры наказания в законе и на практике [Текст] / Н.Н. Кондрашков // Социалистическая законность. – 1968. – № 2. – С. 20–26.

212. Константинов, П.Ю. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений [Текст] / П.Ю. Константинов, А.К. Соловьева, А.П. Стуканов // Правоведение. – 2005. – № 3. – С. 58–74.

213. Коняхин, В.П. Право уголовных проступков как подотрасль российского уголовного права: прогностический анализ [Текст] / В.П. Коняхин, М.С. Жук // Российский следователь. – 2012. – № 23. – С. 6–8.

214. Коняхин, В.П. Система мер уголовно-правового характера: концептуальные основы построения [Текст] / В.П. Коняхин, В.В. Полтавец // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2020. – № 9. – С. 38–45.

215. Копченко, И.Е. Разграничение норм административного и уголовного законодательства в процессе юридической квалификации неправомерных действий [Текст] / И.Е. Копченко // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 5. – С. 82–85.

216. Коробеев, А.И. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? [Текст] / А.И. Коробеев, А.И. Ширшов // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 68–72.

217. Коробов, П.В. Уголовный проступок: «за» и «против» [Текст] / П.В. Коробов // Правоведение. – 1990. – № 5. – С. 90–96.
218. Корсун, Д.Ю. Понятие уголовного проступка как новой категории уголовного права России [Текст] / Д.Ю. Корсун // Юридическая наука. – 2017. – № 1. – С. 72–78.
219. Кругликов, Л.Л. О генезисе и современном состоянии учения о составе преступления [Текст] / Л.Л. Кругликов // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2008. – Вып. 12: Правонарушения. – С. 127–143.
220. Кругликов, Л.Л. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон [Текст] / Л.Л. Кругликов, В.Ф. Лапшин // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 80–84.
221. Кудрявцев, В.Н. Декриминализация (социально-правовой аспект) [Текст] / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов // Lex Russica (Русский закон). – 2005. – № 2. – С. 326–331.
222. Кузнецов, А.П. Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики [Текст] / Кузнецов А.П. // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 1 (35). – С. 16–18.
223. Курченко, В.Н. Парадигма административной преюдиции в уголовном праве [Текст] / В.Н. Курченко // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 2. – С. 10–21.
224. Лапунин, М.М. Вперед – в прошлое: к вопросу о криминализации недоносительства [Текст] / М.М. Лапунин // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги, проблемы, перспективы: матер. Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Рязань, 2016. – С. 210–212.
225. Лапунин, М.М. Нетранзитивность ответственности в праве и ее минимизация [Текст] / М.М. Лапунин // Вестник Саратовская государственная юридическая академия. – 2019. – № 3 (128). – С. 198–207.

226. Левченко, О.В. Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств в уголовном судопроизводстве [Текст] / О.В. Левченко // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2013. – № 2 (78). – С. 87–91.

227. Лесников, Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной и административной политики [Текст] / Г.Ю. Лесников // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 172–174.

228. Лобанова, Л.В. Об основании изменения судом категории преступления [Текст] / Л.В. Лобанова, Л.Н. Ларионова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 4 (55). – С. 53–61.

229. Лопашенко, Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! [Текст] / Н.А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 64–71.

230. Лопашенко, Н.А. Уголовный проступок в современной России: проекты, проблемы и прогнозы [Текст] / Н.А. Лопашенко // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по матер. IV Всероссийской науч.-практ. конф. (30 сентября 2019 г.). – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2019. – С. 229–232.

231. Майоров, В.И. Об общественной опасности административных правонарушений в области дорожного движения [Текст] / В.И. Майоров // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 13 (368). Вып. 42. – С. 43–47.

232. Малков, В.П. Административная преюдиция: за и против [Текст] / В.П. Малков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 58–64.

233. Малков, В.П. Право суда на изменение категории преступления [Текст] / В.П. Малков // Законность. – 2013. – № 11. – С. 35–38.

234. Мальцев, В.В. Предмет и метод уголовного права [Текст] / В.В. Мальцев // Правоведение. – 2004. – № 4. – С. 68–81.

235. Маркунцов, С.А. Генезис подходов к легальному и доктринальному определению уголовного проступка [Текст] / С.А. Маркунцов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 112–132.

236. Марцев, А.И. Общественная вредность и общественная опасность преступления [Текст] / А.И. Марцев // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 148–155.

237. Мелешко, Н.П. Уголовно-правовая природа административных правонарушений: проблемы совершенствования уголовного законодательства России [Текст] / Н.П. Мелешко // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова (27–28 мая 2004 г.). – М.: ЛексЭст, 2005. – С. 362–369.

238. Мещерякова, Т.Р. Классификация сроков в законодательстве об административной ответственности [Текст] / Т.Р. Мещерякова // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 3. – С. 101–111.

239. Михаль, О.А. Об уголовном проступке в российском уголовном праве [Текст] / О.А. Михаль, Ю.А. Власов // Современное право. – 2014. – № 3. – С. 110–115.

240. Морозов, В.И. Понятие состава преступления в отечественной теории уголовного права [Текст] / В.И. Морозов, С.Г. Лосев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 2 (40). – С. 16–21.

241. Морозова, Н.А. Состояние административной наказанности [Текст] / Н.А. Морозова // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74, № 9 (178). – С. 44–53.

242. Наумов, А.В. Концепция объекта преступления Е.И. Каиржанова как одно из наиболее ярких достижений национальной школы уголовного права Казахстана в советский и постсоветский периоды [Текст] / А.В. Наумов // Современные проблемы уголовной политики: международная коллективная монография / отв. ред.: Мизанбаев А.Е., Бекмагамбетов А.Б., Сергеев Д.Н. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. ун-та, 2019. – 290 с.

243. Наумов, А.В. О законодательной попытке устранить различие в ответственности за умышленные и неосторожные преступления [Текст] / А.В. Наумов // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2020. – № 9. – С. 65–69.
244. Незнамова, З.А. Преступления с административной преюдицией в Уголовном кодексе РФ: коллизии межотраслевого регулирования [Текст] / З.А. Незнамова // Российское право: образование, практика, наука. – 2015. – № 6. – С. 20–25.
245. Нечаев, А.Д. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы (де) криминализации деяний и их малозначительности [Текст] / А.Д. Нечаев, И.Ю. Янина // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 37–42.
246. Ображиев, К.В. Судебное толкование и судебное нормотворчество: проблемы соотношения [Текст] / К.В. Ображиев // Журнал российского права. – 2010. – № 3 (159). – С. 98–103.
247. Огородникова, Н.В. Криминализация и декриминализация в посткодификационный период (краткий обзор новелл в УК РФ 1996 г.) [Текст] / Н.В. Огородникова // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – 2012. – № 1 (24). – С. 101–104.
248. Пережогина, Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии [Текст] / Г.В. Пережогина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 4 (50). – С. 43–48.
249. Прокументов, Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний [Текст] / Л.М. Прокументов // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 4 (14). – С. 81–91.
250. Прохоров, Л.А. Изменение судом категории преступления и его влияние на установление вида рецидива: правовая обоснованность и практическая целесообразность [Текст] / Л.А. Прохоров, Е.А. Жарких // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию

УК РФ 1996 г.): матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (28–29 июня 2021 г.) / отв. ред.: В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2021. – С. 370–374.

251. Прохорова, М.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: pro et contra [Текст] / М.Л. Прохорова, Е.Б. Лупарев, М.Г. Горенко // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 12 (77). – С. 40–46.

252. Пудовочкин, Ю.Е. Основания, принципы и правила криминализации общественно опасных деяний в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин // Российское правосудие. – 2008. – № 5 (25). – С. 76–84.

253. Пудовочкин, Ю.Е. Изменение категории преступления судом: теоретико-прикладной анализ [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин, Н.В. Генрих // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 2 (73). – С. 3–10.

254. Пяшин, С.А. Внутреннее убеждение судьи при оценке доказательств [Текст] / С.А. Пяшин // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (58). – С. 99–103.

255. Рагозина, И.Г. Квалификация при малозначительности деяния: вопросы теории и практики [Текст] / И.Г. Рагозина, В.В. Бражников // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 1 (30). – С. 42–46.

256. Разгильдиев, Б.Т. Метод в уголовном праве и его содержание [Текст] / Б.Т. Разгильдиев // Конституция Российской Федерации – правовая основа развития современной российской государственности: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Конституции Российской Федерации (в рамках VI Саратовских правовых чтений, 19–20 сентября 2013 г.). – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2014. – С. 284–285.

257. Разгильдиев, Б.Т. Общественная опасность преступлений и ее структура [Текст] / Б.Т. Разгильдиев // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских право-

вых чтений, 29–30 сентября 2016 г.). – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2016. – С. 240–241.

258. Разгильдиев, Б.Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений [Текст] / Б.Т. Разгильдиев // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 2 (7). – С. 214–224.

259. Разгильдиев, Б.Т. Предмет уголовного права [Текст] / Б.Т. Разгильдиев // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: матер.науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. А.Н. Красикова (25–26 апреля 2002 г.). – Саратов, 2002. – С. 22–24.

260. Разгильдиев, Б.Т. Социальная природа состава преступления в уголовном праве России [Текст] / Б.Т. Разгильдиев // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения А.И. Марцева. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – С. 121–126.

261. Разгильдиев, Б.Т. Социальная результативность уголовного законодательства России и ее виды [Текст] / Б.Т. Разгильдиев // Право. Законодательство. Личность. – 2014. – № 2 (19). – С. 116–122.

262. Разгильдиев, Б.Т. «Момент истины» уголовного законодательства Российской Федерации [Текст] / Б.Т. Разгильдиев, А.В. Тарапыгин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. XIII междунар. науч.-практ. конф. (28–29 января 2016 г.). – М.: Проспект, 2016. – С. 21–24.

263. Решетникова, Г.А. Уголовный проступок: некоторые дискуссионные вопросы [Текст] / Г.А. Решетникова // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2021. – Т. 31, Вып. 2. – С. 291–297.

264. Рогова, Е.В. Межотраслевая дифференциация ответственности [Текст] / Е.В. Рогова // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: сб. Всерос. науч.-практ. конф. (27 апреля 2018 г.) / гл. ред. П.А. Капустюк, отв. ред. Р.А. Забавко. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2018. – С. 5–9.

265. Романова, Л.И. Проблемы развития уголовно-правовой и административно-деликтной политики в современной России [Текст] / Л.И. Романова, О.Е. Шишкина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 234–244.

266. Рудикова, Н.В. Криминализация общественных отношений (теоретико-правовой аспект) [Текст] / Н.В. Рудикова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. IV междунар. науч.-практ. конф. (27–28 мая 2004 г.). – М., 2007. – С. 75–79.

267. Серебренникова, А.В. Категоризация преступлений: проблемы правоприменения [Текст] / А.В. Серебренникова // Colloquium-journal. – 2020. – № 17 (69). – С. 46–50.

268. Сидоренко, Э.Л. О статусе потерпевшего в уголовном праве [Текст] / Э.Л. Сидоренко // Журнал российского права. – 2011. – № 4. – С. 77–84.

269. Сидоренко, Э.Л. К вопросу о целесообразности криминализации обещания и предложения взятки [Текст] / Э.Л. Сидоренко // Общество и право. – 2017. – № 1 (59). – С. 40–45.

270. Сирик, М.С. Состав преступления как правовая категория [Текст] / М.С. Сирик // Закон и жизнь. – 2018. – № 3. – С. 64–72.

271. Сирик, М.С. Состав преступления как основание уголовной ответственности [Текст] / М.С. Сирик, С.Н. Сирик // Новое слово в науке: перспективы развития: матер. VII Междунар. науч.-практ. конф. (15 янв. 2016 г.): в 2 т. – Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. – Т. 2. – С. 378–380.

272. Скрипченко, Н.Ю. Уголовный проступок: объективная потребность или декларируемая необходимость? [Текст] / Н.Ю. Скрипченко // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 14 (1–4), № 2. – С. 222–226.

273. Смирнов, А.В. О законопроекте Верховного Суда Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [Текст] / А.В. Смирнов // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по матер. V Междунар. науч.-практ. конф.

(Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 3 ноября 2017 г.). – СПб., 2017. – С. 322–324.

274. Соловей, Ю.П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании [Текст] / Ю.П. Соловей // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 2. – С. 56–63.

275. Старостин, С.А. Уголовный проступок: pro et contra [Текст] / С.А. Старостин // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 30. – С. 106–123.

276. Тверских, А.И. Уголовно-правовой компромисс: понятие и социальная сущность [Текст] / А.И. Тверских // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 40. С. 84–89.

277. Трахов, А.И. Динамизм и стабильность УК РФ 1996 г.: соотношение, перспективы сближения и влияние на правоприменительную практику [Текст] / А.И. Трахов // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (28–29 июня 2021 г.) / отв. ред.: В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 323–334.

278. Трухин, А.М. Тяжесть преступления как категория уголовного права [Текст] / А.М. Трухин // Уголовное право. – 2005. – № 2. – С. 59–61.

279. Федоров, А.В. Соотношение наркопреступлений и административных наркоправонарушений [Текст] / А.В. Федоров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 262–270.

280. Фефелов, П.А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний [Текст] / П.А. Фефелов // Советское государство и право. – 1970. – № 11. – С. 101–104.

281. Фефелов, П.А. Общественная опасность преступного деяния [Текст] / П.А. Фефелов // Советское государство и право. – 1977. – № 5. – С. 135–138.

282. Хайдаров, А.А. Право суда изменять категорию преступления на менее тяжкую [Текст] / А.А. Хайдаров // Законность. – 2015. – № 2. – С. 38–42.

283. Халитов, Р.К. Общественная опасность как основание криминализации деяния (в контексте криминализации деяний, обусловленных административной преюдицией) [Текст] / Р.К. Халитов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 271–275.

284. Хилюта, В.В. Уголовный проступок: быть или не быть? [Текст] / В.В. Хилюта // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 2 (89). – С. 147–152.

285. Цепелев, В.Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект [Текст] / В.Ф. Цепелев // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: матер. IV Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова (27–28 мая 2004 г.). – М.: ЛексЭст, 2005. – С. 631–633.

286. Цепелев, В.Ф. Малозначительность деяния в судебной практике и интересы потерпевшего [Текст] / В.Ф. Цепелев, Н.Э. Мартыненко // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 71–74.

287. Цепелев, В.Ф. Уголовно-политическая обусловленность уголовного законодательства [Текст] / В.Ф. Цепелев // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 124–127.

288. Цепелев, В.Ф. Конъюнктура в контексте оснований криминализации деяний и ее отражение в российском уголовном законе [Текст] / В.Ф. Цепелев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12 (52). – С. 18–22.

289. Шатилович, С.Н. Малозначительность деяния как основание устранения уголовной ответственности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) [Текст] / С.Н. Шатилович // Вестник ГУВД Тюменской области. – 2005. – № 2. – С. 46–49.

290. Шергин, А.П. Проблемы административно-деликтного права [Текст] / А.П. Шергин // Государство и право. – 1994. – № 8-9. – С. 52–61.

291. Юнусов, А.А. Административная преюдиция в российском уголовном праве [Текст] / А.А. Юнусов, Т.В. Серкова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 1. – С. 278–282.

292. Якубов, А.Е. Проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности [Текст] / А.Е. Якубов // Вестник Московского университета. – Сер. 11, Право. – 2009. – № 6. – С. 43–54.

293. Янина, И.Ю. Инструменты признания криминализованного деяния уголовным проступком (на примере преступлений против личности) [Текст] / И.Ю. Янина // Журнал российского права. – 2020. – № 1. – С. 112–121.

3. Диссертации и авторефераты диссертаций

294. Авдалян, М.Э. Основание криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М.Э. Авдалян. – М., 2015. – 199 с.

295. Акинина, Н.Ю. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности жилища: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.Ю. Акинина. – Тюмень, 2008. – 19 с.

296. Аликперов, Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Х.Д. Аликперов. – М., 1992. – 36 с.

297. Альференко, А.В. Метод регулирования в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Альференко. – Екатеринбург, 2013. – 29 с.

298. Андреев, И.В. Теоретико-правовые основы квалификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.В. Андреев. – Омск, 2000. – 25 с.

299. Антонов, А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Д. Антонов. – М., 2001. – 29 с.

300. Архенгольц, И.А. Судимость и ее общеправовые последствия: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.А. Архенгольц. – Екатеринбург, 2018. – 256 с.

301. Багиров, Ч.М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Ч.М. Багиров. – Тюмень, 2005. – 168 с.

302. Бондаренко, В.Е. Основание уголовно-правовой охраны и ее прекращение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.Е. Бондаренко. – Саратов, 2014. – 30 с.

303. Булгаков, Д.Б. Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Д.Б. Булгаков. – Ставрополь, 2000. – 32 с.

304. Волженкин, Б.В. Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Б.В. Волженкин. – Л., 1964. – 21 с.

305. Галастян, И.Ш. Освобождение от уголовной ответственности в связи с положительным постпреступным поведением виновного: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.Ш. Галастян. – Ростов-н/Д, 2007. – 27 с.

306. Гогин, А.А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / А.А. Гогин. – Казань, 2011. – 52 с.

307. Гонтарь, И.Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.Я. Гонтарь. – Владивосток, 1997. – 26 с.

308. Грачева, Ю.В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Ю.В. Грачева. – М., 2011. – 37 с.

309. Грошев, А.В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / А.В. Грошев. – Екатеринбург, 1997. – 61 с.

310. Грунтов, И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.О. Грошев. – Минск, 1985. – 22 с.

311. Грызунова, Е.В. Правонарушение и юридическая ответственность в их соотношении: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.В. Грызунова. – Саратов, 2002. – 246 с.

312. Жуковский, В.И. Субъект преступления в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.И. Жуковский. – Ставрополь, 2002. – 22 с.

313. Зуй, И.И. Криминализация деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.И. Зуй. – Ростов н/Д, 2009. – 27 с.

314. Иванчин, А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / А.В. Иванчин. – Екатеринбург, 2015. – 50 с.

315. Ивонин, В.Ю. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части уголовного законодательства и его применение органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.Ю. Ивонин. – М., 1992. – 20 с.

316. Кадников, Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Н.Г. Кадников. – М., 2000. – 53 с.

317. Кольцов, Е.Г. Субъект преступления в уголовном праве Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.Г. Кольцов. – М., 2009. – 24 с.

318. Коршиков, И.В. Принцип гуманизма в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.В. Коршиков. – Саратов, 1999. – 21 с.

319. Крылова, Н.Е. Уголовное право и биоэтика: уголовно-правовые проблемы применения современных биомедицинских технологий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Н.Е. Крылова. – М., 2006. – 54 с.

320. Кузьмина, О.Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы оптимизации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О.Н. Кузьмина. – Краснодар, 2020. – 210 с.

321. Кулева, Л.О. Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Л.О. Кулева. – Ярославль, 2019. – 244 с.

322. Курбанов, А.О. Социально-правовая сущность преступления и категории преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.О. Курбанов. – М., 2006. – 22 с.

323. Курбанова, А.С. Уголовно-правовые отношения и уголовная ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.С. Курбанова. – Челябинск, 2010. – 24 с.

324. Львова, Е.А. Социальная и юридическая сущность преступления (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.А. Львова. – М., 2003. – 24 с.

325. Макаров, А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Д. Макаров. – М., 2004. – 176 с.

326. Малахова, В.Ю. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности жилища в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.Ю. Малахова. – М., 2001. – 24 с.

327. Мальцагов, И.Д. Криминализация деяний в законодательстве Российской Федерации (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.Д. Мальцагов. – М., 2007. – 26 с.

328. Махоткин, В.П. Преступления, не представляющие большой общественной опасности: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / В.П. Махоткин. – М., 1992. – 29 с.

329. Маштаков, И.В. Сравнительно-правовая характеристика правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.В. Маштаков. – Казань, 2005. – 25 с.

330. Мицкевич, А.Ф. Принцип соответствия наказания общественной опасности преступления в советском уголовном праве: понятие, обоснование, законодательное закрепление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Ф. Мицкевич. – Томск, 1985. – 20 с.

331. Мотин, О.А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / О.А. Мотин. – Волгоград, 2005. – 31 с.

332. Мустафаев, Ч.Ф. Административная преюдиция в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Ч.Ф. Мустафаев. – М., 1986. – 25 с.

333. Нечаев, А.Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Д. Нечаев. – Саратов, 2017. – 33 с.

334. Николаев, А.М. Криминализация общественно опасных деяний, граничащих со сферой административных правонарушений: основания и направления совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.М. Николаев. – Н. Новгород, 2004. – 29 с.

335. Пермяков, Ю.Е. Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Ю.Е. Пермяков. – М., 1989. – 23 с.

336. Подройкина, И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / И.А. Подройкина. – Ростов н/Д., 2017. – 498 с.

337. Пономаренко, Е.В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Е.В. Пономаренко. – Саратов, 2007. – 229 с.

338. Радошнова, Н.В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.В. Радошнова. – Саратов, 2015. – 28 с.

339. Ратьков, А.Н. Правовое значение классификации преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Н. Ратьков. – Ростов-н/Д, 2002. – 30 с.

340. Рогова, Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Е.В. Рогова. – М., 2014. – 596 с.

341. Семин, А.А. Уголовно-правовой компромисс и его влияние на ответственность субъекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Семин. – Минск, 2006. – 21 с.

342. Смирнов, В.Г. Функции советского уголовного права: предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / В.Г. Смирнов. – Л., 1965. – 39 с.

343. Соловьев, А.Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Н. Соловьев. – Волгоград, 2000. – 241 с.

344. Солодков, И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.А. Солодков. – Саратов, 2013. – 24 с.

345. Сотсков, Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Ф.Н. Сотсков. – М., 2009. – 27 с.

346. Сумачев, А.В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Сумачев. – Рязань, 1997. – 25 с.

347. Суслин, А.В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Суслин. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.

348. Тарханов, И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / И.А. Тарханов. – Казань, 2002. – 55 с.

349. Урда, М.Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное предпринимательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / М.Н. Урда. – М., 2010. – 26 с.

350. Фаргиев, И.А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / И.А. Фаргиев. – М., 2005. – 38 с.

351. Фефелов, П.А. Механизм уголовно-правовой охраны: основные методологические проблемы: дис. в форме науч. докл. ... д-ра юрид. наук по совокупности опубликованных работ, выполняющего также функции автореферата [Текст] / П.А. Фефелов. – Екатеринбург, 1993. – 50 с.

352. Шатихина, Н.С. Институт медиации в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.С. шатихина. – СПб., 2004. – 25 с.

353. Шитов, А.Н. Моральные основания права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Н. Шитов. – М., 1996. – 20 с.

354. Щербаков, В.В. Уголовная ответственность, ее основание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Щербаков. – Саратов, 1998. – 22 с.

4. Публикации на иностранных языках

355. Brown, T.R. Why We Fear Genetic Informants: Using Genetic Genealogy to Catch Serial Killers [Text] / T.R. Brown // Columbia Science and Technology Law Review. – 2019. – No. 21 (1). – P. 114–181.

356. Caenazzo, L. New Frontiers and Old Challenges: How to Manage Incidental Findings When Forensic Diagnosis Goes Beyond [Text] / L. Caenazzo, P. Tozzo, K. Dierickx // Diagnostics (Basel). – 2020. – No.10 (9). – P. 731.

357. Williams, R. Social and ethical aspects of forensic genetics: A critical review [Text] / R. Williams, M. Wienroth // Forensic Science Review. – 2017. – No. 29 (2). – P. 145-169.

III. Энциклопедии и словари

358. Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Текст] – М.: Мысль, 2010. – Т. 3. – 692 с.

359. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.

IV. Материалы судебной практики

360. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 45, ст. 5203.

361. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 14, ст. 1302.

362. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона “О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации”, Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александра и других» [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 18, ст. 2058.

363. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности” и пункта 4 статьи 1 Федерального закона О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопро-

сам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности” в связи с жалобами граждан А.И. Заляутдинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Чередняк» [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 26, ст. 3932.

364. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 19, ст. 2812.

365. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной» [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 10, ст. 1415.

366. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 уголовного кодекса российской федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2021).

367. Определение Конституционного Суда РФ от 23 октября 2014 г. № 2513-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габдрахманова Рамиля Равилевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 222 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.01.2021).

368. Определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 г. № 1627-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Костарева Дениса Федоровича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // До-

ступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2022).

369. Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2017 г. № 560-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дреева Романа Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8, 14 и части первой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 29, 73 - 75, 85 - 88 и 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 13 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 года № 522» [Электронный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2022).

370. Определение Конституционного Суда РФ от 25 мая 2017 г. № 1014-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киселева Андрея Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом “а” части третьей статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями первой и второй статьи 7, статьями 14, 17 и 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2022).

371. Определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. – URL: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 16.07.2019).

372. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте

оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 5.

373. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 9.

374. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 11.

375. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8.

376. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

377. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/24308/> (дата обращения: 30.11.2017).

378. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 7.

379. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 3.

380. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 17.04.2021).

381. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 августа 2006 г. по делу № 64-ДП06-12 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Судебная ситема Российской Федерации» – URL: http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_35614.htm (дата обращения: 19.07.2021).

382. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 июня 2020 г. по делу № 46-УД20-9 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.12.2021).

383. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 августа 2020 г. по делу № 15-УДП20-7-К1 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.03.2021).

384. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 июня 2021 г. по делу № 3-УДП21-16-К3 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2022).

385. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 ноября 2021 г. по делу № 3-УДП21-23-К3 [Электрон-

ный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2022).

386. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 ноября 2021 г. по делу № 1-УДП21-15-К3 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2022).

387. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 января 2022 г. по делу № 1-78-УДп21-48-К3 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2022).

388. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. по делу № 67-УД21-24 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2027650 (дата обращения: 15.04.2022).

389. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2011 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 июня 2011 г.) [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 9.

390. Обзор судебной практики по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции за 2021 г. (утв. постановлением президиума Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 апреля 2021 г.) [Электронный ресурс]. – URL.: https://files.sudrf.ru/2873/docum_sud/doc20210427-140840.docx. (дата обращения: 17.12.2021).

391. Определение судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июля 2021 г. по делу № 77-3375/2021 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.01.2022).

392. Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 30 мая 2018 г. по делу № 22-988/2018 [Текст] // Архив Ульяновского областного суда за 2019 г.

393. Справка по результатам обобщения судебной практики применения судами Иркутской области законодательства, регламентирующего основания и порядок прекращения уголовного дела и уголовного преследования, освобождения от уголовной ответственности, за 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Иркутского областного суда. – URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=557 (дата обращения: 17.02.2020).

394. Приговор Иркутского областного суда от 29 января 2020 г. по делу № 2-4/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TO0FxtXwmsJ0/> (дата обращения: 12.05.2021).

395. Постановление Президиума Брянского областного суда от 22 августа 2018 г. по делу № 44У-61/2018 [Текст] // Архив Брянского областного суда за 2018 г.

396. Приговор Заинского городского суда Республики Татарстан от 15 июня 2018 г. по делу № 1-33/2018 [Текст] // Архив Заинского городского суда Республики Татарстан за 2018 г.

397. Приговор Карталинского городского суда Челябинской области от 1 сентября 2015 г. по делу № 1-159/2015 [Текст] // Архив Карталинского городского суда Челябинской области за 2015 г.

V. Электронные ресурсы

398. Куликов В. Суды начали активно прекращать дела по малозначительным преступлениям [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 10.01.2022).

399. Саратовский областной суд вынес приговор «вору в законе» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Саратовского областного суда. – URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 03.08.2021).

ПРИЛОЖЕНИЯ

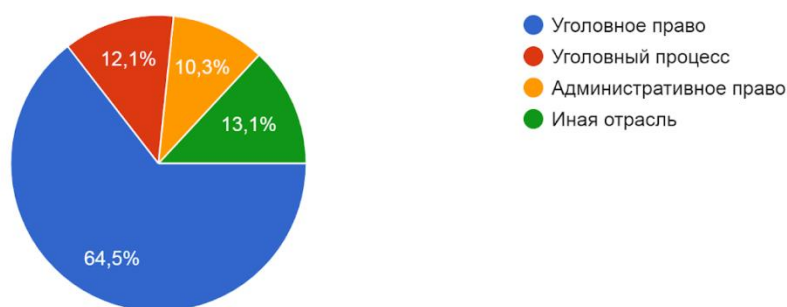
Приложение 1. Результаты электронного анкетирования представителей научного сообщества

по вопросам уголовного правонарушения и уголовного проступка

Электронное анкетирование и подведение его итогов осуществлялись посредством облачного сервиса «Google Формы». В анкетировании приняли участие 107 ученых.

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Пожалуйста, укажите сферу Ваших научных интересов	Уголовное право	69	64,5
	Уголовный процесс	13	12,1
	Административное право	11	10,3
	Иная отрасль	14	13,1

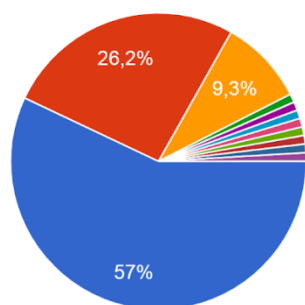
Пожалуйста, укажите сферу Ваших научных интересов
107 ответов

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Как Вы полагаете, является ли уголовное правонарушение родовым понятием по отношению к преступлению и уголовному проступку?	Да, уголовное правонарушение является таковым	61	57
	Нет, поскольку преступление и уголовный проступок не обладают единой природой	28	26,2
	Затрудняюсь ответить	10	9,3
	Другое	8	7,2

Как Вы полагаете, является ли уголовное правонарушение родовым понятием по отношению к преступлению и уголовному проступку?

107 ответов

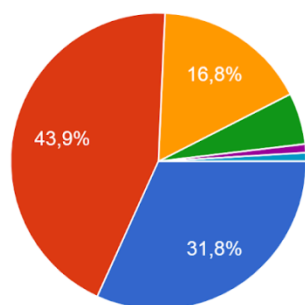
- Да, уголовное правонарушение является родовым понятием по отношению к преступлению и уголовному проступку
- Нет, поскольку преступление и уголовное правонарушение являются самостоятельными понятиями
- Затрудняюсь ответить
- Пока такого понятия не существует
- Уголовное правонарушение как понятие включает в себя и преступление, и проступок
- Сейчас это одно и то же
- Нет, уголовный проступок это преступление

▲ 1/2 ▼

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Считаете ли Вы приемлемой позицию Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой уголовный проступок признается преступлением?	Да, поскольку уголовный проступок наделяется всеми конструктивными признаками преступления	34	31,8
	Нет, так как уголовный проступок не характеризуется общественной опасностью, свойственной преступлению	47	43,9
	Нет, поскольку уголовный проступок образует «буферное» правонарушение между административным деликтом и преступлением	18	16,8
	Затрудняюсь ответить	6	5,6
	Другое	2	1,8

Считаете ли Вы приемлемой позицию Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой уголовный проступок признается преступлением?

107 ответов

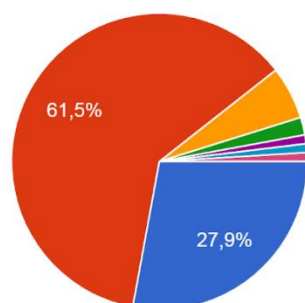
- Да, поскольку уголовный проступок наделяется всеми конструктивными признаками преступления
- Нет, так как уголовный проступок не характеризуется общественной опасностью, свойственной преступлению
- Нет, поскольку уголовный проступок образует «буферное» правонарушение между административным деликтом и преступлением
- Затрудняюсь ответить
- Нет, она противоречива
- Нет, поскольку уголовный проступок не должен иметь будущего

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
На Ваш взгляд,			

можно ли признать уголовный проступок категорией преступления?	Да, уголовный проступок следует рассматривать в качестве самостоятельной категории преступления, объединяющей деяния минимальной общественной опасности	29	27,9
	Нет, поскольку уголовный проступок является самостоятельной разновидностью уголовного правонарушения	64	61,5
	Затрудняюсь ответить	6	5,8
	Другое	5	4,9

На Ваш взгляд, можно ли признать уголовный проступок категорией преступления?

104 ответа

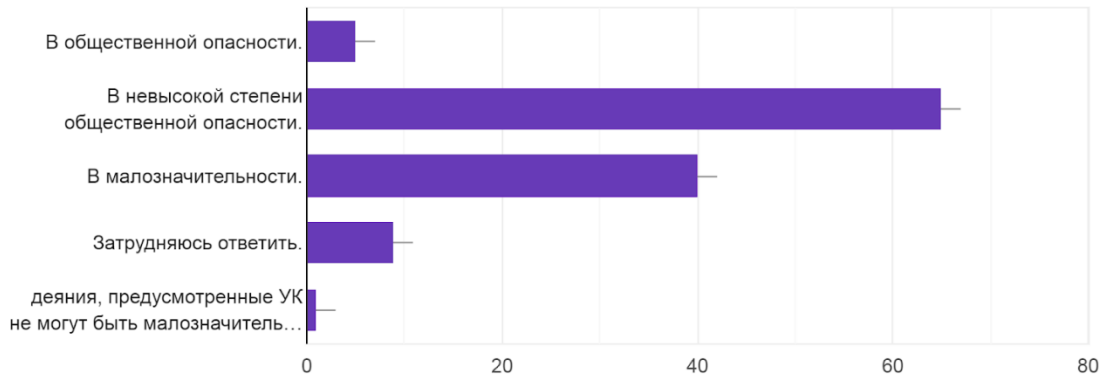

- Да, уголовный проступок следует рассматривать в качестве самостоя...
- Нет, поскольку уголовный проступок является самостоятельной разнови...
- Затрудняюсь ответить.
- Нет
- см ответ на вопрос 1
- Ответ кроется в синтетическом наполнении этого понятия.
- Не имеет отношения, к уголовно нак...

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
В чем, по-вашему, выражается материальная сторона уголовного проступка?	В общественной опасности	5	4,7
	В невысокой степени общественной опасности	65	61,3
	В малозначительности	40	37,7
	Затрудняюсь ответить	9	8,5
	Другое	1	0,9

В чем, по-вашему, выражается материальная сторона уголовного проступка?

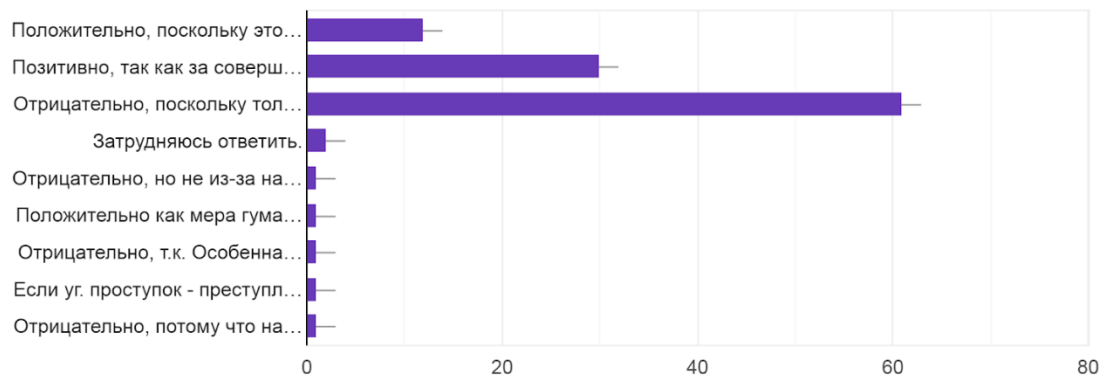
106 ответов

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Как Вы оцениваете возможность включения в уголовный закон понятия уголовного проступка, заведомо исключающего угрозу наказания за совершение определенных деяний?	Положительно, поскольку это свидетельствует о либерализации отрасли уголовного законодательства	12	11,2
	Позитивно, так как за совершение уголовного проступка могут предусматриваться иные меры уголовно-правового характера	30	28
	Отрицательно, поскольку только угроза наказания эффективно удерживает правоисполнителей от совершения деяний, предусмотренных уголовным законом	61	57
	Затрудняюсь ответить	2	1,9
	Другое	5	4,5

Как Вы оцениваете возможность включения в уголовный закон понятия уголовного проступка, заведомо исключающего угрозу наказанием за совершение определенных деяний?

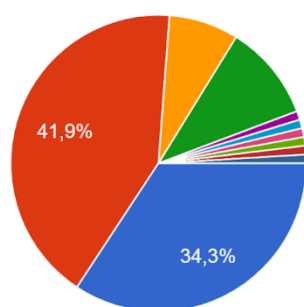
107 ответов

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Существует ли, по Вашему убеждению, необходимость ограничения понятия уголовного проступка деяниями, относящимися к определенным категориям преступлений?	Да, уголовный проступок должен характеризовать только деяния, относящиеся к категории преступлений небольшой тяжести	36	34,3
	Да, уголовный проступок целесообразно ограничить деяниями, относящимися к категориям преступлений небольшой и средней тяжести	44	41,9
	Нет, подобных ограничений быть не должно	8	7,6
	Затрудняюсь ответить	11	10,5
	Другое	6	6

Существует ли по Вашему убеждению необходимость ограничения понятия уголовного проступка деяниями, относящимися к определенным категориям преступлений?

105 ответов

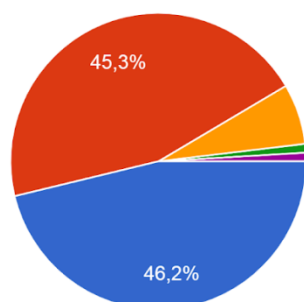

- Да, уголовный проступок должен ха...
 - Да, уголовный проступок целесообр...
 - Нет, подобных ограничений быть не...
 - Затрудняюсь ответить.
 - Уголовный проступок нельзя форми...
 - Небольшой тяжести, но не все прес...
 - Совершил кражу 1000 рублей у род...
 - Уголовный проступок - не преступле...
- ▲ 1/2 ▼

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Разделяете ли Вы позицию Пленума Верховного Суда РФ о необходимости конкретизации перечня деяний, которые могут признаваться уголовными проступками?	Да, подобная конкретизация необходима для ограничения круга объектов, причинение вреда которым может оцениваться в качестве уголовного проступка	49	46,2
	Нет, поскольку подобный подход противоречит смыслу выделения четырех уровней общественной опасности, отраженных категориями преступлений	48	45,3
	Затрудняюсь ответить	7	6,6
	Другое	2	1,8

Разделяете ли Вы позицию Пленума Верховного Суда РФ о необходимости конкретизации перечня деяний, которые могут признаваться уголовными проступками?

106 ответов

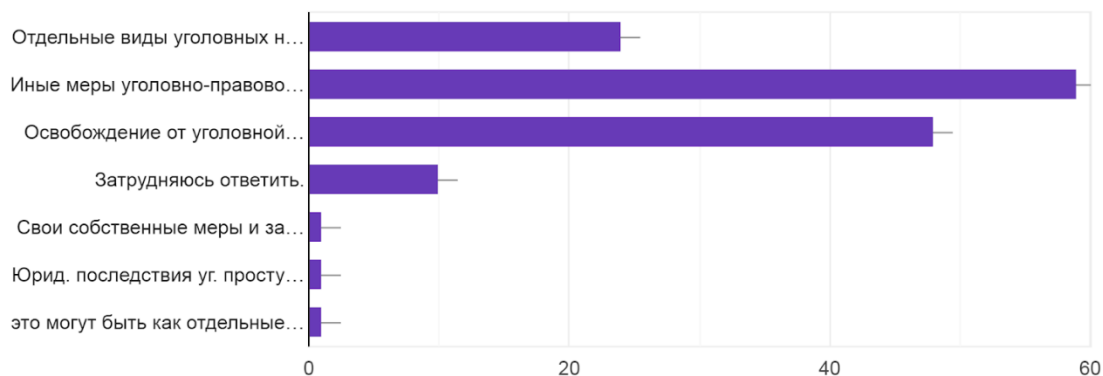

- Да, подобная конкретизация необходима для ограничения круга объектов, причинение вреда которы...
- Нет, поскольку подобный подход противоречит смыслу выделения четырех уровней общественной опа...
- Затрудняюсь ответить.
- Нет
- Такая конкретизация, в принципе, возможна. Но при чем тут уг. просту...

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Какое юридическое последствие уголовного проступка Вы рассматриваете в качестве наиболее предпочтительного для обеспечения уголовно-правовых задач?	Отдельные виды уголовных наказаний	24	22,6
	Иные меры уголовно-правового характера	59	55,7
	Освобождение от уголовной ответственности	48	45,3
	Затрудняюсь ответить	10	9,4
	Другое	3	2,7

Какое юридическое последствие уголовного проступка Вы рассматриваете в качестве наиболее предпочтительного для обеспечения уголовно-правовых задач?

106 ответов

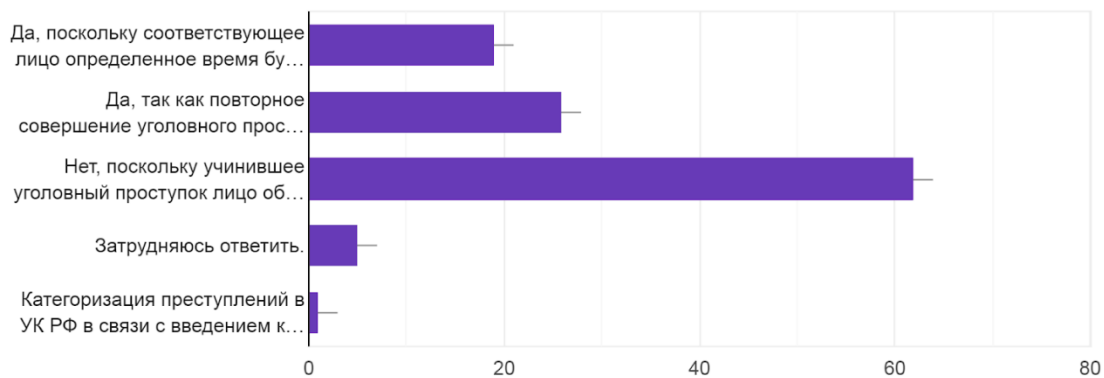

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Как Вы полагаете, целесообразно ли устанавливать правовые последствия совершения уголовного проступка,	Да, поскольку соответствующее лицо определенное время будет носителем общественной опасности	19	17,8
	Да, так как повторное совершение уголовного проступка должно оце...	26	24,3

аналогичные судимости?	ниваться как преступление		
	Нет, поскольку учинившее уголовный проступок лицо общественной опасности не представляет	62	57,9
	Затрудняюсь ответить	5	4,7
	Другое	1	0,9

Как Вы полагаете, целесообразно ли устанавливать правовые последствия совершения уголовного проступка, аналогичные судимости?

107 ответов

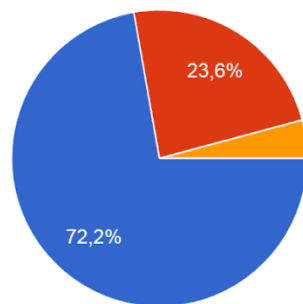
Приложение 2. Результаты электронного анкетирования судей и работников аппарата суда по вопросам уголовного проступка

Электронное анкетирование и подведение его итогов осуществлялись посредством облачного сервиса «Google Формы». В анкетировании приняли участие 72 судьи и работника аппарата суда.

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Как Вы полагаете, существует ли объективная необходимость включения в содержание уголовного законодательства понятия уголовного проступка?	Да, подобное нововведение будет соответствовать тенденции либерализации уголовного закона	52	72,2
	Нет, поскольку уголовное право должно давать оценку исключительно преступлению	17	23,6
	Затрудняюсь ответить	3	4,2
	Другое	0	0

Как Вы полагаете, существует ли объективная необходимость включения в содержание уголовного законодательства понятия уголовного проступка?

72 ответа

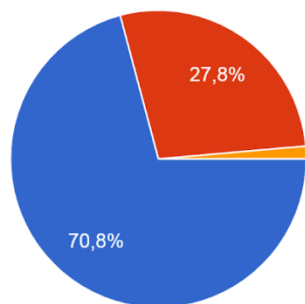
- Да, подобное нововведение будет соответствовать тенденции либерализации уголовного закона.
- Нет, поскольку уголовное право должно давать оценку исключительно преступлению.
- Затрудняюсь ответить.

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
На Ваш взгляд, каким образом отношение некоторых уголовно-правовых деяний к разновидностям уголовного проступка отразится на качестве обеспечения задач уголовного права?	Положительно, поскольку оценка деяния в качестве уголовного проступка будет стимулировать виновное лицо к соблюдению обязанности по воздержанию от совершения преступления	51	70,8
	Отрицательно, так как уголовный проступок не предполагает эффективных мер воздействия на виновного	20	27,8
	Затрудняюсь ответить	1	1,4

	Другое	0	0
--	--------	---	---

На Ваш взгляд, каким образом отнесение некоторых уголовно-правовых деяний к разновидностям уголовного проступка отразит...ачестве обеспечения задач уголовного права?

72 ответа

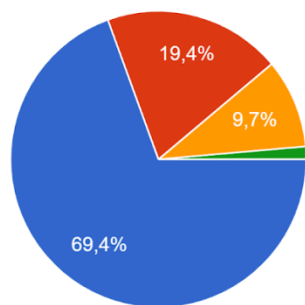

- Положительно, поскольку оценка деяния в качестве уголовного проступка будет стимулировать виновное лицо к соблюдению обязанности по воздержанию от совершения преступления.
- Отрицательно, так как уголовный проступок не предполагает эффективных мер воздействия на виновного.
- Затрудняюсь ответить.

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
На Ваш взгляд, должны ли быть расширены полномочия суда по установлению признаков уголовного проступка?	Да, уголовный проступок должен констатироваться судом с учетом обстоятельств содеянного и личности виновного лица	50	69,4
	Нет, на законодательном уровне достаточно закрепить формальные признаки уголовного проступка	14	19,4
	Затрудняюсь ответить	7	9,7
	Другое	1	1,4

На Ваш взгляд, должны ли быть расширены полномочия суда по установлению признаков уголовного проступка?

72 ответа

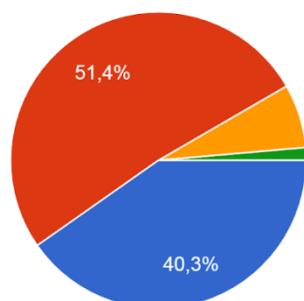
- Да, уголовный проступок должен констатироваться судом с учетом обстоятельств содеянного и личности виновного лица.
- Нет, на законодательном уровне достаточно закрепить формальные признаки уголовного проступка.
- Затрудняюсь ответить.
- Суды итак перегружены.

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Какие деяния, по Вашему мнению, должны относиться к разновидностям уголовного проступка?	Деяния, относящиеся к категории преступлений небольшой тяжести	29	40,3
	Деяния, относящиеся к категориям преступлений небольшой и средней тяжести	37	51,4

	Затрудняюсь ответить	5	6,9
	Другое	1	1,4

Какие деяния, по Вашему мнению, должны относиться к разновидностям уголовного проступка?

72 ответа

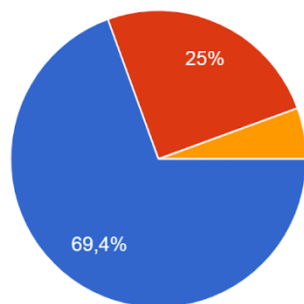

- Деяния, относящиеся к категории преступлений небольшой тяжести.
- Деяния, относящиеся к категориям преступлений небольшой и средней тяжести.
- Затрудняюсь ответить.
- Отдельная категория

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Разделяете ли Вы позицию Пленума Верховного Суда РФ о необходимости конкретизации перечня деяний, которые могут признаваться уголовными проступками?	Да, подобная конкретизация необходима для ограничения круга объектов, причинение вреда которым может оцениваться в качестве уголовного проступка	50	69,4
	Нет, поскольку подобный подход противоречит смыслу выделения четырех уровней общественной опасности, отраженных категориями преступлений	18	25
	Затрудняюсь ответить	4	5,6
	Другое	0	0

Разделяете ли Вы позицию Пленума Верховного Суда РФ о необходимости конкретизации перечня деяний, которые могут признаваться уголовными проступками?

72 ответа

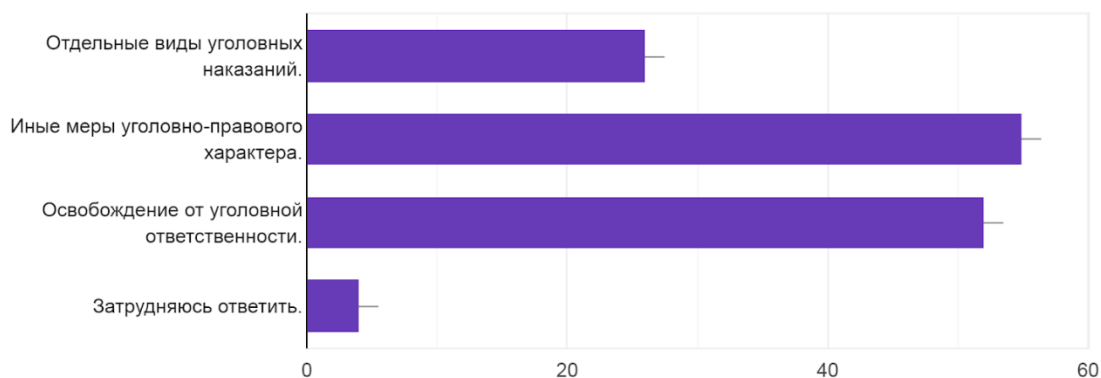
- Да, подобная конкретизация необходима для ограничения круга объектов, причинение вреда которым может оцениваться в качестве уголовного проступка.
- Нет, поскольку подобный подход противоречит смыслу выделения четырех уровней общественной опасности, отраженных категориями преступлений.
- Затрудняюсь ответить.

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Какое юридическое			

последствие уголовного проступка Вы рассматриваете в качестве наиболее предпочтительного для обеспечения уголовно-правовых задач?	Отдельные виды уголовных наказаний	26	36,1
	Иные меры уголовно-правового характера	55	76,4
	Освобождение от уголовной ответственности	52	72,2
	Затрудняюсь ответить	4	5,6
	Другое	0	0

Какое юридическое последствие уголовного проступка Вы рассматриваете в качестве наиболее предпочтительного для обеспечения уголовно-правовых задач?

72 ответа

Вопрос	Полученные ответы		
	Варианты ответов	Кол-во	%
Как Вы полагаете, целесообразно ли устанавливать правовые последствия совершения уголовного проступка, аналогичные судимости?	Да, поскольку соответствующее лицо определенное время будет носителем общественной опасности	28	38,9
	Да, так как повторное совершение уголовного проступка должно оцениваться как преступление	43	59,7
	Нет, поскольку учинившее уголовный проступок лицо общественной опасности не представляет	24	33,3
	Затрудняюсь ответить	5	6,9
	Другое	0	0

Как Вы полагаете, целесообразно ли устанавливать правовые последствия совершения уголовного проступка, аналогичные судимости?

72 ответа

